Георгий Владимирович ВЕРНАДСКИЙ

ИСТОРИЯ РОССИИ

Киевская РУСЬ

ИСТОРИЯ РОССИИ

KIEVAN RUSSIA

BY

GEORGE VERNADSKY

PROFESSOR OF RUSSIAN HISTORY

YALE UNIVERSITY

NEW HAVEN

YALE UNIVERSITY PRESS

LONDON · GEOFFREY CUMBERLEGE · OXFORD UNIVERSITY PRESS

1948

Георгий Владимирович ВЕРНАДСКИЙ

ИСТОРИЯ РОССИИ

Киевская РУСЬ

Тверь Москва
ЛЕАН АГРАФ
1996

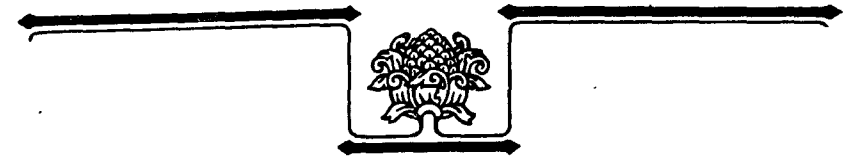
ББК 63.3.(2)4
В35

Редакция выражает благодарность
Андрееву Алексею Алексеевичу (г. Тверь)
за неоценимую помощь
в осуществлении настоящего издания.

Оформление: ***Корольков В. А., Скаковская О. Е.***

© Издательство ЛЕАН. 1996 г.
© Издательство АГРАФ (оформление). 1996 г.
© Беренштейн Е. П., Губман Б. Л., Строганова О. В. (перевод) 1996 г.
© Николаев Б. А. (подготовка текста и публикация). 1996 г.

ISBN 5-85929-024-1



ПРЕДИСЛОВИЕ

Киевская Русь - т. е. Русь в период от прихода варягов до монгольского вторжения - известна нам значительно лучше, нежели древняя, докиевская Русь. Исследователь киевского периода имеет в своем распоряжении больше письменных источников, чем предлагает ему древняя эра, и по контрасту с предшествующим периодом славянские документы занимают важное место среди этих источников. Более того, русские киевского периода были уже сами заинтересованы своей историей; первая история киевского периода была написана современником в начале двенадцатого столетия. С этого времени киевский период подвергался рассмотрению во всех основных сочинениях по истории России, и в течение девятнадцатого и двадцатого столетий многие поколения историков изучали все более детализированно различные аспекты жизни и цивилизации в этот период. Возрождение интереса к Киевской Руси особенно заметно в советской историографии, и много ценных монографических исследований недавно добавилось к тем, что были опубликованы до революции.

Итак, на первый взгляд задача, с которой сталкивается исследователь Киевской руси, кажется не столь сложной, как познавание древней Руси, и все же ее изучение само по себе предлагает достаточно загадок и дискуссионных проблем. Хотя мы и обладаем современными письменными документами, которые составляют важные свидетельства, они немногочисленны по сравнению с доступными для изучения Западной Европы того же периода, а имеющиеся лакуны зачастую слишком широки, чтобы их преодолеть.

Кроме того, хотя и существует обширная литература по многим важным темам киевской истории, в ней также присутствуют лакуны, и зачастую нет научного согласия даже по поводу главных проблем. Я должен поэтому предложить мою собственную интерпретацию многих аспектов русской истории этого периода. Не каждый читатель может принять мое решение по всем вопросам, однако я надеюсь, что попытка переоценки дискутируемых историографических тем и критика источников помогут лучше понять русскую историю.

Добросовестный читатель может захотеть сам обратиться к источникам, с тем чтобы непосредственно познакомиться с описанным обществом и использовать свое собственное суждение в понимании его жизни. К счастью, по крайней мере три основных источника для изучения Киевской Руси в настоящий момент доступны на английском языке. Так называемая русская «первая летопись» («Повесть временных лет») была переведена Самуэлем Г. Кроссом и опубликована издательством Гарвардского университета (1927 г.). Кросс также подготовил новый перевод «Слова о полку Игореве», который должен появиться в «Игоревом томе» «Ежегодника института восточной и славянской филологии и истории» (1948 г.). Наиболее важный юридический документ этого периода - древнейший русский кодекс законов («Русская Правда») был переведен автором настоящего тома. Он опубликован в собрании, озаглавленном «Средневековые русские законы» («Памятники цивилизации», № 41, издательство Колумбийского университета, 1947 г.), и читатель «Киевской руси» может использовать его как дополнение к этому изданию.

Следует сказать несколько слов о структуре этого тома. Хронологическое повествование чередуется в нем с систематическим рассмотрением различных аспектов Киевской цивилизации. Последняя глава являет собою попытку предложить общую картину взаимоотношений киевского периода между русскими и другими нациями, с тем, чтобы дать возможность понимания особого положения России в средневековом мире. Недостатком такой структуры является то, что она делает неизбежными некоторые повторения. Автор, однако, полагает, что достоинства метода превалируют над его недостатками, поскольку никакая адекватная идея развития нации - в данном случае русской нации - не может быть получена лишь путем простого хронологического обозрения фактов.

Так же как и при подготовке «Древней Руси», я многое получил от помощи и советов друзей и коллег. Роман Якобсон любезно согласился прочесть всю рукопись. Его комментарии и предложения в филологической и иных областях оказались бесценными. Среди обсужденных с ним проблем было славянское язычество, по поводу которого я также имел возможность проконсультироваться с Вальтером Бруно Хеннингом и Всеволодом Базановым. Вне сомнения, ни один из этих ученых не является ответственным за какие-либо неортодоксальные заключения, содержащиеся в этой книге. Георгий Петрович Федотов позволил мне причитать в рукописи свое сочинение «Русское религиозное сознание: киевское христанство», и хотя я не могу принять все его выводы, это чтение чрезвычайно мне помогло. Я хочу также выразить мою признательность Якобу Бромбергу, Николаю Мартиновичу и Владимиру Минорскому за ценные предложения, а Пьеру Ковалевскому и Сергею Якобсону за библиографические справки. И наконец, не в последнюю очередь, я обязан моей жене Нине Вернадской за помощь в подготовке раздела о русской музыке. Карта исполнена Николаем Крижановским - членом Американского географического общества.

Автор должен также поблагодарить за помощь персонал библиотеки Йельского университета, издательский отдел «Йель Юниверсити Пресс», мисс Аннабел Лёрнд и миссис Франк МакМуллен за их помощь в подготовке рукописи к печати.

Выражаю также признательность за любезное разрешение цитировать опубликованные ими книги издательству Колумбийского университета (цитаты из книги Д. У. Бёджес «Основания политической науки»), «Метуэн и К°) цитаты из Д. А. Р. Марриот «Англо-русские отношения (1689 - 1943) и «Пантеон букс, Инк.» (цитаты из «Русских сказок»).

Публикация этого тома была бы невозможной без финансовой помощи Фонда гуманитарных наук Нью-Йорка, и автор выражает свою багодарность этой организации.

Георгий Вернадский
Нью-Хейвен, Коннектикут
Май, 1947

Глава I

МЕСТО КИЕВСКОЙ РУСИ В ИСТОРИИ

1. Европа ли Россия?

С точки зрения географии Европа это западное продолжение Азии - азиатский мыс. Однако в традиционной географической школе эта территория рассматривается как отдельный континент, ограниченный на востоке Уральскими горами. С этой позиции России отводится своего рода промежуточное положение, и она разделяется на две части: "Азиатская Россия" - на восток от Уральской гряды, и "Европейская Россия" - на запад от нее. Таким образом, с точки зрения элементарной географии на вопрос "Европа ли Россия?" можно ответить без колебаний. Только часть России входит в состав Европы.

И все-таки такой ответ, хотя и определенный, вряд ли является удовлетворительным, поскольку традиционное деление страны на две части искусственно: Уральская гряда низка и не нарушает целостности широтных природных зон, столь характерных для русского географического ландшафта. Более того, этот вопрос постоянно задается вовсе не в географическом смысле. Под "Европой" подразумевается не географическая, а историческая и культурная общность.

Вопрос, в таком случае, должен формулироваться более определенно: Европа ли Россия в историческом и культурном смысле? Принадлежит ли Россия, исторически и культурно, к европейскому союзу наций?

На вопрос, задаваемый в подобной форме, чаще всего отвечают отрицательно, во всяком случае иностранцы. Г-н Дж. Мариотт может быть избран как типичный приверженец негативистского взгляда.

"*Россия не является,*- пишет он,- *и никогда не являлась членом европейской семьи. Еще со времен падения Римской империи и миграций, вследствие завоеваний викингов и тевтонцев, между скандинавами, англичанами, немцами, французами, иберами и итальянцами сложилась определенная степень родства, несмотря на все значительные различия в их развитии. Даже Польша, благодаря своей приверженности западной форме христианства, имела некоторое родовое сходство с Европой. Россия же нет*".[1]

У самих русских всегда существовали две точки зрения, классическими представителями которых можно считать "славянофилов" и "западников" девятнадцатого века. Западники рассматривали Россию как восточную часть Европы и объясняли различия между Россией и Западной Европой "отставанием" исторического процесса в России в связи с неблагоприятным географическим положением, монгольским нашествием тринадцатого века и другими причинами.

"Славянофилы", напротив, готовы были признать существование коренного отличия России от Европы и, вместо рассуждений об отставании русской цивилизации, подробно останавливались на ее самобытности и самодостаточности. Главным идеологом этого направления, в том что касается вопроса, который интересует нас здесь, был Николай Данилевский. В своей книге "Россия и Европа" этот автор изложил теорию различающихся "культурных типов", представленных разными нациями и группами наций в их истории. Он согласился с величием "германо-романской" цивилизации, но отказался признать ее "общечеловеческой" - единственным путем прогресса. Этой теорией он попытался доказать право "славянского культурного типа" на самостоятельное развитие.

По его мнению, цивилизацию, которую обычно называют "европейской", нужно именовать "германо-романской". Отождествлять "европейский" с "германо-романским" значило бы, с его точки зрения, совершать логическую ошибку. Но, поскольку подобное отождествление обычно происходит, он спрашивает себя: "Принадлежит ли Россия к Европе в этом смысле (то есть к германо-романской Европе)?" Его ответ - выразительное "нет".[2]

Какую позицию займем мы относительно этой старой полемики? Прежде всего, можно предположить, что сам предмет спора на сегодняшний момент устарел, поскольку, с точки зрения историка, больше не существует Европы в традиционном понимании. За последние триста лет Европа расширилась политически: каждая ведущая европейская держава подчинила себе огромные территории на других континентах, иной раз даже поглощая целые неевропейские народы. Она увеличилась также демографически, за счет эмиграции, в результате которой новые "европейские" нации утвердились в обеих частях Америки, в Австралии и Африке В более близкое к нам время Европа продолжила технологическую и промышленную экспансию, приводя в движение силы, которые, однажды освободив, она уже не в состоянии контролировать.

Поскольку европейские страны одна за другой - Испания, Португалия, Голландия, Великобритания, Франция, несколько позднее Германия - каждая создали свою колониальную империю, они, таким образом, вышли за пределы собственно Европы, и, в конце концов, поколебали единство региона. Россия тоже, хотя и не приобрела заморских колоний, постоянно двигалась на восток через бесконечные территории, пока не обнаружила, что подчинила себе огромный субконтинент. Таким образом появилось несколько "мировых держав", тогда как центр Европы, сокрушенный в результате двух мировых войн, теперь раздроблен политически и разнороден культурно.

В каких же отношениях с Европой находятся эти мировые державы? "Европа" ли Соединенные Штаты? Да, в смысле культурных основ и традиций; нет, в том смысле, что США создали собственную культуру, которая сейчас, в свою очередь, оказывает влияние на Европу.

Европа ли Великобритания? Опять да, в смысле ее исторического происхождения; и опять нет, поскольку, являясь ведущим членом Британского Союза, она живет своей собственной жизнью.

И тогда Европа ли Россия? Да, в том смысле, что русская цивилизация имела множество контактов с европейской культурой - даже в германо-романской интерпретации - начиная со Средних веков. Нет, в том смысле, что Россия - сама по себе целый мир, целый субконтинент не только географически, но и политически и культурно.

Даже мировые державы не вечны. Сглаживающий эффект индустриализации быстро стирает старые культурные различия между отдельными нациями. Использование атомной энергии создает императив "единого мира", хотя мирового объединения и нельзя достичь за одну ночь. В это объединение каждая нация должна внести и уже внесла свой вклад. Перенося этот аргумент назад на более ранние периоды истории, мы начинаем осознавать, что нельзя судить весь исторический процесс по европейским стандартам, да и в самой Европе всегда существовали центробежные тенденции.

Следовательно, чтобы ответить на вопрос, поставленный в названии этого раздела, мы сначала должны прийти к общему мнению по другому вопросу: А что такое Европа? Спор, таким образом, заходит в тупик. Но сам факт, что вопрос задавался именно по поводу России, говорит о присутствии чувства, что, если Россия и Европа, то лишь частично, и что часто, если не всегда, ее историческая колея расходилась с путями других европейских держав.

Показательно, что и те, кто исключил бы Россию из Европы, и те, кто нет, признают, что некоторые основные расхождения между Европой и Россией раскрываются в ходе истории. Словом, суждение Мариотта об абсолютной культурной обособленности России, вне всякого сомнения, уязвимо. На протяжении долгого времени в русской и европейской истории наблюдались не только различные, но и сходные процессы, и во внимание следует принимать как те, так и другие. Связи между Россией и Европой множились на каждой ступени средневекового и последующего развития, и, оставляя пока в стороне современную эпоху, можно сказать, что эти взаимоотношения были особенно тесными в киевский период.

2. Положение Руси в средневековом мире

История любой нации определяется не только ее собственными материальными и духовными ресурсами, но также и ее внешним окружением. Ни одна нация никогда не являлась и не является полностью изолированной. Сейчас уже совершенно ясно, что даже в ранние периоды, задолго до революции в средствах связи, определенные виды взаимодействия между народами были неизбежны.

Благодаря своему географическому положению, Китай был изолирован больше, чем какая-либо другая страна. Однако даже в древности тонкая струйка морской торговли связывала Китай с Индией и Аравийским полуостровом, а через них со Средиземноморьем; к тому же сухопутный торговый путь через Туркестан, контролировавшийся кочевниками, приобрел большое значение в периоды Римской империи и раннего средневековья.

В римскую эпоху, которая в русской истории соответствует сарматскому периоду, Русь, безусловно, не была обособлена; напротив, древнерусские племена в то время были рассеяны по чужим территориям.[3] Сходное положение преобладало в гуннский и хазарский периоды. В более позднюю эпоху само процветание Киевского государства основывалось на внешней торговле.

Теперь нам предстоит рассмотреть вопрос о международном положении Киевской Руси и тех изменениях, которые оно претерпело за киевский период (878 - 1237 гг.). Вначале необходимо подчеркнуть, что во времена раннего средневековья динамика международных отношений была совсем не такой, как в наши дни. Основные европейские нации уже находились в процессе формирования, но центр притяжения, и политический, и культурный, располагался не в Европе, Западной или Центральной, а в Византии.

Византийская империя значительно превосходила империю Каролингов в области экономики, так же как и в дипломатии. Фактически она являлась одной из двух мировых держав того времени, второй был Арабский Халифат.

В то время Западная Европа никоим образом не могла претендовать на сколько-нибудь значительную роль в развитии науки и техники. Эта роль принадлежала Халифату, где возрождались традиции эллинистической учености. Арабский язык стал языком ведущих ученых и врачей. До крестовых походов Византия была, в определенной мере, связующим звеном между арабским миром и Западной Европой. Испания, завоеванная арабами в VIII веке, являлась вторым каналом, через который Запад впитывал арабскую науку.

Поскольку Русь имела тесные контакты с народами Центральной и Северной Европы, в ней преобладали именно византийские влияния, как того и следовало ожидать, принимая во внимание доминирующую роль Империи в ту эпоху. Что же касается Халифата, то

Русь была лишена прямой связи с ним. Неблагоприятным обстоятельством являлось то, что власть над причерноморскими степями в конце десятого века перешла от хазар к диким племенам кочевников, таких как печенеги и половцы; тот факт, что русские сами уничтожили Хазарскую империю, едва ли облегчал им ситуацию.

Однако препятствие в виде степных кочевников не было непреодолимым, и Русь всегда поддерживала отношения с христианскими государствами Закавказья, а через них с Сирией. За степями, в которых господствовали кочевники, также находились такие важные торговые и культурные центры как Хорезм и Бухара. В X веке Бухарой правила просвещенная персидская династия Саманидов. Позже, в XI веке, их сместили дикие сельджуки, приводя к упадку цивилизацию Туркестана.

На севере мусульманское государство волжских булгар, с которым Русь имела тесные торговые отношения, достигло, кажется, не только материального благополучия, но и сравнительно высокого уровня культуры. Потенциально оно могло служить посредником между Русью и арабской культурой, но, по-видимому, Русь не особенно воспользовалась этой возможностью.

Экономически Русь поддерживала оживленные отношения с Востоком и через волжских булгар, и через Тмутаракань, пока не утратила контроль над этим городом в конце XI века. В дальнейшем половцы - по крайней мере в периоды мира - позволяли хорезмским и другим восточным купцам торговать с русскими. Однако около 1000 г. н.э., приток восточного серебра в Киевскую Русь сократился, возможно в связи со свержением Саманидов.

Эпоха крестовых походов (1096 - 1270 гг.) внесла радикальные изменения в международную ситуацию. Сила Византии в это время сокращалась, а Запада возрастала. В 1204 г. западные рыцари покорили и безжалостно разграбили Константинополь, после чего Латинская империя была установлена в Греции, где просуществовала до 1261 г. Русская торговля, которая ранее тяготела к Константинополю, теперь переместилась на западные рынки.

Политически, через Венгрию, Польшу и Богемию, Русь в период крестовых походов участвовала в европейских делах значительно активнее, чем раньше. То воинственные, то миролюбивые русские в отношениях с Западом за двенадцатое столетие преуспели в установлении своего рода равновесия между Восточной и Централь-

ной Европой. Этот баланс был нарушен в начале тринадцатого века при создании государств германских крестоносцев в Пруссии и Латвии. Тогда же монголы впервые дали о себе знать, совершив набег в половецкие степи в 1223 г.

Таким образом, международное положение Руси в киевский период было благоприятно для нее на юге, менее благоприятно на западе и совершенно неблагоприятно на юго-востоке, где постоянные набеги кочевников подтачивали ее силы и истощали ее ресурсы.

3. Различные и сходные тенденции в истории Руси и Европы

Деление "всемирной истории" на Древнюю историю, Историю средних веков, Новую и Новейшую историю одно из традиционных обобщений, которое становится почти бессмысленным при ближайшем рассмотрении, особенно с точки зрения действительно всего мира - то есть принимая во внимание историческое развитие не только Европы, но и других континентов. По сути дела, это общепринятое деление было произведено, имея в виду только историю Европы, и только относительно европейской истории оно имеет какой-либо смысл.

В Европе средние века были, главным образом, периодом феодализма. Феодальные институты развились в результате вырождения Римской империи, ее распада под давлением "варваров", преимущественно германцев, приспособления тевтонских институтов к романским и наоборот.

В катастрофах пятого столетия была уничтожена не вся Римская империя, а только ее западная часть. На востоке Империя выстояла и просуществовала еще тысячу лет под именем Византии. На развитие Византийской империи, в свою очередь, оказывали влияние новые социальные и политические тенденции, и постепенно некоторые образования, подобные феодальным, появились на Востоке, но до завоевания крестоносцами Константинополя они никогда не играли такой роли, как на Западе. В период так называемой "Латинской империи" (1204-1261 гг.) феодальные институты западного типа были полностью перенесены на греческую почву. Но реставрация Византийской империи еще раз воспрепятствовала процессу феодализации.

Обращаясь дальше на восток, определенные феодальные тенденции можно заметить в социальной организации мусульманских государств, но они отличались по характеру от западных. Что же касается кочевых племен евразийских степей, то они жили в абсолютно другой среде, не только географической, но также экономической и социальной.

Хотя Русь никогда не входила в состав Римской империи (здесь мы можем полностью согласиться с Мариоттом), анты и другие древнерусские племена имели контакты с северо-восточными землями Империи, как, например, в Крыму. Впоследствии же Русь была вовлечена в орбиту Византии и экономически, и культурно.

С другой стороны, русские с незапамятных времен жили рядом со степными кочевниками; временами они были почти затоплены персидскими и тюркскими потоками. Степная империя процветала за счет торговли, и покровительство трансконтинентальным сухопутным путям, особенно "шелковому пути" из Китая к Средиземному морю, всегда было одной из главных задач степных императоров.

Можно предположить, что построенная на другом фундаменте экономическая и социальная структура Руси раннего средневековья отличалась от европейской. Так оно и было во многих отношениях.

Как убедительно показывает Анри Перен, завоевание арабами Северной Африки, Сицилии и Испании затруднило на время торговые отношения между Западной Европой и странами Леванта[4], и именно потребностью открыть новые пути на Восток руководствовались древние скандинавы в смелом походе из Балтийского моря к Азову. В Каролингской Европе торговля была долгое время (с восьмого по десятое столетия) на самом низком уровне. Экономической базой феодализма являлась убогая сельскохозяйственная культура, и, со всеми необходимыми оговорками, рост ранних феодальных институтов означал установление "натурального" или "закрытого" хозяйства.

Византия с ее развитой торговлей и прибыльными ремеслами выгодно выделялась на фоне аграрной и феодальной Европы. Не "натуральное хозяйство", а "монетарная экономика" господствовала в Византийской империи. Заметьте, что Италия со времен Юстиниана частично контролировалась Византией, по меньшей мере до конца десятого века. Экономически в период Каролингов Италия принадлежала скорее к византийскому миру, чем к европейскому.

Русь тоже являлась частью византийского мира, кроме того что она была непосредственно связана с торговлей с Востоком. Хотя, противоположно мнению Ключевского и его школы, сельское хозяйство являлось таким же важным элементом русской экономики, как и торговля, социальное значение его становления отличалось от западного, поскольку эти две сферы деятельности на Руси были более тесно связаны, особенно в форме оживленной торговли зерном. В любом случае, в Киевской Руси, как в Византии, монетарная эономика превалировала над натуральным хозяйством. И, в отличие от Запада, не феодальное поместье, а город был главным фактором экономической и социальной эволюции страны.

Но если в социально-политическом развитии Руси и Западной Европы в средние века существовали значительные различия, то имелись также и многочисленные сходства. В Киевской Руси строй "торгового капитализма" был наложен на неразвитые родо-племенные отношения. Ранняя социальная организация славянских и германских племен была во многих отношениях сходной, результатом чего являются поразительные аналогии в древнем обычном праве славянских и германских народов. Раннюю редакцию Киевского свода законов - Русскую Правду - можно отнести, вместе с Салической Правдой (Lex Salica) и другими западными Leges, к одному и тому же общему типу "варварского права" (Barbaric Laws).

Много общего было и в организации княжеских властных органов. На Руси, как на Западе, управление обществом строилось на опыте домашнего господства правителей. Возвышение майордома (maire du palais) во Франкском королевстве в седьмом и восьмом веках стало одним из характерных проявлений именно этого процесса. На Руси, как на Западе, князь старался упрочить свое положение, предоставляя особую защиту помощникам по управлению собственными имениями. "Правда" сыновей Ярослава имеет много общих черт с "Capitularia" Каролингов.

Однако политические влияния русского и западного правителя существенно различались. И князь на Руси, и король на Западе должны были делить власть с могущественной аристократией, но в Киевской Руси существовал еще и третий важный политический компонент, которого не было на Западе: город.

4. Понятие о восточно-европейской истории

До сих пор я говорил о Европе этого периода как о едином социально-политическом образовании. На самом же деле разные народы жили там вместе, но совместность или сходность их жизни только относительны. Общая церковь и общая империя обычно считаются двумя столпами общности средневековой Европы, феодальный строй признается как ее третий фундаментальный институт. Однако мы не должны забывать, что территория, на которой действовали эти три фактора, географически не охватывает всю Европу.

Чаще всего, когда мы говорим о "средневековой Европе", то имеем в виду только западную и центральную ее части. Якобы "общая империя" - Священная Римская империя германской нации - фактически была не общей, а ограниченной в пространстве, поскольку уравновешивалась Византийской империей на юго-востоке. Точно также и римско-католическая церковь признавалась не всеми; многие восточно-европейские народы отдавали предпочтение греческому православию. А, как мы только что видели, экономические и социальные основы византийского Востока заметно отличались от таковых на феодальном Западе.

Следовательно, мы должны признать существование не одной, а двух средневековых Европ - Западной и Восточной. При этом историческая роль Восточной Европы долгое время недооценивалась. Даже сейчас в общих работах по средневековой истории под "Европой" обычно подразумевают Западную Европу, а к Восточной Европе относятся как к ненужному придатку, если вообще принимают во внимание.

Этнически Западную Европу населяют, по большей части, романскне и германские народы, Восточную - славяне, греки и несколько других групп. В пренебрежении к восточно-европейской истории не последнюю роль, несомненно, сыграли расовые предрассудки, особенно традиционное презрение германцев к славянам. Показательно, что даже такой выдающийся мыслитель как Гегель не нашел места для славян в своей "Философии истории". Как он объясняет:

"Эти племена, действительно, основали государства и успешно противостояли различным народам, вставшим на их пути. Иногда они, как авангард - как нация, находившаяся между Западом и Востоком принимали участие в борьбе между христианской

Европой и нехристианской Азией. Поляки даже освободили осажденную Вену от турок; и славяне были, в определенной степени, вовлечены в орбиту Западного Разума. Однако вся эта группа народов остается вне нашего рассмотрения, потому что до сих пор она не выступала как самостоятельный элемент в ряду обнаружения Разума в Мире".[5]

О степени влияния националистических теорий даже на современные американские гуманитарные науки можно судить по труду Джона Бургеса "Основы политической науки", впервые опубликованному в 1917 г. и переизданному в 1933 г. По мнению этого автора греки и славяне продемонстрировали "*низкий уровень политической способности*" (*"a low order of political genius"*), и поэтому "*совершенно необходимо, чтобы политическая организация, на самом высоком уровне, греческой и славянской наций была бы взята на себя иноземной политической силой*".[6] Далее он предлагает, что германские народы "*как политические нации по преимуществу*", должны бы "*принять на себя руководство созданием и управлением государств*".[7] Единственная причина, по которой американский ученый мог дать подобный совет, кроется в непонимании исторической роли греческого и славянских народов.

Относительно греков старое неведение и предрассудки были давно развеяны, благодаря блестящему развитию византинистики. Со времени появления в XVII веке работ великого Дю Канжа и других исследователей византологическая традиция поддерживалась целым рядом французских и бельгийских ученых, а также русскими, немецкими, английскими, американскими, итальянскими, венгерскими, румынскими, польскими, чешскими, болгарскими, югославскими византинистами и, конечно, самими греками. Огромный прогресс в этой области был достигнут за последние пятьдесят лет, и великая историческая роль Византии теперь ясна всем.

Византия, однако, была только одним из политических и культурных центров Восточной Европы в средние века. Угроза церковного раскола не позволяла приверженцам римско-католической веры, например полякам, признать культурное лидерство византийцев. С другой стороны, несмотря на то, что они хранили верность Риму, поляки - как и венгры - принадлежали, географически и экономически, к Восточной Европе, а не к Западу. Можно сказать, что они составляли особую часть Восточной Европы, в тесном контакте

с которой находились некоторые другие народы: литовцы, белорусы, украинцы и румыны. Кроме того, народы этого района поддерживали оживленные отношения с Центральной Европой, в частности с чехами и словаками.

Именно сферу польского культурного влияния можно назвать ядром Восточной Европы в период позднего средневековья и начала новой эры. И именно польским, украинским и чешским историкам принадлежит честь постановки проблемы Восточно-Европейской истории как самостоятельного предмета исследования.

Первая кафедра истории Восточной Европы в европейском университете была учреждена в 1894 г. во Львове (тогда Лемберг Австрийской Галиции). Ее первым руководителем стал известный украинский ученый Михаил Грушевский. В 1904 г. он опубликовал значительную работу, посвященную взаимосвязям русской истории и истории восточных славян, где рассматривал Украину как часть Восточной Европы, а не России.[8] В период между двумя мировыми войнами проблема восточно-европейской истории стала предметом активного обсуждения, в котором сыграли заметную роль несколько польских и чешских историков.[9] Главным вопросом дискуссии была связь между понятиями "славянская Европа" и "восточная Европа".

Основную трудность в этом отношении представляет вопрос, куда отнести Россию. Она, безусловно, в основном, славянская нация, но является ли Россия органической частью Восточной Европы? Должны мы включать Россию в группу Восточно-Европейских народов или нет? Если говорить о новой эре, то очевидно, что Россия - самостоятельное целое, под Россией я здесь подразумеваю Советский Союз, включая и Украину и Белоруссию.

А какой была ситуация в средние века? В позднем средневековье, то есть в четырнадцатом и пятнадцатом веках, Украина и Белоруссия входили в состав Польско-литовской федерации; и обе, следовательно, с политической точки зрения относятся к Восточной Европе.

В киевский период украинские и белорусские земли принадлежали к русской федерации, и их место в истории должно определяться вместе с положением всей Руси. Поскольку территория Киевской Руси не выходила за пределы "Европы" с общепринятой точки зрения, то формального препятствия для включения ее в "Восточную Европу" не существует. Однако это было бы весьма обманчиво

и немного добавило бы к нашему пониманию как русской, так и восточно-европейской истории. Несмотря на ее связи с Балканами, с одной стороны, Венгрией и Польшей - с другой, Русь уже тогда представляла собой отдельное социально-политическое образование. Более того, исторически Киевская Русь была ядром впоследствии континентальной, "Евразийской", России. С геополитической точки зрения территория Киевского государства может быть определена не только как "Восточная Европа", но и как "Западная Евразия". Культурно Русь этого периода может рассматриваться как северная граница Византии.

5. Вызов геополитики

Расширение России вылилось в занятие ею огромной и протяженной территории, простирающейся от Балтийского моря до Тихого океана и от Памира до Северного Ледовитого океана. Этот субконтинент лучше всего обозначить как «Евразия», не только потому, что он объединяет части как Европы, так и Азии, но также поскольку он представляет географическое единство, которое столь же отлично от Европы, как оно отлично от нероссийских частей Азии.[10]

С точки зрения почвы и растительности Евразия состоит из широтных ландшафтных зон: тундры, лесной, промежуточной лесостепной, степной и, наконец, зоны пустынь. Эти ареалы играли и до определенного предела все еще играют важную роль в российской экономике. Не менее значимыми были политические следствия взаимоотношений между лесной и степной зонами. Последняя вместе с прилегающими пустынями служила в древности в качестве района обитания различных кочевых орд маньчжурского, монгольского и тюркского происхождения. Могучие степные империи создавались с незапамятных времен на этой территории, следуя друг за другом с короткими перерывами.[11]

Степная зона простирается на запад от Монголии до Карпат и проникает в середину дунайского региона. В древние времена она предлагала отличную дорогу для монгольских кочевников без каких-либо естественных препятствий до Карпатских гор. Как только кочевая империя утверждалась в евразийских степях, она тяготела

к подчинению собственному контролю всей степной зоны, равно как и частей прилегающей лесостепной территории.

Временами вместо одной огромной империи в степях доминировал пояс более мелких ханств, некоторые из них взаимно объединялись, другие же противостояли себе подобным. Так после падения Гуннской империи авары поселились в Венгрии, хазары и мадьяры - в Северочерноморском регионе, а два тюркских ханства - в Казахстане и Монголии.

В конце девятого века мадьяры мигрировали на запад до середины Дунайского региона (современная Венгрия), и столетие спустя Хазарская империя была уничтожена русскими. Но русские не были способны сами контролировать черноморские степи, поскольку новые тюркские орды постоянно проникали из Казахстана. Затем в тринадцатом столетии монгольское нашествие захлестнуло всю европейскую Россию.

Монгольская империя была более обширной, нежели Гуннская: монголы собрали под свое господство всю Евразию. После освобождения России от монгольского ига процесс постепенно повторился в обратном направлении: в результате с течением времени русские преуспели в объединении под своею властью большинства территорий, где раньше правили монголы.

Интересно отметить, что в своем натиске монголы продвинулись на запад через степную зону и в процессе продвижения постепенно распространили свою власть на лесную зону. Русские, напротив, направились на восток через лесную зону и лишь после установления контроля над нею проникли в степную и пустынную зоны.

Принимая все это во внимание, рассмотрим теперь положение Киевской Руси с геополитической точки зрения. В киевский период русские занимали лишь европейскую часть России. На юге они сперва распространили свой контроль на Крым, регионы Азова и нижней Волги, но потеряли эти территории к концу одиннадцатого века, когда под принуждением половцев покинули степную зону и отступили на север в лесо-степную и лесную зоны. На востоке регион средней Волги удерживался булгарами, с которыми русские находились в тесных торговых отношениях с девятого века, что не мешало им время от времени сталкиваться. В начале тринадцатого века восточнорусские князья продемонстрировали свое очередное намерение подчинить булгар своему контролю, сделав

предварительный шаг к обладанию всем бассейном Волги. Но их натиск был блокирован монголами, которые завоевали как булгар, так и русских.

Если бы даже русским не удалось контролировать всю европейскую Россию в киевский период, занимаемое ими пространство кажется достаточно широким, особенно по сравнению с территориями европейских соседей. Географически днепровский речной путь стал стержнем Киевской Руси, и русские имели выход к Балтийскому и Черному морям, хотя половецкие рейды делали использование Черного моря опасным.

Рассуждая в ключе геополитики в интерпретации Макиндера и его последователей, можно сказать, что русские в киевский период контролировали значительную часть «сердцевины земли»,[12] и все же, несмотря на это, оказались неспособными отразить монгольское нашествие. Одной из причин их уязвимости стала неудача в установлении полного контроля над «сердцевиной земли»; если бы им удалось контролировать все течение реки Волги, равно как и южные степи, они оказались бы гораздо лучше подготовлены к встрече монгольского нападения.

Другой причиной несчастья русских в тринадцатом веке явился факт подчинения России одновременному давлению как с востока, так и с запада. Германский натиск с запада обрел силу как раз в период монгольского вторжения с востока.

Но, возможно, главную роль в неудаче русских сыграло отсутствие защиты «сердцевины земли» с восточной стороны. Евразийские степи представляли действительную «сердцевину земли» в конфликтах этого периода. Благодаря большой протяженности на запад степной зоны, европейская Россия была геополитически частью Евразии и до эры военной артиллерии для русских едва ли существовала надежда остановить кочевников, вероятнее всего объединившихся.

Киевский период характеризовался разобщенностью среди кочевников: страдая от половцев, русские, тем не менее, в этот период не подвергались реальной опасности быть сокрушенными ими. Но монгольское нашествие подорвало баланс власти между лесной и степной зонами в пользу последней.

Урок, который извлекли русские из монгольского ига, состоял в том, что безопасность от кочевого востока может быть обретена лишь через контроль над всей Евразией. К этой цели они приближа-

лись постепенно и через ряд стадий. Экспансия на восток началась в середине шестнадцатого столетия; первым шагом России было обеспечение контроля над всем течением реки Волги. В следующем столетии была оккупирована вся Сибирь. Колонизация Сибири явилась скорее спонтанным движением казаков и охотников, нежели формальным завоеванием, но московские государственные деятели знали, как извлечь все преимущества из народного движения. В случае экспансии в Казахстан и Туркестан в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях инициатива скорее принадлежала правительству, а не народу.

В тот же самый период были завоеваны южные степи, равно как и Крым и Кавказ - или же, если мы можем сослаться здесь на события десятого века, - завоеваны вновь. Таким образом, задача, которую русские не смогли реализовать в киевский период, была выполнена.

6. Значение киевского периода в русской истории

Древняя Русь обычно ассоциируется в сознании западного читателя с автократией и рабством. Возникло даже предположение, что тоталитаризм прямо происходит из «русской души». И, разумеется, в 1883 г. русский граф Уваров провозгласил, что Россия базируется на «*православии, самодержавии и народности*». Оглядываясь назад, на время Уварова, в свете преимущества знания последующих событий, мы знаем, что когда он произнес свое суждение, неограниченной монархии оставалось менее восьмидесяти лет существования. Крепостничество было уничтожено менее чем через тридцать лет после декларации Уварова.

Фактически же в течение всей имперской эры (1721 - 1917 гг.) периоды реакции перемежались периодами либерализма. Последние двенадцать лет имперского режима принадлежали конституционному эксперименту, хотя и ограниченному по своему размаху. Но даже до этого, с 1864 г., самодержавие до определенного предела контролировалось местными институтами самоуправления (земство) и хорошо сбалансированной судебной практикой.

Во времена Московского царства в шестнадцатом и семнадцатом столетиях власть царя была фактически, если не законно, ограниче-

на народным собранием (Земский Собор), системой местного самоуправления и Церковью. Одновременно демократические институты процветали в казацких общинах, особенно в Запорожье и в войске Донском.

Четырнадцатое и пятнадцатое столетия стали периодом формирования Московского государства. Нарождающееся московское самодержавие было само подчинено куда более жесткому и неумолимому абсолютизму монголов, и власть московских великих князей частично складывалась по этому сильному стереотипу. Однако в монгольской период Московия контролировала лишь часть современной российской территории, центрально-русскую «Месопотамию», т. е. бассейны верхней Волги и Оки. Другие русские земли в это время имели иную политическую и социальную среду.

Как это ни кажется парадоксальным, монгольский период отличался расцветом демократических институтов в северорусских городах-государствах Новгороде и Пскове, несмотря на факт номинальной власти монгольских ханов в Северной Руси и того, что великий князь московский чаще избирался, нежели не избирался новгородским князем.

На Украине монгольское владычество пришло к концу в середине четырнадцатого столетия, т. е. ранее почти на столетие, нежели в Московии; в Белоруссии этот период еще короче. Эти два народа в конце концов поменяли монгольское господство на литовское, в то время как Западная Украина (Галиция) была аннексирована Польшей в 1349 г. В 1385 г. сформировался союз Польши и Литвы, сперва династический, а позднее и реальный.

В четырнадцатом и пятнадцатом столетиях Великое княжество Литовское являлось нежесткой федерацией, к которой присоединились Украина и Белоруссия, как и многие автономные единицы. В конце концов была установлена аристократическая конституция и таким образом по контрасту как с самодержавной Москвой, так и с демократическим Новгородом утвердились аристократическая Украина и Белоруссия.

Эти три элемента власти - монархический, аристократический и демократический, которые в монгольский период развивались отдельно в трех различных географических регионах Древней Руси, сосуществовали в каждой из русских земель в течение киевского периода в разных пропорциях и комбинациях. Именно это многооб-

разие политического опыта делает киевский период захватывающе интересным для исследователя правительственных институтов.

Итак, одного взгляда на политическую историю России достаточно для избавления от мифа тоталитаризма как внутренне присущего русской ментальности. Московское самодержавие родилось не из какой-то предполагаемой врожденной симпатии «русской души» к автократии, но из жесткой необходимости организации военной силы, достаточной для низвержения монгольского ига и обеспечения контроля над территорией, слишком большой для стратегической защиты. В пятнадцатом и шестнадцатом столетиях Московия стала военным лагерем. Усилия как правителей, так и народа сконцентрировались на обороне. Политическая свобода была принесена в жертву во имя национального спасения.

Возможно, что русские освободились бы от монгольского ига гораздо раньше, чем они это сделали, если бы одновременно им не угрожали с Запада. Столкнувшись с дилеммой войны на два фронта, два русских князя в тринадцатом столетии каждый по-своему испытали противоположные политические курсы. На Западной Украине князь Даниил Галицкий обратился за помощью к западу и проиграл. В Восточной Руси князь Александр Невский принял сюзеренитет от монголов, с тем, чтобы освободить руки по отношению к Западу, и выиграл. Разбив шведов в устье Невы в 1240 г., он обеспечил Новгороду доступ к Балтике. Двумя годами позже он спас Россию от немецкого вторжения, уничтожив немецких рыцарей в знаменитом «Ледовом побоище».

Крепостничество было другой ценой, заплаченной русскими во имя выживания. Хотя рабство существовало как в Киевской, так и в Московской Руси, рабы не представляли собою большого слоя населения. В Киевской Руси оно соседствовало с «капиталистической» экономикой, подобно тому, как это было в США до гражданской войны.

С другой стороны, крепостничество как феодальный институт едва ли было известно в Киевской Руси. В монгольский период процесс прикрепления свободных крестьян к большим поместьям быстро прогрессировал и в Московии, и в Литовской Руси. Крепостничество было официально введено на Украине и в Белоруссии хартией (привилегии) великого князя Казимира в 1447 г. В Московии с 1581 г. определенные годы были провозглашены «запрещен-

ными», т. е. перемещение крестьян из одного поместья в другое в эти годы не разрешалось. Крепостничество было в конечном итоге подтверждено кодексом законов («Уложение») в 1649 г.

В противоположность Московскому и Литовскому государствам, Киевская Русь была страной свободных политических институтов и вольной игры социальных и экономических сил. Киевский период также отмечен христианизацией Руси; он является свидетелем взлета блестящей цивилизации, особенно проявившейся в архитектуре, литературе и прикладных искусствах, подобных филиграни и эмали.

Хотя монгольская агрессия нанесла тяжелый удар по киевским институтам и культуре и вылилась в формирование абсолютистского государства в Московии, развитие элементов киевской цивилизации не было совсем остановлено. Некоторые традиции киевского периода развились в Новгороде и Пскове, другие - на Украине и в Белоруссии; иные же - в самой Москве. С точки зрения истории права, основания хартии города Пскова (1397 - 1467 гг.), первый Литовский статут (1529 г.) и до определенного предела даже первый Московский кодекс законов («Судебник») 1497 г. нужно искать в «Русской Правде» киевского периода.

Кроме достижений русского народа в киевский период, жизнь в Киевской Руси имела много негативных аспектов. Постоянные вторжения тюркских кочевников с юго-востока, так же, как и внутренние войны между русскими князьями, не давали покоя населению и создавали угрозу для жизни. Постоянно расширяющаяся пропасть между высшими и низшими классами выливалась в периодические экономические и социальные кризисы. Несмотря на все ее недостатки, Киевская Русь тепло воспринималась народной памятью, что выражено в русских эпических песнях - былинах. Никакой другой период истории страны не воспринимается в русском фольклоре с такой симпатией и благодарностью, как киевский.

В Киевской Руси должно было быть нечто, заставляющее людей забыть ее негативную сторону и помнить лишь достижения. Это «нечто» было духом свободы - индивидуальной, политической и экономической, - который преобладал в России этого периода, и по отношению к которому московский принцип полного подчинения индивида государству представлял разительный контраст.

Глава II

ИМПЕРСКИЙ ПЛАН И ЕГО НЕУДАЧА, (878 - 972 гг.)

1. Имперский план: мечты и реалии

Политическая история Киевской Руси открывается столетием смелого предприятия: попыткой скандинавских властителей Киева создать огромную империю, простирающуюся от Балтийского до Черного моря и от Карпатских гор до Каспийского моря. Была предпринята серия смелых кампаний как на море, так и на суше, направленных на главные цели - Константинополь и Транскавказский регион; одно время устья Волги и Дуная контролировались русскими.

Это амбициозное усилие может быть рассмотрено в двух плоскостях - как эпизод экспансии викингов и как этап русской истории. К концу девятого века викинги контролировали Северное и Балтийское моря и не только совершали набеги на прилегающие части европейского континента и Британские острова, но смогли также прочно утвердиться в северо-западной Европе. Они появились в России и проникли на юго-восток до региона Азова даже ранее, нежели принято думать. Путешествуя вдоль западных берегов Франции и Иберийского полуострова, они также исследовали Средиземноморье и в конце концов создали свое собственное государство на Сицилии.

Константинополь (Миклагард) - имперская столица - была той точкой, где в конечном итоге встретились черноморский и средиземноморский потоки экспансии. Именно на этом фоне авантюризма викингов следует рассматривать имперские мечтания русских князей Киева. Хотя широкий размах их политических планов выглядит удивительным, он соответствует общей картине Европы этого периода. Однако мы не должны забывать, что к концу девятого столетия скандинавские пришельцы на Руси уже смешались в значительной мере с местным населением, став частью русского фона. Это в особенности верно относительно шведов региона Азова, которые заимствовали даже само имя русь у местного населения.[1] Святослав, наиболее храбрый из киевских князей, не только носил славянское имя, но и был по своему физическому облику и одежде типичным южным славянином, прототипом запорожских казаков. Его внук Ярослав Мудрый, с точки зрения антропологии, если и обладал, то весьма малым количеством нордических черт. И хотя основная часть *дружины* или свиты первых киевских князей состояла из скандинавов, славяне из нее не исключались, и как скандинавы, так и славяне были заинтересованы не только в войне, но и в торговле.

Русские славяне имели опыт длительных военных кампаний и международной торговли, берущими начало по крайней мере в шестом веке, когда анты проникли в Дунайский регион. В седьмом веке некоторые из антских племен твердо обосновались в восточной части Балканского полуострова, впоследствии известной как Булгария. В седьмом и восьмом веках анты и русь помогли хазарам отразить арабские рейды на Кавказ.[2] Под руководством хазар антские славяне активно участвовали в международной торговле, и от Масуди и других восточных авторов мы знаем, что анто-славянские купцы имели постоянные подворья в хазарской столице Итиль, а также предположительно в других хазарских городах. Анто-славянские войска составляли значимый элемент в хазарской армии.[3]

Таким образом оказывается, что скандинавские князья Киева должны были иметь значительную поддержку своих имперских планов среди высших классов славян. В их империалистических предприятиях грабеж был прологом к торговле - побудительный мотив имперского замысла первых киевских князей был по сути

коммерческим; их стратегия была направлена на контроль широкой сети торговых путей в Черноморском и Каспийском регионах. Географическим ядром этой системы был регион Азова, в особенности Керченский пролив, уже удерживаемый русскими каганами с конца восьмого века. Для полноты структуры им необходим был контроль над нижней Волгой и нижним Дунаем. В случае полного успеха их предприятий, взятие Константинополя - т. е. Босфора и Дарданелл - выступало в качестве коронного приза. Однако их атаки на Константинополь были мотивированы не столько надеждой его захвата, сколько желанием заставить византийцев открыть свои рынки для русской торговли. Мы обнаруживаем тут точную параллель надеждам гуннов в прошлом. Последняя византийско-гуннская война в конце пятого столетия стала результатом отказа византийцев открыть дунайские торговые города для гуннской коммерции.[4] Властвуя над Черным морем и укрепившись в Булгарии, русские были в состоянии диктовать свои условия и без фактического контроля над Константинополем. Итак, даже частичная реализация имперского плана обещала богатое вознаграждение.

Огромные трудности, которые предстояло преодолеть, соответствовали столь очевидным побудительным мотивам, скрытым за великим планом и ожидаемыми от него возможностями. Существовало два центра русской активности этого периода - Киев и Тмутаракань, и хотя определенная степень координации между политикой киевских князей и русских каганов, видимо, была достигнута, установление полного единства было нелегким, если и вовсе возможным делом. Более того, Киевское царство состояло как политически, так и социально из гетерогенных элементов, не говоря уже об этнографических вариациях. Власть киевских князей сперва признавалась лишь несколькими русскими племенами. Позднее другие племена вовлеклись в киевскую политическую сферу, но некоторые с неохотой; итак, в ряде случаев связь между Киевом и местными центрами была слаба и нестабильна.

Существовало значительное различие между отдельными племенами с точки зрения их экономических и культурных уровней, но еще большие расхождения были внутри каждого племени. Хотя высшие классы в основе своей, вероятно, были коммерчески заинтересованными в начинаниях киевских князей, значительная часть населения оставалась довольно индифферентной. Здесь мы видим

традиционный контраст между городами и сельскими общинами. Более того, некоторые из племенной аристократии с подозрением относились к киевскому империализму.

Итак, князь Олег и его непосредственные наследники имели перед собою двуединую задачу: организовать свое государство и возглавить собственные завоевательные кампании. Каждая задача была сама по себе огромной; в дополнение, во внешней политике внимание киевских князей было волей-неволей разделено между Византийской империей и Хазарским каганатом; любая из этих проблем требовала всю полноту усилий киевских властителей и широкие ресурсы.

Как обнаружилось в последующих событиях, у князей не было достаточной силы для ведения войны на два фронта: против Византии и против Востока. Святослав подошел к успеху ближе, нежели любой из его предшественников, но перестарался и закончил неудачей. Однако его победа над хазарами имела судьбоносные последствия для Руси, поскольку надлом хазарского каганата открыл ворота для печенегов, за которыми последовали тюркские племена из Закаспийского региона, и ни сам Святослав, ни его последователи не имели достаточной власти, чтобы остановить тюркский поток, устремившийся в черноморские степи.

2. Первый успех: Олег

Около 878 г. Олег, первоначально властитель Новгорода, захватил Киев и в конце концов установил свою власть в Южной Руси.[5] Скорее он, нежели его новгородский предшественник Рюрик, может считаться первым скандинавским князем, ставшим монархом всей Руси. Именно по этой причине личность Олега оставила более глубокий отпечаток на исторической памяти русского народа, нежели персона Рюрика. В русских летописях, равно как и в устной традиции, Олег известен как Вещий, Далекоглядящий, Мудрый, Святой. Этот эпитет кажется происходящим от игры со значением имени в скандинавском варианте: Хелги (первоначальная скандинавская форма имени Олег) означает "Святой"; русское прилагательное *Вещий* является таким образом не чем иным, как перевод от Хелги. По-норвежски Вещий Олег именуется Хелги.

В русской традиции Олег прославляется как мудрый правитель и удачливый воин; он в особенности почитался за свой ум во взаимоотношениях с врагами. История доносит до нас, что после победоносной кампании против греков, которая привела его к вратам Константинополя, греки начали переговоры, послав ему изысканные яства и вина. Быстро сообразив что к чему, Олег отказался отведать угощение, подозревая, что пища и вино, возможно, отравлены. После этого греки оставили уловки и приняли условия мира.

Последнее сказание об Олеге, повествующее о его смерти, противоречит его репутации прозорливого человека. Согласно легенде, популяризированной А. С. Пушкиным в его великолепной поэме "Песнь о вещем Олеге", князь был предупрежден кудесником: он примет смерть от своего коня. Под впечатлением этого пророчества он постарался не ездить на нем. Позднее, когда ему показали скелет коня, он наступил на него, пренебрегая предсказанием: в ту же минуту из останков выползла змея, ее укус оказался смертельным для Олега.

Легенда с очевидностью назидательна, ее цель - доказать, что даже мудрейший человек беспомощен перед Судьбой. Та же идея нашла поэтическое выражение в двенадцатом столетии в знаменитом "Слове о полку Игореве": *"И сказал Боян, мудрый поэт: "Ни проницательный и удачливый человек, ни зеленый юнец не могут избежать Божьего суда".*[7]

Характерно, что русские легенды об Олеге, включая повествование о его смерти, имеют близкие параллели в скандинавской саге об Одде. В саге говорится, что Одд умер от укуса змеи в Норвегии, куда он возвратился после своих подвигов на Руси.[8]

Очевидно, что Киев не мог быть последней целью натиска Олега с севера. Он должен был послужить ему базой для дальнейшего движения на юг, нацеленного на открытие путей к Черному и Азовскому морям, с Транскавказом и Константинополем в качестве финального приза. Однако его непосредственной задачей было сделать саму базу достаточно сильной, а свой контроль над речными путями между Новгородом и Киевом абсолютным. Согласно "Повести временных лет", именно Рюрик начал строить сеть укреплений в землях словенов, кривичей и мери,[9] т. е. в районах Новгорода, Смоленска и Ростова. Отряды варягов были расквар-

тированы во вновь построенных фортах, и три племени должны были выплачивать дань за их содержание. Итак, Олег хотел лишь следовать политике Рюрика по консолидации власти на севере.

Киевская база была расширена с покорением древлян - воинственного племени, обитавшего в зто время в бассейне Припяти, на северо-западе от земли полян, т. е. собственно региона Киева. Олег установил для них дань в мехах (около 880 г.). Дальнейшему наступлению на юг и юго-восток, по рекам Днепр и Буг, противились мадьяры. Земли на восток от среднего и нижнего Днепра контролировались хазарами.

Хазарская проблема стала первостатейной по значимости для Олега. Подобно своим киевским предшественникам Аскольду и Диру, ему, должно быть, не терпелось установить связь с русским каганатом в регионах Азова и Тмутаракани. Приблизительно в первый или второй год своего правления в Киеве Олег частично преуспел в этом начинании. Его посланцы и, возможно, некоторые его подразделения, направленные для усиления армии русского кагана, могли использовать речные пути, протянувшиеся через степи от изгиба Днепра до Азовского моря.

Воодушевленный помощью, полученной от Олега, русский каган послал грабительскую экспедицию к Каспийскому морю, которая высадилась в его юго-восточной части в районе Мазендарана около 880 г. Однако экспедиция закончилась катастрофой.[10] Очевидно, что ситуация предполагала более тесное единение сил между Киевом и Тмутараканью. Для достижения этой цели следовало избавиться от хазарского контроля над славянскими племенами к востоку от среднего Днепра. И, конечно, следующим шагом Олега стало распространение своей власти на эти племена. Около 882 г. он нанес поражение северинам, после чего они прекратили выплату дани хазарам и взамен согласились платить "легкую дань" Олегу.

Под впечатлением победы над северинами их северо-западные соседи - радимичи - добровольно согласились (885 г.) платить Олегу ту же дань, что прежде они выплачивали хазарам. В этом случае дань была в серебряных монетах (шеляг). Затем внимание Олега сместилось на юго-запад. Летописец вскользь неясно упоминает, что он начал войну против уличей и тиверцев - двух южнорусских племен, которые населяли бассейны нижнего Днестра и Буга.[11] Оба племени в зто время до определенного предела находились

под контролем мадьяр, и мы можем предположить, что в своей оппозиции Олегу они действовали как вассалы мадьярского *воеводы* Арпада. Итак, хотя летописец представляет этот конфликт как войну между Олегом и двумя южнорусскими племенами, в действительности это была война между Олегом и мадьярами.

Мадьяры контролировали в это время всю юго-западную территорию Украины - бассейны нижнего Днепра, Буга и Днестра. До этого, как можно предположить, мадьярский воевода являлся также сюзереном Киева, где Аскольд и Дир действовали как его наместники или вассалы.[12] Захват Олегом Киева означал конец мадьярского владычества над ним, и после убийства им Аскольда и Дира отношения между Олегом и мадьярским воеводой должны были обостриться. Каждая из сторон имела претензии к другой. Предположительно мадьяры хотели восстановить власть над регионом Киева; новый властитель Киева, с другой стороны, нуждаясь в доступе к Черному морю, должен был или договариваться с мадьярами, или вытолкнуть их со своего пути.

Конфликт между Олегом и мадьярами, уличами и тиверцами, очевидно, имел место около 890 г., в любом случае не позднее 893 г., поскольку в следующем году мадьяры были уже вовлечены в войну с дунайскими булгарами.[13] Судя по тональности фрагмента, упоминающего о ней в "Повести временных лет", война между Олегом и мадьярами была решающей.

Инициатива по подготовке мадьярского вторжения в Булгарию около 894 г. может быть приписана византийской дипломатии. По "Повести временных лет", император Лев Мудрый "нанял" мадьяр против булгар, которые в это время угрожали безопасности византийских владений на Балканах.[14] Булгары были разбиты, а их страна разграблена. В отчаянии они обратились за помощью к патзинакам (печенегам) - тюркскому народу, обитавшему в Казахстане, одна из орд которого скиталась тогда в Черноморских степях. Сумели ли печенеги проникнуть сквозь оборону хазар вдоль нижнего течения Волги и нижнего Дона, или же хазары по известным им причинам разрешили им пересечь Дон в западном направлении, неизвестно.

Атакованные одновременно булгарами с юга и печенегами с востока, мадьяры были полностью разбиты (около 897 г.), у них оставался единственный выход - освободить юг России. Одна их

группа двинулась на запад вверх по Дунаю и в итоге достигла Паннонии. Другая пошла на север по направлению к Киеву и разбила свои палатки на его окраинах.[15] Оказавшись неспособными захватить город, они повернули на запад к Трансильвании. Эта группа называлась "черные угры" в "Повести временных лет". В конце концов обе группы объединились, установив свой контроль над регионом среднего Дуная и Тисы, т. е. на территории сегодняшней Венгрии (около 899 г.).[16]

Оккупация Венгрии мадьярами стала судьбоносным событием в истории славян, из которых три группы - западная, восточная и южная - теперь оказались частично отделенными друг от друга мадьярским клином. Непосредственным результатом мадьярского вторжения было падение королевства Великой Моравии. Его большая часть была оккупирована мадьярами. Белая Хорватия, т. е. Галиция, присягнула в верности Олегу. В повествовании летописца о походе Олега в 907 г. против Константинополя как хорваты, так и их соседи дулебы (в регионе Волыни) упоминаются среди русских племен, участвовавших в кампании. Для Олега наиболее важным результатом мадьярской миграции было то, что весь днепровский речной путь от Киева до Черного моря оказался теперь в его распоряжении. В поздних источниках остров Св. Григория (Хортица) на Днепре, ниже порогов, и остров Св. Этерия (Березань) в днепровском устье упоминаются как главные стоянки русских купцов на пути к Константинополю. Предположительно плавбазы на обоих островах были основаны Олегом сразу после ухода мадьяр.

В перечне русских племен, принявших участие в кампании Олега в 907 г., мы также находим имя тиверцев, чьи поселения были в устье Днестра. Возможно они были завоеваны Олегом в водной экспедиции, начавшейся из Березани. Однако войска Олега могли также достичь тиверцев с севера, высадившись вдоль Днестра из Галиции.

Обратимся теперь к походу Олега 907 г. Согласно "Повести временных лет", это была комбинация кавалерийского рейда через Булгарию и морской операции.[17] В последней, как говорят, участвовало две тысячи лодок Русские достигли Константинополя одновременно с суши и с моря, и окраины имперской столицы были безжалостно разграблены Греки преградили доступ к внут-

ренней части Константинополя - Золотому Рогу - цепями, но по истории летописца, Олег приказал поставить лодки на колеса и таким образом по крайней мере часть русской эскадры добралась посуху к расположенным выше богатствам Золотого Рога. Греки запросили мира, согласившись платить дань и заключить торговый союз, выгодный для русских. Перед отходом от Константинополя Олег, согласно преданию, водрузил свой щит на ворота города.

Прямого упоминания об этой кампании в Византийских источниках нет, и многие историки выражают сомнение относительно подлинности русского повествования. Среди тех, кто отказывается принять его, немецкий ученый Герхард Лэр и бельгийский специалист в области византинистики Анри Грегуар.[18] Однако большинство исследователей как русской, так и византийской истории все же рассматривают жизнеописание "Повесть временных лет" в целом как достоверное. Византинист Георгий Острогорский подверг воззрения Грегуара детальной критике,[19] убедительность которой наверняка Грегуар не склонен признать. Я же с нею согласен.

По моему мнению, лучшим доказательством истинности повествования "Повести временных лет" является содержание русско-византийских договоров 907 г. и 911 г. О первом в "Повести" есть лишь краткое упоминание, относительно второго - полный текст. Достоверность последнего очевидна, поскольку словесное оформление русского текста делает абсолютно ясным, что это - перевод с греческого, демонстрирующий все черты формального стиля византийских документов подобного типа. Итак, содержание обоих договоров столь выгодно русским, что ни один византийский император того времени не согласился бы подписать такой документ без принуждения, связанного с военным поражением.

Далее, как указывает Острогорский, хотя в византийских источниках не существует прямого упоминания о походе Олега, можно найти некоторые непрямые свидетельства. В своей книге "De Cerimoniis Aulae Byzantinae" Константин Багрянородный упоминает об участии вспомогательных русских судов в критской экспедиции 910 г. Они, вероятно, были посланы Олегом в знак его дружбы с императором.[20] Можно также подчеркнуть, что в арабском труде "Табаи аль-Хайа-ван", принадлежащем Марвази (написан около 1120 г.) русские, по преданию, достигли Кон-

стантинополя "несмотря на цепи в заливе". Как предполагает В. Ф. Минорский, это, возможно, является ссылкой на кампанию Олега 907 г.[21]

Согласно условиям договора 907 г., греки должны были заплатить огромную контрибуцию - по двенадцать *гривен* за каждую уключину двух тысяч русских лодок - и в дополнение выделить специальные фонды для важнейших русских городов (Киева, Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любека и других). Из этих фондов византийское правительство должно было обеспечить обильную пищу для купцов этих городов в течение их пребывания в Константинополе, а также снабдить их лодки едой и всем необходимым для обратного пути из Константинополя на Русь. Во время визита русских в Константинополь их размещали в пригороде, близ церкви Св. Богородицы. Им разрешалось входить в город, не имея при себе оружия, группами не более пятидесяти человек, в сопровождении византийского комиссара. Характерно, что русские купцы при торговых сделках не должны были платить какую-либо пошлину.[22]

Договор 907 г. стал основанием дальнейшему коммерческому взаимодействию между русскими и греками. В соглашение 911 г. было добавлено несколько юридических деталей технического порядка.[23] Разрешение проблем взаимных оскорблений, убийств, воровства и других преступлений, совершенных гражданами одной страны против граждан другой, подверглось урегулированию, особое внимание уделялось случаям бегства рабов. Все условия основывались на духе полного равноправия двух наций. Возможно, наиболее замечательной чертой договора является взаимное обещание оказывать помощь потерпевшим кораблекрушение торговцам чужеземного происхождения. Это противоречит так называемому "береговому праву", практиковавшемуся в большинстве европейских стран в это время, согласно которому в случае кораблекрушения местные властители должны были конфисковать все выброшенные на берег вещи потерпевшего бедствие торговца и обратить в рабство его вместе с командой. Закон был отменен в Италии в двенадцатом столетии, а в Англии и Фландрии в тринадцатом веке первоначально только по отношению к ганзейским купцам. Общий же отказ от практики "берегового права" в Европе произошел еще позже.

3. Первые неудачи: Игорь

Успех Олега в Черном море открыл дорогу русской торговле, оживив коммерческое взаимодействие между русскими и греками, что создавало основу благосостояния для княжества.

Картина того, как осуществлялась русская торговля с Константинополем в десятом веке, может быть получена из сочинения Константина Багрянородного "De Administrando Imperio".[24] Согласно этому автору, существовало регулярное расписание для сбора товаров и их отправки. В ноябре киевский князь и члены его дружины начинали объезд славянских племен для сбора дани (*полюдье*). Из других источников мы знаем, что главными товарами в русской экспортной торговле в это время были меха, воск и рабы. Все это доставлялось киевскому князю во время посещения платящими дань племенами. Некоторые из них, как известно, платили деньгами. Князь и его дружина проводили таким образом всю зиму, с тем, чтобы возвратиться в Киев в апреле. Одновременно славяне, живущие в верховьях Днепра, начинали делать лодки из выскобленных стволов деревьев, и уже весной, когда озера и реки освобождались от льда, их перегоняли в Киев и продавали "русским", т. е. князю, его свите и киевским купцам.

Затем лодки оснащали уключинами и загружали. Мы можем легко вообразить лихорадочную деятельность по сбору флотилии, в которую, очевидно, вовлекались тысячи людей. Каждый год в апреле и мае Киев выглядел как большая верфь, где кипела работа. Как только все было в состоянии готовности, флотилия двигалась вниз до днепровских порогов. Здесь лодки разгружали и тянули по суше вместе с товарами вдоль берега реки, ниже быстрин их вновь загружали. Позднее, когда печенеги, полные сил, пришли в черноморские степи, пересечение порогов стало опасной операцией для русских: уязвимые во время перемещения груза волоком, они подвергались атакам кочевников.

Ниже порогов вновь собранная флотилия останавливалась на острове Св. Григория, где русские язычники под огромным дубом приносили в жертву своим богам петухов. Следующая остановка была в устье Днепра на острове Св. Этерия, здесь лодки оснащались парусами. Затем они плыли на запад вдоль северного побережья Черного моря к устью Днестра, откуда после остановки шли к

устью Дуная. От дельты Дуная они следовали к Константе, Варне и Месембрии, которая во времена творческой активности Константина (около 953 г.) являлась последней точкой русского путешествия.

На обратном пути (не описанном Константином) русские везли более деликатные товары - шелковые ткани, специи, вина и фрукты. Поскольку этот груз требовал гораздо меньше корабельного пространства, часть лодок, возможно, продавалась грекам и булгарам или же просто оставлялась, освобожденная от уключин, парусов и другой экипировки.

Вряд ли можно определить с какой-либо степенью точности объем товаров, переправлявшихся каждое лето из Киева в Месембрию, однако правомерно порассуждать об этом. Из воспроизведенной Константином картины создается впечатление, что флотилия была огромна. Предположительно она состояла из нескольких сотен лодок, возможно, - более тысячи. Конечно, они представляли собою, по определению Константина, monoxila, т. е. каждая из них делалась из монолитного ствола дерева. Но такие стволы, срубленные в девственных лесах Северной Руси, должны были быть громадными.

Аналогичные лодки использовались запорожскими казаками в шестнадцатом и семнадцатом столетиях.[25] Казаки фактически имели лодки двух типов: речные и морские. Казацкое слово для обозначения лодки - "чайка" берет начало от тюркского "чэй" - река и изначально было приложимо к маленьким лодкам, но позднее стало обозначать также и другой их тип. Речная лодка являла собою чистый и простой моноксилон - каноэ. Она использовалась для рыболовства и для перевозки малых грузов; ее грузоподъемность составляла десять человек. Подобные каноэ, без сомнения, использовались русскими киевского периода для аналогичных целей, но киевский моноксилон, ориентированный на византийскую торговлю, должен был быть значительно больше, и по типу более схожим с морской или казацкой чайкой. Для этого ствол дерева служил лишь основанием, на котором из тяжелых дубовых досок воздвигалась сама лодка. Чайка имела длину от пятидесяти до семидесяти футов, ее вершина была от восемнадцати до двадцати футов, а высота около двадцати футов. Она вмещала от пятидесяти до семидесяти вооруженных казаков, от четырех до шести легких

пушек и значительное количество амуниции и еды. Судно было экипировано мачтой и двадцатью - сорока веслами. Предполагая, что лодки русской флотилии десятого века имели сходство с мореходными казацкими лодками и что ежегодная флотилия насчитывала не менее пятисот единиц, общий объем перевозимого груза должен был составлять порядка десяти тысяч тонн. А если предположить, что половина объема использовалась для транспортировки "живого товара" - рабов, или иных целей, то при самом скромном подсчете собственно товар весил около пяти тысяч тонн.

Это - небольшой объем груза для торгового флота по нашим меркам. Однако он весьма впечатляет при сравнении с общепринятыми стандартами практики средневековья. Даже в четырнадцатом и пятнадцатом столетиях общий товарный объем годичных перевозок из Италии в Германию через Ст. Готтарский перевал - один из основных путей европейской континентальной торговли в средние века - обычно составлял 1250 тонн.[26] Совокупный тоннаж итальянских и ганзейских торговых флотилий этого периода был гораздо больше, но в десятом веке западная морская торговля не могла представить чего-либо схожего с русско-византийской торговлей.

Итак, если мы рассматриваем ежегодную русскую флотилию в границах каролингской коммерции, то должны прийти к заключению, что размеры русской зарубежной торговли были значительно выше западноевропейских объемов этого периода.

Описание Константином русской флотилии является ценным источником не только для исследования русской торговли, но также и для изучения русского государства и способа правления в первой половине десятого столетия. Согласно этому писателю, сердце русского государства находилось в Киеве, и лишь киевский регион назывался в собственном смысле Русью. Все остальное являлось "окраиной Руси" (exo Rossia), состоящей из славянских племен, которые платили дань киевскому князю.[27] Однако было бы неправильным заключить, что все эти земли были просто киевскими колониями. Картина, данная Константином, неполна, ее можно дополнить свидетельствами из других источников. Прежде всего, следует упомянуть, что множество племен подчинились Киеву на различных условиях. Некоторые платили дань в натуральном выражении, другие - деньгами; одни несли более тяжелую, другие

лишь "легкую", т. е. номинальную повинность. Далее мы должны рассмотреть свидетельства русско-византийского договора 907 г., согласно которому греки обязаны были выделить отдельные фонды для ведущих русских городов - Киева, Чернигова, Переяславля и т. д. Как отмечает летописец, в каждом из этих городов властвовал собственный князь. И, разумеется, из преамбулы к русско-византийскому договору 911 г., равно как и из договора 945 г., мы знаем, что ни Олег, ни Игорь не были единственными правителями Руси, другие князья упоминаются как подчиняющиеся власти великого князя. Итак, мы имеем феодальную лестницу с сюзереном во главе и вассалами внизу. Далее, хотя нам мало известно об отношениях между Киевом и Тмутараканью в это время, из скудных свидетельств мы можем предположить, что последний город все еще управлялся собственным князем - каганом.

В любом случае политическая структура Руси в первой половине десятого века при всей ее примитивности была гораздо более сложна, чем можно представить, базируясь лишь на свидетельствах повествования Константина Багрянородного. Видимо степень субординации племенных князей по отношению к киевскому князю в различных случаях варьировалась. Некоторые из них скорее были союзниками, нежели вассалами.

Положение князя в провинциях, где дань взималась натурой самим великим князем, возможно, было наиболее тяжелым. Однако даже в таких случаях должно было существовать определенное соглашение относительно доли великого князя в местных налоговых сборах, и если договоренность нарушалась с его стороны, местный князь, очевидно, прибегал к противодействию, как мы видим из истории смерти князя Игоря в "Повести временных лет".

Давайте теперь обратимся к Игорю и его политике. Согласно традиции, Игорь был потомком Рюрика, и нет никаких поводов сомневаться в этом. Однако можно предположить, что он был скорее внуком Рюрика, нежели его сыном, как утверждается в "Повести временных лет". При Олеге Игорь должен был играть всецело подчиненную роль. Он упоминается лишь однажды по поводу его женитьбы, и даже здесь упоминается, что этот союз был организован Олегом (903 г.).

Женой Игоря была Ольга - уроженка Пскова. У нее скандинавское имя, но она должна была быть славянской девушкой, как

вскоре будет объяснено. В то время как Игорь описывается в летописи с малой симпатией, его жена возвеличивается как "мудрейшая среди женщин". Поскольку Ольга в конце концов стала христианкой, ее популярность у летописцев может быть легко объяснена. Однако язычество Олега и Святослава не лишало этих князей похвалы летописцев. Должно быть в природе Игоря было что-то, объяснявшее холодность летописцев по отношению к нему. В истории его смерти он подается как жадный и коварный человек. Возможно, что таким он и был.

По свидетельству "Повести временных лет" у Игоря и Ольги был только один сын - Святослав. Ко времени смерти Игоря (945 г.) он был ребенком, появившимся на свет, по Лаврентьевскому списку, в 942 г. Если принять на веру дату женитьбы Игоря по "Повести временных лет" (903 г.), Ольге было гораздо за сорок или даже за пятьдесят во время рождения Святослава, если ко времени своего замужества она была совсем девочкой. Очевидно, Святослав не был ее первым ребенком. Если мы признаем, что он имел старших братьев, то одного из них можно предположительно отождествить с "Халгу, королем Руси", упомянутым в еврейском документе, в так называемом "Письме хазарского еврея десятого века", впервые опубликованном Шлехтером в 1912 г. О нем полнее будет сказано в заключении этого раздела. Достаточно отметить здесь, что Халгу - очевидно то же имя, что и Хелги - в русском произношении Олег.

Согласно "Повести временных лет", князь Олег умер в 913 г. (возможно, в 912 г.). Кажется возможным, что удачно завершив свои переговоры с Византией и получив Черное море для русской торговли, он обратил свое внимание на Каспийское море и Транскавказский регион. Предпосылкой для этого было тесное взаимодействие между Киевской Русью и тмутараканскими русскими. В 909 - 910 гг. шестнадцать русских кораблей, предположительно посланных тмутараканским каганом, появились на южных берегах Каспийского моря. Русские попытались высадиться в Энзели, но были отбиты.[28] Со всей очевидностью это была разведывательная экспедиция, за которой должна была последовать действительная кампания, подготовка к которой началась сразу же после первой

Поход был осуществлен после смерти Олега (913 г.). Его преемник Игорь должен был лично вести свою дружину в Тмутара-

кань, естественную базу для наступления. Однако он не пошел дальше, поскольку новости о восстании древлян побудили его возвратиться в Киев с частью своих войск. Другая часть осталась в Тмутаракани. Русские поднялись вверх по Дону к волжскому волоку и вниз по Волге спустились к Каспию. Они получили разрешение хазарского кагана на экспедицию в обмен на обещание поделить трофеи.

Русские разграбили юго-западные берега Каспийского моря, используя Апшеронский полуостров (регион Баку) в качестве базы для сохранения трофеев. Они поддерживали базу в течение нескольких месяцев, после чего на тяжело нагруженных награбленными вещами судах направились домой. Несмотря на отданную кагану установленную соглашением долю добычи, в устье Волги они были коварно атакованы его гвардией и полностью разбиты. Согласно Масуди, около тридцати тысяч русских погибли и лишь некоторые уцелели (914 г.).[29]

Тем временем Игорь подавил восстание древлян, наложив на них в наказание более тяжелую дань. Его злоключения, однако, не закончились, поскольку в 915 г. на Русь (т. е. в киевские земли) вторглись печенеги. С ними как-то удалось достичь соглашения, и они отправились с рейдом на Булгарию. Пять лет спустя (920 г.) они появились вновь, и Игорю пришлось с ними сразиться. Из этих кратких сведений в "Повести временных лет" можно увидеть, что в это время печенеги еще не представляли какой-либо реальной опасности для Руси. Их главная орда все еще находилась к востоку от Волги. Впоследствии в балканской кампании Игоря 944 г. печенеги действовали как его союзники.

В "Повести временных лет" не содержится информации о политике с 920 по 941 г. Предположительно, это был период мира, в течение которого русские собрали силы для дальнейших экспедиций против Анатолии и Транскавказья. "Повесть" описывает лишь анатолийскую кампанию (941 г.); арабские источники говорят о русском походе в Транскавказье (943-944 гг.), в то время как еврейские документы проливают некоторый свет на взаимосвязь между ними.

Начнем с анатолийской кампании Игоря.[30] Малая Азия была в это время частью Византийской империи. Причины разрыва Игоря с греками неизвестны; его морская экспедиция в Анатолию в

941 г. очевидно была совместной операцией киевских и тмутараканских русских. "Письмо хазарского еврея" упоминает имя "Халгу, король русских" в связи с русской войной против греков и последующим "выводом" русских в "Персию" (Транскавказье) [31] Согласно моему предположению, Халгу или Олег был сыном Игоря. Он не мог быть князем Киевской Руси, поскольку киевский стол принадлежал самому Игорю. Поэтому мы можем предположить, что он был князам, или каганом, тмутараканских русских.

Русские высадились на побережье Анатолии на Черном море и разграбили византийские провинции Вифинию и Пафлагонию, продвигаясь на запад до Никомедии, до того момента, как византийским полководцам удалось собрать достаточное войско для отражения агрессоров. Когда последние добрались до своих судов, их флотилия была атакована византийской морской эскадрой и легко побеждена при помощи знаменитого "греческого огня" [32] Оказывается, что в то время, как сам Игорь вернулся в Киев, большая часть тех, кто остался от русской армии, двинулась в Тмутаракань, откуда двумя годами позже они предприняли кампанию против Транскавказа.

В это время богатый город Бардаа в Азербайджане оказался главной целью русского натиска. Итак, русские в этом случае последовали по пути Саварти, который атаковал Бардаа между 750 и 760 гг. По моему предположению, Саварти мог быть шведом [33] Русская кампания в Азербайджане описана в деталях в арабской хронике Ибн-Мискавейха, который жил в конце десятого - начале одиннадцатого вв. (умер около 1030 г.). Он пишет: "*В этом 332 г. гиджры (943-944 гг.) армия народа, названного русскими, вторглась в Азербайджан, где они атаковали и захватили Бардаа, беря в плен его жителей. Они - могучий народ с большим размахом и великой смелостью. Им неизвестно поражение, и никто из них не поворачивается спиной к врагу пока не убил его или сам не убит*".[34]

Приблизившись к городу, русские обратились к жителям со следующим воззванием: "*Между нами нет спора по поводу религии; мы лишь хотим власти; нашим долгом является хорошо относиться к вам, а вашим быть верными нам.*" Поскольку город отказался капитулировать, русские штурмовали его и приказали всем жителям эвакуироваться в течение трех дней. Те, кто

остался после этого срока, были либо убиты, либо должны были выплатить огромный выкуп.

Используя Бардаа в качестве своей базы, русские разграбили его окрестности и собрали огромное количество трофеев. Там они провели несколько месяцев, но в конце концов были окружены и разгромлены превосходящими их мусульманскими силами. Их предводитель был убит в сражении. Остатки русской армии "*направились к реке Кур, были готовы суда с командой, на которых они отправились из дома. Они погрузились и отправились, и Бог спас их от мусульман*".

В еврейском документе, приведенном ранее, говорится, что король Халгу погиб "в Персии" с основной частью своего войска. Мы можем предположить в таком случае, что "предводитель" русских, упомянутый в истории Ибн-Мискавейха, был Халгу.

Катастрофические последствия транскавказской кампании и потеря сына Олега (если Халгу был его сыном) не отвратили Игоря от еще одной попытки ударить по Византии. Согласно "Повести временных лет", он нанял ватагу варягов "за морем" (т. е. в Скандинавии), равно как и орду печенегов, с тем чтобы укрепить киевские войска. Среди славянских племен согласились участвовать в кампании словене, кривичи и тиверцы.[35]

Летом 944 г. армия Игоря достигла берегов Дуная, где и была встречена посланцами византийского императора, которые привезли богатые подарки как для русских, так и для печенежских предводителей и предложили мир. Игорь собрал свою свиту на военный совет. Воспоминания о разрушительной силе "греческого огня" все еще преследовали русских бояр, и совет проголосовал за принятие византийского предложения. Формальное мирное соглашение было подписано в 945 г.

Византийско-русский договор 945 г. может быть охарактеризован как подтверждение и продолжение договоров 907 и 911 гг. Он более детализирован и точен, нежели ранние соглашения. Лишь в одном пункте урезаны привилегии русских купцов: условие относительно освобождения от пошлинных платежей не было включено в Игорев договор. В дополнение к статьям торгового и юридического порядка имеются два примечательных политических пункта относительно Крыма ("Корсунская земля", Корсунская страна) и черных булгар (пункты 8 и 11, Владимирский-Буданов).[36]

Текст этих пуктов довольно неясен, и их содержание интерпретировалось учеными различным образом. Насколько я их понимаю, они составляют специальное соглашение между "русским князем" и византийским императором, согласно которому князь брался защищать Крым от черных булгар, а император обещал свою помощь князю в его конфликте с теми городами Крыма (очевидно, находившимися под хазарской властью), которые не признают его власть; таким образом, соглашение утверждало альянс между русскими и византийцами против хазар и черных булгар.[37]

Теперь возникает вопрос, кто был "русским князем", упомянутым в пунктах 8 и 11 соглашения?[38] Им не мог быть Игорь, поскольку его титул был "великий князь". Титул упомянут во многих пунктах договора (1, 2, 16). Однако, согласно пункту 1, договор был заключен не только от имени "великого князя", но и от имени "*Игоря, великого князя русских, и всех князей, всех людей земли русской*". Каждый член княжеской семьи, включая жену Игоря Ольгу, был представлен своим собственным посланником. Представлены были две русские женщины, каждая специальным посланником: Сфандра, жена Улеба (Глеба) и Предслава. Могла ли быть Предслава вдовой Халгу (Олега) Тмутараканского?

В любом случае, русские из Тмутаракани должны были быть представлены на переговорах, которые повели к заключению договора, и, возможно, властитель Тмутаракани подразумевается под титулом "русский князь" в пунктах 8 и 11 договора.

Из текста соглашения, если я правильно понимаю, становится очевидным, что князь тмутараканских русских контролировал в середине десятого столетия некоторые части восточного Крыма в дополнение к Тмутаракани. Он также, как оказывается, контролировал как восточное побережье Азовского моря, так и устье Дона. Этот регион был одним из центров аланов-ас со второго века.[39] Поскольку, согласно моей догадке, под "черными булгарами" подразумеваются волжские булгары,[40] именно благодаря своему контролю бассейна нижнего Дона "русский князь" был в состоянии предотвратить вторжение черных булгар в Крым.

Договор 945 г. должен рассматриваться как важное достижение политики Игоря. Однако лично он не был удовлетворен, по-

скольку подарки, полученные от императора, не были достаточными для покрытия расходов его неудавшейся кампании 944 г. Для этого похода, как нам известно, он нанял печенегов и варягов, чтобы усилить свой натиск на Константинополь. Очевидно, он надеялся заплатить им часть трофеев. Но трофеев не было, а вспомогательные войска требовали установленной платы. Игорь удовлетворил печенегов, позволив им разграбить Булгарию. Но оставались еще варяги со своими притязаниями. Именно в свете разрешения этих требований мы можем лучше всего понять отношения между Игорем и его воеводой Свенельдом. Свенельд сыграл важную роль в событиях, поведших к смерти Игоря, и позднее стал одним из главных помощников сына Игоря - Святослава. И все же имя Свенельда не включено в перечень русской знати договора 945 г. Очевидное заключение сводится к тому, что во время подписания договора он не считался русским (т. е. киевским русским или тмутараканским русским). Предположительно, он был одним из нанятых варягов; более точно, командиром варяжского отряда, нанятого Игорем.

Согласно летописи Никона, Игорь гарантировал Свенельду право собирать дань с уличей и древлян.[41] Это, очевидно, было сделано, чтобы уладить вопрос с варяжскими требованиями. Уличи в это время еще не признали власть великого князя и Свенельд должен был сперва завоевать их.

Хотя варяги были таким образом удовлетворены, русская дружина Игоря стала ворчать: *"Слуги Свенельда украшены оружием и прекрасными одеждами, а мы голы. Пошли с нами, о князь, за данью, которой можем воспользоваться и ты, и мы."*[42] После этого Игорь повел свою дружину в землю древлян и, несмотря на их протесты, собрал с них дань в дополнение к полученной Свенельдом. Очевидно, что большая часть ее ушла к его окружению, и Игорь еще раз возвратился в землю древлян в сопровождении немногих, оставшихся с ним, для получения личной доли дани. На этот раз древляне не потерпели вымогательства. Согласно красочной истории "Повести временных лет", их князь Мал сказал народу: *"Если волк появился среди овец, он уволочет все стадо - одну овцу за другой, если его не убить"*.[43] Затем древляне атаковали Игоря и его маленькую свиту и убили всех их.

4. Передышка: Ольга

Ко времени смерти Игоря его сын Святослав был просто мальчиком, и именно поэтому его вдова, княгиня Ольга, взяла власть в свои руки. Благодаря своему окончательному обращению к христианству и последующей канонизации, Ольге уделено огромное внимание в русских летописях, равно как и в исторической традиции. Даже строгое наказание, которому она подвергла древлян, чтобы отомстить за смерть Игоря, описывается летописцем с очевидным обожанием ее мудрости и возможностей.[44]

В определенном смысле решение Ольги принять христианство является само по себе свидетельством ее разумности и тонкости интеллекта. Но в дополнение имеется еще и свидетельство ее возможностей как правительницы. В целом, она должна была быть замечательной женщиной.

Ольга родилась около 890 г. в Пскове, возможно, в славянской семье. Пытаясь установить ее национальное происхождение, мы должны начать с антропологических данных ее великого внука Ярослава Мудрого, сына Владимира Святого. Согласно недавнему исследованию скелета Ярослава, его череп не относится к нордическому типу; он схож с черепами новгородских словенов. От кого мог приобрести Ярослав славянские черты? Его матерью была Рогнеда, княгиня Полоцкая скандинавского происхождения. Его отец Владимир был сыном Святослава и домоуправительницы Ольги Малуши. Дед Владимира Игорь был, как мы знаем, скандинавского происхождения. С тем, чтобы объяснить славянский антропологический тип потомков Владимира, мы должны предположить, что либо его мать или бабушка или та и другая были славянского происхождения. Согласно Шахматову, его мать Малуша была норвежкой, а имя Малуша является русской версией скандинавского имени Малфрид. Если это так, то Ольга единственная среди предков Ярослава может быть ответственной за его славянский тип. Остается, однако, возможность, что как Ольга, так и Малуша, обе были славянского происхождения. Имя Ольга, разумеется, скандинавское (Хелга); она могла получить его во время своего бракосочетания.

Ольга была богатой женщиной. Еще до кончины Игоря она владела поместьями с землей в различных частях княжества. В

летописях упоминается, что город Вышгород близ Киева принадлежал ей; кроме того, она имела деревню Ольжичи в районе Десны и несколько деревень в районах Пскова и Новгорода. После смерти Игоря Ольга должна была стать наиболее богатой землевладелицей на Руси. Это - важный момент, поскольку ее административные реформы были начаты и проверены в ее собственных владениях.

Ее главной целью стало предотвращение впредь инцидентов, подобных тому, что повлек за собою смерть ее мужа. Поэтому она отменила обычай *полюдья* - зимней экспедиции князя по сбору дани. Вместо этого страна была разделена на несколько районов, каждый из которых находился под властью наместника князя или местного органа по сбору налогов. Такой местный орган стал известен как *погост*. Иными словами, дань, собираемая с автономных племен, была заменена одинаковыми налогами, выплачиваемыми всем населением. В ходе реализации этой реформы большинство местных князей лишились своей власти, а автономия племен была радикально урезана. Это привело к централизации финансовой администрации, по крайней мере по отношению к Западной Руси (земле древлян) и Северной Руси (новгородская земля). Киевский край находился в ведении постоянной княжеской администрации еще до правления Олега.

Теперь обратимся к ее крещению. Ко времени смерти Игоря значительное количество русских бояр должно уже было быть крещено. Как "христианская Русь", так и "языческая Русь" упомянуты в русско-византийском договоре 945 г.; у Святого Еллия имеется также ссылка на русскую Церковь. Согласно "Повести временных лет", Ольга была крещена в Константинополе в 955 г. Этой информации противоречит официальное описание ее приема в императорском дворце в Константинополе в "De Cerimoniis Aulae Byzantinae" Константина Багрянородного.[45] По этому документу, датой визита Ольги в Константинополь является 957 г.; он также объясняет, что ко времени ее визита она уже была христианкой.

Большинство русских историков пытаются разрешить эту загадку, предполагая, что Ольга ездила в Константинополь дважды: в 955 г., когда она была крещена, и еще раз - в 957 г. Эта теория кажется искусственной и едва ли обоснованной, и в этом все более убеждаешься, поскольку в описании Константина не содержится и

намека, что ее прием во дворце в 957 г. не был первым. Более того, путешествие киевской княгини в Константинополь не было обычным событием, и если бы Ольга предприняла два путешествия, это, вероятно, было бы зафиксировано в ее жизнеописании. Гораздо более вероятно, что княгиня была крещена в Киеве в 955 г., так же, как был позднее крещен ее внук Владимир в 988 г. Ее крещение, очевидно, было поддержано Константинополем, поскольку она приняла христианское имя Елена, бывшее именем жены императора Константина. Аналогичным образом Владимир позднее принял имя Василий в честь правящего императора.

Хотя обращение Ольги в христианство должно было укрепить христианскую партию Киевской Руси, за ним не последовало обращения всего народа. Языческая партия была еще сильна, сплачиваясь вокруг ее сына Святослава, мальчика в возрасте чуть более десяти лет во время крещения его матери. Бесполезными были усилия Ольги рассказать ему о христианской вере - он отказывался слушать.[46]

Как и в некоторых других случаях обращения славян в христианство, например, в Болгарии, оппозиция перемене вероисповедания была отчасти политической. Учитывая тесную связь между Церковью и государством в Византии, можно полагать, что как только иной народ подвергался обращению, византийский император настаивал на признании новообращенными не только власти константинопольского патриарха как главы их Церкви, но также и властных полномочий императора как их политического сюзерена.

Для предотвращения подчинения императору, каждая славянская нация старалась ограничивать также власть патриарха. Поэтому славянские лидеры в каждом случае пытались организовать свою Церковь как автокефальный институт. В качестве предварительного шага они настаивали на ее существовании как национальной единицы - диоцеза патриарха Константинополя, возглавляемого митрополитом или архиепископом. Когда подобная претензия была отвергнута, булгары временно изменили свою приверженность константинопольскому патриарху в пользу римского папы.[47] В конце концов булгарская Церковь получила статус автокефальной от патриарха.

В случае Ольги языческая партия на Руси не могла предотвратить ее личное обращение, но со всей очевидностью находилась в

оппозиции к обращению народа до той поры, пока русской Церкви не будет гарантирована некоторая автономия. С целью ходатайствовать об автономии Ольга и приехала в Константинополь в 957 г. Ее миссия не принесла желаемого результата, поэтому она повторила политику булгарского хана, обратившись к Западу - в ее случае к императору Священной Римской империи Оттону I.

Согласно летописцу, продолжившему хронику Регино, в 959 г. посланцы княгини прибыли к императору Оттону, прося о направлении в Россию епископа и священников, и в 960 г. монах Сент-Альбанского монастыря был рукоположен в епископы Руси, но никогда так и не побывал в этой стране, поскольку заболел и умер в марте 961 г. Монах монастыря Св. Максимина в Триере Адальберт был вслед за этим посвящен и действительно отправился в Киев, но не был принят и возвратился в Триер в 962 г. М. Д. Приселков полагает, что его провал должен был быть результатом непонимания между Ольгой и Оттоном.[48] Ольга потребовала, чтобы киевская Церковь была организована как автономный диоцез под руководством архиепископа или митрополита. Оттон послал ей лишь епископа с ограниченными полномочиями; Церковь должна была быть организована как простая епархия под полным контролем германского духовенства, что представлялось неприемлемым для русских. Интерпретация Приселкова выглядит довольно вероятной.

Неудача Ольги в обеспечении национальной организации для русской Церкви вылилась в подъем языческой партии. Ее лидер, сын Ольги Святослав, теперь получил полноту власти в Киеве.

5. Великое приключение: Святослав

Короткий период царствования Святослава I (962-972 гг.) - один из наиболее драматических эпизодов средневековой русской истории. Работа по созданию фундамента внутренней силы Киевского царства, которая характеризовала правление Ольги, теперь была завершена, и вся дремлющая энергия русских воинов, их воля к имперской экспансии были раскованы, подобно тому как мгновенно распахиваются ворота большой плотины. Извергшийся поток казался сначала неотразимым, угрожающим (как это и случилось)

всем сопредельным землям. Могучие удары следовали один за другим с быстротой молнии: устрашающие легионы Святослава наносили удары в различных краях с огромной быстротой. Очевидно, что русские походы этого периода были хорошо спланированы и подготовлены заранее под личным контролем властителя.

Русский летописец уподобляет Святослава леопарду за быстроту его движений. Его мало занимали жизненные удобства. "*В своих походах он не брал с собой ни фургонов, ни чайников, и не варил мяса, но отрезал маленькие полоски конского мяса, дичи или говядины и ел их после поджаривания на углях. У него также не было палатки, но он подстилал под себя кусок седельной ткани и клал под голову седло*".[49]

Правдивая картина внешности и поведения Святослава может быть обнаружена в книге византийского историка Льва Диакона во фрагменте, который описывает его встречу с императором Иоанном Цимисхием на Дунае в 971 г.

"*Император прибыл на берег Дуная верхом на коне, в золотых доспехах, в сопровождении огромной свиты всадников в блестящем облачении. Святослав пересек реку в чем-то наподобие скифской лодки; у него в руках было весло, также как и у его людей. По внешнему виду он выглядел так: он был среднего роста - не слишком высок, не слишком низок. У него были густые брови, голубые глаза и курносый нос; он брил бороду, но носил длинные и густые усы. Его голова была выбрита, за исключением локона волос на одной стороне как знака благородного происхождения его рода. У него была толстая шея, широкие плечи, и в целом он выглядел красиво сложенным. Он казался мрачным и диким. На одном его ухе висело золотое ушное кольцо, украшенное двумя жемчужинами, между которыми был посажен рубин. Его белые одежды не отличались от одежд его людей и были лишь чище*".[50]

Эта картина Святослава очень похожа на портреты казацких гетманов шестнадцатого и семнадцатого столетий, включая даже локон волос на выбритой голове - так называемый *оселедец*.

Святослав соблюдал жесткие законы ведения войны. Он никогда не атаковал будущего противника без формального объявления войны. Посланец должен был доставить сообщение, которое всегда было очень коротким: "Выступаю против вас". Подобно Оле-

гу, Святослав имел своей главной целью объединение сил Киевской Руси с Тмутараканской Русью, с тем чтобы расширить свой контроль над регионом Азова и в конечном итоге открыть дорогу к Каспийскому морю. Для этого было необходимо разбить хазар. Случилось так, что развитие событий в Крыму дало ему подходящий повод для начала наступления.

Как нам известно из анализа договора Игоря 945 г., существовал тогда спор между тмутараканскими русскими и хазарами по поводу контроля над определенными городами в Крыму. В 962 г. хазары попытались подчинить крымских готов, и об этом событии мы знаем из фрагментов интересного греческого документа этого периода - так называемой "Записки готского топарха".[51] Неспособные отбросить хазар своими собственными силами, готы послали представителя к своим "союзникам" (крымским русским, согласно вероятному объяснению А. А. Васильева[52]), прося последних собраться и обсудить ситуацию. На этой встрече было единогласно решено искать покровительства *"властителя к северу от Дуная, который обладал бы сильной армией и был горд своими военными силами, от народа которого они не отличались по обычаям и манерам"*. Хотя имя правителя этого народа не упомянуто в документе, очевидна ссылка на Святослава и киевских русских. Было отправлено посольство в Киев и заключен договор, по которому крымские готы и русские признавали Святослава как своего сюзерена, а он, в свою очередь, обещал защищать их от хазар. При возвращении домой члены посольской миссии наблюдали интересный астрономический феномен: "Сатурн был в начале пересечения Водолея, в то время как солнце проходило через зимние знаки". Согласно астрономическим вычислениям, в период со второй половины декабря 874 г. до середины декабря 1021 г. Сатурн лишь однажды занимал положение между звездами, отмеченными в "записке" топарха, а именно, в начале января 963 г. Это - один из редких примеров, когда дата исторического события может быть жестко зафиксирована с помощью астрономии.[53]

Именно в 963 г., а не в 965 г. (дата, указанная в "Повести временных лет") Святослав атаковал хазар. Его главный удар был направлен на Саркел (Белая Вежа), хазарскую крепость на нижнем Дону. После ее взятия Святослав подчинил Ясы (осетины) в бассейне нижнего Дона и затем направился на юг в район Кубани,

где косоги (черкесы) заявили о своей верности ему. Без сомнения, первая хазарская кампания была завершена его вступлением в Тмутаракань. На основе предшествующего договора между Святославом и крымскими народами он должен был быть признан в Тмутаракани как русский каган.

Непосредственная хазарская опасность для Крыма и региона Азова была устранена, но великий князь киевский не был удовлетворен: его намерением было завоевать всю Хазарскую империю. Для этого ему нужно было контролировать все течение реки Волги, которое в средней части находилось в руках волжских булгар, а в нижней - хазар. Проход к царству волжских булгар преграждался вятичами, которые в это время все еще являлись вассалами хазарского кагана. Соответственно, следующий удар был направлен против этого племени, которое, согласно "Повести временных лет", было побеждено в 966 г., хотя хронология этого периода нуждается в корректировке. Предположительно они сдались в 964 г., после чего Святослав был готов атаковать волжских булгар. Их столица Булгар подверглась штурму, была взята и разграблена русскими около 965 г.

И только тогда Святослав смог начать подготовку для финальной атаки на хазар. Однако в этот момент его внимание было отвлечено событиями на Балканах. Для понимания балканского фона в этот период необходимо иметь в виду отношения между Византийской империей и Болгарским царством. Константинополь встретил сильную угрозу со стороны болгар в начале десятого века, а затем в девятьсот шестидесятых годах. Используя свой обычный метод натравливания одной "варварской" нации на другую, византийская дипломатия теперь решила адресовать Святославу просьбу о помощи против болгар. Калокир, патриций и главный магистрат Херсонеса, получил соответствующую инструкцию императора Никифора Фоки вступить в переговоры со Святославом.

Выбор посла был очень важен. Херсонес являлся одной из немногих опорных точек в Крыму, все еще находившихся под контролем Империи; Святослав был признанным правителем большей части территории Крыма. Он не нуждался в дополнительных побудительных мотивах, поскольку был столь же заинтересован в Балканах, как и в Хазарии. Следуя по стопам своего предшественника, русский князь отслеживал ход событий в Каспийском и Бал-

канском регионах. В то время как его операции против Хазарии еще не завершились, византийское предложение представляло собой такую прекрасную возможность вмешаться в балканские дела, что он не мог и помыслить об отказе. Однако, как хитрый политик, он попросил о субсидии для подготовки к болгарскому походу и получил ее.

Лев Диакон сообщает, что Калокир заплатил ему 1500 фунтов золота в качестве задатка.[54]

Внутренняя сторона этих переговоров кажется еще более запутанной. Есть основания предположить, что Калокир играл свою собственную игру, будучи скрытым противником императора Никифора. "*Нанимая Святослава против болгар, он должен был доверительно намекнуть русскому князю, что его кампании на Балканах не должны ограничиться Болгарией. Возможно, что посол надеялся свергнуть императора Никифора с русской помощью и захватить трон для себя*".[55] В случае удачи преимущества такой игры не только для Калокира, но и для Святослава были бы ощутимыми.

В любом случае в 967 г. Святослав напал на Болгарию, ведя за собой не менее чем сорокатысячную армию, имея Калокира во главе шестнадцатитысячного вспомогательного подразделения греков. К осени северная Болгария была наводнена русскими, и Святослав создал свой зимний штаб в Переяславце (Малый Преслав), крепости, которая обеспечивала контроль за дельтой Дуная. В отчаянии болгарский царь обратился к печенегам, прося их с тыла напасть на русских. Возможно, что к этому времени новые орды печенегов были пропущены через Дон хазарами, что дало им возможность вторгнуться на территорию Руси. Вместо того, чтобы атаковать Святослава, печенеги направились прямо к Киеву и осадили его. Мать Святослава - Ольга, жившая вместе с его сыновьями в Киеве, сумела послать гонца, умоляя сына спасти город. Оставив сильный гарнизон для поддержки Переяславца, Святослав повел свою дружину назад из Болгарии на Киев (968 г.). Он разбил печенегов без особого труда, после чего обратился к незавершенному плану уничтожения Хазарской империи. В русских источниках отсутствует информация об этой второй хазарской кампании, хотя она упоминается Ибн-Хавкалом. Согласно этому писателю, в 358 г. гиджры (968-969 гг.) русские разграбили как Бул-

гар на Волге, так и Хазарию, включая города Итиль и Самандар. Мы видели, что Булгар, вероятно, был завоеван тремя годами раньше; предположительно, он служил начальной точкой для экспедиции 968 г., когда русские спустились по Волге на лодках от Булгара до Итиля, разграбили город и пошли дальше на Самандар.[56] Это было концом Великой Хазарской империи.

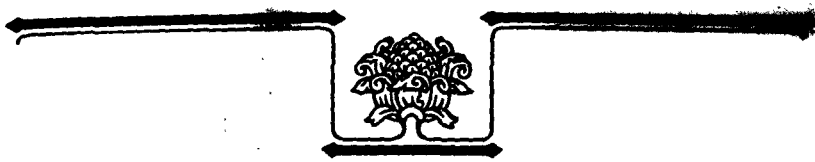
Не существует сведений, что сам Святослав участвовал в экспедиции, проведение которой было, возможно, доверено кому-либо из его полководцев. Его сердце было в дунайской Болгарии. В 969 г. он объявил своей матери и боярам: *"Я бы не хотел оставаться в Киеве, но предпочел бы скорее жить в Переяславце на Дунае, поскольку - это центр моего царства, где собраны все богатства: золото, шелка, вино и различные фрукты из Греции, серебро и лошади из Венгрии и Богемии, меха, воск, мед и рабы из Руси"*.[57] Он согласился, однако, отложить свой отъезд до смерти матери: Ольга была стара и больна. Она сделала одолжение своему сыну, скончавшись три дня спустя. Согласно ее завещанию, не было никаких поминок; христианский священник совершил последний обряд над ее телом.

Вскоре после похорон Святослав двинулся на Болгарию. Поскольку он предполагал покинуть Киев навсегда, то оставил трех своих сыновей в качестве наместников: Ярополка - в Киеве, Олега - в земле древлян, а Владимира - в Новгороде. Тем временем болгары уладили свои расхождения с императором. Русский князь находился теперь перед единым фронтом болгар и византийцев. С другой стороны, Калокир был теперь открыто на стороне Святослава, подстрекая греков восстать против императора Никифора. И действительно, в Константинополе произошел дворцовый переворот, но им воспользовался не Калокир. Лучший и наиболее одаренный полководец Иоанн Цимисхий завоевал любовь императрицы и вместе с ней - власть. Никифор был убит, а его вдова вышла замуж за Иоанна, который теперь был провозглашен императором. Изменения на византийском троне не затронули, однако, русскую войну. Новый император был готов продолжить ее со всей присущей ему энергией, а Калокир потерял все шансы на поддержку внутри императорского двора.

Тем временем Святослав быстро продвинулся внутрь Болгарии и захватил столицу - Великий Преслав; молодой царь Борис был

взят в плен со всей семьей. Но в 971 г. удача оказалась благосклонной к Иоанну Цимисхию. Разбитые в нескольких битвах русские наконец нашли прибежище в крепости Доростол (Силистрия), где и были осаждены. Их потери росли, а запасы еды таяли, они запросили перемирия. В июле 971 г. Святослав заключил договор с греками, по которому он оставлял свои притязания на Болгарию и Крым и обещал не начинать войн с греками.[58] На этих условиях русским было разрешено вернуться домой. После заключения мира произошла встреча между Иоанном Цимисхием и Святославом, описанная Львом Диаконом.

Однако болгары (или же это были византийцы?) обратились к печенегам, информируя их, что Святослав возвращается в Киев с богатыми трофеями и немногочисленным войском. Печенеги поэтому постарались перекрыть дорогу отступающим русским, заняв берега Днепра в районе порогов. Получив известия об этом перемещении, Святослав и его свита решили провести зиму в устье Днепра. Однако они ничего не выиграли, поскольку когда следующей весной двинулись на север, то были, как и планировалось, атакованы печенегами. Часть русских прорвалась через их ряды, но Святослав был убит в схватке. Куря, князь печенегов, приказал сделать из его черепа кубок, инкрустированный золотом, и пил из него.[59] Таков был конец Святослава и с ним первой русской имперской мечты.



Глава III

ОБРАЩЕНИЕ К ХРИСТИАНСТВУ

1. Русское язычество

Наше знание религии древних славян далеко от истины вследствие малого количества источников.[1] Более того, нелегко различать верования, общие всем славянским племенам, и те, что отличают каждое из них. С этой точки зрения трудно установить какие-либо определенные границы между славянским язычеством в целом и русским язычеством как религией русских славян. В любом случае можно сказать, что русское язычество, без сомнения, обладало некоторыми собственными характеристиками и представляло скорее многообразие верований, нежели религию какого-то славянского племени, благодаря географическому фону России. Даже более религий других племен, русское язычество не было единой системой догм, но скорее комплексом гетерогенных религиозных верований. Различия в религии русских славян были столь велики, что более точно говорить о двух или даже трех русских религиях вместо одной.

Почитание родовых предков исторически составляло наиболее глубокий уровень русских религиозных верований. Это было сопряжено с более общей идеей размножения как глубинной силой каждого рода и семьи. Отсюда почитание Рода и Рожаницы.[2] Слово "род" означает "клан" (т. е. gens), но в ранний период должно было также иметь дополнительное значение "поколение", в смыс-

ле производства потомства. Грамматически - это существительное мужского рода. *Рожаница* (единственное число от *рожаницы*) производно от *рода*; грамматически оно женского рода. Вместе род и рожаницы представляют силы воспроизводства, внутренне присущие каждому роду Еще в двенадцатом столетии многие русские все еще приносили дары хлебом, творогом и медом Роду и Рожанице, несмотря на увещевания духовенства воздержаться от языческих обычаев. В ранние периоды почитание Рода могло иметь фаллическое выражение.[3] Более точно, каждый род почитал своего предка (*пращура*), и каждое домашнее хозяйство предполагало защиту своего хранителя - *домового* ("домашний дух").

Вера в духов леса и речных нимф так же стара, как и вера в домовых. Прокопий в середине шестого века заявлял, что славяне почитали "реки и нимф и некоторых других духов";[4] Почитание деревьев упоминается в докиевских и киевских источниках. После крещения Руси почитание деревьев было запрещено духовенством, но обычай украшения деревьев во время народных праздников, устраиваемых в лесах, сохранялся в некоторых дальних российских краях даже в девятнадцатом столетии. Нимфы рек и деревьев были известны на Руси как *русалки*.[5] Праздники в их честь назывались *русалии*. Термин предположительно происходит от латинского rosalia, древней церемонии украшения могил умерших родственников гирляндами роз.

Вера в духов леса и воды была частью общего почитания сил природы Четыре времени года понимались как стадии в борьбе между солнцем и морозом, воплощающейся в пробуждении и конце плодоношения ежегодно, равно как и в смерти и размножении животных и человека.

В общем, поклонение силам природы было приспособлено к рабочим циклам в земледелии и скотоводстве, и отсюда все то, что может быть названо народной сельской религией древних славян Руси с ее примитивным символизмом и периодическими праздниками [6] Многие следы этой религии сохранились в фольклоре. Следом за обращением Руси в христианство, языческие празднества приспосабливались к христианским праздникам или сливались с ними.

Народной религии были неизвестны священники и храмы. Но над нею был установлен более организованный языческий культ,

воплощающий сложное поклонение. Социально это должна была быть религия высших классов. Этот высший слой русского язычества предположительно владел многими храмами, хотя в письменных источниках упоминаются лишь статуи языческих богов, воздвигнутые на холмах под открытым небом. Немногое известно о священниках (*волхвы*, т. е. маги), которые отвечали за языческую обрядность или организацию своей касты. Предположительно они играли менее важную роль на Руси, чем среди балтийских славян.

Корни славянской религии уходят в глубь прошлого, тесно связанные с древним индоевропейским основанием. Согласно Мейе,[7] первоначальное понятие для обозначения "божества", которое может быть выведено из совпадения древних индоевропейских языков, получило выражение в символе *deiwos*. Мы обнаруживаем *devah* в санскрите, *devas* в литовском, *deus* в латыни, *dia* в древнеирландском. В "Авесте" существует схожее понятие *daeva*, которое обозначает, однако, не "богов", а "демонов". Понятие *deiwes* должно соотноситься с санскритским *dyaus*, "небо", "день", которое также имеет параллели в греческом и латинском. Идея "божества" здесь, очевидно, связана со "светом". Другая цепь понятий представлена санскритским *bhaga*, чему соответствует *bagha* "Авесты" и славянский *бог*. *Bhaga* имеет двойное значение "распределенного благосостояния" и "бога, который его распределяет". Аналогичным образом славянское понятие "бог" соотносимо с богатством. Таким образом, мы имеем две категории божеств или две стадии в развитии идеи божества: света и богатства.

В ведийской мифологии первый из этих двух принципов был представлен Дьяусом, "сиянием", богом неба. Его греческая параллель - Зевс. В древнеславянских текстах Зевс воспроизводится как Зевес или как Дии. Во вставках русского переводчика в славянский список проповедей Григория Назианзина, равно как и в апокрифическом "Откровении апостолов", упоминается бог Дии.[8] Я не думаю, что он может быть простым отражением Дии - греческого Зевса. Признавая внутренние трудности интерпретации имени, я склонен видеть в Дии прямую русскую параллель ведийского Дьяуса, в особенности потому, что в русских вставках в проповеди Григория Назианзина мы также встречаемся с женским именем Дивиа, подлежащим сравнению с санскритским *diva*, "небо". Можно добавить, что в "Слове о полку Игореве" мы обнаружива-

ем демона, персонифицированного как грифон по имени Див. Это следует скорее связать со староиранским *daeva* (демон), нежели с санскритским *diva*.

В эпической мифологии периода "Махабхараты" Дьяуса сменил Сварга, бог неба. Его русской параллелью является Сварог, предположительно также представляющий небеса, хотя в русском словаре к переводу "Хронографии" Малала он отождествляется с Гефестом,[9] тогда Сварога надо рассматривать также как бога огня. Однако в некоторых русских источниках огонь именуется Сварожич, т. е. сын Сварога.[10] Возможно, что Сварог представлял небеса как высший принцип света, из которого исходит огонь.

Со Сварогом связан другой русский бог - Дажьбог. Как мы только что видели в словаре к переводу Малала, Сварог отождествляется с Гефестом; в другом словаре сын последнего Гелиос (бог Солнца) отождествляется с Дажьбогом. Источник первой части имени Дажь - был интерпретирован двумя различными путями. В 1865 г. А. Афанасьев предположил происхождение от санскритского *dah*, "гореть".[11] В настоящее время общим мнением является, что дажь должен быть выведен из славянского глагола *дать*. Согласно этой интерпретации Дажьбог - "даритель благосостояния". С моей точки зрения, происхождение от *дать*, если и является состоятельным вообще, может быть объяснено как вторичное производное в народной этимологии. Таким образом, Дажьбог оказывается скорее представляющим творческую и экономическую функцию солнца, нежели космическую. Важно, что в "Слове о полку Игореве" русские именуются "детьми Дажьбога". В русском фольклоре Дажьбог был вытеснен Ярилом - символом солнца и плодородия.

В источниках киевского периода в дополнение к Дажьбогу мы находим еще одного бога - Хорса, представляющего солнце в астрономическом смысле. Говоря о путешествии князя Всеслава на восток - т. е. против направления движения солнца, - автор "Слова о полку Игореве" говорит, что Всеслав "пересек путь великого Хорса". Что же касается имени Хорса, В. Ф. Миллер предположил его происхождение от авестовского hvare-Khsaeta, "солнца", Khvarsed в современном персидском.

Другой важный русский бог - Стрибог. Его стихией была атмосфера; он осуществлял управление ветрами, которые названы в

"Слове о полку Игореве" "внуками Стрибога". Относительно имени этого бога Роман Якобсон предложил мне возможную параллель между именами Стрибог и индо-арийским Шри-деви. *Шри* на санскрите означает "красота", "удача"; Шри-деви - богиня Удачи. Следует отметить, что Стрибог по-русски - не женское, а мужское имя. С другой стороны, *стри* как на санскрите, так и на языке "Авесты" означает "женщина". В "Махабхарате" женщина поэтически божественна: Шри стри.[13] Очевидно, что перед нами загадка. Мог ли Стрибог быть изначально женским божеством? В эпической мифологии "Махабхараты" некоторые божества представлены то как женские, то как мужские. Так, Дьяус, бог неба, всегда является мужским богом, но в его способности дарителя дождя "представлен женщиной, беременной в течение девяти месяцев и затем рождающей дождевую воду, состоящую из солнечных лучей".[14]

Дажьбог, Хорс и Стрибог кажутся составляющими нечто наподобие триады, эманирующей из Сварога. Дажьбог, как мы уже знаем, был открыто назван сыном Сварога. Но Хорс, представляющий солнечный свет, и Стрибог, представляющий атмосферу (воздух), должны были также рассматриваться как эманация небес, т. е. Сварога. Все три могут в таком случае именоваться Сварожичи. В данной связи следует отметить, что один из богов балтийских славян в Щецине именовался Триглав ("трехголовый"). Он может быть связан с богом или богами Ретра (Радогость), на которого Титмар Мерсебургский ссылается как на Зварасици. Это, очевидно, иная транскрипция Сварожича и может быть легко представлена множественным числом (Сварожичи), хотя Титмар применяет это имя лишь к одному богу - к первому лику божеств Ретра. Однако сам Титмар говорит, что языческий храм Ретра находился в "трехрогом" замке, т. е. замке с тремя башнями, по одной над каждыми воротами.[15] Предположительно каждые ворота охранялись Сварожичем.

В этой связи следует рассмотреть и имя Трояна. Этот бог упоминается в русских источниках по крайней мере дважды - в "Откровении апостолов" и в "Путешествии святой девственницы через ад". В "Слове о полку Игореве" используется прилагательное "троянский". Оно может быть производным от Трояна, но по мнению как Анри Грегуара, так и Романа Якобсона, производно не от

Трояна, а от Трои. Эта проблема нуждается в дальнейшем рассмотрении.

Что же касается имени Троян, многие ученые предположили его происхождение от имени римского императора Траяна. Эта гипотеза едва ли правдоподобна. С моей точки зрения, троянский, подобно триглавому, производно от три (дерево). Однако подразумеваемое значение имеет отличие. Последнее имя должно было применяться к триаде Сварожичей. Троянский, я полагаю, могло быть эпитетом Сварога - их отца; следует упомянуть в данной связи, что по-украински *троянский* означает "отец трех сыновей" (тройняшек)[16] и оно также могло существовать в древнерусском языке. Оно хорошо подходило к Сварогу. Идея триады играла значительную роль в индо-арийской мифологии, и Дива (небо), синоним Сварога, имеет также параллельную форму - Тридива. Здесь следует упомянуть и еще один термин индо-арийской мифологии - Трьямбака, эпитет Шивы и его прототипа Рудры. Трьямбака буквально означает "имеющий трех матерей".[17] Если индо-арийское божество может быть представлено как триада, почему бы славянскому божеству с индо-арийским основанием не мыслиться как отцу триады?

В индо-арийской мифологии Небо и Земля рассматриваются как "универсальные родители", от которых происходят все другие боги.[18] Предположительно то же самое происходит и в индо-арийском потоке славянской мифологии. Сварожичей можно рассматривать как рожденных в браке Сварога и Земли. Мы знаем, что культ великой богини был широко распространен в Южной Руси в скифский и сарматский периоды. Воспроизведение богини - популярный мотив в древнерусском народном искусстве.[19] В *былинах* часто приводится "Мать Земля" с эпитетом "сыра" (мать сыра земля). Даже в христианские времена мы обнаруживаем в России некоторые следы культа Земли, как, например, обычай поверять земле свои грехи.

Все это делает весьма возможным, что в древнерусском язычестве в добавление к культу Сварога и Сварожичей также практиковалось почитание великой богини - Матери Земли. Однако никаких свидетельств такого культа не сохранилось в письменных источниках.

Особняком от группы Сварога стоит божество иранского происхождения Симаргл, которое можно отождествить с Сенмурвом

иранской мифологии и Симургом из "Шахнаме" Фирдоуси. В фольклоре некоторых кавказских племен оно известно как Паскудж. Сенмурв воспроизводился как "птица-собака", функцией которой было распространение семян жизни на воде и на земле. В определенном смысле это был символ плодородия, и его культ в конце концов должен был деградировать в непристойные оргии; важно, что русское слово *паскудный* - предположительно производное от Паскудж - означает "одиозный", "грязный", "плохой".[20]

Теперь мы подходим к Перуну, богу грома и молнии, который традиционно рассматривается как главный персонаж древнерусского пантеона. Это имя связано с литовским Перкунас и санскритским Парджанья.[21]

Бог "творец молнии" упоминается Прокопием в его описании славян,[22] и хотя он не приводит имени, его свидетельство может рассматриваться как первое появление Перуна в письменных источниках (шестой век). Позднее имя Перун было упомянуто в русско-византийских договорах десятого века, что показывает отождествление Перуна с династией Рюриковичей в Киеве до его обращения в христианство. Поскольку сами князья, равно как и многие их приближениые, были скандинавского происхождения, мы можем предполагать, что в Перуне они почитали своего скандинавского бога - Тора. Тор был также известен на Руси под своим собственным именем Тур в русской транслитерации.[23]

Происхождение Велеса (Волоса) неясно. В "Слове о полку Игореве" вдохновенный поэт Баян назван "внуком Велеса", из чего, как кажется, вытекает, что последний был богом поэзии и оракулов, схожим с Аполлоном. В резюме первого договора Олега с Византией (907 г.) Велес характеризуется как *бог скота*. *Скот* в древнерусском имеет значение "деньги" и "скот". В данном случае Велес, очевидно, упомянут как покровитель торговли. В других источниках он появляется как защитник скота. Недавно г-жа Чадвик предположила, что культ Велеса должен был развиться на Руси под скандинавским влиянием и что даже само имя Велес должно быть нордического происхождения.[24]

Для рассмотрения остается еще одно русское божество - Мокош. На санскрите *мокша* означает "освобождение", "искупление". Понятие используется для выражения слияния с божеством, состояния высшего блаженства человеческой души. Это, однако, аб-

страктное философское понятие, а Мокош выступает в качестве конкретного божества. Адольф Гурьевич (в 1943-1944 гг.) предположил, выступая перед членами семинара "Слово о полку Игореве" в Свободной Школе Высших Исследований, что по-еврейски *мокош* - понятие, обозначающее низших языческих богов или демонов. Выведение Мокоша из еврейского соблазнительно. Однако в русских источниках существуют некоторые свидетельства, что это было не родовое понятие для обозначения "демонов", а имя богини. Согласно Грекову, Мокош должна была быть финским божеством.

Из предшествующего обозрения древнерусских божеств должно быть ясно, что русский пантеон имел очень сложные истоки. По крайней мере два различных культа практиковались в древней Руси - Сварога и Хорса, а также Перуна и Велеса. Существование этого религиозного дуализма подтверждается археологическими свидетельствами. Нужно помнить, что на территории древней Руси практиковались две формы погребального обряда: захоронение в землю и кремация. Первую предпочитали аланы, вторую - скандинавы и часть древних славянских племен, которая именуется Прокопием склавенами (словенами). Анты Прокопия, представлявшие восточную группу древнеславянских племен, находились, как нам известно, под значительным аланским влиянием и, конечно, некоторые из этих антских племен хоронили своих умерших вместо кремации.[25]

Очевидно, что культ Перуна как бога молнии должен быть связан с кремацией. Соответственно, Перуна нужно рассматривать скорее как бога словенов, а не антов. И, соответственно, захоронение в землю, практиковавшееся антами, является свидетельством существования среди них другого культа, предположительно Сварога и Хорса.

Один из центров антов и аланов был в регионе Азова. И с этим регионом - более точно, с Тмутараканью - может отождествляться почитание по крайней мере одного из божеств группы Сварога - Хорса; как раз на своем пути в Тмутаракань князь Всеслав "пересек путь Великого Хорса" согласно "Слову о полку Игореве". Предположительно, не только культ Хорса, но и других индоиранских божеств, нашел плодородную почву в регионе Азова и, соответственно, среди всех русских племен

Рассматривая теперь религиозную географию языческой Руси под политическим углом зрения, мы можем увидеть, что в то время как Киевское государство росло под защитой Перуна, Тмутараканский каганат мог зависеть от защиты со стороны богов группы Сварога и Хорса. В конце концов, Владимир установил идолов обоих групп богов в Киеве, но эта попытка языческого синкретизма не была долговременной, сменившись новой верой - христианством.

2. Святой Владимир до своего обращения (972-987 гг.)

Ко времени смерти Святослава три его сына управляли Русью в качестве наместников. Ярополк правил Киевом, Олег - землей древлян, а Владимир - Новгородом. Именно в Киев полководец Святослава Свенельд привел остатки армии убитого князя.

К потенциальному политическому треугольнику конфликтующих амбиций трех сыновей Святослава теперь был добавлен новый тревожный элемент - честолюбивые планы Свенельда. Как мы видели, этот лидер претендовал на управление землей древлян даже при Игоре. Когда он вернулся в Киев со своими ветеранами болгарской кампании, он должен был скорее стать соправителем Ярополка, нежели его советником. Кажется, он использовал эту возможность для интриги против его брата Олега, князя древлян. Очевидным объектом желаний Свенельда была власть над самой землей древлян.

Характерный эпизод излагается в "Повести временных лет". Сын Свенельда Лют отправился в землю древлян на охоту. Князь Олег также охотился и убил Люта как браконьера. "*Поэтому вспыхнула кровная вражда между Ярополком и Олегом, и Свенельд постоянно подогревал Ярополка атаковать своего брата и захватить его собственность, ибо желал отомстить за сына*".[26]

В последовавшей войне (976 г.) Олег был разбит и погиб во время панического отступления его дружины, сброшенный с моста перед городом в ров "*в то время как воины тяжело наступали друг другу на пятки*". Когда нашли его тело, "*Ярополк подошел и заплакал над ним и пенял Свенельду: "Смотри на исполнение твоего желания*".[27]

После этого эпизода в летописи имя Свенельда более не упоминается. Либо он вскоре после этого умер, либо впал в немилость. На следующей стадии братоубийственной борьбы между сыновьями Святослава в качестве главного советника Ярополка упоминается Блуд, а не Свенельд.

Согласно летописцу, у Ярополка была жена-гречанка, которая до того была монахиней. Святослав захватил ее в болгарской кампании и выдал за своего сына, "поскольку она была красива". Сам Ярополк благосклонно относился к христианству, и христианская партия была на подъеме в течение его кратковременного правления.

Воинственное возрождение язычества при Владимире было, очевидно, реакцией языческой партии против восхождения духа христианства в Киеве.

Когда новость о смерти Олега достигла Владимира, он понял ее как предостережение для себя и бежал в Скандинавию. Ярополк остался единственным князем Руси. Однако ненадолго, ибо Владимир вернулся с отрядами варягов, нанятых за рубежом. Верный духу своего отца, Владимир отправил своему брату послание об объявлении войны.

Первым ходом Владимира стал захват Полоцка, важного пункта на пути из Новгорода в Смоленск, управляемого варяжским князем Рогволодом. Владимир попросил руки его дочери Рогнеды. Этот эпизод послужил материалом для эпической поэмы, из которой летописец, должно быть, и почерпнул свою информацию. *"Рогволод спросил у своей дочери, хочет ли она замуж за Владимира. Я не буду, - ответила она, - снимать сапоги с сына рабыни, и вместо него желаю Ярополка"*.[28] Снятие сапогов с мужа было одним из символических актов, совершаемых невестой в ходе древнерусской брачной церемонии. Разозленный отказом Рогнеды, Владимир привел к Полоцку сильную армию, состоявшую из варягов, словенов, чуди и кривичей; он атаковал город, убил Рогволода и двух его сыновей и женился на ней силой. Затем он двинулся на юг против Ярополка.

Последний был предан своим главным советником Блудом, по совету которого он согласился вести переговоры с Владимиром. Варяжские сподвижники Владимира предательски убили его (977 г.). Предположительно Блуд принадлежал к киевской языческой партии и приветствовал Владимира в качестве язычес-

кого лидера. Согласно летописцу, Ярополк был предупрежден своим вассалом Варяжко, что не следует доверять брату, но не обратил внимания на его сигнал. Варяжко (имя является уменьшительным от варяга) был, вероятно, христианином. Следует отметить, что Варяжко посоветовал Ярополку бежать к печенегам и собрать там армию. Можно предположить, что мир между Киевом и печенегами был восстановлен вскоре после смерти Святослава. Его совет проливает некоторый свет на природу братоубийственной войны. В целом народ соблюдал нейтралитет, и оба соперничающих князя должны были полагаться на своих вассалов и нанимать вспомогательные войска. Свита Владимира была усилена варягами, и поэтому Варяжко предложил Ярополку усилить его дружину печенегами.

После убийства Ярополка Варяжко действительно бежал к этому племени, если нам следует доверять истории летописца. При поддержке печенегов "*он долго сражался против Владимира, до тех пор пока последний с трудом не уговорил его при посредстве клятвенного заверения*".[29] Вероятно, что в это время Владимир нанял некоторые из тюркских орд, которые использовал несколько лет спустя в своем походе против волжских булгар.

Этот шаг, как можно предположить, позволил ему избавиться от варяжских наемников, которые вели себя в Киеве, как в завоеванном городе. Он отобрал некоторых из них, которым мог доверять - "хороших, мудрых и храбрых людей", - и позволил другим проследовать в Константинополь, чтобы предложить свои услуги там. Опережая их, Владимир послал курьера, несшего следующее сообщение (императору): "*Варяги на пути к вашей стране. Не размещайте большого количества их в вашем городе, иначе они причинят вам столько же вреда, как и здесь. Разошлите их в различные точки, и не позволяйте ни одному из них вернуться тем же путем*".[30]

Хотя в этом послании Владимир продемонстрировал свое дружелюбие к Византии, он находился в жесткой оппозиции христианству у себя дома. Он установил идолы языческих богов на холме в стороне от своего дворца в Киеве, а его дядя и наместник в Новгороде Добрыня действовал в том же духе. Согласно "Повести временных лет", идолы в Киеве представляли следующих божеств: Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша.[31] Во

времена Владимира языческий культ характеризовали человеческие жертвоприношения: это был период мрачной языческой реакции.

Существует предположение (Погодина[32]), что это возрождение язычества порождено в основном давлением на Владимира его варяжских вассалов. Разумеется, человеческие жертвоприношения более похожи на скандинавское, нежели на славянское язычество. С другой стороны, известно, что среди христианских мучеников этого периода преследований были также и варяги. Более того, Перун не являлся единственным богом, чье почитание поддерживалось Владимиром. Пантеон последнего был синкретистским, и языческое возрождение как целое не может быть объяснено исключительно присутствующим в нем скандинавским элементом.

Методы достижения власти Владимира говорят о нем, как о жестоком и беззастенчивом, хотя и проницательном, политике. Возможно он и был таким человеком, но следует также иметь в виду, что летописец сознательно рисовал его портрет - в первый период его правления, до его обращения - в особенно мрачных тонах, с тем чтобы более рельефно подчеркнуть величие его нравственного преображения после этого события. Итак, когда летописец говорит, что Владимир "имел триста содержанок в Вышгороде, триста - в Белгороде и триста - в Берестово", это кажется преувеличением, если мы не предположим, что девушки, содержавшиеся им в этих местах в таком количестве, не были его наложницами, а являлись рабынями для продажи, которых в конце концов вывозили в Константинополь. Лучших среди них он мог оставлять для себя.

Хотя не существует возможности проверить количество содержанок Владимира, известно, что до своего обращения он имел по крайней мере семь жен, включая Рогнеду и гречанку - вдову Ярополка.[33]

Владимир никогда не пытался вернуть балканские владения своего отца, но, кажется, намеревался с самого начала своего царствования вновь установить контакты между Киевом и регионом Азова. В то же время он уделял большое внимание открытию западного пути для расширения русской торговли в этом направлении. Хотя не столь широкая по своему размаху, нежели у его отца Святослава, его собственная политика в этот период была достаточна агрессивна, западные кампании чередовались с восточными.

Его первый шаг в западном направлении был сделан в галицийском треугольнике, на пересечении Украины, Чехии и Польши, с

целью предотвращения прямых контактов Польши и чехов. Он двинулся на поляков и захватил Перемышль, Червен и значительное количество западноукраинских городов (981 г.), с той поры известных как "червенские города". Имя Червен позднее было истолковано как древнерусское прилагательное, означающее "красный", затем этот регион в конце концов стали называть "Красной Русью" (Червонная Русь).[34]

Двумя годами позже Владимир предпринял поход против литовского племени ятвягов и захватил их страну в верхнем бассейне реки Неман, очевидно, намереваясь открыть для России неманский речной путь к Балтике. К востоку от Днепра прежде всего ему надлежало вновь завоевать вятичей, которые восстали после смерти Святослава. Необходимы были две кампании (981 - 982 гг.). Затем он атаковал радимичей и завоевал их (984 г.). Возникла и была записана летописцем народная поговорка относительно этой экспедиции. Имя полководца Владимира было Волчий Хвост. После победы киевляне высмеивали радимичей, говоря, что они бежали от волчьего хвоста.

В 985 г. Владимир повторил шаг Святослава, атаковав волжских булгар. Предположительно, он надеялся в случае победы спуститься вниз по Волге до ее устья, как сделали воины его отца. В этот поход князь с его русской дружиной отправились на лодках, а его тюркские союзники, торки, следовали по суше верхом. Кампания закончилась победой, но она не была решающей. Здесь вновь летописец вспоминает остроумную пословицу. Полководец Владимира, его дядя Добрыня, заметил ему: *"Я видел пленников, которые все носят сапоги. Они не заплятят нам дани. Давай лучше поищем врагов в лаптях"*. Соответственно, Владимир заключил мир с булгарами, которые подтвердили его характерной формулой: *"Да будет мир между нами до тех пор, пока камень не поплывет, а перо не утонет"*.[35]

3. История обращения Владимира (988-989 гг.)

Возрождение язычества в Киеве в 80-х годах X века не могло не встретить жесткой оппозиции; оно было также анахронизмом в свете международной панорамы этого периода. Как мы знаем, к

тому времени христианская вера уже пустила корни на Руси. Христианское влияние исходило из различных регионов - из Моравии, из Византии, из Скандинавии. Первая русская епархия появилась при патриархе Фотии в 867 г., предположительно в Тмутаракани. Из договора Игоря 945 г. мы знаем, что часть его воинов была христианами, что в Киеве в это время уже существовала христианская церковь св. Элии. Затем около 955 г. княгиня Ольга была обращена в христианство.[36]

Итак, почва в России была хорошо подготовлена к обращению. Хотя в 80-х годах X века христиане еще составляли меньшинство в Киеве и не сопротивлялись с оружием в руках усилению язычества при Владимире, их жертвенность должна была привлечь значительные симпатии народа. Морально они победили.

Что же касается международной ситуации, в десятом столетии язычество везде находилось в состоянии упадка. Русь окружали нации, исповедовавшие христианство, иудаизм и мусульманство. Хазары были обращены в иудаизм около 865 г.; волжские булгары приняли ислам в 922 г. Одновременно христианство быстро прогрессировало среди западных соседей Руси. В период между 942 и 968 гг. многие племена балтийских славян были обращены; в 960 г. был крещен польский князь Миешко, а в 974 - датский король Гарольд Блотанд. Олаф Тригвассон, король Норвегии с 995 г., стал христианином в 976 г. В 985 г. к вере Христа обратился герцог Геза Венгерский.[37]

С точки зрения активного интереса Владимира к западной экспансии Руси, он должен был находиться под впечатлением распространения христианства в этом ареале. А его контакты с волжскими булгарами повернули его лицом к исламу. Из опыта своего общения с соседями он должен был давно понять необходимость принятия одной из великих религий, с тем чтобы положить конец религиозной изоляции Руси.

Кажется, что сперва был рассмотрен исламский вариант. Согласно Марвази (арабскому автору двенадцатого века), Владимир отправил посланца к властителю Хорезма, выражая интерес своего народа к религии Мохаммеда. Тогда на Русь был послан учитель религиозных исламских законов.[38] Русская "Повесть временных лет" рассказывает иную историю, согласно которой инициатива в этом деле принадлежала волжским булгарам, пославшим

миссию в Киев, доказывая Владимиру необходимость принять ислам. Обе версии могут быть примирены до некоторого предела, поскольку возможно, что волжские булгары консультировались с хорезмийцами, а ученый из Хорезма мог принять участие в булгарской миссии в Киев. В целом, однако, версия "Повести временных лет" более достоверна. Как мы знаем, в 985 г. Владимир развязал непринципиальную войну против волжских булгар, которая закончилась мирным договором. Кажется довольно естественным, что булгары могли захотеть воспользоваться его преимуществом в целях религиозного прозелитизма. Более того, история Марвази запутанна во многих отношениях. По ней русские сперва стали христианами (300 г. гиджры, т. е. 912 - 913 гг.), что "*затупило их мечи, дверь к пропитанию закрылась для них, они вернулись к трудностям и нищете, и их питание ограничилось*". В это время они захотели стать мусульманами. Более того, Марвази утверждает, что хорезмийский миссионер преуспел в обращении русских в ислам. Принимая во внимание такие неточности, надо отдать преимущество русским источникам. Согласно "Повести временных лет", после встречи с булгарским посланником Владимир собрал своих вассалов и старейшин города для обсуждения ситуации, и было решено изучить все религии, с которыми русские были знакомы - ислам, иудаизм, греческое и латинское христианство, - с тем чтобы прийти к определенному заключению.

История, по которой Владимир выслушивал проповедников различных вер и посылал русских представителей в страны, где они были приняты, объединяет реальные исторические тенденции. Посланцы более всего находились под впечатлением греческого богопочитания. После присутствия на службе в константинопольском соборе Св. Софии они, по преданию, доложили: "*Мы не знаем на небе мы или на земле*". Выслушав все сообщения, вассалы Владимира добавили еще один аргумент в пользу греческого православия: "*Если бы греческая вера была злом, ее бы не приняла твоя бабка Ольга, которая была мудрее других людей*".[39]

В этот момент случилось так, что поворот событий в Византийской империи сделал сближение между Русью и Византией необходимым для юного византийского императора Василия II (976 - 1025 гг.). К концу своего царствования он стал одним из могущественных властителей Византии за всю ее историю, но в течение

первых тринадцати лет он сталкивался с почти непреодолимыми препятствиями в попытке восстановить международный престиж и внутреннюю стабильность империи. Его предшественник Иоанн Цимисхий преуспел в вытеснении Руси из Болгарии. Спустя несколько лет стало ясно, что болгары в большей степени воспользовались плодами победы Цимисхия над Святославом, нежели византийцы, поскольку Болгария быстро обрела силу, утверждая свою независимость от Византии. В 986 г. болгарский царь Самуил нанес тяжелое поражение войскам Василия.

Одновременно новый император должен был бороться за свой трон и жизнь против могущественных противников, представлявших аристократическую реакцию в Византии. Центр оппозиции находился в Анатолии. Сперва против него восстал родственник Цимисхия Варда Склир (976-979 гг.); мятеж был подавлен с помощью другого анатолийского аристократа Варда Фоки, племянника императора Никифора Фоки, который был убит Цимисхием. Однако восемь лет спустя сам Варда Фока стал лидером оппозиции (987 г.). Постепенно он установил контроль над всей Анатолией и в начале 988 г. подошел к Константинополю. Положение императора Василия казалось критическим, и он был спасен лишь благодаря своевременной помощи, полученной от киевского князя Владимира.

Посланники Василия прибыли в Киев в январе или феврале 988 г. Целью их миссии было уговорить Владимира послать отряд варягов в Константинополь, чтобы оказать поддержку маленькой армии Василия. За эту помощь Василий был готов заплатить высокую цену. Посланникам было поручено пообещать Владимиру руку принцессы Анны, сестры Василия. Владимир, со своей стороны, должен был, разумеется, согласиться на крещение.[40]

С тем чтобы понять значение оказанной ему чести предложением женитьбы на принцессе Анне, мы должны вспомнить о жесткости византийского дворцового установления, запрещавшего брачные связи между членами имперского клана и иностранцами. В своей книге "De Cerimoniis Aulae Byzantinae" Константин Багрянородный жестоко осуждает императора Константина V (748-775 гг.), который разрешил своему сыну жениться на хазарской принцессе, а также императора Романа I (920-944 гг.), отдавшего свою внучку замуж за болгарского царя Петра.

Те члены императорского дома, которые были "порфирогенетами" ("рожденными в пурпуре") - т. е. рожденными в императорском дворце, - рассматривались как особо священные. Характерно, что когда в 968 г. епископ Лиутпранд Кремонский прибыл в Константинополь как посланник германского императора Оттона I, чтобы просить руки "порфироносной" византийской принцессы (предположительно, той же Анны, тогда пятилетней девочки), для сына императора Оттона II, то византийский император Никифор Фока высокомерно отказал. Четырьмя годами позже новый правитель Иоанн Цимисхий, значительно более тонкий политик, чем Никифор, согласился выдать замуж принцессу Феофану за молодого Оттона. Она, однако, не была "багрянородной".

Вследствие этой чести, а также существования сильной христианской партии при его дворе, Владимир принял предложение Василия и был крещен, очевидно в феврале 988 г. Он получил христианское имя Василий в честь императора.

Владимир честно выполнил свою часть сделки, послав в Константинополь шеститысячную армию варягов. Они прибыли в имперскую столицу летом 988 г., и с помощью этих войск Василий разбил противника. Варда Фока вынужден был спешно отступить; варяги преследовали его и в итоге разгромили в битве при Абидосе 13 апреля 989 г., в которой сам Варда погиб.[41]

Избежав опасности, император Василий чувствовал себя все меньше и меньше расположенным посылать свою сестру на Русь, что, конечно, не могло не раздражать Владимира. Предположительно, с этим персональным вопросом была связана более общая проблема - организация будущей русской Церкви. Это стало предметом обсуждения Владимира с византийскими посланниками в феврале 988 г. Полагаю, каждый властитель языческой нации должен был настаивать на определенной автономии будущей христианской Церкви в своей стране, и, как нам известно, неудача княгини Ольги в крещении Руси была отчасти результатом ее неспособности разрешить проблему автономии Церкви. Весьма вероятно, что византийские послы пообещали в 988 г. не только Анну, но также и епископа, наделенного достаточной властью для организации русской Церкви как автономной епархии. Ни одно из обязательств не было выполнено, и Владимир решил оказать давление на Византию, атаковав византийские владения в Крыму.

В крымской кампании 989 г. его цель должна была быть частично стратегической и частично церковной. Прежде всего, русские контролировали часть Крыма как при Игоре, так и при Святославе; последний был вынужден отказаться от всех притязаний на территорию после поражения от Иоанна Цимисхия в 971 г. Теперь Владимир заявил претензии на землю как на свое наследственное имущество. Стратегически она была очень важна киевским князьям, поскольку являлась связующим звеном между их владениями и Тмутараканью. Более того, она могла быть атакована с суши, что давало возможность избежать развязывания морской войны, в которой византийцы имели преимущество "греческого огня".

Церковные последствия кампании не менее очевидны.[42] Завоевав Крым, Владимир мог надеяться получить контроль над несколькими епископскими епархиями: Херсонесом (Корсунь), Дорой, Фулле, Сагдеей (Сурож) и Боспором (Керчь), не говоря уже о Тмутаракани, где, как мы полагаем, была основана первая русская епархия в 867 г.

Владимир направился в Крым весной 989 г. К июлю пала Корсунь. В истории осады, описанной в "Повести временных лет", говорится, что он получил совет от Анастасия, человека из Корсуни, раскопать и перерезать трубы, которые снабжали город водой из находившихся за его пределами источников.[43] Когда поставка воды была отрезана, у жителей осталась одна возможность - сдаться. История характерно показывает, что в Корсуни были прорусски настроенные люди. В восточном Крыму, который контролировался Игорем и Святославом, часть населения была русской, и прорусская партия там должна была быть еще более сильной, чем в самой Корсуни.

После взятия Корсуни император в конце концов должен был согласиться на выход своей сестры замуж за победителя; принцесса прибыла в побежденный город, и свадьба отмечалась там. Затем Владимир вернул город императору в качестве veno - подарка жениха.

Тем не менее Византия все еще не изъявляла желания идти на уступки в деле автономной организации русской Церкви. В данной связи весьма важно, что после падения Корсуни папские посланники посетили там Владимира. Поскольку не было заключено никакого соглашения, мы можем предположить, что либо послан-

ники не обладали полномочиями давать определенные обещания, либо предлагаемые ими условия относительно планируемой организации Церкви не удовлетворили Владимира.

Теперь князь обратился к крымским епископам, чтобы получить священников и церковные книги для Руси. Присутствие принцессы Анны, "багрянородной" принцессы, должно было очень увеличить его престиж в глазах епископов и духовенства крымских городов. Из истории болезни и чудесного исцеления Анны, обнаруженной в приложении "К жизни св. Стефана Сурожского", нам известно, что она предприняла поездку из Корсуни через Фулле в Керчь.[44] Без сомнения, Владимир также направился в Керчь, и мы можем также предположить, что в этой связи он посетил Тмутаракань, переправившись через пролив, где он должен был принять титул кагана. Из "Похвалы" Илариона (см. разд. 5 ниже) мы знаем, что он носил этот титул и рассматривался таким образом в качестве наследника русских каганов Тмутаракани. Город также должен был иметь для него значение и как место расположения старейшей русской епархии, если, конечно же, он был таковым.

Весной или летом 990 г. Владимир вернулся в Киев, привезя с собой не только свою невесту, но также множество крымских священников, мощей святых, священных сосудов и икон. Он был теперь искренне готов начать христианизацию Руси.

4. Закладывание основания русской Церкви (990 - 1037 гг.)

Вслед за возвращением в Киев Владимир приказал повергнуть и уничтожить статуи языческих богов. Идол Перуна был привязан к конскому хвосту и проволочен к Днепру. Всему населению Киева, в одинаковой степени богатым и бедным, предписывалось идти к реке для крещения. Аналогичные указания исходили от его наместников в Новгороде и других городах.[45]

Языческие святилища были заменены христианскими церквями. Большинство последних должно было состоять из спешно построенных деревянных часовен, но Владимир не стал терять времени при постройке первого величественного Киевского каменного собора - Успения Богородицы,[46] также известной как "Десятинная церковь" Ее возведение началось в 990 г. и завершилось в 996 г.

Церковь получила свое название "Десятинная", так как князь гарантировал для нее десятину со всей Руси, выплачиваемую из княжеской казны: *"из (доходов) княжих дворов, десятая векша; из таможенных сборов, (собранное) каждой десятой недели, и из земельных владений (десятина с продукта) каждого стада и (десятина с уродившегося) с каждого урожая"*. В 996 г. он издал свое важное "Церковное уложение", позднее пересмотренное между 1007 и 1011 гг.[47] Кроме указа о десятине, уложение положило начало церковным подворьям. С постройкой все большего количества церквей появлялись также епархии. К концу царства Владимира их было уже семь: Новгородская, Черниговская, Владимиро-Волынская, Полоцкая, Туровская, Белгородская и Ростовская. К этим новым епархиям мы можем присоединить Тмутараканскую, которая существовала еще до Владимира.

Спорным вопросом в изучении первоначальной организации русской Церкви были ее отношения с Византией. Известно, что первым митрополитом Киева, рукоположенным патриархом Константинопольским, был Феотемпт, прибывший в Киев около 1037 г. До этого, кажется, не было прямых отношений между константинопольским патриархом и русской Церковью.

В 1913 г. М. Д. Приселков предположил, что Владимир, не придя к соглашению с византийскими властями, обратился к Булгарии и отдал русскую Церковь под власть архиепископа Охрида.[48] Эта теория кажется на первый взгляд очень остроумной, и в течение ряда лет я был готов ее принять. Однако более внимательно изучив проблему, я должен был ее отвергнуть. Приселков фактически был неспособен предложить какие-либо прямые доказательства своей булгарской теории. Не существует упоминания о зависимости русской Церкви от архиепископа Охрида в каких-либо источниках - русских или булгарских.

По моему мнению, сам Владимир дает определенный ключ к разрешению проблемы. В преамбуле к церковному установлению он говорит, что получил святое крещение "от греческого императора Михаила и от патриарха Константинополя Фотия". Ссылка, очевидно, относится к первому обращению русских в 867 г. Известно, что в это время была уже учреждена первая русская епархия, но, к сожалению, в источниках не содержится упоминания о месте пребывания первого русского епископа. Согласно предполо-

жению Голубинского, это должно было быть в Тмутаракани. Эта теория более чем вероятна, и, по моему мнению, должна быть общепризнанна.[49]

Наследник Фотия Игнатий поднял статус русского прелата с епископа до архиепископа. Существовало два класса архиепископов в византийской иерархии: большинство прямо подчинялось патриарху, и положение каждого из них таким образом приравнивалось к митрополитскому; было однако значительное количество таких, которые наслаждались большими властными полномочиями и были признаны в качестве автокефальных. Власть автокефального архиепископа была фактически равной патриаршей. К этому классу принадлежал архиепископ Очрида, и, согласно Голубинскому, архиепископ первой русской епархии, т. е. Тмутаракани, принадлежал к тому же классу.

С этой точки зрения, ссылка Владимира на первое крещение русских становится понятной. Он, очевидно, подразумевал, что русская Церковь уже имела главу с автокефальной властью. Предполагая, что его приходом была Тмутаракань, мы должны теперь рассмотреть ситуацию в Тмутараканской епархии. Приход упоминается (под эллинизированным именем Таматарка) в некоторых византийских перечнях епархий десятого века и в конце одиннадцатого века (1078-88 гг.). Тмутаракань упоминается в русских источниках как одна из русских епархий.

Итак, единственно воможным временем, когда епархия Тмутаракани могла быть переведена на Русь, был период победоносной кампании Владимира в Крыму (989 г.).

Предположение, что архиепископ Тмутаракани был примасом русской Церкви в течение правления Владимира, хорошо гармонирует с общей картиной церковной жизни этого периода, известной нам по другим источникам. Киевская епархия никогда не упоминается в источниках той поры. Предположительно архиепископ Тмутаракани время от времени посещал столицу, а в перерывах епископ близлежащего Белгорода совершал богослужение в Киеве, когда в этом возникала необходимость. Характерно, что прелат Иоанн, упомянутый как примас русской Церкви в период 1008-1024 гг., носил титул архиепископа, а не митрополита. Приселков по этой причине отождествляет его с архиепископом Очридой. С моей точки зрения, гораздо более вероятно, что его епархией была Тмутаракань.

Мы должны теперь проанализировать позицию Тмутараканской епархии в течение правления наследников Владимира. Наместником князя там был его сын Мстислав. В последующей междуусобице между другим сыном Владимира Ярославом и Мстиславом последнему не только удалось сохранить Тмутаракань, но и увеличить свое владение, завоевав Чернигов. В 1026 г. он заключил сделку со своим братом, по которой контроль над Русью был разделен между ними, Ярослав получил Новгород, Киев и предположительно Ростов.

Рассматривая разделение власти с точки зрения церковных последствий этого акта, мы видим, что восемь русских епархий, пять епископств были расположены в уделе Ярослава (Новгород, Белгород, Туров, Владимир-Волынский, а также Ростов), одна - в нейтральном районе Полоцка и две - в уделе Мстислава (Тмутаракань и Чернигов).

Очевидно, что Ярослав имел преимущество над своим братом по количеству епископств. С другой стороны, ведущая епархия Тмутаракани осталась на территории Мстислава. Единственным путем, открытым для Ярослава по части обеспечения независимости от вмешательства своего брата в церковные дела, было соглашение с Константинополем. Мы знаем, что в 1037 г. он принял митрополита для Киева, посланного патриархом (см. Гл. IV, разд. 3). Переговоры должны были начаться значительно раньше. Дело было деликатным, поскольку от Мстислава можно было ожидать возражений по поводу любой попытки его брата подорвать власть Тмутаракани. Однако в 1036 г. Мстислав умер, не оставив наследника мужского пола, и его удел отошел к Ярославу, который был теперь свободен в своих действиях. Соглашение с Константинополем было в конечном итоге одобрено: митрополит киевский стал главой русской Церкви, и Тмутаракань была сведена в своей роли к одной из русских епархий.

5. Значение обращения: первоначальная оценка

Обращение в христианство - одна из наиболее важных вех в истории русского народа. Это не было чисто религиозным событием: христианство для Руси в это время означало более высокую

цивилизацию. В глазах самих русских обращение делало их частью цивилизованного мира.

Ко времени правления сына Владимира - Ярослава - новая вера уже прочно укоренилась на Руси. И его современник, митрополит Иларион, выразил взгляд образованных русских на значение обращения с силой и красноречием, едва ли превзойденными с того времени. В знаменитом "Рассуждении о законе и благодати" Иларион провел разграничение между Ветхим и Новым Заветом, дав широкую картину взлета христианства. "*Вера благодати распространилась по земле и наконец достигла русских людей... Мы более не строим языческих святилищ, а вместо этого возводим христианские церкви... Благодатный Бог, который заботился обо всех иных странах, теперь не забывает нас; он возжелал спасти нас и повести нас к разуму.*" В своей "Похвале" Владимиру Иларион хвалит его за собственное крещение и крещение всего русского народа. "*Он правил не малой и не известной страной, а всей русской землей, которая теперь известна и услышана повсюду*". Он хвалит Владимира за его способность - после обращения - любить невидимые и небесные ценности более, нежели материальные.

Прелат заключает свою "Похвалу", которую он должен был произнести в соборе Св. Софии - обращением к умершему князю: "*Встань, о почтенный правитель, из своей могилы, стряхни свой сон, ибо ты не мертв, а лишь спишь до Воскресения. Встань, ты не мертв, и тебе не надлежит умирать, благодаря твоей вере в Христа, жизнь всего мира*". Затем Иларион приглашает Владимира взглянуть на прогресс христианства на Руси и порадоваться ему вместе с живыми.[50]

Следует вспомнить, что семь столетий спустя и при других обстоятельствах обращение Илариона к мертвому властителю, призывающее его восстать, было повторено известным русским риторам восемнадцатого столетия - архиепископом Феофаном Прокоповичем - в его знаменитом похоронном слове Петру Великому.

Принимая во внимание почитание памяти Владимира людьми первого поколения после него и последующими поколениями русских, можно было бы ожидать, что Владимир, креститель Руси - князь, "равный апостолам" (isapostolos), - будет признан святым вскоре после своей смерти. Однако он не был канонизирован до

тринадцатого столетия. Можно предположить, что причиной этой задержки была византийская оппозиция русским требованиям его канонизации. Византийские власти не могли легко простить князю его независимость в церковных делах. Но если греки отказались возблагодарить его лично, они должны были воздать хвалу русской Церкви, в создание которой он в конце концов внес больший вклад, нежели любой иной русский властитель. И русские, до того именовавшиеся византийцами "северными варварами", были признаны греками два столетия спустя после смерти Владимира "наиболее христианской нацией".

Глава IV

КИЕВСКОЕ ГОСУДАРСТВО, (990-1139 гг.)

1. Владимир как христианский правитель (990-1015 гг.)

Мотивы обращения Владимира в христианство могли быть, в основном, политическими. Однако, приняв крещение, он отнесся к новой вере со всей возможной ответственностью. Мы уже рассмотрели философскую оценку Илариона деятельности князя. Более субъективный взгляд и более детальные описания трудов Владимира находятся в "Повести временных лет" и сочинении монаха Иакова "Память и похвала князю Владимиру", написанном в середине XI века.

Эти описания, исходящие из монастырей, не могут рассматриваться как объективные свидетельства: они неизбежно пристрастны. Труд Иакова написан в жанре жития святых. Летописец - тоже монах - естественно, может идеализировать личность "Крестителя Руси", так же как он был склонен подчеркивать отрицательные черты в характере Владимира, пока тот был язычником. Однако эти описания жизни князя, принадлежащие перу монахов, не напыщенные панегирики. Под покровом официального блеска легко можно разглядеть реальные характерные черты, а в некоторых случаях информация, данная ранними биографами Владимира, подтверждается другими доступными источниками.

В программе Владимира по крещению Руси можно выделить три направления: строительство церквей, образование и благотворительность. Сразу после возвращения с Крымской кампании и крещения киевлян он "*повелел, что церкви должны строиться на местах, где прежде стояли языческие идолы*".[1] Первая церковь - церковь Святого Василия, покровителя Владимира - была возведена по этому указу на холме, где раньше находился идол Перуна. Затем был построен более сложный по архитектуре собор - церковь Успения Богородицы в Киеве, так называемая "Десятинная церковь", о которой я упоминал, и чьи фундаменты сохранились до нашего времени.

Для распространения образования Владимир приказал собрать детей из лучших семей и послать их в школы в книжное учение. "Матери горько оплакивали своих детей, потому что они еще не были сильны в вере, и плакали по ним, как по мертвым".[2] Иллюстрацию к этому месту из "Повести временных лет" находим в "Житии" Св. Феодосия, который учился в школе в Курске в начале XI века - очевидно одной из школ, организованных по приказу Владимира. Хотя его мать не имела ничего против учебы в школе, она стала волноваться, когда мальчиком овладели новые христианские идеи, преподаваемые там, и он решил уйти в монастырь. Мать безуспешно пыталась переубедить Феодосия - даже телесные наказания не помогли - и он, в конце концов, стал монахом. Этим ее воля была сломлена, и она сама вступила в монастырь.

Широкая благотворительность Владимира описана в "Повести временных лет" в яркой, реалистичной манере, не оставляющей места сомнению.

"*Он приглашал всякого нищего и убогого приходить на княжий двор и брать все, что надобно: еду и питье, и деньги из казны. Мысля о том, что слабые и больные не могут дойти до его двора, он приказал делать телеги, накладывать на них хлеб, мясо, рыбу, овощи разные, мед в бочонках, квас и развозить по городу. Возницам велено было выкрикивать: "Где здесь больные нищие, что ходить не могут?" Таким раздавали все по их нужде*"[3].

Монах Иаков добавляет, что это делалось не только в Киеве, но и в других городах.[4]

Пиры - важная черта русской социальной жизни с незапамятных времен - теперь приобрели новое значение, став выражением христианского братства и любви. Поскольку пиры Владимира были про-

явлениями первоначального христианства, летописец упоминает о них сразу после записи о благотворительности князя. "*И больше, каждую неделю завел он на дворе своем пиры, куда приходили бояре, дворяне, соцкие, десятские, лучшие люди, и при князе и без князя. Там было много мяса, говядины и дичины, и много всего*".[5]

Гостеприимство князя, кажется, поразило воображение народа больше, чем что-либо другое, и во всех ранних былинах воспеваются его развлечения с богатырями и другими людьми. Именно как радушный хозяин Владимир преимущественно фигурирует в русском фольклоре; в памяти русского народа он навсегда остался как "Красное Солнышко".

О том, насколько добросовестен был Владимир в своем стремлении распространить новую веру на русскую жизнь, лучше всего можно судить по истории из "Повести временных лет" о его сомнениях по поводу наказания преступников. Он, видимо, понял завет Христа - "*Не противьтесь ему, это грех*" - буквально и со всей серьезностью. Так же его понимали многие другие русские в киевский период и Лев Толстой в наше время. Обученному в Византии духовенству потребовалось много усилий, чтобы убедить Владимира в том, что Церковь не отрицает государственного порядка.

"*Пока Владимир жил в страхе божьем, умножились разбойники; и епископы, обращая на то внимание князя, спрашивали, почему он не казнит их. Князь отвечал, что боится греха. Они говорили, что он был избран Богом карать преступников и миловать праведных, и поэтому ему подобает предавать заслуженной казни разбойников, но только после суда. Так Владимир нарядил казнить преступников*".[6]

Кстати сказать, новый метод наказания преступников использовался недолго, смертную казнь скоро заменили на денежные штрафы.

Внешняя политика Владимира в этот период не была агрессивной. Как замечает летописец: "*Он жил в мире с соседними князьями - Болеславом Польским, Стефаном Венгерским, Олдржиком Богемским - и между ними было согласие и дружба*"[7]. Исключая один поход против галицких хорватов, очевидно для подавления мятежа, он сконцентрировал свое внимание на защите южных русских рубежей от печенегов, которые по меньшей мере трижды совершали набеги на Русь (в 992, 995 и 997 гг.), но каждый раз были отбиты, хотя и с большими трудностями.

Чтобы защитить страну от кочевников, Владимир построил несколько линий укреплений по северным берегам степных рек. В этом он служил примером для последующих поколений русских правителей. Зоны укреплений как защита от кочевников, строились русскими на юге и востоке России еще в конце XVIII века, а в Туркестане даже в XIX веке. Во времена Владимира крепости были основаны на берегах Десны, Остера, Трубежа, Сулы, Стугны. Там селились выходцы с севера и северо-востока: словены, кривичи, вятичи и чудь. Самым большим из этих новых или восстановленных городов был Переяславль, ставший столицей одноименного княжества, украины (пограничная земля, отсюда Украина) по преимуществу.

Следуя примеру отца, Владимир управлял отдаленными городами через сыновей и наместников. В последний период правления Владимира его сын Ярослав княжил в Новгороде, Святополк - в Турове, Борис - в Ростове, Глеб - в Муроме, Святослав - в Древлянской земле, Изяслав - в Полоцке и Мстислав - в Тмутаракани. Конец жизни Владимира был омрачен зарождающимся конфликтом с самым одаренным из его сыновей - Ярославом Новгородским, который отказался продолжать выплачивать новгородскую дань Киеву. Размер ежегодной дани, собираемой в Новгороде, составлял три тысячи гривен, две трети которой должно было отправляться в киевскую казну, а оставшаяся треть распределяться новгородским князем на местные нужды. В 1014 г. Ярослав прекратил все выплаты отцу несомненно под давлением новгородцев, которые были недовольны своим зависимым положением в государстве.

В ответ Владимир начал готовиться к военной кампании против Новгорода. Но в ходе этих приготовлений он заболел, и вскоре был спасен смертью от трагедии вооруженного столкновения с собственным сыном (1015 г.).

2. Междоусобная борьба сыновей Владимира (1015-1036 гг.)

После смерти Владимира началась кровавая междоусобица его сыновей. Недостаток братской любви между ними частично можно объяснить тем, что они были только сводными братьями. До своего крещения великий князь имел много жен, и в отношениях меж-

ду разными семьями, вне всякого сомнения, существовало большое напряжение. Из его многочисленного потомства Ярослав, Мстислав и Изяслав считаются сыновьями Рогнеды. Святополк - сомнительного происхождения, сын вдовы Ярополка, на которой Владимир женился, когда она уже была беременной, если верить летописцу. Мать Святослава - чешская жена Владимира, Борис и Глеб - сыновья болгарской женщины, согласно "Повести временных лет". Однако, как описывается в "Сказании" о страданиях последних двух, впоследствии причисленных к лику святых, Глеб в момент убийства был совсем дитя (1015 г.). Если так, то он должен был быть сыном первой христианской жены князя, византийской княжны Анны.[8]

Судя по всему, Владимир намеревался передать свое государство Борису, одному из самых младших сыновей, которому во время своей последней болезни он доверил командование войсками, посланными против печенегов. Борис уже возвращался из похода и как раз достиг берегов реки Альты, когда получил известие о смерти отца и захвате Киевского трона Святополком. Дружина убеждала Бориса выступить против последнего, предупреждая, что в обратном случае Святополк убьет его. Позиция Бориса была типичной для той тонкой верхней прослойки русских людей, которые приняли христианство со всей серьезностью. Он не хотел противиться злу насилием, ему была ненавистна мысль о войне со старшим братом, поэтому он распустил дружинников и спокойно дожидался убийц. Его убили, но самой своей смертью Борис остался навсегда живым в памяти народа как символ братской любви. Борис и его брат Глеб, тоже убитый наемниками Святополка, стали первыми русскими, канонизированными Церковью. Другой брат, Святослав из Древлянской земли, бежал на запад, но был перехвачен посланниками Святополка на пути в Венгрию. Изяслав Полоцкий оставался нейтральным и ему не досаждали, Мстислав Тмутараканский тоже не видел для себя угрозы со стороны Святополка. Можно предположить, что между ними было какое-то соглашение, возможно договор о ненападении. В любом случае, Мстислав был занят расширением своих владений в Азовском регионе. В 1016 г. с помощью византийских войск он воевал с остатками хазар в Крыму.[9]

Единственным братом, который отважился подняться против Святополка, был Ярослав Новгородский, причину чего новгородцы

видели в своем недовольстве Киевским верховенством над ними. Война между этими двумя людьми была скорее борьбой между Новгородом и Киевом, чем просто личной враждой братьев. Она длилась четыре года (1015-1019 гг.), и оба противника использовали наемные войска из других стран. Ярослав нанял варяжские отряды, а Святополк печенегов. После первого поражения Святополк бежал в Польшу и заключил союз с королем Болеславом I. Вместе они смогли отвоевать Киев у Ярослава (1018 г.), который, в свою очередь, бежал в Новгород. Решив, что опасность миновала, Святополк поссорился со своим польским союзником, и Болеслав возвратился домой, взяв с собой двух сестер Ярослава и бояр, симпатизировавших Ярославу, судя по всему, в качестве заложников. Он также воссоединил с Польшей червенские города.[10] Триумф Святополка, однако, оказался кратким, потому что Ярослав через некоторое время атаковал его снова. Святополк опять нанял отряды печенегов и опять проиграл. Это поражение стало окончательным, он умер (1019 г.), вероятно где-то в Галиции, так как бежал на запад.

Теперь у Ярослава появился новый противник - его брат Мстислав. К этому времени тот твердо закрепился в восточном Крыму и Тмутаракани. В 1022 г. косоги (черкесы) признали его своим сюзереном, после того как он убил в схватке их князя Редедю. Этот эпизод, видимо, описан в былине, на основании которой он и записан в "Повести временных лет".

Укрепив свое окружение хазарами, косогами и, возможно, яссами, Мстислав выступил на север и занял земли северян, бесспорно, договорившись с населением, так как они давали ему воинов. Когда он достиг Чернигова, Ярослав еще раз возвратился в Новгород и снова обратился за помощью к варягам. Хакон Слепой ответил, приведя в Новгород сильное варяжское войско.[11]

Решающая битва произошла при Листвене (недалеко от Чернигова), победа досталась Мстиславу (1024 г.). Ярослав решил пойти на компромисс, и братья договорились поделить Русь на две части по руслу Днепра. Хотя Киев при этом отошел к Ярославу, он предпочел остаться в Новгороде. Мстислав же сделал своей столицей Чернигов (1026 г.). Следует отметить, что одна из русских земель к северу от водораздела Днепра - Полоцкая - не затрагивалась договором. С этого момента она оказалась, в определенной степени, самостоятельной.

Ярослав и Мстислав поддерживали тесный союз, и в 1031 г., используя смерть короля Болеслава и последовавшие за ней беды Польши, они отбили червенские города и разграбили польские земли. Согласно "Повести временных лет", они также захватили в плен много поляков и разослали их в разные места. Ярослав расселил своих пленников по реке Рось.[12]

Интересно отметить, что в период сотрудничества между братьями-князьями Киев временно утратил свое господствующее положение в русской политике. Теперь в качестве ведущих политических центров выступали Новгород и Чернигов. За этой политической переменой можно предположить изменение направления главных торговых путей. Новгород, как и прежде, контролировал северную часть водного пути товаров из Балтики на юг, но из Чернигова товары теперь отправлялись по степным рекам и волокам в Азовский регион, а не по нижнему течению Днепра в Черное море и Константинополь. Возможно это произошло потому, что низовья Днепра в то время преграждались печенегами. Но сдвиг южного торгового пути мог также быть результатом сознательной политики Мстислава, представляющего, в таком случае, интересы купцов Тмутаракани. Азовский регион лежал на перекрестке нескольких торговых путей: в Туркестан, в Закавказье и - через Крым - в Константинополь.

Без сомнения, именно чтобы установить полный контроль над Азовским регионом, Мстислав предпринял поход на яссов, которые жили в низовьях Дона к северу от Азовского моря. Они признали его власть в 1029 г..[13]

Летописец описывает Мстислава как "*тучного и краснолицего, с большими глазами, храброго в битвах, милосердного и любившего свою дружину, не жалевшего для нее ни денег, ни еды, ни питья*".[14] Как правитель Тмутаракани, Мстислав, видимо, носил титул кагана. Интересно отметить, что в "Слове о полку Игореве" черниговского князя Олега, который тоже какое-то время управлял Тмутараканью, также называют каганом. Таким образом, правление Мстислава - это, в определенном смысле, попытка заменить господство на Руси Киева господством Тмутаракани и возродить древнерусский каганат докиевских времен. В тот период, судя по всему, Тмутаракань являлась своего рода духовной столицей Руси.

Мстислав был увлеченным строителем. Во время схватки с Редедей он дал обет в случае победы построить в Тмутаракани церковь, посвященную Богоматери, и сдержал свое обещание. Когда он перенес столицу в Чернигов, то заложил величественный храм в честь Христа Спасителя. Летописец отмечает, что к моменту смерти Мстислава церковь была "*выше, чем всадник, сидя на лошади, мог достать рукой*".[15] Знаменательно, что по своему архитектурному стилю церкви Мстислава следовали канону восточно-византийского искусства (Закавказья и Анатолии). В этом случае, как и во многих других, художественные влияния распространялись по путям торговых связей.

Можно предположить, что существовала миграция населения между Тмутараканью и северными областями. Мстислав привел в Чернигов большой отряд косожских воинов. Некоторые из них, возможно, осели в той части земли северян, которая позднее стала известна как Переяславльская. Хотя об этом не упоминается в летописях, само название реки в этой области, Псол, является тому косвенным подтверждением, поскольку оно косожского происхождения: на языке черкесов псол означает "вода". Река Псол впадает в Днепр с востока. Недалеко от этого места, на западном берегу Днепра, находится город с названием Черкассы, что по-древнерусски значит "черкесы". Это название не встречается, однако, в источниках киевского периода и впервые упоминается в XVI веке. В то время не только косогов по-русски называли черкесами, но также и украинских козаков; это говорит о том, что, в сознании русских Московского периода, существовала определенная связь между косогами и козаками. И действительно, украинские ученые XVII века считали, что слово "козак" произошло от слова "косог". С другой точки зрения, козак (теперь обычно по-русски пишется "казак") произошло от тюркского "казак", что означает "свободный житель пограничной земли". Одним словом, вопрос непростой, и мы не можем здесь уделить ему необходимого внимания.[16] Достаточно лишь сказать, что косоги Мстислава, возможно, поселились там, где через пять веков появились запорожские казаки как сильная военная община.

Возвращаясь теперь к политике Ярослава как правителя Новгорода, мы, прежде всего, должны упомянуть привилегии, дарованные им северной столице по законам 1016 и 1019 гг., дабы воз-

наградить новгородцев за поддержку в гражданской войне. К сожалению, не сохранились ни оригиналы, ни копии этих законов. В некоторых списках новгородских летописей их тексты заменены на текст "Русской Правды". Несомненно, что само составление так называемой "Правды" Ярослава как-то связано с выходом этих законов. Во вступительной статье к "Правде" провозглашается равенство виры[17] новгородцев и киевлян. По-видимому, это являлось важным пунктом новгородских требований.

Поход Ярослава на чудь в Эстонии тоже, очевидно, был продиктован интересами новгородцев. Этот поход представлял собой попытку распространить в западном направлении контроль новгородцев над южными берегами Финского залива и прилегающими территориями. На завоеванной территории в 1030 г. Ярослав основал город, названный Юрьевым в честь его святого покровителя (Юрий - старая русская форма имени Георгий). После германского завоевания балтийских провинций в XIII веке город стал называться Дерпт (теперь Тарту).

3. Время Ярослава Мудрого (1036 - 1054 гг.)

В 1036 г. Мстислав отправился на охоту, но там разболелся и умер. Его единственный сын умер тремя годами раньше. Ярослав стал неоспоримым властителем всей Руси, исключая полоцкие земли. Теперь как правитель Тмутаракани он мог претендовать на титул кагана. О том, что Ярослав действительно принял этот титул свидетельствует обращение к нему как к кагану в "Слове" Илариона.

Первым деянием Ярослава после смерти брата было отражение нападения печенегов на Киев. Когда он прибыл из Новгорода с армией варягов и славян, кочевники уже захватили предместья города. Однако воины Ярослава выбили их, и победоносный князь решил остаться в Киеве, сделав его своей столицей.

Именно в это время нормализовались отношения между Русской Церковью и Константинопольским патриархатом. В соответствии с соглашением, достигнутым между Ярославом и Константинополем, Русская Церковь должна была возглавляться митрополитом Киевским, посвящаемым в сан патриархом Константинопольским. В других русских городах епископы должны были по-

священаться в сан митрополитом, но это номинально: понималось, что при выборе кандидатов будут учитываться пожелания князя. Не позднее чем в 1039 г. первый митрополит Киевский, Феофан, прибыл на Русь из Константинополя.

Сделав Киев политической и духовной столицей, Ярослав делал все, чтобы превратить этот город также в культурный и интеллектуальный центр, приняв за образец Константинополь. Византийскими мастерами были построены великолепный Софийский собор, несколько других церквей, новая крепость и так называемые Золотые Ворота. Много внимания уделялось распространению просвещения. По свидетельству летописца Ярослав "*посвящал себя книгам и читал их часто, ночью и днем. Он созвал много писцов, они переводили книги с греческого на славянский. По его повелению много книг было переписано, и много он купил их, через них истинно верующие наставляются и радуются, принимая книжное учение*". Ярослав, как мы сказали, любил книги и, имея много, поместил их в Софийском соборе.[18] Грандиозный план переводов и Софийская библиотека, вместе, привели к становлению в Киеве важного центра образования и науки. Без всякого преувеличения, вслед за Грушевским, этот центр (училище) можно назвать первой русской учебной академией.[19]

Щекотливой проблемой для внутренней политики Ярослава было урегулирование вопроса о статусе Новгорода, так как многие новгородцы могли быть против переноса Ярославовой столицы в Киев. Когда, в 1036 г., он сделал это, ему еще раз пришлось подтвердить пожалованные городу ранее привилегии. В "Русскую Правду" тоже были внесены изменения: добавлен закон, ограничивающий количество поставок продовольствия сборщикам виры[20] от местного населения. Новгороду был дан новый епископ, Лука Жидята, новгородец, видимо еврейского происхождения. Князем в северный город Ярослав назначил своего старшего сына Владимира. Главным храмом Новгорода была Софийская церковь, первоначально построенная из дерева. Когда она сгорела, Владимир возвел новую из камня. Этот собор до сих пор считают одним из самых замечательных памятников древнерусского зодчества (1045 г.). Во внешней политике этого периода значительное внимание Ярослав уделял расширению западных русских границ. В 1038 г. он нанес удар ятвягам, литовскому племени, а два года спустя еще раз вторгся

в Литву. В 1041 г. он совершил поход против польского племени Мазовшан. В следующем году его сын Владимир завоевал финское племя емь, чтобы укрепить контроль Новгорода над Финским заливом. Со временем дружественные отношения были установлены между Ярославом и польским королем Казимиром; в 1043 г. князь женился на одной из сестер Казимира, и "*в подарок к свадьбе Казимир отпустил восемьсот пленников, которых захватил Болеслав, когда победил Ярослава*".[21] В 1047 г. Ярослав помог Казимиру покорить Мазовию.

В это время в отношениях между Византией и Русью наступил острый кризис. Приблизительно в 1042 г. начался раздор между греческими и русскими купцами в Константинополе, несколько русских было убито.[22] Русь, судя по всему, сразу потребовала возмещения ущерба, но получила отказ, и в 1043 г. "*Ярослав послал сына своего Владимира на греков и дал ему много войска*".[23] Воеводой поставили тысяцкого Вышату.[24] У него был сын Ян, и один из источников летописца, история "Повести временных лет", видимо, основана на рассказе Яна.

Необходимо отметить, что успех русского похода в Византию предполагает господство русских на всем протяжении нижнего течения Днепра, а самое главное, в районе больших порогов. После смерти Святослава этот регион контролировался печенегами, но, очевидно, они утратили свои позиции после победы над ними Ярослава в 1037 г. Владимир в 1043 г. выступил в поход морем. Русский флот сильно пострадал и от шторма, и от "греческого огня", после чего значительная часть русского войска высадилась где-то в Болгарии. Вышата остался с ними. Теперь война приняла совсем не такой оборот, как в предыдущем походе против Византии. Остатки русского флота, хотя и поврежденные штормом, разбили греческую эскадру, но высадившиеся войска сдались византийцам, которые ослепили многих пленников. Сам Вышата был привезен в Константинополь, но позже освобожден и отправлен в Киев. Тогда последовало перемирие на три года, после чего отношения между Константинополем и Киевом осложнились снова, но, судя по всему, до войны дело не дошло.

Затем, в 1051 г., Ярослав совершил смелую попытку установить независимость Русской Церкви от Константинополя. По его инициативе Собор русских епископов избрал русского, всем известно-

го Илариона, митрополитом Киевским. Он не был признан Константинопольским патриархом Михаилом Керуларием. Русская акция, несомненно, вызвала большое смятение в Константинополе, так как то время было периодом сильной напряженности между патриархом и папой Римским. Русских, видимо, подозревали в намерении извлечь выгоду из сложившегося положения и перейти в лоно Римской Церкви. В таком случае, русская акция стала важным фактором в углублении раскола между Римской и Греческой Церквями.[25]

Мы не знаем, как был улажен русско-византийский конфликт, но это случилось не позднее 1052 г., поскольку в "Повести временных лет" мы находим следующую запись, датированную 1053 г.: "*У Всеволода [Ярославича] родился сын от греческой принцессы, и он назвал его Владимиром*".[26] По-видимому, Всеволод женился на принцессе в 1052 г., что вряд ли было бы возможно без восстановления дружественных отношений между Византией и Русью. Но этого брака, едва ли, хватило бы для компенсации русским за отказ от идеи независимости Русской Церкви. Скорее всего, одновременно между Киевом и Константинополем было заключено новое торговое соглашение на условиях, выгодных для Руси.

Что случилось с Иларионом после его смещения с должности неизвестно. М.Д.Приселков предположил, что он принял высший монашеский сан и, в конце концов, удалился в Печерский монастырь под именем Никона. Но это только предположение, каким бы мастерским оно ни было. По совпадению, которое кажется многозначительным, Ярослав умер в том же 1054 г., в котором произошел окончательный разрыв между Восточной и Западной Церквями.

Для характеристики личности Ярослава мы располагаем не только свидетельствами из литературных источников, но также результатами антропологического и анатомического анализа его скелета и черепа, которые, как отмечалось ранее, подтверждают данные литературных источниках, по меньшей мере в одном важном пункте. Так, в "Повести временных лет" упоминается, что князь был хромым, в другом источнике того времени утверждается, что в детстве он с трудом ходил. Анатомический анализ показал, что у ребенка была болезнь, препятствующая ходьбе, а позднее он сломал ногу.[27]

4. Триумвират (1054-1093 гг.)

Старший сын Ярослава, Владимир, умер на два года раньше отца. Как мы знаем, он занимал важный пост наместника в Новгороде. Владимир самостоятельно провел две военные кампании - против финского племени емь в 1042 г. и против Византии в 1043. Судя по всему, если бы Владимир был жив к моменту смерти отца, то Ярослав ему передал бы свое княжение; никто из оставшихся пяти сыновей, кажется, не был достаточно подготовлен к такому делу. В конце жизни, если верить "Повести временных лет", Ярослав больше других любил своего четвертого сына, Всеволода. Но оставить ему великокняжеский престол было абсолютно исключено, потому что старшие братья не согласились бы с таким решением, и, к тому же, Всеволод не обладал необходимыми для лидера качествами.

Перед самой смертью Ярослав решил оставить власть на определенных условиях всем своим сыновьям вместе, как семейной группе. Текст его завещания записан в "Повести временных лет". Оно настолько важно для понимания последующих политических событий, что невозможно не привести его здесь полностью.

"Дети мои, вот я отхожу от этого мира. Любите друг друга, потому что вы - братья, дети одного отца и матери. Если будете жить в любви друг с другом, то Бог будет среди вас, покорит вам всех врагов, и будете жить мирно. Если же будете жить в зависти, в распрях и ссорах, то погубите себя и погубите землю предков своих, которую они достали великим трудом. Но лучше живите в мире, слушаясь брат брата. Киев я поручаю моему старшему сыну, брату вашему Изяславу. Слушайтесь его, как меня слушались, он будет вам вместо меня. Святославу я даю Чернигов, Всеволоду - Переславль, Вячеславу - Смоленск, Игорю - Владимир [Волынский]".[28]

Заметьте, что хотя Ярослав раздал города своим сыновьям, формального разделения государства не было, так как только великокняжеский престол в Киеве наделялся полной политической властью. На основе этого завещания была установлена иерархия политического старшинства русских городов для соотнесения с генеалогическим старшинством князей.

На деле, вместо главенства Изяслава в княжеской семье, три старших брата - Изяслав, Святослав и Всеволод - сформировали

триумвират. Они попытались править Русью вместе. Однако это оказалось не такой простой задачей. Главным дестабилизирующим фактором был князь Полоцкий, Всеслав, внук Изяслава и правнук Святого Владимира. Изяслав был посажен в Полоцк Владимиром и, как мы видели раньше, соблюдал нейтралитет в междоусобной борьбе своих братьев, последовавшей за смертью Владимира. В результате Полоцкая земля оставалась автономной в течение всего правления Ярослава. Принадлежащие к роду Владимира, если не к семье Ярослава, Полоцкие князья не согласились с завещанием Ярослава, так как оно исключало их участие в объединенном управлении Русью. С другой стороны, они не были связаны им и сохраняли полную свободу действий.

Роковая личность Всеслава добавляет картине зловещий оттенок. Неуравновешенный и надменный, он считался чернокнижником и, видимо, был сведущ в искусстве магии. В "Повести временных лет" находим следующую запись по случаю его вступления на стол Полоцкий (1044 г.): "*Всеслава мать родила колдовством, потому что, когда мать родила его, то на голове у него была сорочка, и волхвы повелели матери завязать ту сорочку на нем, чтобы он мог носить ее на себе до смерти*".[29] В "Слове о полку Игореве" Всеслав изображен как человек, наделенный сверхъестественной силой, и как оборотень.

Кроме полоцких князей собственный внук Ярослава, Ростислав, сын Владимира Новгородского, который умер раньше князя - своего отца, тоже не получил доли в общем правлении Руси сыновьями Ярослава и имел еще больше причин для недовольства, чем Всеслав Полоцкий. Было бы естественно для двух изгоев - Всеслава и Ростислава - прийти к соглашению и объединить свои силы против триумвирата, как, очевидно, они и поступили, хотя в летописях и нет прямых свидетельств этого.

Ростислав сделал свой первый ход, захватив город Галич, откуда он был, однако, изгнан членами триумвирата. Затем он пошел на Тмутаракань, которая входила в долю Святослава Черниговского и управлялась его сыном Глебом как наместником - тем самым Глебом, который позже измерил глубину Керченского пролива и записал ее на так называемом "Тмутараканском камне". Ростислав выгнал Глеба из Тмутаракани, но, когда Святослав пришел на помощь своему сыну, захватчик оставил город, поскольку не хотел поднять

оружия против родного дяди, как объясняет летописец. Это совершенно типичное отношение, свидетельствующее о силе принципа старшинства среди потомков Ярослава. Однако, как только Святослав возвратился в Чернигов, Ростислав напал на Глеба еще раз и сел княжить в Тмутаракани, "*получая дань с косогов и других народов*" (1064 г.).[30] Именно в этот момент Всеслав начал враждебные действия против триумвирата. Вероятно, стремительное нападение Ростислава на Тмутаракань было совершено по совету Всеслава. В "Слове о полку Игореве" говорится, что Всеслав знал чудесный способ, как достичь Тмутаракани из Полоцка за одну ночь. Поскольку Всеслав, кажется, ни разу не был в городе сам, автор "Слова" явно имеет в виду Ростислава, как его исполнителя.

Можно предположить, что с Ростиславом в качестве союзника, Всеслав мечтал повторить политическую комбинацию 1026 г., когда два князя управляли северо-западом и юго-западом Руси, таким образом контролируя торговый путь из Балтийского моря к Азову. План провалился благодаря вмешательству третьей силы - Византийской дипломатии. Греки обеспокоились агрессивными действиями Ростислава в районе Крыма, где город Херсонес все еще находился под византийским контролем. Под предлогом переговоров греческий наместник Херсонеса (Катепано) прибыл в Тмутаракань и на государственном пиру отравил напиток Ростислава. Князь умер неделю спустя. О популярности Ростислава в Крыму свидетельствует тот факт, что по возвращении в Херсонес наместник был побит камнями разгневанным народом.[31]

В это время Всеслав отчаянно сражался с триумвиратом, но, потерпев поражение, согласился на переговоры. Он был вероломно схвачен на переговорах о перемирии и привезен в Киев как пленник (1067 г.). Это нарушение клятвы членами триумвирата рассматривается летописцем как главная причина их последующих бед; по его мнению, таким поступком они вызвали Божий гнев, и степные кочевники появились как инструмент Бога в наказании грешных русских князей. Напомним, что в конце X и первой половине XI веков южные русские степи контролировались печенегами, которые многократно нападали на Русь и даже послужили причиной гибели одного из самых могущественных русских князей, Святослава I. Но к концу правления Ярослава опасность со стороны печенегов была ликвидирована русскими.

Их успеху частично способствовал тот факт, что печенеги в то время испытывали давление на востоке со стороны другого тюркского кочевого племени - половцев, пришедших из Казахстана. Победа над печенегами, таким образом, оказалась бессмысленной, так как половцы, заменившие их в причерноморских степях, были более сильным и жестоким противником, который начал беспокоить приграничные районы Переяславльской земли в 1061 г. В 1068 г. они, без сомнения, воодушевленные известием о разногласиях между русскими князьями, атаковали и разбили русских. Каждый из членов триумвирата бежал в свой город, но если Святослав был в состоянии защищать Чернигов, а Всеволод удержать Переяславль, то Изяслав в Киеве столкнулся с народным бунтом. Бунтовщики освободили Всеслава из заточения и объявили его князем Киева (1068 г.). Этот эпизод поэтически отражен в былине "Волх Всеславович". Изяслав отправился в Польшу, попросил помощи у короля Болеслава II и получил ее. Забыв о своих магических способностях, Всеслав бежал в Полоцк, не сделав и попытки сразиться с польской армией, превосходящей его по силе. У киевлян не оставалось другого выбора, как снова принять Изяслава, оговорив условие, что тот не будет преследовать зачинщиков восстания. Сам он, действительно, этого не делал, но до его вступления в город посланный вперед сын Изяслава казнил много знатных жителей, и виноватых и невинных (1069 г.). Вернув стол, Изяслав при первой возможности избавился от поляков.

Триумвират теперь был восстановлен, но ненадолго. В 1072 г. три брата присутствовали на празднествах в Киеве по случаю переноса мощей святых Бориса и Глеба. Приблизительно в это же время они утвердили свод законов, известный как "Правда" Ярославичей. Но уже в 1073 г. триумвират был разрушен тайным заговором двух его членов - Святослава и Всеволода - против третьего, Изяслава. Тот снова отправился в Польшу, но на этот раз помощи не получил. Тогда он обратился к императору Германии Генриху IV и к Папе Григорию VII, высказывая желание сделать Русь "владением Св.Петра". Этим он, однако, ничего не достиг, так как его брат Святослав, теперь великий князь Киевский и Черниговский, был не только могущественным князем, но и искусным дипломатом, и сам выказал готовность к религиозному компромиссу с Римом. Святослав также укрепил дружественные отношения со Священной Римской

империей и Польшей: в 1076 г. русские войска поддержали поляков против чехов.

Смерть Святослава в 1076 г. сделала возможным возвращение Изяслава в Киев. Вернувшись, он тут же забыл о своих обещаниях Папе. К своему брату Всеволоду, которому он обещал Чернигов, Изяслав был более внимателен и присоединился к его выступлению против сыновей Святослава, отказавшихся отдать город, считая его своей вотчиной. Дяди победили племянников, но Изяслав в битве погиб (1078 г.), и, по мнению летописца, верностью младшему брату искупил свои грехи.

Всеволод теперь был единственным живым членом бывшего триумвирата. Он остался в Киеве, назначив своего одаренного сына, Владимира Мономаха, наместником Чернигова. В правление Всеволода (1078-1093 гг.) продолжались постоянные междоусобные распри, начинали которые, преимущественно, сыновья Святослава, не желавшие смириться с потерей Чернигова. Самый способный из них, Олег, вспыльчивый аристократ и храбрый воин, в конце концов, захватил Тмутаракань. В отчаянии Святославичи обратились за поддержкой к половцам, которые были более чем рады возможности грабить Русь, оставаясь союзниками русских князей. Но, по мнению Олега, он только пытался защитить свои права на наследство.

Неудачливый во внешней политике, Всеволод не был удачлив и в управлении внутренними делами. Согласно летописцу, *"люди больше не имели доступа к княжескому суду, судьи стали продажны и корыстны"*.[32] Летописец пытался оправдать князя, ссылаясь на его болезнь и возраст, а вину возлагал на молодую дружину, чьим советам он следовал, вместо того чтобы слушать старых дружинников.

5. Правление Святополка II (1093-1113 гг.)

После смерти старших братьев Всеволод сконцентрировал в своих слабых руках всю власть триумвирата. Однако принцип родового старшинства не был забыт, и сразу после ухода Всеволода Святополк Изяславович занял Киевский стол, предоставив своему двоюродному брату - сыну Всеволода, Владимиру Мономаху, кня-

жить в Чернигове. Это было нарушением принципа старшинства, поскольку раньше Чернигов принадлежал второму члену триумвирата, Святославу, и его сыновья теперь предъявляли свои права на город. В 1094 г. один из них, Олег, пришел к Чернигову из Тмутаракани с половецким войском, и Владимир решил пойти на компромисс. Он заключил мир с Олегом и, отдав ему Чернигов, ушел в Переяславль. В определенном смысле первоначальный триумвират сыновей Ярослава теперь восстанавливался его внуками. Но во втором триумвирате было еще меньше согласия, чем в первом, особенно из-за подозрительности и отчужденности Олега. Хотя он и восстановил свои права на Чернигов, Олег не мог так легко забыть свои прежние обиды и подозревал братьев в готовности использовать первый подходящий предлог, чтобы изгнать его еще раз. Он сам дал повод для этого своей двусмысленной политикой по отношению к половцам.

Получив известие о смерти Всеволода, половцы направили Святополку мирные предложения, но тот проигнорировал их, а послов схватил. Несмотря на то, что позже он всех освободил, половцы были в ярости и напали на Русь. Победив объединенные силы Святополка и Владимира в ожесточенной битве, они сломили оборону русских в Треполе и рассеялись, грабя и разоряя все вокруг. После краткой осады Торческа жители, ослабленные голодом, сдали половцам укрепленный город. Опустошая южные районы киевских и переяславльских земель, половцы уводили с собой толпы русских пленников: мужчин и женщин. Впечатляюще описываются страдания населения на страницах "Повести временных лет":

"Множество христиан оказались в крайне бедственном положении: скорбящие, измученные, ослабевшие от холода, с лицами изможденными голодом, жаждой и несчастьем, с телами черными от ударов, наги и босы, ногами истерзанными терниями шли они мучительным путем в неизвестную страну к варварским народам. В слезах они говорили друг другу: "Я из такого-то города", "Я из такой-то деревни". Так спрашивали они один другого и рассказывали о своих семьях, вздыхая и обращая глаза на небо к Тому, кто знает все."[33]

В 1094 г. Святополк заключил мир с половцами и взял в жены дочь хана Тугоркана. Владимир, однако, не вступал в это соглашение, и, когда в 1095 г. половецкое посольство прибыло в

Переяславль, он приказал всех убить. Летописец повествует, что он поступил так по настоянию своей дружины. Снова началась война, и Святополк выступил на стороне брата против захватчиков, несмотря на свой брак. Оба призывали Олега на помощь, но тот сохранял нейтралитет. Война неудачно складывалась для русских. Еще несколько городов в Киевской земле были разрушены и разграблены окрестности Переяславля. Половцы напали и на сам город, но были отбиты, а тесть Святослава, хан Тугоркан, в этой битве погиб. В это же время, однако, другой хан, Боняк Манги, совершил набег на Киев и сжег несколько церквей и дворцов.

Обеспокоенные нейтралитетом Олега, Святополк и Владимир послали ему ультиматум: или ты с нами, или ты против нас. Олег *"выказал самонадеянность"*[34] и не обратил на него внимания. Тогда его двоюродные братья выбили Олега из Чернигова. Он пошел в Смоленск, где княжил его родной брат Давыд, и, собрав там войско, направился в низовья Оки к Мурому, принадлежащему сыну Владимира - Изяславу. Тот отказался покориться, вышел на битву за город, но погиб в сражении, а Олег вошел в Муром. Когда известие о смерти сына достигло Владимира, он написал Олегу замечательное письмо, проникнутое духом терпимости.[35] Принимая смерть Изяслава как Божий суд, он призывал Олега положить конец вражде и прийти к взаимопониманию. Ответом Олега был захват города Ростова в Суздальской земле. В таких обстоятельствах старший сын Владимира - Мстислав, могущественный новгородский наместник, взял дело в свои руки и, напав на Олега, преследовал его от одного города до другого, пока тот не отступил до Рязани. Мстислав тогда отправил Олегу следующее послание: *"Больше не беги, а лучше проси братьев не изгонять тебя из Руси. Я попрошу своего отца за тебя."*[36] Олег принял предложение, и наследственная вражда была закончена.

Можно отметить, что в описанном случае Владимир и его сын Мстислав выказали завидную выдержку и политическую мудрость. Мир, а не месть, был их целью. Как только Олег согласился на переговоры, они предложили созыв примирительного собрания всех князей, чтобы разрешить существующие разногласия. Встреча состоялась в Любече в 1097 г., в ней участвовали следующие князья: Святополк II, Владимир Мономах, Давыд - сын Игоря, князя Волынского, Василько - сын Ростислава, два

сына Святослава II - Давыд и Олег. На встрече, таким образом, были представлены все линии потомков Ярослава. Заметьте, что даже сыновья Ростислава участвовали в переговорах, несмотря на то, что их отец еще при жизни был лишен доли в общем наследстве. Напомним, что до своей Тмутараканской авантюры Ростислав пытался закрепиться в Галиции; именно здесь каждый из трех его сыновей в итоге получил себе небольшой удел. Старший из них, Рюрик, умер в 1092 г., и, таким образом, к моменту встречи в Любече их оставалось двое: Володар и Василько. На встрече присутствовал только Василько.

Решения этого съезда записаны в "Повести временных лет" в следующей форме. Князья "*сказали друг другу*:

Зачем мы губим Русскую землю, постоянно враждуя друг с другом? Половцы изнуряют нашу страну набегами и радуются, что мы воюем между собой. Станем с этих пор жить сообща и охранять Русскую землю, и каждый пусть управляет своей вотчиной: Святополк - Киевом - наследством Изяслава; Владимир наследством Всеволода - Переяславлем; Давыд, Олег и между ними Ярослав владеют наследством Святослава [то есть, Черниговым]. Пусть сохранятся вотчины, назначенные Всеволодом: Владимир [Волынский] остается в руках Давыда [сына Игоря], Перемышль принадлежит Володарю, а Василько пусть княжит в Теребовле".[37]

Эта важная декларация вносит новый элемент в отношения между князьями. Хотя принцип старшинства и не был аннулирован, теперь признавались особые права каждой княжеской ветви на наследство отцов. Таким образом, на съезде в Любече старались учесть притязания каждого, и можно было надеяться, что определенный, пусть даже невысокий, уровень стабильности достигнут.

Не легко, однако, было князьям преодолеть свою алчность и взаимное недоверие. На сей раз ответственность за нарушение мира лежит на Давыде Волынском. Он заподозрил Василько Галицкого в намерении захватить Волынь (собственный удел Давыда) и решил искать поддержки у Святополка, говоря тому, что узнал о заговоре Владимира Мономаха и Василько против них обоих. Святополк в конце концов поверил ему и, пригласив Василько в Киев, вероломно схватил его и передал Давыду, чьи люди ослепили несчастного галицкого князя.

Ослепление политических соперников, особенно потенциальных кандидатов на трон, было установленной практикой в Византии, но до случая с Василько русские князья никогда не прибегали к этому средству в борьбе друг с другом. Известие о преступлении потрясло всю Русь. "*Когда Владимир узнал, что Василько был схвачен и ослеплен, ужас объял его и, разразившись слезами, он сказал: "Преступления, подобного этому, никогда не совершалось на Руси ни во еремена наших дедов, ни во еремена наших отцов.*" Святославичи (сыновья Святослава), Давыд и Олег, тоже были глубоко потрясены и говорили: "*Такого никогда не случалось в нашей семье*".[38] Владимир и Святославичи немедленно съехались, чтобы обсудить ситуацию. Кроме ужасного увечья, нанесенного Василько, поступок Святополка являлся нарушением Любечского соглашения. Это было подчеркнуто в общем послании Святополку: "*Если была какая-то вина у Василько, ты должен был обвинить его перед нами*".[39] Святополк пытался избежать ответственности, обвиняя во всем Давыда Волынского.

Неудовлетворенные объяснением, Владимир и Святославичи решили наказать его и выступили к Киеву. Киевляне заволновались и, боясь казавшейся неизбежной гражданской войны, выслали к Владимиру вдову Всеволода (тещу Владимира) и митрополита с обращением: "*Мы молим тебя, О Князь! и твоих братьев, не губить Землю Русскую*". Владимир оказался перед моральным выбором: спустить нарушение Любечского соглашения и оставить безнаказанным ослепление Василько или взять на себя ответственность за новое кровопролитие. В этой сложной ситуации он уступил своей теще, "*потому что он должен быть подчиняться матери, он уважал и митрополита тоже (поскольку почитал церковный сан) и не мог пренебречь его мольбой*".[41] Прекращая войну, Владимир и Святославичи возложили на Святополка задачу наказания Давыда.

Запуганный и Святополком и Володаром (братом Василько), Давыд освободил Василько. Это, однако, не удовлетворило его противников, и они начали войну, которая еще больше разрослась за счет конфликта между Святополком и Ростиславичами (сыновьями Ростислава Владимировича). В конце концов, князья снова съехались на совет в Юветичах и решили дело, лишив Давыда Волынского княжества. Ему отдали город Бужск для пропитания (1100 г.).

В следующем году состоялась еще одна встреча князей, на которой они заключили мир с половцами. Этот мир продлился недолго, потому что в 1103 г., по словам летописца: "*Господь вложил благородную идею в сердце русским князьям, Святополку и Владимиру*",[42] - они решили пойти войной на половцев и захватить их земли. Князья предложили Святославичам принять участие в походе. Олег, ссылаясь на болезнь, отказался, а Давыд принял предложение. Кампания была очень удачной: двадцать половецких князей были убиты, и один взят в плен. Была захвачена огромная добыча - овцы и коровы, лошади и верблюды, кибитки и рабы.

Половцам потребовалось четыре года, чтобы восстановиться. В 1107 г. два половецких князя - старый Боняк и Шарухан - совершили набег на Переяславльские земли. Они, однако, были отбиты и понесли большие потери. Четыре года спустя наступила кульминация. В 1111 г. союзные войска трех русских князей - Святополка, Владимира и Давыда - прошли глубоко в степь, достигнув Дона. Город Шарукань сдался, и его жители встречали русских дарами - рыбой и вином. Основные половецкие силы были тогда разбиты на берегах Сальницы. Триумф русских был беспрецедентным, а поскольку главную роль в походе сыграл Владимир Мономах, его популярность резко возросла.

Хотя Святополк и принимал участие в походах против половцев, его внимание, в основном, было обращено на запад. Он выдал одну из своих дочерей замуж за польского короля Болеслава II (1102 г.), а другую - за сына короля Венгрии (1104 г.). Эти династические браки имели целью укрепить дружественные связи между Русью, Польшей и Венгрией, но Святополк, кажется, был больше заинтересован в развитии торговых отношений, чем в дипломатии как таковой. Набеги половцев, должно быть, несколько *лет* осложняли путь в Византию по Днепру, и русские купцы хотели расширять экономические связи с западными странами. Поскольку Святополк пытался монополизировать торговлю солью на Руси, он, надо полагать, мечтал получить галицкие соляные рудники, но нельзя было надеяться, что Ростиславичи уступят их. Он мог, однако, закупать соль на Величковских копях в Польше.

Хотя русские одержали внушительную победу над кочевниками к концу правления Святополка II, опустошения, произведенные половцами до кампании 1111 г., были достаточно серьезными, чтобы

расстроить экономическую и социальную жизнь южных районов Руси. Потери населения, по всей вероятности, были ужасными. Те, кто избежал смерти и плена, были разорены. Многие вынужденно брали деньги в долг у Киевских капиталистов или состоятельных землевладельцев, а, будучи не в состоянии возвратить долги, соглашались работать на условиях кредиторов.

Таким образом, пока часть населения несла потери, владельцы больших поместий в непострадавших районах страны выигрывали от обилия дешевой рабочей силы, а киевские ростовщики от получения процентных доходов по непомерным ставкам. Высокие цены на соль, вследствие монополии Святополка, увеличивали общее недовольство. Прославленная победа над половцами на некоторое время отвлекла общественное мнение, но требовались радикальные реформы, чтобы исключить финансовые злоупотребления. Нельзя было ожидать подобных реформ от Святополка, так как он сам активно участвовал в финансовых спекуляциях.

6. Гражданский законодатель: Владимир Мономах

Смерть Святополка 16 апреля 1113 г. освободила силы оппозиции. Последовавший яростный взрыв М.Н.Покровский окрестил "социальной революцией"; из-за полного отрицания взглядов Покровского в современной советской историографии, однако, киевские события 1113 г. теперь называют просто "мятежами". Но как бы мы их не назвали, это был серьезный политический и социальный кризис.

17 апреля в Киеве собралось чрезвычайное городское вече. В обычных условиях подобное собрание после смерти князя было бы созвано митрополитом и боярами, но их санкция на это вече нигде в летописях не упоминается. Вероятно оно было собранием только демократических элементов, и его дух был революционным. Вече решило призвать Владимира Мономаха, князя Переяславского, взойти на Киевский престол. Как записано в Ипатьевской летописи: "*Получив это известие, Владимир заплакал и отказался, горюя о брате [двоюродном брате]*".[43]

Мотивы отказа понятны. Прежде всего, он, безусловно, не хотел принять Киевский стол из рук только демократической части

населения, потому что это подразумевало бы репрессивные меры против бояр покойного Святополка. Более того, от Владимира ждали бы официального отречения от политики покойного двоюродного брата, с которым он поддерживал дружественные отношения. Наконец, он колебался вступать на Киевский стол без согласия на то собрания всех князей, так как в противном случае он мог столкнуться с упорным сопротивлением со стороны князей старших ветвей - и братьев Святополка, и Святославичей.

Каковы бы ни были его мотивы, он отказался идти в Киев. Тогда начались мятежи. "*Киевляне разгромили двор тысяцкого Путяты, погромили евреев*".[44] Поскольку беспорядки становились все более опасными, церковные чины и представители высших классов заволновались и, хотя прежде они, казалось, не одобряли решения вече призвать Владимира, теперь отправляли ему панические послания, умоляя спасти порядок в государстве.

"*Приди, О Князь! в Киев; если не придешь, то знай, что много случится зла. Они пограбят не только двор Путяты, соцких или евреев, но нападут и на твою невестку [вдову Святополка], бояр и монастыри, а если они пограбят монастыри, то ты будешь в ответе*".[45]

Теперь, когда аристократическая часть общества повторила демократическую, призывая его на великокняжеский стол, стало ясно, что только посредничество Владимира может предотвратить социальную революцию. Он не уклонился от ответственности и пошел в Киев, где, по словам летописца, "*его встретили с большой честью митрополит Никифор, епископы и все жители. Так он принял стол отца своего и своих дедов, и все люди радовались, и мятежутих*".[46]

Анализируя эти апрельские события, мы должны различать непосредственные действия киевских "революционеров" и их общую программу. Первые акции были направлены против представителей администрации Святополка (тысяцкого и сотских) и его финансовых советников (евреев). Разграбление домов высоких должностных лиц и ростовщиков было, несомненно, спонтанным действием взбунтовавшейся толпы. Ясно, однако, что их руководители вынашивали более радикальные планы - конфискацию имущества высших классов в целом, то есть бояр, купцов и монастырей. Между прочим отметим, что не нужно думать, будто движе-

ние было антисемитским. Общего еврейского погрома не произошло. Состоятельные еврейские купцы пострадали за свою связь со спекуляциями Святополка, особенно с его ненавистной монополией на соль.

Первым шагом Владимира была замена киевского тысяцкого на человека, которому он доверял. Затем он собрал совещание высших официальных лиц для изменения законодательства относительно займов и наемного труда. Кроме нового киевского тысяцкого в совещании участвовали тысяцкие из Белгорода и Переяславля, два других дружинника Владимира и дружинник князя Олега Черниговского. Присутствие последнего свидетельствует о том, что Олег признал Владимира Великим князем Киевским. Принять личное участие в совещании, проводимом в интересах низших слоев, было, однако, выше сил Олега, и он послал вместо себя дружинника.

Совещание постановило прекратить злоупотребления краткосрочными ссудами и ограничить проценты по долгосрочным кредитам. Кроме того, была несколько ограничена власть хозяина над наемными рабочими и запрещено обращать их в рабство. Для легализации продажи себя в рабство обнищавшим человеком теперь требовались определенные формальности как гарантия против мошенничества.

Эти меры вряд ли могли удовлетворить радикальное крыло оппозиции. Однако они оказались достаточными, чтобы восстановить общественное доверие к княжеской власти.

Нужно иметь в виду, что поддержка Владимиром низших классов была не только результатом его просвещенного государственного ума, но и свидетельством его глубоко христианской души. Гражданское законодательство являлось для него продолжением христианского милосердия. В своем знаменитом "Поучении" он наставляет сыновей: "*Подавайте сироте, защищайте вдовицу, не давайте сильным губить человека*". Собственную политику он описывает в том же духе:"*Я не давал в обиду сильным и бедного смерда и убогую вдовицу*".[47]

"Поучение" Владимира (наставление своим сыновьям) является не только-ценнейшим произведением древнерусской литературы, но и общественным документом большой значимости.[48] Оно раскрывает древнерусского князя с наилучшей стороны. Два стол-

па христианства для Владимира - страх Божий и любовь к ближнему, главным проявлением которой является сострадание.

Будучи глубоко ответственным человеком, он подчеркивает сколь важно для князя уметь держать слово. "*Если же вам придется крест целовать, чтобы подтвердить клятву братии или какому другому человеку, сначала проверьте сердце свое, сможете ли сдержать слово, а потом целуйте, а дав клятву, соблюдайте ее, чтобы не погубить души своей нарушением*".[49] Из летописей явствует, что Владимир действительно следовал этому правилу в отношениях с другими русскими князьями.

Истинный христианин, Владимир, однако, не был аскетом. Он восхищался природой и любил жизнь во всех ее проявлениях. Труд, а не аскетическое уединение - его совет сыновьям. В краткой автобиографии, которая составляет важную часть "Поучения", он рассказывает о своих главных военных кампаниях и охотах. Он не похваляется собственными военными победами, в его повествовании нет и тени тщеславия. Феодальный дух княжеской славы абсолютно не свойственен ему. Все, что он говорит о походе на половцев в 1111 г., следующее лаконичное замечание: "*Со Святополком и Давыдом за Дон ходили, и Бог нам помог*".[50] Поскольку он больше рассказывает о своих достижениях в охоте, война и охота составляют для него часть княжеских трудов. Он говорит больше о трудах, чем о подвигах, что прекрасно согласуется с его любимым изречением "*Лень - мать всех пороков*".

Владимир придает большое значение просвещению и учебе: "*Что знаете полезного, не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь - как отец мой, хоть и оставался дома в своей стране, выучил пять [иностранных] языков*".[51] Владимир сам был хорошо образован и увлекался чтением. Как у многих его современников, его любимыми религиозными книгами были Псалтырь и Ветхий Завет.

Владимир был сыном Всеволода от первой жены, греческой принцессы, вероятно из семьи Мономахов, откуда и его фамилия. Семейные связи, несомненно, отразились в его дружественном расположении к Византии. Кроме прочего, это расположение проявлялось в поддержке грекофильских тенденций в русской Церкви, за что его порицают некоторые современные русские историки националистического духа.

7. Первые два Мономашича (1125-1139 гг.)

Популярность Владимира Мономаха подтверждается фактом, что после его смерти (1125 г.) его старший сын Мстислав сел на Киевский стол без сопротивления как со стороны киевлян, так и со стороны других князей. Даже Ольговичи Черниговские не возражали, по крайней мере открыто.

Мстислав I (1125-1132 гг.) оказался таким же решительным и честным правителем, как и его отец. Он был сыном Владимира от первой жены, английской принцессы Гиты, дочери Гарольда II Нордические связи Мстислава еще больше укрепились после его женитьбы на шведской принцессе Христине, дочери короля Инга Стейнкельса. В скандинавских источниках Мстислава называют Гаральдом. При жизни отца он сначала княжил в Новгороде, затем был титулованным князем Белгорода. Покидая Новгород, Мстислав оставил там сына Всеволода, которого новгородцы с радостью признали своим князем (1117 г.). Таким образом он на самом деле не порывал связи с этой северной метрополией и знаменательно, что после смерти своей первой жены он женился на дочери новгородского посадника (1122 г.)

Популярность Мстислава в Новгороде очень помогла ему, когда он стал княжить в Киеве. Будучи Великим князем, он сумел установить контроль над всем родом Мономашичей. Его братья управляли следующими городами: Ярополк - Переяславлем, Вячеслав - Туровом, Юрий - Суздалем и Андрей - Волынью. Мстислав также вступал в дела Галиции, где правили Ростиславичи, и Чернигова, удела Ольговичей. В обоих княжествах происходила борьба между старшими и младшими князьями семьи. Мстислав и в том и в другом случае поддерживал старшего. Однако и там и тут победил младший. Энергичный Всеволод, сын Олега, захватил Чернигов в 1127 г., а ловкий Владимирко, сын Володаря, был признан князем Перемышля (в то время Галицкая столица) примерно в 1130 г Но, пытаясь противостоять попыткам Мстислава вмешиваться в семейные дела, и Ольговичи, и Ростиславичи вынуждены были признать его как Великого князя.

Ближайшим соратником Мстислава был его брат Ярополк, князь Переяславский Вместе они определили курс внешней политики Руси, нацеленный на охрану торгового пути из Балтики в

Азовский регион. Ярополк, блестящий воин, взял на себя задачу очистить путь к низовьям Дона. Его первый поход против половцев состоялся в 1116 г.. Он захватил много пленных, среди них была осетинская княжна, на которой он женился. Десять лет спустя Ярополк нанес еще одно сокрушительное поражение половцам. Однако постоянного контроля над Азовским регионом ему установить не удалось.

Внимание Мстислава было направлено на Балтийский регион. Чтобы исключить любые помехи своей власти со стороны князей Полоцких, он захватил их земли, а всех членов семьи выслал в Константинополь (1130 г.). Он также провел успешную войну против литовцев (1131 г.). В это время его сын Всеволод установил свою власть над финскими племенами в восточной Эстонии.

После смерти Мстислава киевляне предложили его брату Ярополку занять стол. В качестве князя Киевского он известен как Ярополк II (1132-1139 гг.). Он пытался продолжать политику Мстислава, но оказался менее удачливым; единственное достижение во внешней политике - дальнейший успех в Эстонии его племянника Всеволода, который отвоевал Юрьев в 1131 г.

Главной причиной трудностей Ярополка была его неспособность контролировать собственный род, всех Мономашичей. Один из его братьев, Юрий Суздальский, восстал против него и вторгся в Переяславские земли. Несмотря на то, что Ярополк был в состоянии отстоять их, Ольговичи Черниговские, не теряя времени, воспользовались внутренним раздором в роде Мономашичей. Князь Всеволод Черниговский, который молчал во время правления Мстислава, теперь предъявил претензии на некоторые пограничные земли между Черниговским и Переяславским княжествами. Не надеясь на собственные силы, он вошел в альянс с половцами, которые, конечно, были рады возможности совершить набег на Русь еще раз. Ярополк поспешил заключить мир с Юрием, но было уже слишком поздно. Побежденный Всеволодом и его половецкими союзниками, он вынужден был удовлетворить притязания Всеволода.

Как только Переяславская проблема была решена, начался новый кризис в Новгороде. В 1136 г. народ восстал против князя Всеволода Мстиславича, его посадили под арест в епископском дворце и затем выслали По этому поводу новгородское вече при-

няло решение, закрепляющее право владения земельными наделами в Новгороде только за новгородцами. Кроме этого требовалось специальное одобрение веча на любое предоставление в Новгороде государственной земли. Новый закон был, возможно, восстановлением старой традиции; он, прежде всего, был направлен против князя и его дружинников, и можно предположить, что причиной его принятия явилось какое-либо злоупотребление со стороны Всеволода. Последний, несомненно, признал его законность, поскольку в 1137 г. Всеволода опять пригласили княжить в Новгороде. Он, однако, умер до того, как смог принять это предложение.

После смерти Всеволода новгородцы признали своим князем кандидата, рекомендованного Юрием Суздальским. За что последний оказал Ярополку активную поддержку в его борьбе против Всеволода Черниговского, который использовал события в Новгороде для предъявления новых претензий, но, не получив на этот раз значительной помощи от половцев, вынужден был просить мира (1139 г.). В том же году Ярополк II умер. Хотя он и смог удержать Киевский стол до своей смерти, за время его правления и главенство Киева, и единство Руси были серьезно поколеблены, почти до полного разрушения.

Глава V

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КИЕВСКОЙ РУСИ

1. Предварительные замечания

В трех предыдущих главах я описал основные тенденции политического развития Руси с конца девятого столетия до первой трети двенадцатого века. В Главе VIII я продолжу свое описание до монгольского нашествия в 1237 г., но сейчас нам необходимо прерваться, чтобы проанализировать основы экономики Руси, а также ее социальную и политическую организацию в киевский период.

В современной русской историографии существуют две точки зрения на то, что являлось главным фактором экономического развития Киевской Руси: "традиционная" и "революционная". Согласно первой, выдающимся представителем которой является В.О.Ключевский, внешняя торговля должна рассматриваться и как основа ранней русской экономики, и как важнейший фактор развития Киевского государства. Согласно второй (ее наиболее известный представитель Б.Д.Греков) в киевский период, так же как и позднее в московский, сельское хозяйство, а не торговля, было фундаментом государства и общества.

Ключевский в развитии своей теории дошел до полного отрицания важности сельского хозяйства в экономической жизни Киевской Руси. Греков не мог совершенно отрицать роль внешней торговли в киевский период: эта роль слишком очевидна. Однако он

пытается свести к минимуму ее значение и подвергает сомнению ее активность.

Ключевский говорит:

"История нашего общества изменилась бы существенно, если бы в продолжение восьми-девяти столетий наше народное хозяйство не было историческим противоречием природе страны. В одиннадцатом веке масса русского населения сосредотачивалась в черноземном среднем Поднепровье, а к полоeине пятнадцатого века передвинулось в область верхнего Поволжья. Казалось бы, в первом краю основанием народного хозяйства должно было стать земледелие, а ео втором должны были получить преобладание внешняя торговля, лесные и другие промыслы. Но внешние обстоятельства сложились так, что пока Русь сидела на днепровском черноземе, она преимущественно торговеала продуктами лесных и других промыслов и принялась усиленно пахать, когда пересела на верхневолжский суглинок."[1]

А Греков говорит:

"Мне кажется, что в наших источниках нет свидетельств подтверждающих, основные положения Ключевского, Рожкова и их последователей. В Киевской, Новгородской и Суздальской Руси земледелие было основным занятием народа."[2]

Чью сторону примем мы в этом споре?

Прежде всего, необходимо сказать, что основная идея Ключевского о практически полной миграции населения из района среднего Днепра на верхнюю Волгу, которая, якобы, произошла в период между одиннадцатым и пятнадцатым веками и способствала расцвету Московской Руси, совершенно неприемлема.

Мы знаем, что славяне появились на севере России за столетия до образования Киевского государства, что они пришли на новгородские земли еще в начале четвертого века, что верхний Волго-Окский район был заселен ими из Смоленска и Новгорода, а не из Киева и не позже седьмого века. Мы также знаем, что, согласно археологическим свидетельствам, не только славяне, но и литовцы и финны занимались сельским хозяйством на севере задолго до одиннадцатого столетия, уже не говоря о пятнадцатом.

В своем блестящем исследовании, которое я не мог в полной мере использовать при работе над своей книгой "Древняя Русь", П.Н.Третьяков убедительно показал, что жители верхней Волги,

которых он считает протославянами, были знакомы с сельским хозяйством, по крайней мере с третьего века, и что в седьмом столетии население этих районов, в то время, несомненно, славяне, перешли от примитивных методов (подсечного земледелия) к регулярной вспашке земли.[3]

Таким образом, даже в Северной и Центральной Руси сельское хозяйство играло важную роль в экономической жизни народа задолго до одиннадцатого века. И еще более важную, конечно, на Украине.

Известно, что уже в раннюю скифскую эпоху некоторые племена, подвластные скифским царям, например "скифские крестьяне" и "скифские землепашцы", выращивали разнообразные зерновые. Согласно Византийским источникам, анты в шестом веке возделывали землю и хранили зерно в своих поселениях. По восточным источникам славяне в восьмом веке снабжали зерном хазар и мадьяр. Известно из русской "Повести временных лет", что одно из восточных славянских племен, вятичи, платили дань хазарам по одной монете с сохи, следовательно, соха была их главным средством к существованию.

В письменных источниках киевского периода встречается масса упоминаний о земледелии и зерновых. Все эти свидетельства убедительно подтверждаются данными археологии.[4] Таким образом, не может быть никаких сомнений в том, что сельское хозяйство было одним из главных элементов русской национальной экономики киевского периода. "Исторический парадокс", о котором говорит Ключевский, был только плодом его воображения.

Однако из признания значения сельского хозяйства для Киевской Руси не следует, что мы должны отрицать роль внешней торговли или преуменьшать ее, как это делает Греков. Как и в случае с сельским хозяйством, существует достаточно доказательств, подтверждающих активность торговли в экономике Западной Евразии с незапамятных времен. Больше того, внешняя торговля была, несомненно, основным фактором формирования политики всех империй в Понтийских степях, от скифов до хазар.

Особенно важно для обсуждаемого вопроса, что к моменту образования Киевского государства, торговля зерном не играла значительной роли - если вообще имела значение - в русской внешней торговле. Большую часть ее объема составляли продукты охоты и

лесных промыслов: пушнина, воск и мед. Даже Греков не в состоянии отрицать этого. Хотя мы и не можем разделить взглядов Ключевского на сельское хозяйство, мы, тем не менее, должны последовать за ним в утверждении важности неземледельческих продуктов во внешней торговле Киевской Руси, по крайней мере, в десятом веке.

Это очень важный момент, принимая во внимание, что сторонники взглядов Грекова используют данные по сельскому хозяйству при интерпретации социологических основ Киевской Руси. Поскольку сельское хозяйство являлось основой феодализма в Западной Европе, утверждается, что его развитие в Киевской Руси неопровержимо доказывает полную феодализацию страны в этот период. Признаиие же первостепенного значения внешней торговли, с точки зрения Грекова и его школы, поставило бы под угрозу всю схему.

В общем можно сказать, что на своей начальной стадии европейский феодализм базировался на закрытой экономике, а любое сколько-нибудь заметное расширение внешней торговли, напротив, предполагает значительное развитие монетарной экономики. Именно в этом кроется потенциальное противоречие и новая проблема. Мы вернемся к этому вопросу в Главе VI, а теперь обратимся к обзору данных по различным аспектам Киевской экономики.

2. Природные ресурсы и население

Русская экспансия в семнадцатом, восемнадцатом и девятнадцатом веках обеспечила народы России - теперь Советского Союза - колоссальной территорией, богатой месторождениями полезных ископаемых и природными ресурсами разного рода. Страна полностью обеспечена всеми видами сырья.

В киевский период русские занимали только западную часть современного СССР, да и то не всю, так как средний и нижний бассейны реки Волга, а также южные степи принадлежали тюркским племенам. Юг - Украина и Донецкий бассейн (Донбасс) - является сегодня одним из двух основных металлургических и горнодобывающих центров той части страны, которая известна как Европейская часть Советского Союза; второй - Уральский регион. В киевский период небольшие группы русских первопроходцев

побывали только в самой северной части Урала, а от южных районов, как я уже отметил, русские были отрезаны. Таким образом они были лишены самых богатых рудных областей. Следует добавить, что в любом случае они вряд ли смогли бы использовать глубоко залегающие ресурсы, так как не были достаточно хорошо знакомы с технологиями горнодобычи.

Однако даже в киевский период русские не были полностью лишены сырьевой базы. На их территории находились обширные районы, богатые залегающими близко к поверхности месторождениями железной руды, преимущественно в болотах и по берегам озер. Такие болотные руды встречались и в Западной Руси (Волынь), и на севере. При археологических раскопках славянских поселений, датируемых даже ранним киевским периодом, были обнаружены доказательства добычи и выплавки железа. На севере, в районе Устюжны, болотные руды использовались жившими в округе крестьянами вплоть до девятнадцатого века.[5]

Однако главными природными богатствами Киевской Руси были не ее руды, а ее леса, пахотные земли, и полные рыбы реки и озера. И, конечно, ее бесценным капиталом были сами люди; крепкий и здоровый народ.

Не существует статистической информации о населении Киевской Руси. Только рассматривая население соседних стран и анализируя данные по населению России в более поздние периоды, мы можем рискнуть предложить гипотетическую оценку населения Руси в киевский период. За отправную точку примем доступные данные о населении Ближнего Востока и Западной и Южной Европы в период поздней античности и средневековья. Население Римской империи (когда ее территория была наибольшей) составляло приблизительно восемь миллионов человек. В границах Византийской империи во времена Юстиниана I, в шестом веке, проживало не менее двадцати пяти миллионов человек. Население Оттоманской империи в шестнадцатом веке было не меньше пятнадцати миллионов человек.

В Западной Европе население Англии в первой половине четырнадцатого века - то есть до эпидемии "Черной Смерти" - составляло от четырех до пяти миллионов человек. Во Франции и Западной Германии, империи Каролингов, в конце восьмого - начале девятого века насчитывалось около восьми миллионов жителей.

В первой половине четырнадцатого века население Франции приблизилось к двадцати миллионам.

Оценки для Германии возрастают от трех миллионов человек в десятом столетии до шести миллионов в одиннадцатом. В одиннадцатом веке, согласно Кётшке, оно достигло величины от семи до восьми миллионов; в первой половине четырнадцатого века, согласно Шмоллер, было около двенадцати миллионов. Население Венгрии в конце пятнадцатого века равнялось приблизительно четырем миллионам человек.[6]

Вернемся теперь к России. В "Энциклопедическом словаре", изданном Брокгаузом и Ефроном, население России в конце пятнадцатого века оценивается в 2,1 миллиона.[7] М.В.Довнар-Запольский говорит о двух миллионах к середине шестнадцатого века.[8] Эти цифры не более чем приблизительные подсчеты и, несомненно, являются результатом какого-то недоразумения. Значительно более убедительны вычисления П.Н.Милюкова.[9] Он начинает свои доказательства с цифры в тринадцать миллионов для населения Российской империи в год смерти Петра Великого. Она основана на переписи населения и поэтому достаточно надежна, хотя мы и можем предположить, что какое-то количество жителей смогло тогда уклониться от переписи, чтобы избежать уплаты налогов, поскольку цель переписи состояла именно в создании национального списка налогоплательщиков. Более того, постоянные войны времен правления Петра приводили к тяжелым потерям и должны были уменьшить население. Поэтому Милюков утверждает, что население России в конце семнадцатого века должно было быть значительно большим, чем в 1725 г. Он предлагает цифру в шестнадцать миллионов в 1676 г. и пятнадцать миллионов в конце шестнадцатого века.

П.П.Смирнов считает его оценки завышенными.[10] С другой стороны, мы должны иметь в виду, что цифры Милюкова относятся только к Московскому царству. Согласно польским историкам украинское и белорусское население Польши и Литвы в шестнадцатом веке составляло приблизительно два с половиной миллиона.[11] Таким образом, даже если мы значительно сократим цифру Милюкова для последней части столетия, нельзя оценить общее население России того периода менее чем в двенадцать миллионов, что, видимо, будет скорее заниженной оценкой. Вследствие постоянных войн и набегов татар между концом пятнадцатого и концом

шестнадцатого столетий вряд ли был сколько-нибудь заметный рост населения. Следовательно, на конец пятнадцатого века мы можем предположить цифру в десять миллионов человек или, в крайнем случае, девять, но никак не меньше.

В середине четырнадцатого века Россия, вместе со всей Европой, пережила эпидемию чумы. В середине тринадцатого века она была опустошена монголами. Следовательно, перед монгольским нашествием - то есть в начале тринадцатого века - население не могло быть значительно меньшим, чем в конце пятнадцатого столетия. Таким образом, цифра семь-восемь миллионов для двенадцатого столетия была бы довольно заниженной оценкой.[12]

Любая попытка подсчитать пропорцию городского населения в Киевской Руси должна быть только гипотетической. В источниках того периода упоминается около трехсот городов. Большинство из них, безусловно, были маленькими поселениями, но среди них были и большие города, если судить по стандартам того времени. Совокупное население трех крупнейших городов - Киева, Новгорода и Смоленска - составляло, видимо, не менее четырехсот тысяч человек. В целом городское население Руси в конце двенадцатого в начале тринадцатого веков едва ли было меньше миллиона. Если мы примем цифру в 7 500 000 для всего населения, то городское население составит тринадцать процентов от общего количества, что значительно выше аналогичной доли в московский период и соответствует ситуации в конце девятнадцатого века.

3. Охота, бортничество и рыболовство

Охота была любимой забавой русских князей киевского периода. В своем "Поучении" князь Владимир Мономах вспоминает о своих главных охотничьих подвигах с очевидной гордостью и теплым чувством в следующих словах:

"В Чернигове своими руками я вязал диких коней в пущах по десять и по двадцать, и, кроме этого, я поймал столько же у реки Роси. Два тура метали меня рогами вместе с конем. Один олень бодал меня; из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь сорвал меч с бедра моего. Медведь мне у колена потник укусил, а другой лютый зверь ескочил ко мне на

бедро и коня со мною опрокинул. И есе же Бог соблюдал меня невредимым".[13]

Рассказывая о животных и птицах, населяющих леса и поля Руси, Владимир говорит: "*Все эти благословения Господь даровал нам для услады и пропитания и удовольствия мужеского*".[14]

Даже для князей охота являлась не только развлечением, но и важным промыслом. Еще более важной она была для простых людей, особенно в лесной зоне Северной Руси. Во-первых, охота доставляла пищу значительной части населения, во-вторых, она обеспечивала мехами, нужными для изготовления теплой одежды, уплаты налогов (вместо денег) и торговли; в- третьих, давала шкуры для кожевенных работ.

На животных и птиц охотились при помощи стрел и копий или ловили живьем в сети и ловушки разных типов. Небольшие силки использовались для ловли птиц. Огромные сети развешивали в лесах между деревьев для ловли животных, которых поднимали и направляли в них загонщики. Очень популярной была также псовая охота. У некоторых князей были даже охотничьи леопарды. Тогда как простолюдины охотились самостоятельно или создавали охотничьи общины, князья и бояре нанимали профессиональных охотников различных специальностей: выжлятников, сокольничих и так далее. Княжеская охота была, чаще всего, очень сложным мероприятием.

В связи с важностью охоты как промысла, охотничьи угодья охранялись законом. У каждого князя были собственные места для охоты, но угодья, принадлежащие представителям других классов, а также церквям и монастырям, тоже упоминаются в источниках. В "Русской Правде" предусмотрены суровые наказания за охоту в чужих угодьях, а также за кражу или порчу охотничьих сетей и убийство охотничьей собаки.

Бортничество являлось другим распространенным видом лесного промысла. Оно было довольно примитивным: пчелы содержались в дуплистых стволах лесных деревьев. Такая колода *(борт)* могла быть природного происхождения, но чаще всего их специально вырубали в стволах для этой цели. Стволы затем метились специальным знаком пчеловода *(знамя)*. Часть леса, в которой находились помеченные деревья с ульями, охранялась, и права владельца защищались законом. Штраф в три гривны был уста-

новлен в "Русской Правде" за снос чужого улья и в двенадцать гривен за удаление с дерева знака владельца. В источниках того периода упоминаются угодья с пчелиными ульями, принадлежащие как князьям, так и простым людям. Монахи тоже занимались пчеловодством, и князья нередко жаловали часть своих угодий епископам и монастырям. Так, в 1150 г., князь Ростислав из Смоленска даровал епископу того же города лес с ульями и обслуживающим пчеловодом *(бортником)*.

Продукция бортничества - воск и мед - пользовались огромным спросом как внутри страны, так и за ее пределами. Воск, кроме всего прочего, был необходим для производства церковных свечей; он экспортировался в большом количестве в Византию и на запад, а после Крещения Руси стал использоваться также русскими церквями и монастырями.

Христианизация Руси должна была увеличить спрос также и на рыбу, так как рыбная диета теперь предписывалась на время постов, особенно на время Великого поста (пасхальный пост). Однако даже в двенадцатом столетии русские плохо соблюдали посты, а князья по любому поводу старались получить освобождение от них. Только в монастырях посты являлись строгим правилом. Несмотря на то, что религиозный мотив для предпочтения рыбной диеты дал меньшие результаты, чем можно было ожидать, рыбу на Руси ели и до и после крещения, и рыболовство, следовательно, играло не последнюю роль в русской экономике. Товарное рыболовство развивалось преимущественно на больших реках и озерах. Рыболовецкие артели на севере Руси, такие как на реке Волхов и озере Белом *(Белоозеро)*, упоминаются в источниках двенадцатого века. Тогда же галицкие рыбаки обосновались в низовьях Дуная. Самой ценной рыбой считался осетр.

Самостоятельные рыболовы ловили рыбу на удочку на малых реках и прудах, а в товарном рыболовстве преимущественно использовали различные неводы и сети. На севере Руси распространенным был способ перегораживания малой реки частоколом. В этом случае в частоколе оставляли несколько отверстий, к которым привязывали плетеные корзины для ловли рыбы *(верши)*. Хотя этот способ не упоминается в источниках до четырнадцатого века, вряд ли можно сомневаться, что он применялся и раньше.[15]

Берега рек и озер, пригодные для рыболовства, могли находиться в частном владении. Монастыри особенно старались получить собственные рыбные угодья, чтобы обеспечить братию необходимым запасом рыбы на время Великого поста.

В связи с рыболовством можно также упомянуть ловлю моржей в Северном Ледовитом океане и на Белом море. Моржей в основном добывали из-за их клыков, называемых по-древнерусски "рыбий зуб". Новгородцы торговали ими уже в начале двенадцатого века.

4. Земледелие и скотоводство

Главная географическая особенность "Европейской Руси" (Западной Евразии)- деление страны на природные зоны - предопределила, как мы видели, развитие лесных промыслов в районах севернее границы степной зоны. С земледелием ситуация была иной, поскольку тогда, как конечно и сейчас, получение урожаев возможно и в степной, и в лесной зонах. Тем не менее существование различных природных зон оказало большое влияние на агротехнические методы и в результате привело к заметной разнице между севером и югом. Степная зона с ее богатой черной почвой (*черноземом*) открыта для крестьянина во всех отношениях, и единственная проблема, преимущественно техническая, с которой он сталкивается, - это эпизодическое орошение земель в пограничных районах между степной и засушливой пустынной зонами.

В лесной зоне человек должен был сначала выкорчевать лес, чтобы получить участок пашни. В переходной лесостепной зоне было возможно использовать для земледелия свободные от деревьев островки земли даже до вырубки окружающего их леса.

И на севере и на юге Руси земледелие - последовательно, но медленно вырастая из примитивных условий - прошло много стадий. В целом можно сказать, что самая ранняя стадия заключалась в разрыхлении верхнего слоя почвы мотыгой или другим примитивным инструментом подобного рода с одновременной посадкой семян. На этой стадии каждый участок земли только временно использовался как пашня. Постепенно была достигнута следующая стадия, на которой поля постоянно использовались и обрабатывались регулярно.

В лесной зоне работа должна была начинаться с вырубки деревьев и выжигания подлеска. Такие выжженные участки леса, пригодные для земледелия, были известны как *лиады* (множественное число от *лиадо*). Вся операция в целом называется *подсека* (вырубка) или *лиада* (выжигание). В первые два-три года урожай был высоким, так как древесный пепел - хорошее удобрение. Однако через три-четыре года такой участок земли переставал давать достаточный урожай и использовались новые, заранее подготовленные. Тем временем оставленный участок быстро покрывался молодой порослью, которую опять нужно было выжигать, когда земледелец возвращался к нему. Такие вновь поросшие участки земли в лесу были известны как *лиадины*. В целом задача по очистке и уходу за *лиадами*, требовавшая тяжелого труда и большого количества работников, была не под силу одной крестьянской семье. Таким образом, примитивное земледелие в лесах предполагало существование кооперативных объединений в форме общин (*задруга* - см. Гл.VI, часть 1).

В степной зоне первоначальная система использования земли называлась *перелог*, суть ее заключалась в том, что после первых урожаев землю оставляли под паром на несколько лет, не соблюдая какого-либо определенного чередования ни во времени, ни в севообороте. В степях девственная почва была настолько плодородной, что вспаханная однажды она давала хорошие урожаи в течении нескольких сезонов даже без дополнительной обработки. Когда сорняки разрастались и заглушали посевы, земледелец распахивал новый участок степи и возвращался к первому только через несколько лет. Можно отметить, что переложное земледелие использовалось казахами (киргизами) еще в девятнадцатом веке.[16]

Такая расточительность в отношении сельскохозяйственных угодий возможна только пока земли много, а население не так велико. Когда количество земли становится ограниченным и на нее устанавливается частная собственность, от переложного земледелия приходится отказываться, и земля может быть оставлена под паром только на определенное время. Исторически это привело к появлению двупольной и, позже, трехпольной системы земледелия. Эта стадия была достигнута уже в киевский период и на юге и на севере, по крайней мере в наиболее плотно заселенных частях каждого княжества. В отдаленных районах лесной и пограничных

районах степной зон подсека и перелог, естественно, еще применялись. Лиадная система использовалась в некоторых районах Северной Руси даже в середине девятнадцатого века.

На стадии постоянного возделывания полей требовалось гораздо меньше труда для их обработки, чем при подсеке. Таким образом, с точки зрения экономики не существовало препятствия для выхода отдельных семей из задруги: так появились небольшие хозяйства. С другой стороны, большие земельные наделы могли прибыльно эксплуатироваться при использовании рабов или наемного труда.

В письменных источниках киевского периода существуют многочисленные свидетельства того, что регулярно обрабатываемые поля находились в частной собственности. Известны копии документов, в которых детально описываются границы каждого владения. В "Русской Правде" установлены штрафы за распахивание земель вне установленных границ.

Что касается орудий труда, то на начальной стадии развития земледелия в лесной зоне, как правильно отмечает Греков, топор можно называть главным сельскохозяйственным инструментом, без него мотыга была бы бесполезной. На этой стадии не было необходимости в использовании тягловой силы, и действительно, согласно Третьякову, в верховьях Волги лошадь первоначально использовалась как скот, на мясо, а не для работы, и только где-то в пятом веке ее приспособили для сельскохозяйственных работ.

Северный русский плуг (*соха*) представлял собой деревянное орудие с тремя зубьями. Позже его сделали более эффективным, добавив металлический лемех. На юге настоящий плуг (*рало*) использовался со скифских времен. Соху тянула лошадь или несколько лошадей, а рало - лошади или волы.

Из зерновых на юге как основные культуры выращивали полбу, пшеницу, гречиху, на севере - рожь, овес и ячмень.

При трехпольной системе возделывали только следующие культуры: волокнистые, пригодные для ткачества (лен и коноплю); бобовые (горох и чечевицу) и репу на отдельных полях.

Совсем немного известно о садоводстве в Киевской Руси.[17] Вероятно яблоневые и вишневые сады существовали на Украине с персидских времен. Видимо в местном ассортименте фруктов не было большого разнообразия, так как фрукты импортировали из Византии. В "Патерике" Киево-печерского монастыря говорится,

что монахи выращивали некоторые виды фруктовых деревьев. Товарные огороды существовали вокруг Киева и других городов, обычно в низких влажных местах, затопляемых весенними паводками (*болонье*). Выращивали капусту, горох, репу, лук, чеснок и тыкву. Монахи тоже имели огороды на монастырских землях, и огородники упоминаются среди людей, живших и работавших в частных поместьях.

Разведение лошадей и крупного рогатого скота практиковалось в Южной Руси в течение веков и представляло собой важную отрасль русской национальной экономики в киевский период.[18] Князья уделяли особое внимание разведению лошадей, частично в связи с военными нуждами, и огромные табуны лошадей содержались в княжеских имениях. В качестве примера можно привести эпизод столкновения между князьями Давыдовичами и Ольговичами в 1145 г.: согласно Ипатьевской летописи, Давыдовичи, совершив набег на неогороженное пастбище Ольговичей в Рахне, угнали три тысячи кобыл и тысячу жеребцов.

"Русская Правда" содержит большое количество статей, касающихся продажи или кражи скота. В так называемом Карамзинском списке (пространной редакции "Правды") есть интересные расчеты общего увеличения поголовья скота, которого может ожидать хороший скотовод.[19] Лошади и скот разного рода, включая верблюдов, также импортировались от тюркских кочевников - печенегов и, позднее, половцев. Венгерские иноходцы упоминаются в "Слове о полку Игореве".

Поскольку охота играла в Киевской Руси значительную роль, и князь, чаще всего, был страстным охотником, следует упомянуть, что разведению охотничьих собак тоже уделяли большое внимание в княжеских имениях. Птицеводство также было важной отраслью сельского хозяйства, птицу держали как для личного потребления, так и для торговли.

Хотя на Руси киевского периода существовали хозяйства разных размеров, основной объем сельскохозяйственной продукции, несомненно, производился в крупных поместьях. Они были трех видов: принадлежащие князьям, боярам и представителям других классов, церкви.

Свидетельства об управлении и внутренней организации больших земельных владений в киевский период немногочисленны.[20]

По управлению боярскими поместьями мы знаем только название управляющего - *тиун*. Княжеское поместье находилось под общим управлением *огнищанина*; каждая часть поместья - *село* (соответствует *villa* во Франции Каролингов) - управлялась *сельским старостой*, за полевыми работами наблюдал *ратайный староста*. *Тиун конюший* отвечал за лошадей и их разведение, *овчар* - за овец. Конюхи и пастухи чаще всего были тюркского происхождения. В летописях упоминаются *доезжачие*, отвечавшие за княжеские псарни. Большинство княжеских конюхов и пастухов, так же как и псарей, видимо, являлись его рабами. Княжеские земли обрабатывали, по крайней мере частично, рабы - *холопы* и зависимые работники - *закупы*. Однако привлекались и свободные наемные рабочие - *рядовичи* и получившие свободу холопы - *изгои*.

Вероятно некоторые из этих наемных работников в княжеских и церковных поместьях получали в аренду небольшие наделы земли, которые и возделывали. В таких случаях они должны были отдавать хозяину часть урожая или платить ренту деньгами.

Боярские поместья, очевидно, строились по образцу княжеских, хотя понятно, что в большинстве случаев они были меньше. Некоторые церковные поместья, особенно монастырские, должно быть, были такими же большими экономическими образованиями, как и княжеские, но они отличались структурой производства и ее организацией. В церковных поместьях не разводили ни лошадей для военных целей, ни охотничьих собак. Более того, поскольку церковь находилась в оппозиции к рабовладению как институту, рабский труд использовали очень редко.

5. Металлургия

Как я уже отметил, железо было единственным металлом, добываемым в границах Киевской Руси. Оно использовалось, главным образом, для изготовления оружия и разнообразных инструментов; можно сказать, что железо формировало костяк материальной культуры страны, как мирной, так и военной.

Медь и олово привозили с Кавказа и из Малой Азии. Свинец поступал в основном из Богемии. Из меди отливали церковные

колокола. Свинцом, иногда оловянными листами, покрывали крыши церквей. Медь также использовали при изготовлении кухонной и другой домашней утвари: котлов, тазов, подсвечников и т.п., а свинец для печатей.

Серебро доставлялось с разных сторон: из Богемии, из-за Урала, с Кавказа и из Византии. Золото получали в результате торговли или войны от византийцев и половцев. Золото и серебро использовали для чеканки монет, изготовления печатей и всевозможных сосудов: блюд, чаш и кубков. Естественно, только князья и зажиточные люди могли позволить себе иметь их. Церковь, тем не менее, была постоянным покупателем золотых и серебряных изделий. Кроме чаш и других церковных сосудов, духовенство заказывало золотые и серебряные кресты, оклады для икон и Евангелий, используемых во время церковной службы. У некоторых соборных церквей были золоченые купола, а иногда золотыми и серебряными пластинами покрывали определенные части внутренних стен и перегородок.[21]

Хотя запасы металлов, кроме железа, в Киевской Руси были скудными, искусство металлургии достигло высокого уровня. В ранний период, как мы знаем, анты прославились как искусные оружейники, а в девятом и десятом веках их традиции продолжили поляне. Плавильни и кузницы, литейщики и кузнецы упоминаются по разным поводам во многих источниках этого периода. В Киеве в двенадцатом веке кузни занимали специальную часть города, и городские ворота в этом районе назывались Кузнецкими. В Новгороде в начале тринадцатого века жили искусные литейщики, гвоздильщики и мастера, изготовлявшие щиты.

Необходимо здесь упомянуть и о соли. Она добывалась в Карпатских горах Галицкого княжества. Киев главным образом зависел от этого источника, и когда в одной из междоусобных войн, в 1097 г., галицкие князья запретили поставки, возник острый дефицит этого продукта во всем Киевском регионе. Другой важный источник соли находился в Крыму, где запасы сформировались естественным путем в мелководных заливах между полуостровом и материком. На севере новгородцы добывали соль из морской воды путем искусственного испарения. Воду кипятили на больших железных сковородах (*ценах*) или в огромных котлах (*салгах*) [22]

6. Строительство

Суровость русского климата создавала необходимость строить дома, которые могли бы защитить человека во время зимних холодов, что было особенно важно на севере Руси. Поскольку прекрасный лес был в достатке во всей лесной зоне - то есть, в Северной и Центральной Руси - дома там строили из дерева. В степной зоне деревянные каркасы стен заполняли глиной и штукатурили. Северная русская *изба* и украинская *хата,* таким образом, представляют собой два традиционных типа жилья.

С накоплением богатства высшими классами и ростом княжеской власти строились все более сложные по конструкции особняки, в большинстве своем из дерева. Однако у княжеского дворца в Киеве уже в 945 г. была каменная часть. Роскошные дворцы Суздальских князей в конце двенадцатого века были уже полностью построены из камня. Крепости и городские стены в киевский период сооружались в основном из дерева, однако епископ Ефрем Переяславльский построил каменную стену вокруг города в 1090 г., столетием позже князь Рюрик возвел такую же вокруг монастыря Святого Михаила в Выдубичах недалеко от Киева, который входил в систему Киевских фортификационных сооружений (1190 г.). В целом же только в церковной архитектуре активно использовали камень. К концу двенадцатого столетия все соборы и большинство церквей главных городов были построены из камня или кирпича. В небольших городах и сельских районах, особенно в Северной Руси, преобладали деревянные церкви.

В самые древние времена вряд ли существовали профессиональные строители. Каждый человек или, скорее, каждая семейная община самостоятельно строила себе дома. Однако с ростом высших слоев и появлением спроса на большие дома и особняки, а особенно с возвышением Церкви, специализация стала неизбежной. Новгород, великая метрополия на севере, был известен как колыбель деревянных строительных ремесел в киевский период. Один эпизод борьбы между Святополком Киевским и Ярославом Новгородским (1016 г.) весьма показателен в этом отношении. Когда две враждующих армии были готовы к битве, воевода Святополка стал насмехаться над новгородцами Ярослава, выкрикивая: "Вы, плотники! Мы заставим вас строить нам хоромы".[23]

Один из районов Новгорода был известен как "Плотницкая слобода". Так как Новгород расположен на обоих берегах реки Волхов, а его улицы были вымощены деревом, новгородские мостостроители были широко известны своим мастерством; "Русская Правда" содержит интересную таблицу гонораров для строителей мостов. По-видимому, новгородских мастеров-строителей приглашали для работ в другие города, по мере необходимости. Однако, судя по всему, везде были и свои профессиональные плотники.

Строительство и ремонт городских стен, например в Киеве, - другая важная задача, для выполнения которой требовались мастера-строители. Этот род строительных работ тоже упоминается в "Правде". Должность старосты объединения строителей в Киеве в конце одиннадцатого века считалась настолько важной, что он находился среди ближайших сподвижников князя и даже принимал участие в работе над "Правдой" Ярославичей примерно в 1072 г.

Основным инструментом древних русских плотников был топор, и в умении обращаться с ним они достигли высокого мастерства. Изредка в источниках встречается пила, но широкое применение на Руси она нашла только в шестнадцатом веке. Среди других инструментов упоминаются долото, сверло, тесло.

Важной частью древнерусского плотницкого дела было судостроение. Конструкция русских лодок десятого столетия, выдолбленных из целого ствола, уже описана в Главе II, раздел 3. Суда, которыми пользовались новгородские купцы в Балтийском море, были другого типа (*насады*) и имели лучшие мореходные качества. На аналогичных судах, но, видимо, меньшего размера, ходили по рекам как на севере, так и на юге Руси. Еще меньше был *струг*, речное грузовое судно, на нем можно было перевозить до тридцати тонн товаров. В "Русской Правде" стоимость струга оценивается в одну гривну, речного судна большего размера - в две гривны, морского судна - в три гривны.

В то время как плотницкое искусство родилось на русской почве и развивалось в соответствии с местными потребностями и традициями, искусство каменной кладки было завезено из Византии между десятым и одиннадцатым веками. Постепенно появились и местные мастера, и в конце двенадцатого века город Владимир в

Суздальском княжестве превратился в важнейший центр русского строительного ремесла. Владимирцев обычно называли "каменщиками", как новгородцев "плотниками".

7. Ткачество, скорняжное, кожевенное и гончарное дело

Искусство ткачества было известно восточным славянам, а до них древним славянам, с незапамятных времен. Для производства пряжи использовали лен и коноплю. В Киевской Руси с ростом населения, развитием ремесел и торговли потребность в текстильной продукции быстро возрастала. Из льняного и пенькового полотна делали мужскую и женскую одежду. Рост благосостояния высших классов привел к определенному повышению качества жизни и вкусу к роскоши. Появилась необходимость в тонком белье. Новые потребности частично удовлетворялись импортными товарами, но также стимулировали совершенствование технологий отечественных ремесел.

Кроме изготовления одежды, льняная и пеньковая пряжа были необходимы для технических нужд. Огромный запас веревок требовался для изготовления охотничьих и рыболовных сетей. Из холстины и парусины делали военные палатки. Большое количество морской одежды и канатов шло на оснастку кораблей ежегодных торговых караванов, курсировавших между Киевом и Византией, и новгородских судов, ходивших в Балтийском море.

В Киевской Руси также производили пряжу и сукно из шерсти, которые в основном использовали в зимней и верхней одежде. Для изготовления головных уборов и зимней обуви применяли фетр. В киевский период на Руси не существовало производства шелка - фактически до семнадцатого века. В киевские времена шелковые изделия импортировали из Византии и с Востока.

Первоначально большая часть холстины и льняного полотна была домотканая, а шерстяное сукно - домашнего валяния. Каждая семейная община представляла собой мастерскую. Женщины пряли и ткали, а мужчины валяли сукно и вили веревки. Когда, после крещения Руси, были основаны монастыри, монахи и монахини сами производили полотно и сукно. В городах, по всей вероятности, появлялось все больше профессиональных ткачей и валяльщи-

ков, но, к сожалению, очень мало говорится о них в доступных источниках того периода.

Скорняжное дело, надо полагать, было высоко развито в киевские времена, так как меховая верхняя одежда являлась предметом первой необходимости, особенно на севере Руси, в связи с суровостью климата. Кроме того, меха носили как украшение. Нет никакого сомнения в том, что на Руси в тот период были высококвалифицированные скорняки, однако существует очень мало данных относительно технологии скорняжного дела в древней Руси.

О кожевенном деле в наших источниках содержится только несколько упоминаний. В сатирической повести о посещении Новгорода Св. Андреем, в которой описывается русская баня (см. Гл. X, раздел 5), упоминается, что новгородские славяне мазали себя дубильной кислотой (*квас уснянный*). История о поединке русского с печенежским борцом, изложенная в "Повести временных лет" под 992 г., говорит, что русский герой был кожевником.

Гончарное дело было известно русским славянам так же давно, как и прядение. Они делали горшки и кувшины самых разных видов, некоторые из них искусно украшали. С другой стороны, нет никаких определенных свидетельств, что в Киевской Руси производили стекло.

8. Торговля

Внешняя торговля традиционно считалась главной опорой Киевской экономики, и даже если, как мы видели (см. выше, раздел 1), необходимо делать оговорки к традиционной точке зрения, значение внешней торговли отрицать невозможно. Однако нельзя также пренебрегать ролью внутренней торговли в киевский период; если благосостояние высших классов в значительной степени зависело от внешней торговли, то жизнь массы населения еще в большей степени была связана с внутренней торговлей. Исторически во многих случаях внутренние торговые связи между городами и отдаленными регионами Руси предшествовали развитию внешней торговли или, по крайней мере, развивались в районах, впрямую не связанных с внешней торговлей. Так, относительно Днепровского речного пути, торговля между Киевом и Смоленском проис-

ходила еще до установления регулярных торговых отношений между Новгородом, Киевом и Константинополем.

Главный фактор развития внутренней торговли в Киевской Руси, как и в других странах, можно усматривать в различии природных ресурсов страны. На Руси существовало кореиное отличие между Севером и Югом - лесной и степной зонами. Различия между южными провинциями - производителями зерна и северными провинциями - потребителями хлеба проходят через всю историю России и сохраняются даже в наши дни. И, действительно, историю отношений между Новгородом, с одной стороны, и Киевом и Суздалем - с другой, невозможно правильно понять, не принимая во внимание зависимость северного города от поставок южного зерна. Торговля железом и солью была также результатом различий в экономической географии Руси.

Другим фактором развития внутренней торговли - скорее социальным, чем географическим - являлось различие между городами и сельскими районами. Здесь перед нами случай зависимости горожан от снабжения их сельскохозяйственной продукцией крестьянами, и потребности крестьян в орудиях труда и других товарах, производимых городскими ремесленниками.

Социальную важность внутренней торговли в Киевской Руси наилучшим образом можно оценить, исследуя роль рыночной площади в жизни города и окружающих его сельских районов. Рыночная площадь обычно представляла собой обширную территорию, окруженную лавками и складами. Палатки и лотки заполняли часть площади между ними. Весы, проверенные представителями городских властей, за небольшую плату предоставляли как продавцам, так и покупателям. Раз в неделю, обычно по пятницам, крестьяне привозили свою продукцию на продажу, и рыночная площадь превращалась в ярмарку.[24]

Все это относится к торговой природе рыночной площади как таковой. Но в Киевской Руси она равным образом была связана с политической жизнью и управлением. Именно на рыночной площади делались все официальные объявления. Согласно "Русской Правде", если в городе или окрестностях ловили вора, то заявитель должен был, прежде всего, объявить об этом на рыночной площади - это являлось первым шагом в тяжбах такого рода, без чего ни один судья не будет начинать разбирательство (см. Гл. VII, раздел 10).

На городских рынках народ собирался на вече, особенно в тех случаях, когда горожане были недовольны князем, и вече созывалось оппозицией. Именно для того, чтобы не позволить оппозиционному вече накапливать силы, князь Изяслав I перенес главный рынок из центра города на холм, поближе к собственному дворцу (1069 г.).

Возвращаясь к торговым функциям рыночных площадей в киевский период, можно сказать, что на рынках главных русских городов покупались и продавались самые разнообразные товары. В ряде источников того периода упоминаются следующие товары: оружие, изделия из металла, металлы, соль, одежда, шапки, меха, полотно, гончарные изделия, лес, древесина, пшеница, рожь, просо, мука, хлеб, мед, воск, благовония, лошади, коровы, овцы, мясо, гуси, утки и дичь. В небольших городах, по всей видимости, торговали только местные купцы, тогда как в крупных городах купцы действовали в национальном масштабе. Существует много свидетельств в источниках о присутствии иногородних купцов почти в каждом крупном русском городе. Новгородские купцы проявляли особую активность в открытии своих представительств по всей Руси.

Теперь обратимся к внешней торговле.[25] Как мы знаем, в восьмом и девятом столетиях варяги проложили торговый путь через Русь из Балтики в Азовское и Каспийское моря. В десятом столетии русские организовали собственную торговлю в национальном масштабе, продолжая извлекать прибыль из транзитной торговли. Днепровский речной путь вскоре превратился в основную артерию русской торговли, главный южный конец которой теперь был в Константинополе. Таким образом Черное море стало играть более важную роль в русской торговле, чем Каспийское; тем не менее русские продолжали отчаянно охранять путь на Каспий, и именно с этой точки зрения мы наилучшим образом можем понять заинтересованность русских князей десятого и одиннадцатого столетий в Тмутаракани и важность этого города в русской истории раннего киевского периода. В конце одиннадцатого века дорога на Азовское и Каспийское моря была перекрыта половцами, которые с этого момента - в периоды перемирий - служили посредниками между Русью и Востоком. Сходную роль играли волжские булгары.

Существенные перемены, которые произошли в Средиземноморской торговле после первого крестового похода (1096-1099 гг.), подорвали византийскую и русскую черноморскую торговлю, а разграбление Константинополя рыцарями во время четвертого крестового похода (1204 г.) означало полный конец киевской черноморской торговли. Однако развитие в двенадцатом столетии сухопутной торговли между Киевом и Центральной Европой в определенной мере смягчило неприятные последствия потери византийских рынков. На Балтике торговля продолжала расти, а с ней и значение северных русских городов-республик Новгорода и Пскова. Существовал также сухопутный торговый путь из Германии в эти города; бременские купцы пользовались им в середине двенадцатого века.

Обзор основных товаров русского импорта и экспорта удобнее всего проводить по регионам. В Византию в десятом веке русские экспортировали меха, мед, воск и рабов; не совсем ясна ситуация одиннадцатого и двенадцатого веков. Рабы-христиане более не продавались русскими за пределы страны, а продавались ли грекам рабы-язычники, такие как половецкие военнопленные, мы не знаем, но хорошо известно, что половцы продавали заморским купцам русских пленных как рабов. Весьма вероятно, что в двенадцатом веке Русь экспортировала в Византийскую империю зерно. Из Византии в течение этих трех столетий на Русь импортировали в основном вина, шелка и предметы искусства, такие как иконы и ювелирные украшения, а также фрукты и изделия из стекла.

В страны Востока Русь продавала меха, мед, воск, клыки моржей и - по крайней мере в отдельные периоды - шерстяное сукно и льняное полотно, а покупала там специи, драгоценные камни, шелковые и сатиновые ткани, а также оружие дамасской стали и лошадей. Следует отметить, что некоторые товары, закупаемые русскими у восточных купцов, такие как ювелирные камни, специи, ковры и т. п., шли через Новгород в Западную Европу. В десятом и одиннадцатом веках византийские товары, особенно шелковые ткани также поступали в Северную Европу через Балтику. Новгородская торговля, таким образом, частично была транзитной.

Другая особенность балтийской торговли состояла в том, что близкие категории товаров в разных случаях экспортировались или импортировались, в зависимости от ситуации на международном рын-

ке. Основной предмет экспорта Новгорода и Смоленска в западную Европу составляли те же три ведущие категории товаров, что и в русско-византийской торговле - меха, воск и мед. К ним можно добавить лен, пеньку, канаты, холстину и хмель, а также сало, говяжий жир, овчины и шкуры. Из Смоленска также вывозили серебро и серебряные изделия. С Запада ввозили шерстяное сукно, шелк, льняное полотно, иглы, оружие и изделия из стекла. Кроме того, по Балтике на Русь поступали такие металлы как железо, медь, олово и свинец; а также селедка, вино, соль и пиво.

Анализируя ассортимент товаров в русской внешней торговле, мы видим, что Русь посылала за границу в основном - если не исключительно - сырье, а получала из-за границы готовую продукцию и металлы.

Как и следовало ожидать, в процессе оживленных внешне-торговых отношений русские купцы часто путешествовали за границу, а иностранные приезжали на Русь. Русские купцы появились в Персии и Багдаде уже в девятом и десятом веках. А в Константинополе, как мы знаем, было постоянное поселение русских купцов. Новгородские купцы регулярно посещали остров Визби и города вдоль южного берега Балтийского моря - Померанское побережье. Не лишним будет отметить, что до середины двенадцатого века некоторые из этих городов, например Волынь и Аркона, оставались славянскими.

В свою очередь иностранные купцы устраивались на Руси. В Новгороде было два "иноземных двора": готландский и немецкий. Довольно большая колония немецких купцов процветала в Смоленске. Армянские, греческие и немецкие купцы обосновались в Киеве. Еврейские купцы тоже упоминаются в источниках, но большинство из них не были иностранцами. В Суздальском княжестве зарубежную торговлю представляли булгарские, хорезмские и кавказские купцы.

Некоторые русские и иностранные купцы путешествовали самостоятельно, но основной объем торговли как по суше, так и водным путем, осуществлялся торговыми флотилиями судов и караванами повозок. Этот способ передвижения был наиболее предпочтительным из-за трудных условий того периода. На море, если один из кораблей флотилии терпел бедствие, его команда могла получить помощь с других судов; аналогично на суше, сломавшуюся повозку

легче было отремонтировать совместными усилиями, чем в одиночку. При движении по рекам преодоление порогов тоже требовало кооперации. И, конечно, путешествие караванами позволяло лучше защититься от воровства и грабежей, особенно в сухопутной торговле при пересечении безлюдных приграничных районов.

Караваны способствовали созданию купеческих объединений, полезных и во многих других отношениях - например, в общей защите купеческих прав и регулировании уровня пошлин и налогов. Объединения купцов рано сложились в Киевской Руси. Из русско-византийских договоров десятого века нам известно, что греки должны были выделять средства на содержание русских купцов отдельно по городам. Обычно купцы одного города представляли собой нечто вроде совместного предприятия. Известно, что в Новгороде они объединялись в "сотни". Богатые купцы, участвовавшие во внешней торговле, создали свое собственное общество под названием "Иваново сто". Вступительный взнос в него доходил до пятидесяти гривен серебром плюс неопределенное количество полотна.[26]

Кроме официальных ассоциаций существовали и частные объединения. Два, три или более человек могли кооперироваться, объединяя свои капиталы или услуги, или и то и другое. Быстро развивалась система кредитов. Купец мог занимать деньги как у князя, так и у других купцов. Во время путешествий по городам Руси ему требовались складские услуги, которые появлялись под влиянием спроса. Для того, чтобы предотвратить любое возможное недоразумение между членами объединения, между купцом и кредиторами, а также между ним и доверенным лицом, в княжеском законодательстве появилась хорошо разработанная система торгового права. Пространная редакция "Русской Правды" содержит положения, которые можно назвать законом о банкротстве. Интересно, что при погашении долгов закон предоставляет преимущество иностранным кредиторам перед местными.

Русское торговое право киевского периода имело международный аспект, поскольку отношения между русскими и иностранными купцами регулировались рядом международных торговых договоров и соглашений, начиная с русско-византийского договора десятого столетия. В начале одиннадцатого века была заключена торговая конвенция между Русью и волжскими булгарами (1006 г.).[27]

Торговые статьи, скорее всего, входили также в мирные договоры, заключенные с хазарами в течение одиннадцатого и двенадцатого столетий.

В 1195 г. торговый договор был заключен между Новгородом, с одной стороны, и немцами, готландцами и каждым "латинским (имеется в виду римско-католическим) народом" - с другой. Еще более важным и тщательнее разработанным является соглашение между городом Смоленском и Ригой, Готландом и рядом немецких городов Померанского побережья (1229 г.).[28] Оба договора содержат не только торговые статьи, но и уголовные нормы на случай нанесения увечий или убийства русских иностранцами и наоборот. Полное взаимное равенство сторон является беспрецедентной чертой этих документов.

9. Деньги и кредит

В докиевской Руси в качестве платежного средства на севере использовали меха, а на юге - скот. Поэтому существовало два термина, обозначавших деньги: *куны* (шкурки куниц) и *скот*. В киевский период использовали оба слова, хотя в реальности к тому времени средством платежа уже служили серебряные пластины и монеты. Золото было редкостью.

Иностранные монеты, как восточные (сасанидские, позже арабские), так и западные (римские, позже византийские), в докиевской Руси ходили в большом количестве. Они имели хождение и в киевский период, но в княжение Владимира и Ярослава появились также монеты собственной чеканки.

Из-за разнородного происхождения древнерусских денег, очень непросто определить цену каждой денежной единицы.[29] Прежде всего следует отметить, что в киевский период на Руси существовало три денежных стандарта: 1) золото, 2) серебро и 3) куны, хотя на самом деле это тоже было серебро, но меньшего достоинства. Основная единица всех трех систем называлась *гривной*. Этим словом первоначально называли " шейное крученое металлическое ожерелье". Золотые ожерелья носили иранские и готские военачальники, и, вследствие того, что персы и готы преобладали в охране Византийского дворца в пятом столетии, ожерелье (по-гре-

чески "маняк") стало знаком офицера охраны в Византии. Как платежная единица гривна представляла собой не кольцо, а пластину золота или серебра.

Золотая гривна, по-видимому, равнялась половине тройского фунта золота. Серебряная гривна, скорее всего, была равна приблизительно одному тройскому фунту серебра. Первая использовалась редко, а вторая была стандартной единицей во всех торговых сделках и, в частности, во внешней торговле. При бытовых наличных сделках расчет производился в гривнах кун.

Части гривны были известны как *ногата* и *резана* ; одна гривна кун состояла из двадцати *ногат* и пятидесяти *резан*. Наименьшая единица называлась *векша* (белка); в Смоленске одна ногата равнялась двадцати четырем векшам.

Несколько позже термин куна стал употребляться в значении "часть гривны". Нет общего мнения по вопросу об относительной стоимости одной куны и первоначальной гривны кун. Согласно Прозоровскому, в гривне было пятьдесят кун, из чего следует, что куна равнялась резане. А по мнению Мрошека-Дроздовского, в гривне должно было быть двадцать пять кун, что приравнивает одну куну к двум резанам. Что касается отношения гривны серебра к гривне кун, то известно, что в Смоленске одна гривна серебра приравнивалась к четырем гривнам кун. Далее можно отметить, что в летописях, а также некоторых других источниках, упоминается еще один термин для обозначения денег - бела. Теперь трудно сказать, был ли он общим названием серебряной монеты или термином, обозначающим особую денежную единицу. Бела также значила мех, вероятно горностай; в современном русском языке есть слово "белка".

Как мы видели (раздел 8, выше) кредитные сделки играли заметную роль в развитии русской торговли в киевский период, особенно внешней. Неудивительно поэтому, что в Киевском законодательстве значительное внимание уделялось займам и процентам по ним. Согласно "Русской Правде" процент зависел от срока займа. "Месячная" ставка, которая была максимальной, разрешалась для коротких кредитов на срок не более четырех месяцев; для займов от четырех месяцев до одного года устанавливалась ставка в "треть года"; для более длинных займов законной являлась "годовая" ставка, которая была минимальной, и только для нее оговаривался процентный потолок - 10 кун за каждую гривну, взятую в заем. Обыч-

но считали, что в этом случае речь идет о гривне кун. Если мы согласимся с Прозоровским, что одна гривна кун состояла из пяти десяти кун, то куна за гривну составит двадцать процентов годовых, если мы последуем расчетам Мрошека-Дроздовского, двадцать пять кун в одной гривне кун, то в этом случае процентная ставка вырастет до сорока процентов. Эта последняя цифра была принята Ключевским.

Однако есть сомнение, что гривна, упоминаемая в соответствующей статье "Русской Правды", - гривна кун.[30] При торговом кредитовании и других сделках этого периода счет почти всегда велся на серебро. Следовательно, в этой статье гривна значит "гривна серебра". А поскольку одна гривна серебра равнялась четырем гривнам кун, то для вычисления реального кредитного процента, мы должны разделить полученные выше двадцать и сорок процентов на четыре. Получаем пять и десять процентов годовых, соответственно. В этой связи не лишним будет отметить, что в византийском праве одиннадцатого века законная процентная ставка по кредитам колебалась от 5,5 до 8 процентов годовых в зависимости от условий займа.[31]

10. Капитал и труд

Капитал в киевском обществе представлял собой землю, деньги, рабов, скот, пасеки, охотничьи и рыболовные угодья и т. д. Начальное накопление капитала было, главным образом, результатом торговых сделок, особенно во внешней торговле. В этом смысле и с необходимыми оговорками, мы можем говорить о строе киевской экономики как о торговом капитализме.

Поскольку в киевский период торговля и война были тесно связаны, уместно будет отметить, что военные трофеи и дань, выплачиваемая русским побежденными врагами, составляли другой важный источник накопления капитала. Военная добыча делилась между участвовавшими в кампании военачальниками и воинами пропорционально их рангу, княжеская доля была, конечно, наибольшей.

Клады драгоценностей и монеты, большое количество которых найдено в различных районах России, являются интересным пока-

зателем богатства, накопленного высшими классами Руси того периода.[32] Например, клад, обнаруженный в Рязани в 1828 г., содержал более семидесяти фунтов серебряных монет. При раскопках в Рязани, в Киеве, а также в других местах находили большое количество драгоценных камней.

Князья основных русских княжеств были, вероятно, самыми крупными богатыми людьми - предпринимателями того периода, так как владели крупнейшими земельными поместьями и имели контрольную долю во внешней торговле. Состоянием бояр была, преимущественно, земля, а купцов - товары и деньги. Церковь со своей десятиной и жалованными землями также находилась на пути ко вступлению в ранг капиталистов, хотя основной подъем благосостояния Церкви произошел позже, в монгольский период. Показателями богатства некоторых князей служат следующие факты: Святослав II, будучи князем Черниговским, но еще не Киевским, пожертвовал сто гривен золота Печерскому монастырю; Владимир II, когда он был еще незначительным местным князем, однажды дал своему отцу три сотни гривен золота, а в другой раз - тысячу двести гривен серебра. В 1120 г. Василько из Теребовля заплатил полякам две тысячи гривен серебра в качестве денежного выкупа за своего брата Володаря. Говоря о князьях, не всегда возможно отделить их собственные средства от государственных, находящихся в их распоряжении. Обычно князю отходила треть всех государственных сборов. Но нельзя забывать, что князь мог, во многих случаях, использовать свою власть для поддержки собственных торговых предприятий. Так, как мы знаем, Святополк II Киевский пытался монополизировать торговлю солью в собственных интересах.

Совокупное состояние богатого князя, такого как тот же Святополк, судя по всему, доходило до весьма значительных сумм, если говорить о его денежном выраженин, однако трудно сказать даже предположительно, какова была эта цифра. По рассказу из "Повести временных лет" о приезде послов императора Генриха IV к Святославу II в 1075 г. ясно, что накопленное русским князем богатство было больше, нежели у Генриха, единственное сделанное послами замечание касалось того, что он лучше использовал бы свои деньги, если бы раздал их своим подданным, вместо того, чтобы давать им умирать. Некоторые купцы, особенно новгород-

цы, тоже, должно быть, были очень состоятельны, но опять мы не имеем возможности адекватно определить размер их капитала. Строительство церквей некоторыми из них на собственные деньги дает некоторое представление о средствах, которыми они располагали. Из Новгородских летописей мы знаем, например, что в 1050 г. Садко Богатый построил в Новгороде церковь (вероятно деревянную); в 1115 г. неизвестный новгородский купец заложил каменную церковь, в 1192 г. дочь купца Широжкина тоже построила каменную церковь.

Хотя в Новгороде было много состоятельных купцов, никто из них не был богат настолько, чтобы монополизировать рынок. История о споре Садко с другими известными новгородцами, изложенная в одной из былин, весьма характерна в этом отношении. Хотя ни один купец в отдельности не обладал достаточной политической или административной властью, чтобы отстаивать свои коммерческие интересы, как это делали князья, все вместе новгородские купцы чаще всего были в состоянии влиять на решения городского веча в свою пользу. Купеческие объединения, такие как упомянутое выше "Иваново сто", тоже, должно быть, поддерживали интересы предпринимателей. Подобные организации, по всей вероятности, существовали также и в других городах, и купцы этих городов имели голос на собрании городского веча. Более того, купцы и купеческие организации часто имели возможность влиять на княжескую политику. Возвращаясь к случаю со Святополком II, можно напомнить, что идея соляной монополии была предложена ему ведущими торговцами солью, которые образовали нечто вроде картеля под его руководством.

Теперь давайте обратимся к проблеме труда. В его современном понимании этот термин вряд ли приложим к средневековым условиям или применим, но лишь к небольшой части работников того периода. Большей частью сельскохозяйственных производителей были крестьяне, большей частью товаропроизводителей - ремесленники, и каждый имел собственную мастерскую. На западе то, что мы называем наемным трудом, появилось не раньше тринадцатого или четырнадцатого века. В Киевской Руси наемные рабочие использовались и в сельском хозяйстве, и в ремесленном производстве, хотя количество временно занятых было небольшим. Однако в определенных случаях - таких как строительство боль-

ших храмов или дворцов - нанимались дополнительные работники. Так, когда Ярослав Мудрый предпринял строительство Софийского собора в Киеве, он приказал разослать весть, приглашающую возниц и других рабочих. История говорит, что сначала ответа не последовало, люди, видимо, не были уверены, что им заплатят за работу. Тогда Ярослав объявил дополнительно, что каждый будет получать одну ногату в день, и платежи будут производиться ежедневно; для подтверждения у Золотых Ворот были установлены повозки с деньгами.[33]

Это был случай неквалифицированного труда. Из постановлений статьи "Русской Правды" о строительстве мостов и городских стен было вычислено, что ежедневная плата плотникам равнялась полутора ногатам плюс содержание. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих, по всей видимости, была значительно меньше. Согласно поздней редакции "Русской Правды" работнице с дочерью платили две гривны в год за двоих.[34] Что касается заработной платы работникам-мужчинам, то в "Русской Правде" упоминаются только работники по договору, чья ежегодная плата составляла пол-гривны. Эта сумма, однако, была только кредитом на возмещение его долга, а не реально выплачиваемой работнику за труд. Очевидно из этого свидетельства нельзя делать выводов о суммах ежегодной платы наемному работнику, не связанному договором. Заработки у свободного работника-мужчины, в любом случае, были выше, чем работниц-женщин.

Права работников были защищены обычаем, если не законом. Из Киевского "Патерика" нам известно, что если наниматель после договора с работником менял свое решение и решал отказаться от его услуг, то он, тем не менее, должен был удовлетворить нанятого работника, даже если последний не приступал к работе. Если наниматель отдавал жалованье работника третьему лицу (вероятно, своему управляющему), а тот не заплатил работникам, то вся ответственность ложилась на работодателя.[35]

Следует отметить, что существовал один тип работы, который не предполагал использование свободных работников и, таким образом, более или менее оставлялся за рабами. Это была служба по домашнему хозяйству - не только работа лакея или горничной, а также *ключника* и *управляющего* (*тиуна*). Если мужчина или женщина поступали на такую службу, понимая что он или она остают-

ся свободными, то в этом случае заключался соответствующий контракт (см. Гл. VII, раздел 7). Что касается профессиональных организаций, то, без сомнения, существовали объединения плотников и каменщиков, но в источниках того периода слишком мало информации о них.

11. Национальный доход

Точная оценка национального дохода Руси в киевский период невозможна из-за отсутствия статистических данных. Однако даже приблизительная гипотеза по этой проблеме будет здесь уместной в качестве средства обобщающего наше понимание киевской действительности. В Киевской Руси никогда не производилась перепись населения. Не производилось также переписи поместий, за исключением княжеских владений и церковных поместий, при управлении которыми, без сомнения, велись очень точные записи всех доходов и расходов. К сожалению, за исключением нескольких фрагментов, эти записи не сохранились.

Собственно говоря, любая оценка годового дохода нации основывается на оценке следующих позиций:[36]

1. Объем валовой продукции страны, включая общий объем произведенных и переработанных в течение года материалов.

2. Объем чистой продукции, для вычисления которого мы должны вычесть из объема валовой продукции ту часть произведенных материалов, которая используется для дальнейшего воспроизводства капитала страны. Этот общий итог составляет национальный доход.

3. Доход на душу населения, который получается делением объема чистой продукции на всех граждан страны: производителей, посредников и тех членов общества, которых обычно называют "праздными классами".

В средние века отношение между первыми двумя позициями (объемами валовой и чистой продукции) в значительной степени отличалось от того, что мы имеем теперь, потому что в отсутствие сложной техники требовалось меньше материалов для воспроизводства национального капитала. Киевская Русь, конечно, не была исключением в этом плане, и объем ее чистой продукции, безус-

ловно, был значительно ближе к объему валовой, нежели в современной России.

Что касается индивидуальных доходов, то большинство населения состояло из мелких производителей (крестьян и ремесленников), и подавляющее их большинство было обеспечено, по крайней мере минимумом продуктов и товаров потребления, за исключением периодов национальных бедствий.

В объеме валовой продукции Киевской Руси можно выделить четыре основные части, имеющие особое значение: 1) охота и рыболовство, 2) земледелие, 3) скотоводство и 4) ремесла и промыслы.

1. Объем валовой продукции первой категории был значительно выше, чем потребительские потребности людей, занятых в ее производстве. Валовая продукция превышала потребности внутреннего рынка и составляла главные статьи русского экспорта, особенно в ранний киевский период.

2. Земледелие покрывало потребительские потребности на юге Руси, и его продукции, за исключением неурожайных лет, было достаточно для обеспечения потребностей экспорта - преимущественно на север Руси, где объем местной продукции был ниже потребностей населения.

3. Скотоводство как отрасль русской национальной экономики удовлетворяла потребности внутреннего рынка и производила шкуры в достаточном количестве для их экспорта. С другой стороны, лошади и крупный рогатый скот импортировались от степных кочевников.

4. Что касается промыслов и ремесел, то продукция мелких ремесленных мастерских полностью покрывала местные потребительские потребности. Более крупные мастерские в городах, а также в княжеских поместьях и монастырях, производили излишек товаров, который в основном поглощался внутренним рынком, хотя частично и экспортом.

Можно добавить, что сравнительно многочисленный класс купцов и посредников добывали средства к существованию торговлей, как внутренней, так и внешней. Во внешней торговле, как известно, были заинтересованы и князья. В заключение можно сказать, что, по стандартам средних веков, объем валовой продукции в экономике Киевской Руси был, безусловно, впечатляющим Больше того,

объем чистой продукции Руси покрывал потребительские потребности основной массы населения и удовлетворял запросы богатого меньшинства в предметах роскоши, по крайней мере частично.

12. Подъем и депрессия.

Проблема изучения циклов деловой активности в Киевской Руси была поставлена совсем недавно Петром Савицким[37] . Так как точные статистические данные по этому периоду практически недоступны, этот ученый предложил опосредованный способ решения проблемы путем учета "групп индексов" циклов подъема. Он проанализировал летописи и другие источники, чтобы получить свидетельства о наличии в каждом подпериоде всех или некоторых групп индексов (или категорий) экономических факторов. Этим методом ему удалось извлечь из источников свидетельства по двадцати семи категориям, таким как коммерческие сделки, накопление частного капитала, расцвет сельского хозяйства, технические усовершенствования, строительство новых городов, колонизация и т. д.

На основании полученных данных он предложил следующую хронологическую таблицу деловых циклов на Руси в киевский период.

981-1015	Подъем (свидетельства о наличии четырнадцати "групп индексов")
1015-1026	Депрессия
1061-1071	Подъем (четырнадцать групп)
1071-1073	Тенденция к подъему
1073-1086	Период стабилизации
1086-1092	Подъем (шесть групп)
1092-1101	Депрессия
1101-1123	Подъем (тринадцать групп)
1123-1129	Депрессия
1129-1133	Подъем (одиннадцать групп)

1133-1137	Период стабилизации
1137-1144	Подъем (пять групп)
1146-1150	Депрессия

На период с 1150 по 1178 гг. Савицкому не удается сделать вывод в национальном масштабе и он анализирует только региональные тенденции, исследуя три отдельных района - Киевский, Новгородский и Суздальский. В период с 1178 по 1237 г. он снова говорит о национальных циклах, а именно:

1178-1202	Подъем (одиннадцать групп)
1202-1218	Депрессия
1218-1227	Подъем (тринадцать групп)
1227-1232	Депрессия
1232-1237	Период стабилизации

Из этой таблицы видно, что, согласно Савицкому, большинство периодов подъема можно связать с колебаниями в русской политической истории. Княжения Владимира I, Ярослава I, Владимира II и Мстислава I в одиннадцатом и первой половине двенадцатого веков, а также времена княжений Святослава III и Рюрика в Киеве (1178-1202 гг.), сыновей Всеволода III в Суздале (1218-1227 гг.) являются периодами наибольшего подъема экономики.

Понятно - как признает сам Савицкий - что этот метод может дать только гипотетические результаты, так как летописцы не стремились систематически записывать факты экономической жизни, имея главной целью описание политических и религиозных событий. Таким образом, свидетельства по каждой категории деловой активности лишь случайны. С другой стороны, количество учитываемых в каждом случае категорий, в определенной степени нейтрализует элемент случайности, и, хотя изыскания Савицкого нельзя считать окончательными, они, безусловно, представляют большой интерес для исследователей этого периода.

Глава VI

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

1. Основные социальные вдиницы

Повесть временных лет" содержит следующее описание социальной организации одного из основных русских племен на заре их истории: "*Поляне жили родами, каждый род контролировал находящуюся вокруг территорию*"[1].

Этот известный фрагмент служил отправной точкой для создания так называемой теории "родового быта", которая преобладала в русской исторической мысли на протяжении девятнадцатого века. Эта теория может быть названа ведущим обобщением или наиболее популярной "рабочей гипотезой" этой стадии русской историографии, направленной на раскрытие истоков социального порядка на ранних ступенях русской истории.

Ее создателем был Д.П.Г. Эверс, выдающийся исследователь русской истории права, немец по рождению[2], а С.М. Соловьев сделал ее краеугольным камнем крупнейшего своего произведения "История России с древнейших времен"[3]. Юрист К. Д. Кавелин далее развил эту концепцию[4]. Согласно Эверсу, русское общество прошло от родовой стадии до государственного состояния почти без какого-либо переходного периода. Раннее Киевское государство было всего лишь комбинацией родов. По мнению Соловьева, сам факт того, что княжеской род Рюриковичей пользовался исключительной властью над государственной машиной в киевский период, является решающим аргументом в пользу теории Эверса.

Эта теория встретила сильное противоборство с самого начала со стороны славянофильского историка К. Аксакова. С его точки зрения, не род, а община, мир были основанием древнерусского социального и политического порядка[5]. Мнение Аксакова не было тогда принято в целом, но в основном из-за некоторой туманности его определения общины.

Для дальнейшего обсуждения проблемы обладает большой ценностью сравнительное изучение социальной организации различных ветвей славянства, равно как и других народов. Являясь блестящим исследователем в области сравнительной юриспруденции и экономической истории, М. М. Ковалевский собрал важные материалы, относящиеся к организации осетин и других кавказских племен; он также проанализировал проблему как целое в свете сравнительной этнологии[6]. Одновременно Ф.И. Леонтович изучил социальные институты славянских народов, подчеркивая некоторые параллельные направления в истории русских и южных славян, введя термин *задруга* в русскую историографию[7]. Среди имен младшего поколения русских историков, уделивших проблеме большое внимание, следует в любом случае упомянуть А. Е. Преснякова[8]. Недавно некоторые советские историки, в особенности В. Д. Греков, рассмотрели проблему в целом, используя в качестве теоретической базы - и этого можно было ожидать - сочинения Фридриха Энгельса[9].

Каково же современное состояние проблемы? Кажется существует согласие в мнении ученых, что русские, равно как и большинство других народов, должны были пройти через стадию патриархально-родовой организации, но в киевский период эта стадия была давно преодолена. Непосредственная историческая связь между родом и государством не просматривается. Объединение родов привело к формированию племен, но племенная организация никогда не была сильна на русской почве; более того, в период переселения не только племена, но и сами роды подвергались ломке. В любом случае, составные части Киевской Руси - города-государства и удельные владения - лишь частично совпадали с прежним племенным делением, а в некоторых случаях и вовсе не совпадали. Итак, древнерусское государство не выросло прямо из русских племен, которые были просто промежуточным типом социальной и политической организации. В большинстве случаев племя политически являлось тупиковой единицей.

Но если род нельзя рассматривать как базовое социальное звено Древней Руси, что же было таковым? Разумеется, не семья в современном смысле слова. Это была слишком маленькая и слабая группа, для того чтобы справиться с трудностями первобытной экономики, в особенности в период миграций. И таким образом мы приходим к проблеме *задруги*, т. е. "большой семейной" общины - более или менее опосредующему социальному звену между родом и семьей, базировавшемуся на сотрудничестве трех или более поколений[10]. Термин взят из сербского языка и означает "дружбу", "соглашение", "гармонию". В Югославии община-задруга все еще существующий институт или был таковым до последней войны. Согласно кодексу законов княжества Сербского (1844 г.), задруга *"является общиной для совместной жизни и владения имуществом, появившейся и утвердившейся в процессе кровных отношений и естественного размножения"*[11]. Средняя югославская задруга насчитывает от двадцати до шестидесяти членов (включая детей). Иногда количество членов может достичь восьмидесяти или даже ста.

Среди русских крестьян меньшее звено этого типа, известное просто как "семья", выжило почти до революции 1917 г. В рапорте волостного старшины Орловской губернии конца девяностых годов прошлого века этот институт описан следующим образом: *"Крестьянская семья в нашем поселении состоит из многочисленных родственников, их жен и детей, в целом от пятнадцати до двадцати человек, живущих в одном доме. Старейшина обладает большой властью над семьей. Он содержит семью в мире и согласии; все члены подчинены ему. Он распределяет подлежащую выполнению работу для каждого члена семьи, распоряжается хозяйством и платит налоги. После его смерти власть переходит к его старшему сыну, и если ни один из его сыновей не является совершеннолетним, то к одному из его братьев. Если в семье не остается совершеннолетних мужчин, старшая вдова принимает его полномочия. Когда несколько братьев живут таким образом в одном доме, сохраняя семью в единстве и согласии, они рассматривают все, что у них есть, в качестве общей собственности семьи, за исключением одежды женщин, белья и холста. Это - не принадлежит общине. За исключением названного, всем остальным распоряжается старейшина - старейший*

мужчина в семье или любой другой член семьи, избранный по соглашению всех иных. Жена старейшины наблюдает за работой женщин; однако, если она не подходит для этой роли, для этого может быть избрана более молодая женщина. Вся работа распределяется между мужчинами и женщинами согласно силе и здоровью каждого"[12].

В "Русской Правде" нет упоминания о задруге. Вместо этого используется для определения местного поселения термин *вервь*. Это же самое слово также означает "веревку", "шнур". Возникло предположение, что вервь в смысле общины должна была подчеркивать кровные отношения, или скорее линию поколений. В данной связи можно упомянуть другое понятие: *ужь*, "шнур", с которым связано *ужика*, "родственник", "член семейной общины". Даже признавая, что слово *вервь* могло изначально обозначать большую семейную общину типа задруги, мы можем подчеркнуть, что в одиннадцатом и двенадцатом столетиях понятие уже изменило свое изначальное смысловое содержание. Из "Русской Правды" очевидно, что вервь в это время была схожа с англо-саксонской гильдией. Это была соседская община, связанная ответственностью своих членов платить штраф за убийство, совершенное в границах общины, в случае если убийца не может быть найден. Членство в общине было свободным. Люди могли вступить в гильдию или воздержаться от этого. В более поздний период русской истории гильдия сменилась *сельской общиной*, также именовавшейся *мир*. В "Русской Правде" понятие *мир* используется для обозначения более широкого сообщества - города с сельским районом вокруг него. Специфической формой русской земельной системы было совместное владение землей несколькими совладельцами (*сябры*). Подобно верви, ассоциация сябров должна была развиться из семейной общины. *Сябр* или *себер* - архаическое слово, изначальным значением которого кажется должно быть "член семьи, работающий с другими родственниками на семейной земле". В санскрите существуют параллельные термины: sabha, "родня", "деревенское сообщество"; и sabhyas, "член деревенского сообщества". Рассмотрим также готское sibja и немецкое sippe, "родственники" (коллективно)[13]. По своей структуре слово *себер* (отметим конечное "р") сходно с базовыми терминами родства в индо-европейских языках, подобно pater и mater в латыни; brother и sister в английском;

брат и сестра в славянском. Более специфичное слово "себер" должно быть связано с рефлексивным местоимением "себе". Между прочим, по мнению некоторых современных филологов, славянское слово "свобода" происходит от того же корня[14].

Иные типы социальных объединений появились в древнерусском для поддержания торговли и промышленности. Там существовали кооперативные ассоциации ремесленников и рабочих, схожие с теми, которые позднее стали известны как *артель* (древнерусский термин *дружина* происходит от *друг*). Торговцы, как мы видели, составили различные самостоятельные компании или гильдии.

2. Социальное расслоение

Об обществе, состоящем лишь из семейных общин, можно думать как о гомогенном по своей основе. Все члены задруги имеют равную долю как в общем труде, так и в производственном продукте. Это "бесклассовое" общество в миниатюре.

С надломом задруги и эмансипацией семьи от рода, со схожим обособлением индивида от общества и формированием территориальных общин нового типа вся социальная структура нации становится более комплексной. Постепенно оформляются различные социальные классы.

Процесс социального расслоения начался среди восточных славян задолго до формирования Киевского государства. Мы знаем, что склавены и анты в шестом веке обращали военно-пленных - даже той же расовой принадлежности - в рабов. Мы также знаем, что среди антов была аристократическая группа и что некоторые из военных вождей владели большими богатствами[15]. Итак, мы имеем у восточных славян элементы по крайней мере трех существующих социальных групп уже в шестом столетии: аристократия, простонародье и рабы. Подчинение некоторых из восточнославянских племен зарубежным завоевателям могло также реализовываться в политической и социальной дифференциации различных племен. Мы знаем, что восточные славяне платили дань зерном и другими сельхозпродуктами аланам, готам и мадьярам, по мере того как каждый из этих народов поочередно устанавли-

вал контроль над частью восточнославянских племен. В то время как некоторые из славянских групп в конце концов утверждали свою независимость или автономию, другие оставались под иноземным контролем на более длительный период. Крестьянские общины, изначально зависимые от зарубежных господ, позднее признали власть местных славянских князей, но их статус не изменился, и они продолжали платить прежние повинности. Итак, установилось различие в положении разных славянских групп. Некоторые из них были самоуправляемы, другие - зависимы от князей.

Учитывая этот неординарный социальный и исторический фон, мы и должны подходит к изучению русского общества в киевский период. Можно предположить, что общество было достаточно сложным, хотя в Киевской Руси не существовало таких высоких барьеров между индивидуальными социальными группами и классами, которые существовали в феодальной Европе того же периода. В целом следует сказать, что русское общество киевского периода состояло из двух крупных групп: свободных и рабов. Подобное суждение, однако, хотя и правильно, является слишком широким, для того чтобы адекватно охарактеризовать организацию киевского общества.

Следует отметить, что среди самих свободных были различные группы: в то время как некоторые были полноправными гражданами, правовой статус других был ограничен. Фактически положение некоторых свободных классов было столь ненадежным, вследствие правовых или экономических ограничений, что некоторые из них по собственной воле предпочитали переход в рабское состояние. Итак, можно обнаружить между свободными и рабами промежуточную группу, которую можно назвать полусвободными. Более того, некоторые группы собственно свободных были в лучшем экономическом положении и лучше защищены законом, нежели другие. Соответственно, можно говорить о существовании высокопоставленного класса и среднего класса свободных в киевском обществе.

Нашим главным правовым источником для этого периода является "Русская Правда", и к этому кодексу мы должны обратиться для получения правовой терминологии, характеризующей социальные классы. В варианте "Правды" одиннадцатого столетия -

так называемом "Кратком варианте" - мы обнаруживаем следующие основополагающие понятия: *мужи* - для высшего слоя свободных, *люди* - для среднего класса, *смерды* - для ограниченно свободных, *челядь* - для рабов.

В глазах законодателя человек обладал различной ценностью, в зависимости от своей классовой принадлежности. Древнерусское уголовное право не знало смертной казни. Взамен ее была система денежных платежей, налагаемая на убийцу. Последний должен был платить компенсацию родственникам убитого (известную как bot в англо-саксонском варианте) и штраф князю ("bloodwite"). Эта система была общей у славян, германцев и англо-саксов в раннее средневековье.

В наиболее раннем варианте "Правды" вергельд, или плата за жизнь свободного человека, достигал 40 гривен. В "Правде" сыновей Ярослава княжьи люди (*мужи*) были защищены двойным штрафом в 80 гривен, в то время как штраф за *людина* (единственное число - *люди*) оставался на изначальном уровне 40 гривен. Штраф, который надлежало выплатить князю за убийство *смерда* устанавливался в 5 гривен - одну восьмую от нормального вергельда. Рабы, являвшиеся несвободными, не имели вергельда.

С филологической точки зрения интересно, что все вышеперечисленные термины принадлежат древнему индоевропейскому основанию[16]. Славянское *муж (можи)* связано с санскритским manuh, manusah; готским manna; немецким mann и mench. В древнерусском "муж" имеет значение "мужчина благородного происхождения", "рыцарь" и кроме того означает "муж" в семейном плане. *Люди* означает сообщество человеческих существ, что можно сравнить с немецким leute. Оказывается, что корень слова является тем же, что и в греческом прилагательном eleutheros ("свободный")[17]. Смерд может быть рассмотрен в соотнесении с персидским mard, "человек"; по-армянски звучит также mard. Исчезновение изначального "s" в комбинации "sm" не является необычным в индоевропейских языках[18]. Согласно Мейе, mard подчеркивает смертность человека (по контрасту с "бессмертными", т.е. богами)[19]. С этой точки зрения, интересно сравнить персидское mard и славянское *смерть* (оба слова означают "кончину").

В социальном развитии России каждый из вышеупомянутых терминов имеет свою собственную историю. Термин "смерд" при-

обрел уничижительное значение в связи с глаголом "смердети", "вонять". Термин "муж" в смысле специфической социальной категории постепенно исчез, и из мужей в конечном итоге развился класс бояр. В своей уменьшительной форме термин *мужик* ("маленький человек") применялся к крестьянам, подчиненным боярской власти. Отсюда - *мужик*, "крестьянин". Термин *людин* (в единственном числе) также исчез, за исключением комбинации *простолюдин*.

Множественная форма *люди* до сих пор используется; ей соответствует в современном русском языке слово *человек*, используемое лишь в единственном числе. Первая часть этого слова (чел-) представляет тот же корень, что присутствует в древнерусском слове *челядь* ("домашние рабы"). Изначальное значение корня - "род": сравним гальское clann и литовское keltis[20].

3. Высшие классы

Высшие классы киевского общества имели гетерогенный источник. Их становой хребет состоял из выдающихся людей (мужей) основных славянских родов и племен. Как нам известно, даже в период антов существовала племенная аристократия - "старейшины антов" (αρχοντεσ'Αντων). Некоторые из этих старейшин, должно, быть имели аланское происхождение. С подъемом княжеской власти в Киеве окружение князя (дружина) стала основным катализатором для формирования новой аристократии - бояр. Дружина в киевский период была сама по себе плавильным тиглем[21]. При первых киевских князьях ее ядро состояло из шведов племени русь. Скандинавский элемент нарастал, когда князья нанимали новые варяжские отряды из Скандинавии. Однако княжеское окружение также вобрало в себя славянских мужей, равно как и разнородных искателей приключений иностранного происхождения. Осетины, косоги, мадьяры, тюрки и другие упоминаются в различных ситуациях как члены дружины. К одиннадцатому столетию она уже славянизировалась.

Социально она состояла из различных элементов. Некоторые из ее членов занимали высокое положение даже до присоединения к ней; другие находились внизу по рождению, а некоторые были

даже рабами князя. Для этих служба в дружине не только открывала путь к доходному месту, но также давала возможность вскарабкаться до самого верха социальной лестницы.

Свита состояла из двух групп, которые могут быть названы старшей и младшей дружиной соответственно. Среди высших приближенных в одиннадцатом веке упоминаются судебный пристав (*огнищанин*), занимающийся конюшней (*конющий*), дворецкий (*тиун*) и адъютант (*подъездной*)[22]. Все они первоначально были просто служащими князя в деле управления двором и имениями, но позднее также использовались в государственной администрации. Термин *огнищанин* производен от *огнище*, *очаг*. Итак, огнищанин - член княжеского "очага", т.е. хозяйства. Термин *тиун* - скандинавского происхождения; в старошведском *тиун* означает "слуга". В России он означал сначала дворецкого, но позднее начал в основном использоваться в значении "судья". Следует кстати упомянуть, что аналогичный процесс трансформации слуг князя в государственных чиновников имел место в Англии, Франции и Германии в раннее средневековье.

Младшие вассалы были коллективно обозначены как *гридь*, термин скандинавского происхождения, изначальным значением которого было "жилище", "дом". Отсюда древнерусское слово *гридница*, "дом" или "большое помещение". Сначала они являлись пажами князя и младшими служилыми людьми в доме, а также слугами дружинных офицеров. Член гриди иногда называется в источниках *отроком*, *детским* или *пасынком*, что видимо указывает на то, что их воспринимали как членов княжеской семьи, как оно и обстояло на самом деле. В Суздале в конце двенадцатого века появился новый термин для обозначения младших вассалов - *дворянин*, дословно "придворный", от "двор" в смысле княжеский (а также просто "двор"). В имперской России восемнадцатого и девятнадцатого столетий термин *дворянин* приобрел значение "человек благородного происхождения".

С 1072 г. старшие члены дружины князя были защищены двойным штрафом.

За оскорбление достоинства старшего вассала обидчик должен был платить князю штраф в четыре раза больший, нежели за ранение смерда. Квалифицированная защита за оскорбление вассалов князя существовала также и в немецком законодательстве этого периода.

Не весь русский высший класс служил в дружине. В Новгороде, где власть князя и длительность его пребывания на этом посту были ограничены условиями контракта, его вассалам открыто чинились препятствия для постоянного поселения на Новгородской земле. Итак, в дополнение к служилой аристократии в Киевской Руси существовала аристократия по праву. Ее члены называются по-разному в источниках раннего периода; например, "выдающиеся люди" (*мужи нарочитые*) или *лучшие люди*, также во многих случаях "городские старейшины" (*старейшины градские*). Некоторые из них были потомками племенной аристократии, другие, в особенности в Новгороде, стали выдающимися вследствие своего богатства, в большинстве случаев полученного от зарубежной торговли.

В конце концов княжеская и местная аристократии стали известны как боярство. Хотя некоторые из местных бояр должны были быть потомками торговцев, а княжеские бояре изначально создали свое богатство от содержания и наград, полученных от князя, и от своей доли в военной добыче, с течением времени все бояре стали землевладельцами, а сила и социальный престиж боярства как класса опирались на обширные земельные владения.

Можно добавить, что к началу тринадцатого века, вследствие расширения дома Рюрика, увеличилось количество князей, и владения каждого князя - за исключением правящих в больших городах - уменьшились до таких размеров, что меньшие князья этого периода более не отличались социально от бояр. Итак, князья к этому времени могут рассматриваться социально и экономически лишь как верхний слой класса бояр.

В действительности некоторые из крупных бояр наслаждались большим богатством и престижем в большей степени, нежели меньшие князья, и этот факт особенно очевиден, если мы увидим, что каждый из наиболее богатых бояр имел собственную свиту и некоторые старались подражать князьям, заводя собственные дворы. Уже в десятом веке полководец Игоря Свенельд имел собственных вассалов (*отроки*), а боярские вассалы упоминаются в источниках одиннадцатого и двенадцатого столетий многократно. Жизнь боярского тиуна (дворецкого или судьи) была защищена законом наряду с княжеским тиуном.

При всем выдающемся политическом и социальном положении боярства, оно не представляло в киевский период какой-либо особый слой с правовой точки зрения. Прежде всего, это не была исключительная группа, поскольку простолюдин мог войти в нее по каналу службы в свите князя. Во-вторых, она не имела каких-либо правовых привилегий как класс. В-третьих, в то время как бояре вместе с князьями являлись владельцами больших земельных угодий в силу своей исключительности, они не были единственными землевладельцами в этот период на Руси, поскольку земля могла продаваться и покупаться без запретов, и человек любой социальной группы мог ее приобрести. Более того, для боярина этого периода было обычным делом не порывать связи с городом. Каждый из крупных бояр княжеской свиты имел свой двор в городе, в котором правил князь. Все новгородские бояре не только были жителями Новгорода, но также принимали участие в собраниях городского органа управления.

4. Средние классы

Неразвитость средних классов обычно рассматривается как одна из основных черт русской социальной истории. Верно, что как в московский, так и в имперский периоды вплоть до девятнадцатого столетия пропорциональное соотношение людей, вовлеченных в производство товаров и торговлю, и жителей городов в целом в сравнении с крестьянством было низким. Однако даже применительно к этим периодам любое обобщающее утверждение об отсутствии в России средних классов требует оговорок. В любом случае, подобное обобщение не подойдет к киевскому периоду. Как мы видели (гл. V, разд. 3), пропорция городского населения ко всему населению должна была быть в Киевской Руси не ниже тринадцати процентов. Дабы оценить значение этой цифры, следует подойти к ней не с точки зрения социальной стратификации Нового времени, а по сравнению с современными условиями той поры в Центральной и Восточной Европе. Хотя не существует точных демографических данных относительно Европы этого периода, общепринятым является, что по крайней мере до четырнадцатого столетия пропорция городских жителей в Европе по отношению ко всему населению была очень низка.

Большинство городского населения России вне сомнения принадлежала к слою, который может быть обозначен как низшие классы; нет данных, которые дали бы нам возможность установить с достаточной точностью относительную пропорцию средних классов к целому населению. Однако, зная о распространении торгового класса Киевской Руси, мы можем быть уверены, что, по крайней мере в Новгороде и Смоленске, торговый люд как социальная группа был пропорционально более велик, нежели в городах Западной Европы этого времени.

В то время как в нашем мышлении термин "средние классы" обычно ассоциируется с городской *буржуазией*, можно также говорить о средних классах сельского общества. Процветающие хозяева, имеющие достаточно земли для удовлетворения своих потребностей могут быть охарактеризованы как составляющие сельский средний класс при сопоставлении с владельцами крупных поместий, с одной стороны, и безземельными и малоземельными крестьянами - с другой. Поэтому мы сталкиваемся с вопросом существования такого сельского среднего класса в России этого времени.

Нет оснований сомневаться в его наличии в докиевский и раннекиевский периоды. Люди, организованные в гильдии (вервь), упомянутые в "Русской Правде", кажется составляют такого рода средний класс[23]. Важно, что вергельд людина, как и человека высших классов (мужа), равнялся сорока гривнам; в случае его принадлежности к свите князя штраф удваивался (восемьдесят гривен).

Хотя существование людей, организованных в классы, бесспорно, применительно к десятому и одиннадцатому векам, обычно утверждается, что в течение двенадцатого столетия старый социальный режим сельской Руси был опрокинут стремительным ростом больших поместий князей и бояр, с одной стороны, а также пролетаризацией и феодальным подчинением людей - с другой. Это утверждение справедливо лишь до определенной степени. Верно, что владения князей и бояр быстро расширялись в двенадцатом веке, но это было также результатом эксплуатации земли, до того не затронутой обработкой, а не только поглощением уже существовавших хозяйств.

В той же мере справедливо, что процесс пролетаризации малых землевладельцев шел с конца одиннадцатого века. В ходе ее до

того формально независимые и свободные люди становились связанными договором работниками. И вновь, однако, возникает вопрос: можно ли эту часть рассуждения применять к нашему случаю без оговорок? В источниках нет свидетельств относительно того, из какой первоначальной социальной группы вышли связанные договором работники двенадцатого века. Некоторые могли быть бывшими членами группы людей, но, конечно, не все. Что же касается крестьян, более или менее связанных с крупными земельными поместьями, каковыми были *смерды* и *изгои* (см. разд. 8, ниже), кажется между ними и людьми есть весьма малая связь, если и вообще таковая присутствует. Уже в двенадцатом веке смерды существовали как отдельная группа, и, вероятно, даже еще раньше. Большинство изгоев были вольноотпущенниками.

Итак, нет прямых свидетельств предполагаемого полного исчезновения людей в течение двенадцатого столетия. Их число могло уменьшиться, в особенности в Южной Руси, по разным причинам. Значительное количество их, видимо, было разорено рейдами половцев и княжескими междоусобицами, после которых они без сомнения должны были или перебираться в города, или становиться сельскохозяйственными работниками, либо оставаясь лично свободными как наемные работники, либо принимая зависимость по договору. Во многих случаях также сельские гильдии должны были дезинтегрироваться. Мы знаем из условий "Русской Правды", что людину разрешалось на определенных условиях покинуть гильдию. Но даже в случае роспуска гильдии ее прежние члены могли по праву сохранять свое хозяйство или же создавать меньшие ассоциации по типу сябров.

В целом, без сомнения, люди пострадали, они могли потерять свою привычную форму социальной организации, но, конечно, значительное число их продолжало существовать как экономическая группа свободных землевладельцев, в особенности на севере. Вслед за завоеванием Новгорода московскими великими князьями в конце пятнадцатого века последовал приказ о переписи сельского населения на всех типах земель. Она выявила существование многочисленного класса так называемых *своеземцев* ("обладателей земли по праву"). Ими должны были быть выходцы из класса людей.

Вновь обратившись к городам, мы обнаруживаем тот же термин *люди* как изначально применяемый к большинству городского на-

селения[24]. Позднее в Новгороде можно было выделить две группы: *житьи люди* ("состоятельные люди") и *молодшие люди* ("младшие люди"), которые иногда называются в новгородских источниках *черные люди*. Житьи люди составляли значительную часть новгородского среднего класса. Шкала групповых отличий в новгородском обществе яснее всего видна по перечню штрафов за неуважение суда, содержащихся в одном из параграфов городской хартии. Согласно этому перечню, боярин должен заплатить 50 рублей, житьи - 25 рублей, молодший - 10. Эта новгородская хартия была принята в 1471 году, но для ее списка были частично использованы старые правила и регулятивы, а взаимосвязь указанных в ней классов предположительно представляет древнюю традицию. *Купцы* упоминаются в новгородских источниках как группа, отличная от житьи, но находящаяся на том же социальном уровне. Оказывается, что житьи не были купцами. Каков же был источник их доходов? Некоторые, возможно, владели земельными угодьями вне города. Другие могли быть владельцами разного типа промышленных предприятий, подобно плотницким мастерским, кузницам и т. д.

Состав средних классов в иных русских городах должен был быть схож с новгородским.

5. Низшие классы

Как мы только что видели, люди низших классов в русских городах киевского периода назывались "младшими людьми" (молодшие люди). Они были в основном рабочими и ремесленниками различного рода: плотниками, каменщиками, кузнецами, суконовалами, кожевниками, горшечниками и т. д. Люди одной и той же профессии обычно жили в одной части города, носившей соответствующее имя. Так, в Новгороде упоминаются Горшечный район и Плотницкий район; в Киеве - Кузнецкие Ворота и т. д.

Для этого периода не существует свидетельств относительно существования ремесленных гильдий как таковых, но каждая часть большого русского города этого времени составляла самостоятельную гильдию (см. гл. VII, разд. 6), и "уличная гильдия" или "гильдия ряда" в ремесленной части должна была быть не только терри-

ториальной общиной, но в определенном смысле также профессиональной ассоциацией.

К низшим классам киевского общества принадлежали также наемные рабочие или работники. В городах ремесленники, не имеющие своих собственных мастерских, и младшие члены ремесленных семей, видимо, предлагали свои услуги любому, кто в них нуждался. Если для крупной работы собиралось вместе много рабочих, как при строительстве церкви или большого дома, то в большинстве случаев они создавали кооперативные ассоциации.

В этот период мало что известно о наемных работниках в сельских районах. Они, однако, упоминаются в некоторых современных источниках; предположительно наибольшую нужду в их помощи испытывали в период урожая.

Теперь мы подходим к смердам, которые составляли становой хребет низших классов в сельских районах[25]. Как я уже упоминал, термин *смерд* должен сравниваться с иранским mard ("человек"). Весьма вероятно, что он появился в сарматский период русской истории.

Смерды лично были свободны, но их правовой статус ограничивался, поскольку они подчинялись специальной юрисдикции князя. То, что они были свободными может быть в наилучшей мере очевидно при сравнении статьи 45 А расширенной версии "Русской Правды" с последующей статьей 46[26]. В первой сказано, что смерды могут быть оштрафованы князем за агрессивные действия, совершенные ими. В последней, что рабы не подвержены этим выплатам, "поскольку они несвободны".

То что власть князя над смердами была более специфична, нежели над свободными, ясно из "Русской Правды", равно как и из летописей. В "Правде" Ярославичей смерд упоминается среди людей, зависимых от князя в той или иной степени. Согласно расширенной версии "Русской Правды", смерд не мог подвергнуться аресту или ограничениям каким-либо образом в своих действиях без санкции князя[27]. После смерти смерда его имущество наследовалось его сыновьями, но если не оставалось сыновей, то собственность переходила к князю, который, однако, должен был оставить долю для незамужних дочерей, если таковые оставались. Это похоже на право "мертвой руки" в Западной Европе.

Представляется важным, что в городах-государствах Северной Руси - Новгороде и Пскове - высшая власть над смердами принадлежала не князю, а городу. Так, например, в 1136 г. новгородский князь Всеволод подвергся критике веча за угнетение смердов. В новгородском договоре с королем Польши Казимиром IV прямо утверждается, что смерды находятся в юрисдикции города, а не князя. Этот договор - документ более позднего периода (подписан около 1470 г.), но его условия базировались на древней традиции.

Принимая во внимание статус смердов в Новгороде, мы можем предположить, что на юге, где они были подчинены князю, последний скорее реализовал свою власть в качестве главы государства, нежели землевладельца. В таком случае смерды могут быть названы государственными крестьянами, принимая должные оговорки. Имея в виду, что термин *смерд*, вероятнее всего, появился в сарматский период, мы можем отнести к этому периоду появление смердов как социальной группы. Предположительно первые смерды были славянскими "людьми" (mardan), плативших дань аланам. Позднее, с эмансипацией антов от иранской опеки, власть над ними могда перейти к антским вождям. В восьмом веке смерды должны были подчиняться власти хазарского и мадьярского воеводы; с эмиграцией мадьяр и поражением хазар от Олега и его наследников русские князья в конце концов установили контроль над ними. Этот очерк истории смердов, конечно же, является гипотетическим, но, на мой взгляд, согласуется с фактами; в любом случае, он не противоречит каким-либо известным данным.

Принадлежала ли обрабатываемая ими земля им самим или же государству, является спорным вопросом. Оказывается, что в Новгороде, по крайней мере, смерды занимали государственные земли. На юге существовало, должно быть, нечто наподобие совладения князя и смерда на земле последнего. На встрече 1103 г. Владимир Мономах упоминает "хозяйство смерда" (село его)[28]. Как мы уже видели, сын смерда наследовал его владение, т. е. его хозяйство. Однако, принимая во внимание, что смерд владел обрабатываемой им землей, следует отметить, что это было не полное владение, поскольку он не был свободен завещать землю даже своим дочерям; когда после его смерти не оставалось сыновей, как мы видели, земля переходила князю. Поскольку смерд не мог завещать свою землю, то он, возможно, также не мог ее продать.

Земля находилась в его постоянном пользовании, и это же право распространялось на его потомков мужского пола, но это не была его собственность.

Смерды должны были платить государственные налоги, в особенности так называемую "дань". В Новгороде каждая их группа регистрировалась на ближайшем *погосте* (центре сбора налогов); очевидно, они были организованы в общины, с тем чтобы упростить сбор налогов. Другой обязанностью смердов была поставка лошадей для городского ополчения в случае большой войны.

На княжеской встрече 1103 г., упомянутой выше, обсуждалась кампания против половцев, и вассалы князя Святополка II отмечали, что не стоит начинать военные действия весной, поскольку забирая своих коней, они разорят смердов и их поля, на что Владимир Мономах ответил: *"Я удивлен, друзья, что вы озабочены конями, на которых пашет смерд. Почему вы не думаете о том, что как только смерд начинает пахать, прийдет половец, убьет его своей стрелой, заберет его коня, приедет в его село и увезет его жену, его детей и его собственность? Озабочены ли вы относительно коня смерда или же относительно его самого?"*[29].

Низкий уровень социального положения смерда наилучшим образом демонстрирует такой факт: в случае его убийства лишь пять гривен - т.е. одна восьмая штрафа - должны были быть выплачены князю убийцей. Князь должен был получить столько же (пять гривен) в случае убийства раба. Однако в последнем случае плата представляла не штраф, а компенсацию князю как владельцу. В случае со смердом компенсация его семье должна была быть выплачена убийцей в дополнение к штрафу, но ее уровень не оговорен в "Русской Правде".

С течением времени термин *смерд*, как я упоминал, приобрел уничижительное значение человека, принадлежащего к низшему классу. Как таковой он использовался высокими аристократами для обозначения простолюдинов в целом. Так, когда черниговский князь Олег был приглашен Святополком II и Владимиром Мономахом для присутствия на встрече, где должны были быть представители духовенства, бояре и киевские граждане, он высокомерно ответил, что *"ему не подобает подчиняться решениям епископа, настоятеля или смерда"* (1096 г.)[30].

В начале тринадцатого века термин *смерд* был в употреблении для обозначения сельского населения в целом. Описывая одну из битв в Галиции в 1221 г., летописец отмечает: *"Боярин должен брать в качестве пленника боярина, смерд - смерда, горожанин - горожанина"*[31].

6. Полусвободные

Крепостничество как правовой институт не существовало в Киевской Руси. В техническом смысле слова крепостничество - продукт феодального права.

Подчинение крепостного не было результатом свободной игры экономических сил, а являлось скорее итогом неэкономического давления. Феодализм может быть определен как слияние публичного и частного права, а природа власти сеньора была дуальной. Сеньор являлся как землевладельцем, так и правителем. Как владелец манора он обладал двойственной властью и над сервами и над арендаторами в его имении.

Потенциально князь Киевской Руси имел тот же тип власти над населением своих владений. Однако социально-политический режим в стране в это время не способствовал развитию феодальных институтов, и процесс консолидации манориальной власти князей, не говоря уже о боярах, никогда не заходил столь далеко, как в Западной Европе того же периода. Несмотря на все посягательства со стороны князей, смерды, как мы видим, оставались свободными.

В дополнение также существовала социальная группа тех, кого можно назвать полусвободными. Они не были крепостными и в техническом смысле также, поскольку отсутствовал элемент "неэкономического давления" в процессе утраты ими свободы. Связь между ними и их господами была чисто экономической, поскольку это было отношение между кредитором и должником. Как только долг выплачивался с процентом, должник вновь становился полностью свободным.

Особенность отношения состояла в факте того, что долг этого типа должен был выплачиваться не деньгами, а работой, хотя не было возражений на его выплату деньгами, если должник неожиданно обретал достаточную для этого сумму.

Обязательство могло быть взято различными путями и по различным причинам. Должник мог быть крестьянином (обедневшим людином), торговцем или ремесленником, который взяв деньги для улучшения своего дела, был не в состоянии заплатить деньгами, и, таким образом, не имел иного выхода, как заплатить своим собственным трудом. Но он мог также быть наемным работником и, имея нужду в деньгах, попросить и получить свою сезонную или годичную оплату заранее; сделка оформлялась тогда как заем, покрываемый работой с процентом. Такой должник (закуп) был фактически контрактным работником, и такой работник мог быть нанят кредитором на любую работу, но большинство их, кажется, становилось сельскохозяйственными работниками (ролейный закуп). Сама по себе группа должна была быть достаточно многочисленной, поскольку её члены рассматривались как ответственные - по крайней мере отчасти - за неудавшуюся социальную революцию 1113 г., после которой были введены специальные законы по инициативе Владимира Мономаха, с тем чтобы улучшить их положение. Некоторые из этих законов относились к ссудам в целом, а некоторые специально содержали ссылку на закупов и были включены в расширенный вариант "Русской Правды"[32].

Условия "Русской Правды" относительно закупа имели своей целью установить подобающий баланс между правами и долгом связанного договором работника, с одной стороны, и долгом и правами кредитора - "господина" - с другой. Итак, если закуп пытался убежать от своего господина, то становился рабом последнего; но если господин предательски продавал его в рабство, то восстанавливалась автоматически не только свобода закупа, но и приходил конец его обязательствам перед господином. Договорный работник был должен подавать в суд на господина за любую не спровоцированную обиду; господин, однако, мог наказать закупа даже побоями, если "для этого были хорошие основания", т. е. закуп небрежно относился к работе.

Согласно новым пунктам "Русской Правды", господин не мог принудить работника по соглашению к выполнению любой работы; лишь работа по соответствующей специальности могла быть выполнена им. Итак, если закуп наносил ущерб используемому на войне господскому коню, он не нес ответственности по очевид-

ным причинам: уход за используемым в военное время конем князя или боярина - часто это был прекрасный конь - предполагал услуги специально обученного человека. Более того, конюх знатного человека обычно выбирался среди его рабов, и свободный человек - даже полусвободный - мог возражать относительно выполнения такой работы. Если, однако, ущерб наносился закупом рабочему коню - "работавшему с плугом и бороной", как это объясняется в "Русской Правде", - закуп должен был за это платить. То есть окончание его рабочих обязательств продлялось в зависимости от нанесенного ущерба[33].

Кроме наемных работников была еще одна социальная группа, которая также может рассматриваться, как состоящая из полусвободных, хотя и не в строго юридическом смысле. Это были так называемые *вдачи*, мужчины или женщины, которые "отдавались" (славянское слово для обозначения этого - *дати*) на временную службу господину. Это делалось в основном во времена отчаяния - в период голода или после опустошительной войны. В этом случае сделка заключалась скорее в терминах благотворительности, нежели юридических обязательств. Люди в состоянии отчаяния получали "милость" от господина; деньги или зерно, полученное от него, рассматривалось не как заем, а в качестве "подарка". Однако они должны были работать для этого по крайней мере год. Институт *дачи* был также известен среди балтийских славян; там, в особенности в тринадцатом веке, он приобрел совершенно иной характер, приближаясь к рабству[34].

Заключая эту часть, следует упомянуть еще одну категорию полусвободных - "отпущенники" (изгои). Их положение было ближе всего к крепостному среди социальных групп этого периода. Поскольку они были под защитой церкви, их положение будет рассмотрено в связи с "церковными людьми" (разд. 8, ниже).

7. *Рабы*

Древнейшее русское понятие для обозначения раба, как мы видели, - *челядин*; во множественном числе - *челядь*. Термин встречается в старославянских церковных текстах и также используется в русско-византийских договорах десятого века[35].

Другой древний термин - *роб* (иначе - *раб*; в женском роде - *роба*, позднее - *раба*), находящийся в связи с глаголом *робо́тати*. В этом смысле раб является "рабочим" и наоборот.

В середине одиннадцатого века появляется новый термин - *холоп*, который можно сравнить с польским *хлоп* (в польском написании chlop), "крестьянин", "крепостной". Протославянской формой было *холп*; в транскрипции, применяемой большинством славянских филологов, - *чолпы*[36]. По-русски термин *холоп* обозначал мужчину-раба. Рабыня постоянно именовалась *раба*.

Рабство в Киевской Руси было двух типов: временное и постоянное. Последнее было известно как "полное рабство" (*холопство обельно*). Основным источником временного рабства было пленение на войне. Первоначально не только солдаты вражеской армии, но даже гражданские лица, захваченные в ходе военных действий, обращались в рабство. С течением времени стали оказывать больше милосердия гражданским лицам и, наконец, ко времени заключения договора между Россией и Польшей, подписанного в 1229 г., была признана необходимость не затрагивать гражданское население.

К финалу войны пленники освобождались за выкуп, если таковой предлагался. В русско-византийских договорах устанавливался потолок выкупа, с тем чтобы исключить злоупотребления. Если не было возможности собрать выкуп, пленник оставался в распоряжении человека, захватившего его. Согласно "Закона судного людем", в подобных случаях работа пленника рассматривалась как уплата выкупа и после покрытия такового в полном объеме пленник должен был быть отпущен.

Правило должно было соответствующим образом соблюдаться по отношению к гражданам государств, с которыми русские заключали особые договора, как, например, с Византией. В иных случаях оно могло игнорироваться. В любом случае важно, что "Русская Правда" не упоминает пленение на войне в качестве источника полного рабства.

Согласно параграфу 110 расширенного варианта, "полное рабство имеет три вида". Человек становится рабом: 1) если он по своей воле продается в рабство; 2) если он женится на женщине, не заключив перед этим специального соглашения с ее хозяином, 3) если он нанимается на службу хозяина в должности дворецкого

или домоуправителя без специального соглашения, что он должен остаться свободным[37]. Что касается самопродажи в рабство, следовало соблюдать два условия для того, чтобы сделка стала законной: 1) минимальной цены (не меньше половины гривны) и 2) платы городскому секретарю (одна ногата). Эти формальности предписывались законом с тем, чтобы предотвратить порабощение человека против его воли. В этой части "Русской Правды" ничего не говорится о женщинах-рабынях, но можно предполо-жить, что женщина может продать себя в рабство, подобно мужчине. С другой стороны, женщина не была наделена привилегией сохранения своей свободы путем соглашения с господином, если она выходила замуж за мужчину-раба. Хотя это и не упоминается в "Русской Правде", из позднейшего законодательства, равно как и из различных иных источников, мы знаем, что такой брак автоматически делал женщину рабыней. Это должен был быть древний обычай, и поэтому он не рассматривался как достойный упоминания в "Русской Правде".

В дополнение к главным упомянутым источникам рабского населения, соглашение о продаже можно охарактеризовать как производный источник. Очевидно, что те же формальности, что и в случае самопродажи, должны были соблюдаться в случае продажи раба. Таким образом устанавливалась минимальная цена на полных рабов. Не существовало минимальной цены на военнопленных. После победы новгородцев над суздальцами в 1169 г. пленные суздальцы были проданы по две ногаты за каждого. В "Слове о полку Игореве" сказано, что если бы великий князь Всеволод принял участие в кампании против половцев, последние были бы разбиты и затем женщины-пленницы были бы проданы по одной ногате, а мужчины по одной резане.

Никакой верхней цены на рабов не устанавливалось, но общественное мнение - по крайней мере духовенства - было против спекуляции в работорговле. Считалось греховным купить раба по одной цене и затем продать за большую; это называлось "изгойством".

Раб не имел гражданских прав. Если его убивали, то компенсация должна была выплачиваться убийцей его хозяину, а не родственникам раба. В законах этого периода не существует регламентации относительно убийства раба его владельцем. Очевидно, что господин нес ответственность, если он убивал временного раба.

В случае, если раб "полный", то хозяин подвергался церковному покаянию, но это была очевидно единственная санкция в подобной ситуации. Раб не мог выдвигать обвинений в суде и не принимался как полноценный свидетель в тяжбе. По закону он не должен был владеть какой-либо собственностью, за исключением своей одежды и иных личных принадлежностей, известных как peculium в римском праве (древнерусский вариант - старица); не мог раб и принимать какие-либо обязательства или подписывать какой-либо контракт. Фактически же многие рабы Киевской Руси имели собственность и принимали обязательства, но в каждом случае это делалось от имени их владельца. Если в подобном случае раб не выполнял обязательства, его владелец оплачивал убыток, если человек, с которым имел дело раб, не был осведомлен, что противоположной стороной был раб. Если он знал о факте, то действовал на свой собственный риск.

Рабы использовались их владельцами как домашние слуги различного типа и как полевые работники. Случалось, что они были мужчинами и женщинами, искушенными в ремесле, или даже педагогами. Они оценивались по их способностям и оказываемым услугам. Итак, согласно "Русской Правде", размер компенсации князю за убийство его рабов варьировался от пяти до двенадцати гривен, в зависимости от того, какого рода рабом была жертва.

Что же касается окончания рабского состояния, оставляя в стороне смерть раба, временное рабство могло закончиться после совершения достаточного объема работ. Конец полного рабства мог наступить двумя путями: или раб выкупал себя (что, конечно же, могли позволить себе немногие), или хозяин мог отпустить своего раба или рабов волевым решением. К этому его постоянно побуждала Церковь, и многие богатые люди следовали этому совету, освобождая рабов посмертно в специальном разделе завещания.

Существовал также, разумеется, незаконный путь самоосвобождения раба - бегство. Многие рабы, как оказывается, использовали этот путь к свободе, поскольку в "Русской Правде" есть несколько параграфов, говорящих о рабах-беглецах. Любой человек, давший приют такому рабу или каким-либо образом оказавший ему содействие, должен был подвергнуться штрафу.

8. Церковные люди

В Древней Руси под церковную юрисдикцию подпадали не только духовенство и члены их семей, но также и определенные категории людей, которые либо служили Церкви тем или иным образом, либо нуждались в ее поддержке. Все они были известны как "церковные люди"[38].

Русское духовенство может быть разделено на две группы: "черное духовенство" (т.е. монахи) и "белое духовенство" (священники и дьяконы). На основе византийской модели в Русской Церкви установленным обычаем является то, что монахи полагаются в сан епископов и, в противоположность практике Римской Церкви, священники выбираются из среды женатых мужчин.

В течение киевского периода митрополичья кафедра в Киеве занималась греками с двумя исключениями (Иларион и Климент). Около половины епископов были, однако, русского происхождения. Епископы стояли намного выше обычного духовенства по власти, престижу и богатству. В более поздние периоды стало обычным говорить о них как о "князьях Церкви".

Посмотрим теперь на положение других "церковных людей". Первая категория среди них охватывает тех, кто каким-либо образом участвует в церковном богослужении, но не принадлежит к духовенству: таковы церковные певцы, человек, ответственный за тушение свечей после службы (*свечегас*), а также женщина, выпекающая просвиры (*просвирница* или *просвирня*, от слова *просвира*). По случаю можно вспомнить, что поэт А.С. Пушкин советовал тем, кто желал познакомиться с изначально русским языком, поучиться ему у московской *просвирни* (множественное число от *просвирня*).

Вторая категория церковных людей состоит из тех, кто связан с благотворительными институтами, поддерживаемыми Церковью, подобных врачу (*лечец*) и другому персоналу лечебниц, домов для престарелых, гостиниц для паломников и т. д., равно как из людей, обслуживаемых этими институтами.

Третья категория - так называемые *изгои*[39]. Характеристики этой группы, равно как источник и значение термина, были предметом длительных споров между учеными. Основная трудность состоит в том, что этот термин используется в одном смысле в источниках

двенадцатого столетия и очевидно совсем в ином смысле в "Правде Ярослава" одиннадцатого столетия. С моей точки зрения, единственный путь для развязки этого гордиевого узла сформулирован в пословице: надо разрубить его, т.е. признать, что "Правда" одиннадцатого века и источники двенадцатого века, используя те же слова, говорят о двух совершенно различных социальных группах. Это - не единственный известный случай подобного различия между "Правдой" и более поздними источниками. Например, термин *огнищанин* в "Правде" относится к княжескому судебному приставу, но в новгородских источниках он применяется к особой группе новгородских граждан, которые не имеют связей с княжеским двором.

Изгоев "Русской Правды" рассмотрим в другом разделе (II, ниже); здесь мы изучим лишь положение "церковных людей", именуемых подобным образом. Классическое определение этой социальной группы обнаруживается в "Уложении церковных дворов" (1125-1136 гг.) князя Всеволода: "*Есть три типа изгоев: сын священника, оставшийся необразованным; раб, который выкупил себя из рабства; обанкротившийся торговец*". Затем следует примечание позднего копииста: "*И можно добавить четвертый тип изгоя - осиротевший князь*"[40].

Общей характеристикой всех этих людей было то, что каждый из них утерял свой бывший статус и нуждался в приспособлении к новым обстоятельствам, для чего Церковь предлагала ему свою защиту. Сам термин *изгой* может быть объяснен в этом смысле, если мы согласимся вывести его из старославянского глагола *гоити*, что означает "жить", а также "позволять жить", "давать средства к существованию", "заботиться о". С этой точки зрения, изгой - человек, лишенный заботы, а следовательно "нуждающийся в опеке". В данной связи мы должны вспомнить, что термин *изгойство* или *изойство (изгоизм)* имеет также значение незаслуженной выгоды, полученной от торговли рабами или, в особенности, выкупной цены раба. Из-за этого в более широком смысле *изгойство* иногда было синонимом "ростовщичества". Имея в виду значение этого термина, мы можем предположить, что наибольшей группой среди изгоев были вольноотпущенники, что термин первоначально применялся только к ним, и только позднее другие похожие группы были включены в него по аналогии.

Согласно обычаю, отпущенник мог не оставаться со своим бывшим хозяином. Очевидной целью этого правила было предотвращение возможности его вторичного порабощения. В большинстве случаев у него не было средств существования и места для жизни. Церковь предлагала ему и то, и другое, нанимая его каким-либо путем или поселяя на церковной земле. Таким образом мы обнаруживаем группу изгоев в Новгороде под юрисдикцией городского епископа. Большинство их, однако, селились в сельской местности. В своей хартии 1150 г. смоленский князь Ростислав гарантировал епископу этого города среди иных вещей два места, одно - "с изгоями и землей", а другое - "с землей и изгоями"[41]. В этом случае оказывается, что изгои рассматривались как принадлежность имения. Были ли они постоянно прикреплены к земле в сельских районах? Вряд ли. Предположительно, они платили Церкви деньгами и работой за помощь, оказанную им в обустройстве, но позднее, видимо, они могли уйти куда-либо, если хотели.

Из хартии Ростислава может быть выведено заключение, что упомянутые там изгои были первоначально связаны с одним из владений князя. И все же нам известно, что изгои как группа были под церковной юрисдикцией. В таком случае можно предположить, что изгои, упомянутые в хартии, имели довольно сложную историю: первоначально, возможно, они находились под церковной опекой - вероятно поселились на земле Церкви, затем перешли в имение князя, и наконец оказались вновь на церковной земле.

Если мы признаем, что сельский изгой сохранял свободу передвижения, то можем предположить, что им разрешалось переходить лишь раз в год - после окончания сельскохозяйственного сезона и после выплаты ими ренты.

9. Женщина

Положение женщины в древней Руси часто представляемо как полное подчинение мужчине. Женщины, видимо, были лишены какой-либо свободы и вынуждены жить в восточной изоляции. Верно, что московские царицы и княгини шестнадцатого и семнадцатого веков вели затворническую жизнь в их собственных апарта-

ментах (*теремах*) в царском дворце, и что тот же обычай также практиковался в боярских и купеческих семьях, хотя и менее жестко. Дело обстояло иным образом, однако, среди простых людей, и поэтому, даже относительно московского периода, традиционный взгляд на подчиненное положение женщины в России не может быть принят безоговорочно.

Применительно к киевскому периоду подобное воззрение будет абсолютно безосновательным. Русские женщины этого времени пользовались значительной свободой и независимостью, как в правовом, так и в социальном плане, и демонстрировали дух самостоятельности в различных аспектах жизни. Мы видим женщину, управляющую Русью в середине десятого века (княгиня Ольга), другую, основывающую школу для девочек в женском монастыре, который она заложила в одиннадцатом веке (Янка, дочь Всеволода I). Княгини посылают собственных представителей в зарубежные страны (как нам известно, два члена русской мирной делегации в Константинополь были женщины). Именно к женщине (неродной матери Владимира Мономаха) народ Киева обращается для восстановления мира между князьями (в случае нарождающегося конфликта между Святополком II и Владимиром Мономахом в 1097 г.).

Если мы обратимся к фольклору, женщина-воительница - популярная героиня древнерусских эпических поэм. *Поляница* ("степная искательница приключений) русских былин напоминает нам амазонку в классической традиции. И, разумеется, с географической точки зрения существует полная параллель, поскольку обе совершали свои подвиги в том же регионе - нижнего Дона и района Азова. Как мы знаем, миф об амазонках отражает важный факт в социальной истории донских и азовских племен в скифский и сарматский периоды: преобладание матриархальных форм родовой организации.

Возможность того, что матриархат был базисом социальной организации у некоторых протославянских племен и, в особенности, антских родов, не следует сбрасывать со счета. Если это так, то относительно независимое положение женщины Киевской Руси может быть объяснено по крайней мере частично как последствия подобной традиции. Возможно, не случайно, что в наиболее раннем варианте "Русской Правды" среди родственников, которые

имеют право - и должны - отомстить за убийство соплеменника, "сын сестры" упоминается вместе с "сыном брата".

В целом же древнерусский род, по описанию "Русской Правды" и иных источников, принадлежал с очевидностью к патриархальному типу. В то же время, однако, женщине гарантировались определенные права. Начнем с вергельда - символа социальной ценности человека того времени: женщина *имела* вергельд, но в количественном выражении штраф за ее убийство равнялся лишь половине выплачиваемого за убийство мужчины, принадлежащего к среднему классу - двадцать гривен вместо сорока[42].

Женщина, даже замужняя, имела право обладать собственностью на свое имя. Следуя византийскому примеру, русское гражданское законодательство признавало как приданое, в смысле денег, которые женщина приносит своему мужу в браке, так и "предбрачные подарки" (propter nuptias donatio), т.е. дарение мужчиной собственности своей невесте, что по-английски также именуется "приданое". В русском языке используется два различных термина, а именно: *приданое* - в первом смысле и *вено* - во втором. Кроме этого замужняя женщина могла иметь любую другую собственность, завещанную ей ее родителями или приобретенную ей. Обычным источником дохода женщины, включая замужнюю, были результаты ее рукоделия. Согласно так называемому "Церковному уложению" Ярослава Мудрого (скопированному фактически не в одиннадцатом, а в тринадцатом веке), мужчина, крадущий пеньку или лен, выращенный его женой, или же любое белье и ткани, изготовленные ею, подвергался штрафу. По "Русской Правде" после смерти своего мужа, если он умирал первым, жена имела права на оставленную ей собственность и на иную собственность, которой он мог обладать. Более того, вдова признавалась главой семьи, если были дети, и ей доверялось управление имением ее покойного мужа. Когда дети достигали совершеннолетия, каждый имел право потребовать свою часть имения, но если они поступали таким образом, то должны были отдать определенную часть владения своей матери до конца ее дней (*пожиток*). Говоря о детях, следует отметить, что дочери наследовали имущество вместе с сыновьями, за исключением семей смердов (см. разд. 5, выше).

Вслед за обращением Руси в христианство брак и семейная жизнь были поставлены под защиту и наблюдение Церкви. И вновь в

киевский период права женщин не были забыты. Согласно процитированному "Церковному уложению", муж подвергался штрафу в случае прелюбодеяния. Права дочери были также защищены, по крайней мере до определенной степени. Если родители принуждали свою дочь к браку против ее воли и она совершала самоубийство, они считались ответственными за ее смерть.

В более широком плане христианство затронуло отношение русского общества к женщине двояким образом. С одной стороны, христианская доктрина - по крайней мере в ее византийской интерпретации - полагала женщину ответственной, через Еву, за первородный грех. В кратком обзоре библейской истории, которая, согласно "Повести временных лет" преподавалась Владимиру греческими миссионерами, объяснялось, что "*человечество впервые согрешило через женщину... ибо из-за женщины Адам был изгнан из рая.*" [43].

С другой стороны, одним из главных моментов византийского христианства было почитание Богоматери, Святой девственницы, которая защитила женское начало, дав жизнь Спасителю, а отсюда и имя "Мать Бога" или буквально - "Богоматерь". Как объяснялось Владимиру греческим миссионером, "*после получения плоти от женщины, Бог дал верующему дорогу в рай*". Так Бог "отомстил дьяволу".

Итак, доктрина Церкви унижала и возвеличивала женщину и в этом смысле поддерживала как позитивное, так и негативное отношение к женщине в России. Аскетическое монашество видело в женщине главный источник искушения мужчины. Для монахов и тех, кто находился под их влиянием, женщина была "дьявольским сосудом", а не чем-либо иным. И все же Церковь, включая тех же монахов, также распространяла почитание Богородицы на русской земле, и не только лишь женщины, но также и мужчины возносили к ней постоянные молитвы.

Духовная жизнь бросает вызов взвешиванию или измерению, а религиозные влияния неосязаемы. Можно спорить, позитивные или негативные аспекты христианской доктрины относительно женщины оставили более глубокое впечатление в русской душе. Однако кажется правдоподобным, что русская женщина выиграла больше, нежели потеряла в конечном итоге. Именно древнерусская литература, как мы увидим (гл. IX, разд. 8), более всего пострадала от ухудшения положения Евы.

10. Степные пограничники

С появлением печенегов в конце десятого века и еще более с вторжением половцев в середине одиннадцатого века степи закрываются для славянского земледелия. Лишь в промежуточной лесо-степной зоне и в северном пограничье степей земля еще могла постоянно возделываться. Это пограничье русские князья старались защитить от вторжения кочевников фортификационными линиями, которые зачастую не представляли непреодолимого барьера для половцев, но по крайней мере обеспечивали некоторую безопасность русскому населению. За границами этой фортификационной линии ни один земледелец не пытался организовать какое-либо хозяйство, и немногие русские проникали за нее; исключение составляли солдаты в походах или военнопленные половцев.

В определенном смысле степь может быть уподоблена морю. С достаточными силами она могла быть блокирована, но ни для русских, ни для половцев невозможно было контролировать или охранять каждую ее часть. Половецкая орда совершала ежегодные объезды степи, люди следовали за их пасущимися конями и скотом; пространство вблизи палаток кочевников было закрыто для любого постороннего, но вся остальная степь была ничейной землей, по крайней мере периодически.

Это было - *поле* древнерусских эпических поэм, сцена героических деяний Ильи Муромца и других русских легендарных богатырей, а также фактически происходивших сражений - подвигов тысяч реальных русских воинов - победоносных, подобных Владимиру Мономаху, или же побежденных, подобных новгород-северскому Игорю. Покрытые *ковылем* и богатые животной жизнью, но также и половецкими лучниками, степи имели притягательную силу для искателей приключений, отпугивая слабых. Это поэтически и сжато описано в "Слове о полку Игореве" в конце двенадцатого века и едва ли менее поэтично, но более утонченно в "Тарасе Бульбе" Н В. Гоголя семь столетий спустя.

В течение пятнадцатого и шестнадцатого столетий эта ничейная земля стала местом обитания украинских и русских казаков, в конце концов организовавшихся в сильные военные общины "во́йска", среди которых запорожское (выше днепровских порогов) и

донское войска (последнее в регионе нижнего Дона) были двумя наиболее важными.

В киевский период аналогичная община была основана на нижнем Днепре. Ее члены были известны как *бродники*[44]. Термин *бродник* (в единственном числе) должен ассоциироваться с глаголом *бродити*, изначальное значение которого в древнерусском - "переходить вброд"; отсюда слово *брод* - место перехода по воде. С экономической точки зрения, целью хождения вброд является ловля рыбы сетью. Итак, *бродник* означает "рыбак".

Бродники жили за границами как киевского государства, так и сообщества половцев, хотя, возможно, временами они признавали власть некоторых половецких ханов как временное политическое орудие. Об организации их общины мало известно. Она могла появиться как ассоциация рыболовов и позднее приобрела некоторые военные черты. Предположительно подобные общины существовали также в регионах нижнего Днестра и Дуная.

Выбор бродниками рек может отчасти объясняться тем фактом, что реки предоставляли им обильную пищу, и частично тем элементом защиты, который они давали им против кочевников. В своих походах армии кочевников старались следовать водоразделам.

11. Национальные меньшинства

С незапамятных времен протославянские и антские племена жили в контакте с иными национальными группами. Ни разу до киевского периода славяне не колонизировали всю территорию Западной Евразии, и даже в киевский период русские не смогли заселить всю политически подчиненную им территорию. Более того, "русские" девятого и десятого веков сами представляют этнически смешанную группу, вследствие присутствия шведского элемента.

Тем не менее, новые ватаги скандинавских воинов, нанимаемые время от времени русскими князьями, постоянно увеличивали скандинавский элемент, и их поток иссяк лишь в конце одиннадцатого столетия. Некоторые из варягов оставались на Руси лишь временно и должны таким образом рассматриваться скорее как чужаки, нежели как национальные меньшинства. Другие, поселившиеся на

Руси постоянно, последовали по стопам древнешведского племени русь и быстро растворились в славянском море. Итак, хотя в Киевской Руси было значительное количество людей скандинавского происхождения, никакого национального меньшинства они никогда не составляли.

Наиболее крупным национальным меньшинством в киевский период были финны. Различные финские племена занимали северные и восточные регионы России с незапамятных времен[45]. Некоторые из них были вытеснены с их мест процессом славянской колонизации, другие - совершенно русифицированы. Суздальское княжество в особенности стало плавильным тиглем, и из смешения славян и финнов сформировалось ядро так называемой "великорусской" ветви восточных славян, с тем чтобы принять лидерство над русскими в московский период. Многие национальные характеристики великоросса должны быть объяснены финским элементом в его крови[46].

В то время как некоторые финские племена исчезли в ходе славянской экспансии, многие другие оказались способными сохранить самобытность, хотя одно за другим они должны были присоединиться к русской федерации, за исключением западных финнов в Финляндии, в конце концов завоеванных шведами.

Согласно истории о "призыве варягов",[47] последние были приглашены совместно "русскими" (русь), словенами, кривичами и тремя финскими племенами - чудью, меря и весь. В то время, в середине девятого века, существовала сильная славяно-финская федерация в Северной Руси. Чудь и меря также упоминаются как участники византийской кампании Олега в 907 г. Это - последнее упоминание о меря, которые были полностью русифицированы в течение десятого века.

С обращением Руси в христианство финские племена, которые жили в теснейшей близости с русскими, были в конечном итоге крещены; другие, в основном малые, племена в более отдаленных районах оставались языческими длительное время, некоторые из них были необращенными даже ко времени революции 1917 г. Из-за власти шаманов среди финских племен христианство встретилось с наиболее сильной оппозицией именно в смешенных финско-славянских регионах Северной Руси. В результате обращения вос-

точных финнов в греческую православную веру, а западных финнов к римскому католицизму (позднее к лютеранству), был установлен религиозный и культурный барьер между двумя ветвями финнов, который просуществовал до настоящего времени.

Литовцы должны здесь быть упомянуты после финнов[48]. Уже в одиннадцатом веке литовское племя голядь (галинды) обитало в Центральной Руси, в бассейне рек Угра и Протва, обе из которых были притоками Оки. Согласно "Повести временных лет", голядь были побеждены Изяславом I в 1058 г. После этого они постепенно слились с русскими. В десятом и одиннадцатом веках русские также пришли во взаимодействие с ятвягами (ятвинги), одним из основных литовских племен, жившим между русскими и поляками. Некоторые ятвяги были завоеваны Владимиром I и Ярославом I; другие были подчинены волынским князем Романом в конце двенадцатого столетия. Кажется, однако, что даже те ятвягские роды, которые должны были признать превосходство русских князей, сумели сохранить свое национальное своеобразие.

В то время как финны и литовцы составляли важную часть этнического фона Северной, Северо-западной и Восточной Руси, евреи, хотя и значительно менее многочисленные, играли важную роль в жизни Южной Руси. Еврейские колонии существовали в регионе Транскавказа, на Таманском полуострове и в Крыму по крайней мере с пятого века н. э., если не раньше. В восьмом и девятом веках еврейские миссионеры были активны в Хазарии, и около 865 г. хазарский каган и многие из его знати были обращены в иудаизм. Итак, значительное число евреев, поселившихся в Южной Руси в этот период, должно было быть хазарского происхождения.

Не считая Таманского полуострова, с которого русские должны были уйти в конце одиннадцатого века, и Крыма, который они покинули столетием ранее, главным центром иудаизма древней Руси был Киев. Еврейская колония существовала там[49] с хазарского периода. В двенадцатом веке одни из городских ворот Киева были известны как Еврейские ворота, что является свидетельством принадлежности евреям этой части города и значительного их количества в Киеве.

Евреи играли значительную роль как в коммерческой, так и в интеллектуальной жизни Киевской Руси[50].

По крайней мере один из русских епископов этого периода Лука Жидята из Новгорода был, как мы можем полагать, еврейского происхождения. Иудаизм имел сильное влияние на русских в этот период, в результате чего русские епископы, подобно Илариону Киевскому и Кириллу Туровскому, в своих проповедях уделяли значительное внимание взаимосвязи иудаизма с христианством.

В то время как присутствие евреев в Южной Руси было, по крайней мере частично, результатом хазарской экспансии, русские находились в прямой связи через Тмутаракань с народом Кавказа, в особенности с ясами (осетинами) и косогами (черкесами). Как нам известно, оба этих народа признавали сюзеренитет Святослава I и позднее Мстислава Тмутараканского (соответственно в десятом и одиннадцатом веках). Косоги составляли важный элемент в дружине Мстислава, и он поселил некоторых из них в районе Переяславля. Без сомнения некоторые из воиновясов также присоединились к его свите. Именно на этом фоне мы можем интерпретировать термин изгой в "Правде Ярослава"[51]. Термин встречается во вводной части кодекса, в перечне людей, достойных нормального вергельда. Очевидно, что упомянутый здесь изгой принадлежит к верхнему слою среднего класса и не имеет ничего общего с вольноотпущенником, находящимся под защитой Церкви, хотя последний также именуется изгоем. Владимирский-Буданов рассматривает изгоя "Русской Правды" как члена княжеской дружины, и он, конечно, прав, он лишь не объясняет источник либо этой категории княжеских вассалов, либо сам термин. Единственным ключом к значению этого термина является его место в перечне. Изгой упоминается между (киевским) русским и (новгородским) славянином. Термин в таком случае должен был иметь этническое значение, и поскольку не существовало славянского племени под этим именем, изгой должен был иметь неславянское происхождение.

До настоящего времени мы были на твердой почве; далее следует лишь моя гипотеза. По моему мнению, термин *изгой* можно вывести из осетинского слова *изкаи*, что означает "чужой", "наемник" и также "наемный работник". Если это так, то изгой должен был быть княжеским "наемником" - членом дружины - осетинского или косогского происхождения.

После смерти Мстислава в 1036 г. его владение было унаследовано Ярославом, и, предположительно, большинство вассалов Мстислава были включены в свиту Ярослава, вследствие чего им гарантировался тот же вергельд, что и членам дружины. Как раз в 1036 г., вероятно, подверглась ревизии "Правда Ярослава", и как раз в это время в нее должен был быть введен термин *изгой*[52].

С конца одиннадцатого века отряды тюркских воинов и целые тюркские племена нанимались русскими князьями как вспомогательные войска против половцев. Некоторые из этих тюркских групп, такие как черные клобуки, берендеи, куи и многие другие, постоянно поселились в Южной Руси. Их обычно называли "свои паганые"[53].

Среди всех их черные клобуки, поселившиеся в регионе реки Рос к югу от Киева, находились в наиболее тесном контакте с русскими. В середине двенадцатого столетия они даже играли важную политическую роль, поддерживая князя Изяслава II против его противников. Предположительно все эти тюркские племена сохраняли свою традиционную родовую организацию.

В дополнение к "верным тюркам" малые группы независимых тюркских народов - печенеги и половцы - неоднократно приводились на Русь как военнопленные или наемники и рабы. Селения печенегов и половцев упоминаются в русских источниках и оставили топонимические следы. Именно в этой связи может быть рассмотрен термин *хоп* в "Правде" сыновей Ярослава[54].

Термин упоминается в перечне различных категорий людей, подчиненных юрисдикции князя, за убийство или травму которых князю должны были выплачиваться штрафы. Параграф 26 краткой версии "Русской Правды" гласит: "За смерда или хопа - пять гривен[55]. В соответствующем разделе расширенного варианта "Русской Правды" *холоп* ("раб") читается вместо *хоп*, и потому написание *хоп* обычно рассматривается как ошибка копииста. Это объяснение вряд ли приемлемо. Эта часть "Правды" с очевидностью рассматривает стандартную социальную пару, упомянутую в византийских правовых учебниках: крестьянин (*смерд*) и пастух (*хоп*).

Хоп - имя печенегского племени - хорошо известно со слов Константина Багрянородного, так как русские обычно покупали лошадей и скот у печенегов.[56] Когда покупались большие стада, рус-

скими должны были наниматься или покупаться печенегские пастухи, с тем чтобы ухаживать за животными при перегоне и после прибытия на место. Предположительно, большинство нанимаемых таким образом пастухов принадлежали к племени хоп, отсюда и термин хоп, который сначала означал "пастуха печенегского происхождения", а затем - пастуха вообще.

Как нам известно, в течение одиннадцатого столетия печенеги были изгнаны и их заменили половцы. Половецкие пастухи также нанимались русскими князьями. В двенадцатом веке термин *хоп* более не использовался, и ко времени окончательного пересмотра "Правды", в конце двенадцатого века, он был заменен в определенном роде схожим с ним - *холоп* ("раб"). По совпадению пастухи князя обычно были его рабами; таким образом между *хопом* и *холопом* существует внутренняя связь через социальные значения двух терминов.

12. Заключительные вопросы об "экономическом и социальном феодализме" в Киевской Руси

Исследовав как экономические основания, так и социальную организацию Киевской Руси, мы можем теперь спросить себя, к какой же стадии социального и экономического развития, или, используя геологический термин, социально-экономической формации, принадлежит Киевская Русь.

Хронологически, как мы знаем, киевский период включал десятое, одиннадцатое и двенадцатое столетия. Эти три века видели восхождение и расцвет феодальных институтов в Западной и Центральной Европе; они представляют то, что может быть названо феодальным периодом по преимуществу. Вполне естественно стремление поместить Киевскую Русь в ту же категорию и охарактеризовать ее социально-политический режим как феодальный. Но все же до недавнего времени русские историки не спешили это сделать. Они не выдвигали каких-либо серьезных возражений относительно изучения феодализма в России: они просто игнорировали проблему.

Подобное отношение со стороны ведущих представителей русской исторической науки, таких как С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, а также рядовых историков, может быть частично объяс-

нено ведущей идеей - сознательно или подсознательно выношенной - базисного различия в развитии, с одной стороны, России и Европы - с другой. Каждый ученый имел свое собственное объяснение причин, лежащих в основании этого различия. Некоторые отмечали важную роль рода в русской социальной структуре (Соловьев, Кавелин), другие - *мира* или общины (К. Аксаков), третьи - чрезмерное разрастание централизованной власти (Милюков) или экспансию внешней торговли (Ключевский). В то время как славянофилы превозносили уникальность России как исторический дар, западники выражали сожаление по поводу такой склонности и - как мы видели - говорили о "замедленности" исторического процесса в России как главной причине ее "отсталости"

Важной причиной невнимания русских историков девятнадцатого столетия к проблеме феодализма была концентрация их усилий - применительно к монгольскому и постмонгольскому периодам - на изучении Восточной или московской Руси, где развитие феодальных или схожих с ними институтов было менее выражено, нежели в Западной, или литовской, Руси. С этой точки зрения появление работы М.К. Любавского "Провинциальное деление и местная администрация в литовско-русском государстве" (1893 г.) составило важную историографическую веху, которая открыла новые горизонты исторического исследования.

Н.П. Павлов-Сильванский был первым, поставившим изучение проблемы феодализма на повестку дня в русской историографии, но он исследовал в основном феодальные институты монгольского периода, не пытаясь утверждать их развитие в Киевской Руси Лишь в советское время проблеме феодализма в Киевской Руси было уделено достаточное внимание.[57]

Поскольку "феодализм" - довольно туманное понятие и марксистское его определение отличается от более или менее общепринятого в западной историографии, мы должны прояснить значение самого понятия до того, как примем или отвергнем заключения советских ученых. Термин "феодализм" может быть использован как в узком, так и в широком смысле. В узком смысле он используется для обозначения социальной, экономической и политической системы, специфичной для стран Западной и Центральной Европы - в основном Франции и Германии - в средние века В более широком смысле он может быть применен к некоторым

социальным, экономическим и политическим тенденциям развития любой страны в любое время.

В этом смысле любое определение развитого феодального режима должно включать три следующие признака: 1) "политический феодализм" - шкала опосредования высшей политической власти, существование лестницы бóльших и меньших властителей (сюзеренов, вассалов, еще меньших вассалов), связанных личным контактом, взаимностью такого соглашения; 2) "экономический феодализм" - существование манориального режима с ограничением правового статуса крестьян, а также разграничение между правом владения и правом пользования относительно того же земельного владения; 3) феодальные узы - нераздельное единство личных и территориальных прав, при обусловленности владения землей вассала со стороны службы сеньору.

Сущностью феодализма в узком смысле является полное слияние политической и экономической власти внутри класса дворян - владельцев больших земельных поместий. К этому следует добавить тот факт, что в период раннего феодализма европейское общество в своей экономике в основном зависело от сельского хозяйства. И, несмотря на возражения А. Допша, можно сказать в общем, что на начальных стадиях европейского феодализма существовал примат так называемого "натурального" хозяйства по контрасту с "денежной экономикой".

Если присутствуют лишь некоторые из указанных выше тенденций, а другие отсутствуют, и если нет гармонической связи между ними, перед нами не существует и "феодализма" в узком смысле, и в таком случае надо говорить лишь о процессе феодализации, а не о феодализме.

Обратимся теперь к марксистскому подходу к проблеме. Согласно "Малой Советской Энциклопедии" (1930 г.), феодализм является "социально-экономической формацией, через которую прошли многие страны нового и древнего мира". Сущность феодализма состоит в эксплуатации крестьянских масс владельцем манора. Она характеризуется "неэкономическим давлением" господина по отношению к своему крепостному с целью получения "ренты", имеющей "докапиталистическую природу".

Феодальное государство светских и церковных сеньоров - не что иное как политическая надстройка над экономическим фунда-

ментом феодального общества и, таким образом, не принадлежит к сущности феодализма[58]. Иными словами, то, что именуется "феодализмом" в марксистской интерпретации, скорее соответствует "экономическому феодализму" в обыденном употреблении.

Для особых условий научной деятельности в Советском Союзе, где партия диктует правила исторической терминологии, характерно, что публикация критических заметок Сталина, Жданова и Кирова по поводу проекта стандартного учебника истории СССР (1934 г.) рассматривается в советской историографии как веха огромного значения для развития советской исторической науки. *"В этих "заметках" историки Советского Союза получили наиболее важный принципиальный совет относительно того, что именно утверждение крепостничества должно рассматриваться как пограничная линия, отделяющая феодальный период от дофеодального"*[59].

В многочисленных "дискуссиях" советских историков, серия которых была начата докладом Б.Д. Грекова "Рабство и феодализм в Киевской Руси", представленным в 1932 г. в Академии Истории Материальной Культуры, был сделан вывод, что киевское общество было не "рабовладельческим", а "феодальным". Появление киевского государства рассматривается теперь советскими историками как выражение общеевропейского исторического процесса - перехода от рабства классической античности к средневековому феодализму.

В результате два ведущих современных исследователя истории Киевской Руси Б.Д. Греков и С.В. Юшков рассматривают киевский режим как феодальный, хотя и с некоторыми оговорками.

Терминология в конечном итоге не является делом центральной важности. Следует лишь соответствующим образом понять, что имеется в виду под таким-то и таким-то термином. Мы называем тигра большим котом или кота маленьким тигром; это безразлично до тех пор, пока человек, к которому мы обращаемся, знает, что мы имеем в виду под "котом" или "тигром". Но если мы видим пересекающего улицу кота и начинаем кричать "тигр", мы можем легко создать панику.

Фактически мое собственное возражение позиции новейшей советской школы в обсуждении проблемы феодализма в Киевской Руси носит не только терминологический характер. В определен-

ном смысле рост манора может быть назван свидетельством роста феодализма. И можно согласиться с советскими историками, что манориальная власть князей и бояр постоянно увеличивалась в Киевской Руси. Я даже, более того, готов признать полностью новизну подхода советских историков к изучению экономического и социального развития Киевской Руси, равно как важные достижения в их исследованиях.

Однако остается вопрос, не слишком ли они преувеличили социологические следствия роста манориальной системы и минимизировали роль рабства в киевский период. Можно признать, что манор был важным институтом в Киевской Руси и что некоторые арендаторы находились на полукрепостном уровне, но все же сомневаться, что манор и крепостничество были ведущими социально-политическими институтами и основанием русской национальной экономики этого периода. С тем, чтобы определить особую значимость манора в русской социальной и экономической жизни этого времени, мы должны рассмотреть или пересмотреть следующие положения: 1) степень распространения крупных земельных владений в Киевской Руси; 2) их типы; 3) статус земли с юридической точки зрения; 4) степень манориальной власти над сельским арендатором; 5) социальный статус землевладельца; 6) общий тип национальной экономики в киевский период.

1. Нет сомнения, что крупные земельные владения существовали на Руси в киевское время. Однако рядом с ними существовали также поместья другого типа, как, например, хозяйства людей, организованных в гильдии. Характерно, что расширенная версия "Правды" имеет дело с подобными гильдиями более детализировано, нежели краткий вариант. Это является важным свидетельством того факта, что люди все еще владели землей в двенадцатом столетии. Мы также знаем о существовании многочисленного класса мелких землевладельцев (*своеземцы*) в новгородском регионе.

2. Относительно крупных земельных владений может быть задан вопрос, были ли они все манориального типа (используя этот термин в особом смысле феодальных владений). Существование крупных земельных владений само по себе не означает неизбежное преобладание феодального режима. Крупные земельные владения существовали в девятнадцатом и в начале двадцатого века в

Англии, Франции и Германии при демократии или же в любом другом случае при капитализме.

Крупные владения существовали в Римской империи и, хотя они иногда рассматриваются как одна из причин ее окончательного падения (latifundia perdidere Italiam), их рост не изменил сразу же "капиталистическую" экономику римлян в феодальную. В том средневековом продолжении Римской империи, которое известно как Византия, также, несмотря на постепенный рост "экономического феодализма", земельный режим, базирующийся на римском праве, не удушил функционирование "денежной экономики". В Киевской Руси ситуация была схожей.

3. С юридической точки зрения земля в Киевской Руси была единственным типом частной собственности. Сделки относительно земли не встречали какого-либо феодального вмешательства. Она могла быть унаследована, подарена, куплена, продана и использована иным образом без препятствий.

Византийское законодательство - т.е. по сути римское право служило примером для русской практики в любых делах, касающихся земли. Два византийских учебника законодательства - Ecloga (восьмого века) и Procheiron (девятого) были доступны в славянском переводе. Кроме того могли использоваться законодательные кодексы в греческом оригинальном варианте.

В русской практике были введены определенные модификации византийского законодательства, подобные праву продавца или его родственников выкупить проданную землю, по крайней мере в границах определенного времени. Но такие ограничения исходили не из феодального закона, а из остатков родовой психологии, равно как и из общих понятий закона и справедливости, присущих русскому уму.

4. Хотя и справедливо, что владелец манора в Киевской Руси, как и в феодальной Европе, имел определенную власть над своими арендаторами, эта власть была менее определена в первом случае, нежели в последнем. И какой бы законной властью не обладал владелец, она была делегирована ему князем. Мы знаем, что крестьяне (смерды) жили изначально на земле княжеского владения; некоторые из них могли впоследствии обнаружить себя под властью боярина через передачу имения этому боярину князем, но относительно этого нет позитивных свидетельств. Изгои, или во-

льноотпущенники, расселялись в основном в церковных владениях. Контрактные работники (закупы), равно как и получатели "дарения" (вдачи), были зависимы от владельца манора в значительной степени, но источник их подчинения был скорее финансовым, т.е. "капиталистическим", нежели феодальным. Их невзгоды не были результатом "внеэкономического давления".

И еще одним важным обстоятельством было то, что даже если мы назовем изгоя полукрепостным (этого нельзя сделать без подобающих оговорок), то они представляли лишь часть необходимого сельскохозяйственного труда. В дополнение использовались нанятые свободные работники (*наймиты, рядовичи*). И каковыми бы ни были возражения Грекова и историков его школы против понятия киевского общества как "рабовладельческого", рабы были незаменимым фактором киевской экономики. Контрактные работники (закупы) и получатели дарений (вдачи) были фактически полурабами, и их роль должна быть связана скорее с рабовладельческой экономикой, нежели с крепостничеством.

В итоге, в Киевской Руси не было универсального крепостничества, и социологическая значимость этого факта не может быть переоценена, поскольку именно крепостничество, а не рабство, специфично для феодализма по свидетельству самих советских историков.

5. С социальной точки зрения владельцы больших земельных владений в Киевской Руси не могут быть отождествлены без оговорок с феодальными баронами. Как социальная группа они не представляли в киевский период исключительное звено, подобное феодальным владетелям Западной Европы. Владелец манора, русский боярин киевского периода был обычным гражданином за пределами своей земли. Он подчинялся тем же законам, что и другие свободные, и в городах-государствах, подобных Новгороду, по крайней мере официально, обладал не бóльшим голосом в городском собрании, нежели какой-либо иной бюргер. Можно согласиться, что жизнь некоторых бояр была защищена двойным вергельдом, но они были лишь группой людей на княжеской службе, и не все владельцы крупных земельных владений были в этот период служилыми людьми князя.

Более того, в своем доходе русский боярин киевского периода зависел не только от сельского хозяйства, но и от торговли -

(в основном внешней торговли) также. Не только предки такого боярина могли получить свое богатство как члены дружины древнего князя - искателя приключений, но и сам он, вероятно, мог владеть значительной долей киевской торговли даже в двенадцатом веке. В этом отношении киевские бояре не отличались от киевского князя. Обе группы сотрудничали - или даже временами соперничали - с обычным классом торговцев и имели ту же долю в речных караванах, что и собственно торговцы.

6. В Западной Европе феодализм появился в условиях так называемого "натурального хозяйства", противоположного "денежной экономике". В определенном смысле и с соответствующими оговорками можно охарактеризовать экономический режим феодальных стран Западной и Центральной Европы, по крайней мере в десятом и одиннадцатом веках, как "закрытые экономики" с экономической самодостаточностью каждого манора. Сельское хозяйство было основным источником национального дохода, и торговля как источник существования и поставок необходимого товара играла для большинства населения лишь незначительную роль. Мы знаем, что в Киевской Руси сельское хозяйство также являлось важной ветвью экономической жизни и что сельскохозяйственное производство было частично организовано на манориальном уровне. Однако нам также известно, что существовали и другие тенденции в управлении сельским хозяйством. Были меньшие, нефеодальные хозяйства; и, я повторяю, в крупных хозяйствах труд совершался в основном наемными работниками и рабами, а не исключительно полукрепостными. Итак, крупное земельное хозяйство в Киевской Руси имело, возможно, большее сходство с римской *латифундией*, нежели с феодальной *сеньорией*. Важным является то, что зерно выращивалось в крупных земельных владеиях киевского периода не только для потребления жителей имения, но также и для рынка. Суммируя эти замечания, можно сказать, что в то время как сельское хозяйство Киевской Руси было высокоразвитым, это не означает обязательно примата в национальной жизни "натуральной" или "закрытой" экономики.

Более того, сельское хозяйство составляло, как мы видели в большом количестве случаев, лишь один важный источник национального дохода России этого периода. Торговля, и в особенности внешняя торговля, была не менее значимым фактором в русской

экономической жизни. В этом отношении многие из блестящих обобщений Ключевского все еще твердо выдерживают недавно обрушивающуюся на них критику. Торговая экспансия нации сама по себе является важным свидетельством распространения "денежной экономики" (как противоположной "натуральному хозяйству") в жизни нации. Относительно Киевской Руси мы знаем, что деньги и торговля играли очень важную роль. Иностранная торговля была изначальным источником богатства высших классов, если даже впоследствии они оседали на земле. Деньги были доступны для торговых и иных сделок за относительно низкий процент.

Кредит, торговля, хранение товаров, банкротство - всему этому киевское законодательство этого периода уделяло значительное внимание. И в области торговли и кредита, равно как и в обороте земли, киевское законодательство питалось византийскими (т.е. по сути римскими) источниками.

Каким же должен быть ответ на вопрос, поставленный в начале раздела? К какой социально-политической формации должны мы отнести Киевскую Русь? Очевидно, что она не была феодальным государством, по крайней мере типично феодальным государством. Но если она не была таковым, то тогда что она собою представляла?

Мы видели, что первые киевские правители мечтали о создании широкой коммерческой империи, которая подхватит традицию гуннов и хазар и одновременно захватит накопленное Византией богатство. В определенном смысле Киевское княжество выросло на той же почве, что и все кочевые и полукочевые империи, которые контролировали по очереди территорию черноморских степей, начиная со скифского периода. Каждая их них пыталась создать связку между северной и восточной торговлей, с одной стороны, и средиземноморской торговлей - с другой. Хронологически последней среди этих западно-евразийских коммерческих империй до формирования русского государства была Хазарская. Именно в лоне Хазарского каганата родился первый русский каганат - Тмутараканский. Киевское княжество было создано Олегом и его преемниками с намерением продолжить и расширить торговую и политическую традицию первого каганата.

Именно на этом историческом фоне можно лучше всего понять истоки киевского "торгового капитализма". Но существовало так-

же значительное различие между раннекочевыми и полукочевыми государствами и Киевским княжеством, поскольку большинство населения последнего имело определенное место поселения, вне зависимости от того, составляло ли его главное занятие сельское хозяйство или лесной промысел.

Следует также отметить, что Киевская Русь даже до обращения ее населения в христианство находилась под значительным византийским влиянием, и оно существенно увеличилось после крещения Руси.

В ряде случаев мы уже отметили зависимость киевского режима от римского законодательства. Национальная экономика Римской империи может быть названа в определенном смысле капиталистической; особенность римского капитализма состояла в том, что он, по крайней мере частично, базировался на рабском труде. Римская экономическая система, равно как и римское право, продолжали существовать при различных исторических обстоятельствах и со значительными видоизменениями в Византийской империи. С течением времени тенденции феодализации становились более и более выраженными в византийском имперском режиме. Но до его первого падения во время четвертого крестового похода (1204 г.) византийская экономика была по сути "денежной экономикой".

Культурно находясь под значительным византийским влиянием, Киевская Русь в экономическом отношении также имела много общего с Византией. Разумеется, мы не можем отождествить киевскую экономику с экономикой Римской империи, или даже Византийской, без оговорок. Киевский "капитализм" не был столь хорошо сформировавшимся, как римский, и киевская цивилизация, хотя и была блестящей во многих отношениях, не соответствовала по уровню римской. Прежде всего она была значительно моложе, если мы можем использовать это выражение в данной связи. В результате в киевской цивилизации оставалось гораздо больше первобытных элементов, нежели в римской. Оставляя в стороне тот факт, что в киевский период русская сельская жизнь находилась на гораздо более низком культурном уровне, нежели жизнь в городах, многие отдаленные районы Киевской Руси не были затронуты новой цивилизацией вообще. В целом элементы древней культурной страны, включая родовые и принадлежащие задруге

психологию и привычки, были все еще легко и быстро различимы под внешним слоем новой торговой цивилизации.

Промышленно, а также технологически, Киевская Русь была, конечно, на более низком уровне, чем Римская империя. Киевский капитализм может быть по преимуществу охарактеризован как торговый.

Россия всегда была и остается страной контрастов, и киевская цивилизация с ее соединением рафинированности и первобытности представляет интересный случай. И все же после всего сказанного мы обязаны связать Киевскую Русь социологически не только с типом торговой империи кочевников, но в определенном смысле также с тем типом, высшим выражением которого в классической античности была Римская империя, - с "капиталистической" формацией, базирующейся на рабстве.

Конечно, элементы феодализма присутствовали и постепенно нарастали с начала двенадцатого столетия. Но несмотря на определенное ограничение правового статуса некоторых крестьян, никакого всеобщего крепостничества не существовало в киевский период. Этот процесс "запаздывания" крепостничества был, конечно, одной из характерных граней социального и экономического режима, превалирующего в Киевской Руси.

Мы, таким образом, приходим к заключению, что в десятом и одиннадцатом столетиях существовало значительное различие в отношении социальных и экономических устоев между Киевской Русью, с одной стороны, и Западной и Центральной Европой - с другой. Это различие стало результатом отчасти различного исторического фона, частично же - следствием несхожести социальных и экономических факторов развития в Киевский период, а также византийского влияния в формировании киевских институтов.

Глава VII

ПРАВИТЕЛЬСТВО И УПРАВЛЕНИЕ

1. Предварительные замечания

"Повесть временных лет" начинается обещанием автора описать, "*откуду есть пошла русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду русская земля стала есть*". Термин "земля" употреблен здесь не в географическом смысле, а в значении "народ" или "государство". Термин "княжити" относится к форме правления. Терминология "Повести временных лет" типична для русской ментальности тех времен.

"Земля" был обычным термином для обозначения государства на протяжении всего киевского периода. Понятие правительства выражалось термином "волость", по-церковнославянски - "власть"; именно в этой форме это слово с соответствующим дополнительным значением употребляется в современном русском языке. Термин "княжение" обозначает правительство в его исполнительном аспекте; он более или менее соотносится с понятием "высшей исполнительной власти". Нужно отметить, что все три термина - "земля", "волость" и "княжение" - использовались не только в абстрактном значении, но и обозначали данное государство и его правительство. В этом конкретном смысле все три термина почти синонимичны.

К этому перечню основных древнерусских политических терминов можно добавить также "господин". Этот термин употребляли в различных значениях - для обозначения владельца земли, или вла-

дельца рабов, или хозяина поместья, а также монарха, носителя верховной власти.

Разнообразие терминов, обозначающих "государство" и "правительство", не случайно в киевский период. Это соответствует гетерогенной природе Киевского государства, которое состояло из нескольких "земель", сначала объединенных под властью киевского князя, а позднее управлявшихся собственными князьями. Каждая "земля" концентрировалась вокруг столицы - "города". Все остальные города в земле считались только "пригородами" - меньшими городами, так сказать. Сельские районы были известны как "волости". Этот термин, в его абстрактном значении обозначающий "власть" и "правительство", а более конкретно - государство или даже данное государство, страну, использовался для обозначения сельского района, потому что он управлялся столичным городом. "Володети" - глагол того же корня - обозначал как "править", так и "владеть".

Таким образом, по существу каждая древнерусская земля была городом-государством в классическом смысле этого термина. Примечательно, что в скандинавских источниках Русь называется Gardariki ("Царство Городов"). Поскольку старославянское слово "град" (по-русски "город") обозначало как город, так и крепость, скандинавское название Руси часто толкуется как "Царство Замков". С этой интерпретацией едва ли можно согласиться. Не "замки" на Руси должны были произвести впечатление на скандинавских гостей, а ее города. Несомненно, норманны видели больше замков в Западной Европе, чем на Руси, которые производили большее впечатление, поскольку были построены из камня. Но нигде в Центральной и Западной Европе того периода они не могли увидеть так много городов, как на Руси, и, особенно, нигде на Западе они не могли найти городов, столь влиятельных в политическом отношении.

С приходом Рюрика в Новгород, а позднее - Олега в Киев, княжеское господство было наложено на подобную систему городов-государств. Это внесло элемент индивидуальной власти в правление, но не только. Сила каждого князя заключалась в его личной армии - дружине. С помощью дружины он мог защищать город от любых нападений извне. В то же время, однако, он мог использовать дружину для навязывания своего господства какому-либо городу.

Княжеский двор при поддержке личной армии князя постепенно становился ядром нового управления. Оно представляло со-

бой насаждение представления о наследственном управлении государством и в какой-то мере имело результатом некоторую степень слияния общественного "земельного" права с частным "княжеским" правом. Однако будет ошибкой полагать, что власть князя распространялась исключительно на земельные владения. У нее были также и государственные аспекты, особенно после обращения Руси в христианство и благословения княжеской власти Церковью. Но представление о том, что князь является главой государства, а не только господином своих домашних, не было вовсе чуждым для русских даже до обращения. Представление о полновластии князя, должно быть, отчасти явилось следствием хазарского влияния, и примечательно, что хазарский титул верховного правителя - каган - был присвоен русским правителем Тмутаракани, а позднее использовался теми киевскими и черниговскими князьями, которые контролировали или пытались контролировать этот город.

В конце двенадцатого и начале тринадцатого века русские летописцы называли византийским имперским титулом "автократ" (*αυτοκρ'ατωρ*, в славянском переводе - самодержец) князя Всеволода III Суздальского и князя Романа Галицкого, но нет свидетельств о том, что кто-*либо* из них принял этот титул официально.

2. Земли и княжества

Первоначально "земли", из которых состояло Киевское государство, частично совпадали с племенными группами. Так, Киевская земля была населена, главным образом, полянами, Новгородская - словенами, а Рязанская - вятичами. Хорваты и дулебы составляли этническую основу соответственно Галича и Волыни. В иных случаях племя было разделено между двумя и более землями. Северяне составляли *бóльшую* часть населения как в Черниговской, так и в Переяславской землях; кривичи - в Смоленской и Полоцкой землях; дреговичи, которые первоначально концентрировались вокруг города Турова, позднее распределились по Киевской, Полоцкой и Черниговской землям. Суздальская земля была сначала заселена словенами и кривичами. Древляне вошли в состав Киевской земли к концу одиннадцатого века.

Самотождественность каждой из земель, за исключением древлянской, не была утрачена и после включения в состав Киевского государства. Киевская земля находилась под непосредственным господством правящего князя; во всех других землях князя представлял его заместитель, обычно - один из его сыновей, реже - боярин.

После смерти Ярослава земли были распределены и перераспределены между его наследниками, и, вследствие падения авторитета киевского князя, сначала каждая группа земель, а затем и каждая земля стала отдельным княжеством. К концу двенадцатого века окончательно оформились десять земель: Киевская, Новгородская, Суздальская, Рязанская, Переяславская, Черниговская, Смоленская, Полоцкая, Волынская и Галицкая. В каждой из них укрепилась отдельная ветвь дома Рюрика, за исключением Новгорода, где князь свободно избирался из членов княжеской семьи.

Даже после распада Киевского государства не все связи между землями были порваны, и можно сказать, что в целом они составляли нечто вроде свободного объединения - русской федерации (см. ниже, Гл.VIII, I).

Не лишним будет рассмотреть постепенное распространение названия "Русь". Происхождение этого названия уже подробно рассматривалось в другом месте[1]. Достаточно будет повторить здесь, что по мнению автора оно происходит от иранского слова "рухс" ("светлый"), откуда - название и народа рухс-асы, или роксоланы ("великолепные аланы"), которые были известны как одно из иранских племен. Это название было позднее принято группой славянских антов. Еще позднее это название было взято группой шведов, которые обосновались в Азово-тмутараканском регионе в восьмом веке.

Так начал свое существование русский каганат. Поскольку поселения русо-антов существовали также в Киевском регионе (следует принять во внимание название реки Рось), и поскольку выходцы из старых шведских русов составляли бóльшую часть дружины первых киевских князей, название Русь стало идентифицироваться с Киевской землей, а в одиннадцатом веке термин "русин" стал синонимичен понятиям "киевлянин" или "полянин".

С распространением господства киевских князей над всеми антскими и словенскими землями название "Русь" перешло за границы Киевской земли и стало прилагаться сначала к Черниговской и Переяславской, а затем и ко всем остальным землям. Характерно,

что в договоре 1229 г. между Смоленском и немецкими городами повсюду упоминаются "русские", а не просто "смоленские люди".

Поскольку в Новгороде избирали князя из членов дома Рюрика, постольку Новгород также считался частью Руси в широком смысле этого слова. Однако сами жители Новгорода всегда называли себя только "новгородцами", а не "русскими", даже в международных договорах, как, например, в договоре 1195 г.

Как мы видели, первоначально каждая русская земля состояла из столичного города, малых городов и сельских районов. В большинстве случаев один и тот же столичный город неизменно сохранял свое главенство с девятого века вплоть до монгольского нашествия; в отдельных случаях, однако, возникало соперничество между двумя и более городами одной земли, усугубляемое, как правило, тяжбой между князьями, в результате чего столица переносилась из одного места в другое. Так, в Суздальской земле древний город Ростов со временем утратил свое главенство по отношению к Суздалю, который, однако, тоже не смог надолго удержать свое старшинство и вынужден был уступить его значительно более молодому городу Владимиру.

С увеличением княжеских семей в княжествах и с обычаем правящих князей передавать город каждому из своих сыновей в качестве доли в наследстве, некоторые из княжеств к началу тринадцатого века оказались разделенными на большое количество уделов, и единство земли сохранялось благодаря подчинению "меньших" князей "старшему" и пригородов - столице. Но вся эта структура была не очень устойчивой, и таким образом готовились предпосылки к раздробленности княжеств, достигшей своей высшей точки в монгольский период.

3. Три составные части правительства

Платон в его "Республике" и "Государстве" постулировал две высших формы правления - монархию и аристократию, и три более низких формы - тиранию, олигархию и демократию. В своем последнем труде "Законы", рассматривая проблему под другим углом зрения, он предлагает две основных формы - монархию и демократию, откуда происходят все остальные.

Аристотель в своей "Политике" говорит о трех основных формах правления - царской, аристократической и "гражданской" (politeia, возможно, лучше перевести этот термин как "конституционная демократия"); и о трех отклонениях - тирании, олигархии и демократии. Вообще говоря, в политической мысли эллинистического и римского периодов монархия, аристократия и демократия считались тремя основными формами правления.

Правление русскими землями в киевский период представляло собой смешение этих трех форм. Исторически, как мы знаем, древнерусское правление сочетало в себе город-государство и власть князя. Поскольку сила князя зависела от его дружины, последняя вскоре сама стала влиятельным политическим фактором.

Можно сказать, что князь представлял монархическое начало в Киевской Руси, дружина - аристократическое, а вече - демократическое. В правительстве каждой из русских земель были представлены все три начала, но степень важности того или иного из них в различных случаях варьировалась. В конце двенадцатого века монархическое начало стало доминирующим в Суздальской земле, а аристократическое - в Галицкой. В Новгороде, с другой стороны, демократия в этот период приобрела особо важное значение. Было ли новгородское правительство действительно "politeia", или демократией, с точки зрения аристотелевской терминологии,- это уже другой вопрос.

Давайте теперь рассмотрим все три составных части правления одну за другой, начиная с монархической.

А. МОНАРХИЧЕСКОЕ НАЧАЛО: КНЯЗЬ.

"Князь" - это старославянское слово. Оно происходит от древнегерманского kuning (на древнескандинавском koningr), что означает "царь"[2]. Скорее всего, антские и словенские князья шестого и седьмого веков, как и древлянский князь Мал десятого века, были старшинами кланов и племен. Характер княжеской власти изменился с появлением скандинавов на Руси.

Олег и его наследники представляли собой иноземный элемент, доминирующий над древними племенами и городами. К середине десятого века в Киеве прочно утвердились новые князья, и постепенно дом Рюрика стал неотъемлемой частью всей русской политической жизни[3].

Правосудие и военная оборона были теми областями, в которых народ нуждался в князе. В исполнении обеих этих обязанностей

князь опирался на помощь дружины, но высшая ответственность ложилась именно на него.

Князь был также главой исполнительной власти и после обращения Руси стал защитником Церкви, хотя в тот период у него не было особых полномочий в церковной администрации, поскольку русская Церковь не была автокефальной, и митрополит Киевский находился под властью патриарха Константинопольского. Однако некоторые князья готовы были оказывать поддержку той части русского духовенства, которая выступала за бóльшую независимость от Византии. Так, Ярослав Мудрый взял на себя инициативу по созыву Собора русских епископов, который избрал Илариона митрополитом без предварительного подтверждения со стороны патриарха (1051 г.), а век спустя Изяслав II поступил подобным же образом (1147 г.).

Представляется, что первые киевские князья считали Русь своей вотчиной, которую они могли завещать и передавать по наследству представителям своего рода. Однако после смерти Ярослава Мудрого престолонаследие регулировалось двумя, на первый взгляд, противоположными принципами: старшинством по рождению и народным избранием[4]. Из этих двух второй фактор не действовал, в то время как первый работал беспрепятственно, и так было до середины двенадцатого века. Вступление в престолонаследие каждого из киевских князей в тот период политического мира подтверждалось публичным одобрением как со стороны знати, так и городского населения, что было своего рода формальностью.

Однако даже в этот период население поднимало свой голос всякий раз, когда князь приводил страну к бедственному положению или тем или иным путем притеснял народ. Так, когда стало ясно, что князь Изяслав I не в состоянии организовать защиту города от половцев, киевляне восстали против него и выбрали своим князем Всеслава Полоцкого (1068 г.). Однако, когда последний не оправдал их ожиданий, они вынуждены были снова допустить на трон Изяслава.

Начиная с сороковых годов двенадцатого века киевское вече стало играть более активную роль в избрании князя, выражая поддержку или неодобрение тому или иному кандидату на великокняжеский стол. В целом киевляне отдавали предпочтение Мономашичам (потомкам Владимира Мономаха) против Ольговичей (по-

томков Олега Черниговского), но в ряде случаев они готовы были признать Ольговича на их собственных условиях.

Каждый киевский князь в этот период должен был приходить к согласию с вечем. Обе стороны затем "целовали крест", обещая соблюдать условия соглашения. К сожалению, ие сохранилось нн одного экземпляра подобного документа, а в летописях есть только краткие упоминания условий таких соглашений. Один летописец записывает, что князь Святослав, сын Олега, который подписал договор за своего больного брата Игоря в 1146 г., согласился сделать должность тиуна (главного судьи) выборной.

Давайте теперь обратимся к рассмотрению принципа старшинства по рождению, как фактора в престолонаследии. Он основывался на волеизъявлении Ярослава (см. Гл. IV, 4), и за ним стоит представление о династических интересах. Право управлять Русью считалось не столько прерогативой отдельного князя, пусть даже могущественного, сколько всего дома Рюрика. Каждому из членов дома было дано право на долю в наследстве и на стол в отдельном княжестве, которые распределялись среди князей в соответствии с местом каждого на генеалогическом древе.

Чем выше генеалогическое положение князя, тем более важный и прибыльный стол он мог требовать. Старшему князю давалось право на киевский стол, Чернигов считался вторым по значимости, затем шли Переяславль, Смоленск и Владимир Волынский, именно в таком порядке, согласно воле Ярослава. К концу двенадцатого века некоторые древние города, такие как Переяславль, утратили свое прежнее значение, а ряд новых, таких как Владимир Суздальский, возвысились, в результате чего потребовалась корректировка.

Смерть любого князя затрагивала тех, кто владел меньшими городами, а смерть киевского князя затрагивала их всех, служа сигналом к общему перераспределению столов, каждый князь хотел подняться на ступеньку выше на политической лестнице; черниговский князь надеялся переместиться в Киев, переяславский - в Чернигов и так далее. С увеличением числа князей и разветвлением дома Рюрика эта система постепенно рухнула, поскольку с каждым новым поколением все сложнее и сложнее было устанавливать генеалогическое старшинство, особенно ввиду такого факта, что племянник мог быть, а часто и был, стар-

ше некоторых из его дядей. То правило, что старший сын первого брата в княжеском роду генеалогически приравнивался к его третьему дяде (т.е. четвертому брату),- правило, сформулированное, чтобы предотвратить раздоры,- действительно несколько смягчало ситуацию.

Хотя в конце двенадцатого века еще было возможно установить старшинство для каждой ветви дома Рюрика, но решить, кто из старших в каждой ветви генеалогически являлся главой всего дома в целом, стало задачей непомерно сложной, а в конечном итоге - бесполезной, поскольку генеалогическое старшинство часто не совпадало с политической силой.

Дом Рюрика, который под властью Владимира, а затем снова под властью Ярослава состоял из единой семьи, теперь стал многолюдным кланом. Социологически укрепление отдельных княжеских ветвей может быть описано как дезинтеграция клана и его распад на отдельные семьи. Что касается дома в целом, то этот процесс оказался затянувшимся и не был завершен даже после монгольского нашествия. Несмотря на реальную эмансипацию отдельных семей, представление о единстве клана, как целого, не исчезло.

В соответствии со всем вышеизложенным, к концу двенадцатого века принцип общего генеалогического старшинства вряд ли играл какую-либо роль в наследовании киевского стола, и даже в других княжествах он был заменен родовыми инстинктами и стремлением каждого могущественного князя обеспечить княжение своим наследникам. Запутанность княжеских требований и взаимных претензий вела к распрям, и, конечно, междоусобным раздорам и братоубийственным войнам, которые были характерны для Киевской Руси и серьезно истощали жизнеспособность нации.

В качестве средства против бедствия гражданской войны, как мы видели раньше, время от времени собирались княжеские советы с целью прояснить обоюдные требования и претензии. Самые первые встречи подобного рода собирались по инициативе Владимира Мономаха (в 1097 г. и 1100 г.). В конце двенадцатого века несколько подобных советов состоялись в Киеве. Хотя такой княжеский совет так и не стал постоянным установлением на прочной основе, сам факт того, что подобные встречи имели место, был свидетельством конструктивных тенденций в отношении князей к реальной действительности.

Помимо совета, еще один подход был испробован в конце двенадцатого века на Суздальской земле: установление межкняжеских отношений на основе политического старшинства, вместо генеалогического. Как Андрей Боголюбский, так и его брат Всеволод III считали меньших князей, по крайней мере в Суздальской земле, своими "подручниками". Подручники должны были давать обещание быть послушными тому, кто старше их. Поначалу эта тенденция была встречена бунтом со стороны меньших князей, но позднее некоторые из них вынуждены были принять новое установление.

Всеволод III на деле намеревался стать сюзереном меньших князей, к которым он относился как к своим вассалам. Примечательно, что он присвоил себе титул "великий князь", которым пользовались московские князья в четырнадцатом и пятнадцатом веках[5*]. Как уже упоминалось, Всеволод выражал готовность принять даже титул "автократа". Это было началом конца социального и политического равенства, на которое первоначально претендовал каждый член дома Рюрика.

При таком положении дел не лишним будет упомянуть, что, хотя название "дом Рюрика" использовалось выше для обозначения княжеского клана и обычно употребляется историками в этом значении, само название не относится к киевскому периоду. Князья Киевской Руси любили подчеркивать единство их клана, говоря, что они "внуки общего деда", но имя Рюрика никогда не упоминалось в этой связи. Обычно прародителем клана считался Ярослав Мудрый. Только в ранний московский период Рюрик был признан основателем династии, давшим ей имя.

Русские князья киевского периода имели общую геральдическую эмблему: трезубец. Он представлен на монетах как Владимира I, так и Ярослава I, и им пользовались все ветви дома, за исключением суздальских князей, которые заменили трезубец на льва[6].

Б. АРИСТОКРАТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО: БОЯРСКИЙ СОВЕТ

Существует установленная традиция в русских исторических писаниях называть совет бояр "боярской думой" Этот термин, конечно, вполне подходящий, и нет поводов к тому, чтобы его не употреблять, но в то же время следует прояснить то, что он не использовался в древней Руси, и в этом смысле он оказывается искусственным. В современной России термин "Дума" официаль-

но относился к городским советам, а также к палате представителей в предреволюционный период. С существительным "дума" соотносится глагол "думати", который в современном русском языке означает "думать", а в древнерусском языке имел особое дополнительное значение "совещаться", особенно - обсуждать государственные дела или какие-либо еще серьезные проблемы. Одной из функций князя было совещаться со своими боярами, и "думающий" стало обычным эпитетом того боярина, который являлся членом совета.

Боярский совет был существенным дополнением княжеской власти[7]. Ни одно важное решение не могло быть принято князем, или исполнено им, без согласования с боярами. Именно оппозицией дружины по отношению к новой вере Святослав мотивировал свой отказ принять христианство. С другой стороны, обращение Владимира было одобрено боярами. Бояре также принимали участие в законотворчестве и в кодификации законов. Примечательно, что во вступлении к "Правде" сыновей Ярослава упоминаются имена ведущих бояр наряду с именами князей. Боярское одобрение требовалось также и для заключения международных договоров; к примеру, в соглашении Игоря с Византией (945 г.) подчеркнуто обращение к боярам. Князь советовался с боярской думой по вопросам внутреннего управления.

В определенных случаях дума действовала как верховный суд. Так, когда жена Владимира Рогнеда покушалась на его жизнь, он созвал бояр и предоставил выносить решение им. Между прочим, они посоветовали проявить милосердие. В 1097 г. князь Святополк II советовался с боярами по поводу подозрения князя Василько в измене. Бояре представительствовали также на межкняжеских советах конца одиннадцатого и двенадцатого веков.

Хотя боярская дума была постоянным институтом, ее компетенция, так же как и ее функции определялись в большей мере обычаем, нежели законом. Однако, если князя выбирало вече, бояре были обычно стороной, выражающей согласие, и когда подписывался договор между князем и вечем, бояре также давали присягу. Не ясно, подписывался ли в таких случаях отдельный договор между князем и боярами.

В других случаях известно, что князья должны были заключать особые соглашения с боярами. После смерти князя Святослава

Черниговского (1164 г.) его вдова хотела сделать так, чтобы их сын наследовал ему. Поэтому она стала совещаться с епископом и старшими членами дружины Святослава. Была достигнута договоренность и дана клятва. Сам факт того, что подобные особые соглашения между князем и боярами были необходимы, является свидетельством отсутствия какой-либо нормативной хартии, благодаря которой прерогативы боярской думы были бы обеспечены раз и навсегда.

Состав боярской думы был столь же неопределенным, как и ее компетенция. Обычай требовал, чтобы князь держал совет только со старыми и опытными людьми. Если князь нарушал это правило, он подвергался суровой критике со стороны, так сказать, общественного мнения. Составитель "Повести временных лет" приписывал трудности последнего периода княжения Всеволода I тому факту, что Всеволоду *"доставляли удовольствия мнения молодых людей, с ними он и советовался. Они склоняли его к тому, чтобы он лишил своего доверия более старых приверженцев"*[8]. Хотя летописец возмущается Всеволодом, которого он извиняет только потому, что тот был стар и болен, но в его поведении летописец не усматривает разрыва какого-либо договора. Очевидно, в тот период никакого договора и не было.

В функционировании боярской думы можно различить внутренний круг и более широкое собрание. В деятельности внутреннего круга принимали участие только ведущие члены дружины ("мужи передние"). Этот внутренний совет включал в себя от трех до пяти членов, в его состав входил и тысяцкий, который, вероятно, был членом ex officio. Этот состав был постоянно действующим. Владимир Мономах наставлял своих детей, чтобы те "сидели и советовались" со своими приверженцами каждое утро; несомненно, в этом случае он имел в виду внутренний совет. В каком-то смысле это учреждение было кабинетом князя.

Хотя кабинет считался компетентным для рассмотрения текущих вопросов как законодательства, так и управления, для обсуждения основных государственных дел нужно было созывать пленарное заседание думы. В нем принимали участие не только члены княжеской дружины, но также и бояре со стороны. Группа этих последних состояла из выходцев из семей прежних вождей кланов и племен, а также из новой городской торговой аристокра-

тии. В тех городах, которые сохраняли самоуправление, выборные старшины также приглашались на общие заседания, и в десятом и одиннадцатом веках эта группа в думе была известна под названием "старцы градские"

В двенадцатом веке эти две группы смешались под одним названием - "бояре". По-видимому, каждому боярину, связанному со столицей земли, давалось право заседать на пленарном собрании думы, но неизвестно, всегда ли их всех приглашали Нет свидетельств, что определенное количество членов думы было ограничено законом, но возможно так было по обычаю. Следует заметить, что, в отличие от князей, бояре не образовывали внутренне замкнутого слоя. Благодаря службе в княжеской дружине доступ к боярству был открыт каждому способному человеку, по крайней мере, теоретически В действительности, вероятно, сыну боярина было проще достичь высокого положения в дружине, чем выходцу из простого народа.

У боярина не было обязанности служить князю, и он в любое время мог свободно оставить одного князя и перейти на службу к другому. Даже если ему за службу даровали земли, то земельный надел, который он получал,- за исключением Галича в тринадцатом веке - становился его личной собственностью и не влек за собой обязательств исполнять службу. Таким образом, боярин, будь он членом княжеского совета или несущим службу у князя, не был его вассалом. Это важный момент различия между социальным укладом в Киевской Руси и на западе в один и тот же период

Только на Западной Украине проявляли себя определенные феодальные обычаи и установления, что частично было результатом иностранного влияния. В Ипатьевской летописи записано, что князь Болеслав Польский во время его приезда в Волынь в 1149 г. "*опоясал многих боярских сыновей*" - то есть, посвятил их в рыцари.

В Галиче бояре прилагали усилия к тому, чтобы добиться политического равенства с князьями, и в 1212 г боярин Владислав даже провозгласил себя князем Галича, это единственный известный случай в домонгольской Руси, когда человек, не принадлежащий к дому Рюрика, присвоил себе титул князя Примерно в то же время некоторые из бояр были назначены правителями галицких городов со всей полнотой княжеской власти, хотя и без присвое-

ния титула князя. В источниках также упомянуты случаи дарования галицким боярам земель в "держание". Все это является ясным свидетельством процесса феодального раздробления Галицкого княжества в этот период. Галицкие бояре пытались утвердить себя в качестве феодальных аристократов.

В. ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО: ВЕЧЕ.

Городское собрание было всеобщим учреждением в древней Руси, как в больших городах, так и в сельской местности. В крупных городах население каждой из окружных общин встречалось, чтобы обсудить общинные дела, но помимо этого были также и собрания населения всего города. В этом смысле у каждого древнерусского города было свое собственное вече. Однако собрание в столице земли представляло собой вече в специальном смысле этого термина, то есть вполне развитый политический институт[9].

Слово "вече" соответствует французскому parlement, буквально - место, где народ говорит (о государственных делах). Русское слово "совет" происходит от того же корня, что и "вече". Все свободные горожане имели право принимать участие в собраниях веча. Хотя собрание созывалось всегда в столичном городе, представители пригородов имели право присутствовать там и голосовать. В действительности немногие из них имели возможность это делать из-за удаленности и отсутствия практики оповещения "малых городов" о таких собраниях. Собрания созывались, как только возникала необходимость; народ собирался на рыночной площади, заслышав глашатаев или звон городского колокола.

Таким образом, по практическим соображениям, вече можно определить, с небольшими оговорками, как генеральную ассамблею населения лишь стольного города. Право голосовать имели одни мужчины, и только главы семей. Это не значит, что холостяки принципиально исключались, но голоса неженатых сыновей, живших в отцовском доме, не подсчитывались. Холостяк, живущий сам по себе, являлся членом собрания.

Обычай требовал, чтобы решение было единогласным. Небольшое меньшинство должно было подчиниться большинству. Когда не было четкого большинства, две разошедшиеся во взглядах партии спорили часами и часто развязывали драки. В таких случаях либо не приходили ни к какому решению, либо, наконец, одна

сторона брала верх, и меньшинству приходилось неохотно принимать неизбежное.

Обычно на собрании председательствовал городской глава, но иногда возглавить собрание просили митрополита (как это было в Киеве в 1147 г.) или местного епископа, по-видимому в тех случаях, когда влиятельная группа горожан находилась в оппозиции голове. Князь мог присутствовать на собраниях, как обычно и бывало, когда он сам созывал собрание. Нередко, однако, оно могло быть созвано группой горожан, недовольных политикой князя. В подобных случаях князь воздерживался от какого-либо участия в собрании. Такие собрания протеста как правило собирались на рыночной площади. В обычные времена вече проходило либо на площади перед княжеским дворцом, либо перед кафедральным собором.

Как мы уже видели, вече имело свой голос в решении вопроса о престолонаследии, поддерживая или выступая против кандидата с точки зрения интересов города, и в определенных случаях даже требовало отречения князя, уже находящегося у власти. В обычные времена оно сходилось во мнениях с князем и боярской думой по всем главным вопросам законодательства и общего управления. Реже оно действовало как верховный суд. В городах, где управление не было во власти князя, вече избирало голову и других представителей городского управления, а также глав пригородов.

Степень влиятельности веча варьировалась в разных городах. Вершин власти это учреждение достигло в Новгороде.

Г. ПРОБЛЕМА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКОЙ ВЛАСТИ.

Русские демократические институты киевского периода относились к классическому греческому типу - к типу непосредственной демократии. Предполагалось участие всех граждан в собрании, и это привело к тому, что граждане стольного города находились в привилегированном положении, поскольку только они физически могли участвовать в вече. Таким образом, стольный город политически доминировал над пригородами. Население последних собиралось для обсуждения местных дел, но такие собрания не имели политической важности. Не было попыток организовать вече на представительской основе, через делегатов как из столицы, так и из пригородов. Не предпринималось также усилий для улучшения

функционирования веча столицы, создав городской дом представителей.

Метод непосредственной демократии подходит только для маленьких общин. Аристотель считал, что население города, которым можно хорошо управлять, в норме должно быть около пяти тысяч человек. Население Новгорода было намного больше, и неудобство, о котором предостерегал Аристотель, чувствовалось очень остро, особенно во времена резких политических кризисов

Если мы обратимся к аристократическим институтам Киевской Руси, то обнаружим ту же невозможность использовать метод представительства. Кабинет князя - тот самый внутренний круг боярской думы - не избирался пленарным собранием. А в общем собрании участвовали не все бояре данной земли, а только те, что связаны со столицей.

Только в монархической части правительства можно наблюдать нечто вроде эксперимента с идеей представительства. В 1211 г. Всеволод III с целью стабилизировать межкняжеские отношения в Суздальской земле созвал собрание, которое ряд русских историков считают прототипом будущих консультативных ассамблей Московского царства, так называемый Земский собор. Согласно летописцу, князь призвал к совещанию "*всех своих бояр, и живущих в городах, и тех, что живут в сельской местности; епископа Иоанна, и настоятелей, и священников; и купцов, и дворян, и весь народ*"[10]. Текст довольно туманный, но можно полагать, что "купцы, и дворяне, и весь народ" не были приглашены для участия in corpore, а только через выбранных ими самими представителей. Иначе совещание должно было бы включить в себя все мужское население Суздальской земли, что, конечно же, немыслимо. И все же утверждение летописца слишком расплывчато, чтобы позволить вывести из него сколько-нибудь отчетливое заключение

4. Княжеская администрация

В силу разнородного происхождения древнерусского правительства, администрация каждого княжества имела двойственную природу[11] Некоторые должностные лица получали свои полномочия

исключительно от князя, в то время как предполагалось, что другие представляют народ, хотя в действительности назначались князем. Первоначально, должностные лица второй категории избирались народом. Эти служащие располагались по рангу в соответствии с математическим принципом. Это были: тысяцкий - глава тысячи, сотский - глава сотни, десяцкий - глава подразделения в десять человек. Происхождение такой системы и ее отношение к организации власти в клане и племени остается спорным вопросом.

Десятичная система в группировании населения и территориальном делении существовала среди многих народов, включая англо-саксонские. Она, вероятно, возникала в связи с примитивной военной организацией. В кампании, привлекавшей к совместным действиям много кланов и несколько племен, она оказывалась предпочтительней с военной точки зрения, поскольку предполагала разделение армии на отряды, равные по составу. При таком порядке задача планирования и проведения военных операций намного облегчалась. Более того, чтобы проще проводить военную мобилизацию, целесообразно было сохранять разделение живой силы на десятичные отряды и в мирное время. Затем такие десятичные подразделения стали и территориальными делениями, что было удобно для взимания налогов.

Десятичная система подразделений на Руси, возможно, возникла в сарматскую эпоху, но более вероятно, что начало этой системы связано с гуннской империей. Гунны были тюрками с некоторой примесью монголов, а десятичная система представляется старой традицией как тюрков, так и монголов. Название города Тмутаракани может быть использовано в качестве подходящей иллюстрации. Это название, должно быть, происходит от титула тюркского военачальника, разбившего лагерь на Таманском полуострове в 568 г. Тма-Тархан - значит глава десяти тысяч. Позднее армия Чингисхана была сформирована в соответствии с той же самой десятичной системой. Еще позднее казаки организовывались в отряды по десяткам и по сотням.

И хазары, и мадьяры, видимо, тоже применяли десятичную систему разделения в управлении своими асо-славянскими подданными - в распределении их вспомогательных войск, как и в собирании с них дани. Не ясно, как эта система была приспособлена к клановому и племенному делению у славян. По-видимому, племя

исчислялось как тысяча, клан - как сотня, а семейная община (задруга) - как десяток

В киевский период в каждом главном городе, то есть, в каждой столице княжества, был тысяцкий. Хотя эта должность первоначально являлась выборной со временем князь взял на себя прерогативу выдвижения на нее кандидата, за исключением Новгорода. Обычно это положение занимал кто-то из влиятельных бояр, и постепенно среди них возникла тенденция сделать эту должность передающейся по наследству Так, при Ярославе тысяцким в Киеве сначала был Вышата, а затем его сын Ян. В общее правило это, однако, возведено не было, и системе наследования должности ие удалось пустить прочные корни в Киевской Руси.

Хотя тысяцкий и получал должность от князя, он всегда считался командующим городским ополчением ("тысячей"), которое противопоставлялось княжеской свите. В некоторых случаях он выступал от лица народа, выражая несогласие с князем. К примеру, когда князь Всеволод II Киевский, который принадлежал к ветви Ольговичей в киевской княжеской семье, намеревался завещать киевский стол своему брату, тысяцкий Глеб выразил протест от лица киевлян в том, что последние не хотят, чтобы дом Ольговичей оставался у власти, и настоял, чтобы их следующим правителем стал Мономашич, наследовавший Всеволоду после его смерти (1146 г.)[12]

Если тысяцкий пренебрегал мнением народа, горожане призывали его к ответственности за действия, направленные против их интересов, и в некоторых случаях выражали свое недовольство достаточно сильно. Во время киевского восстания 1113 г. простой народ разграбил дом тысяцкого. Между прочим, в тот раз были разграблены и дома сотских, и это указывает на то, что бунтовщики считали их доверенными лицами тысяцкого. Этих городских сотских, находившихся в подчинении тысяцкому, не следует путать с сотскими в сельской местности, которые всегда избирались.

Княжеский двор был собственно центром княжеской администрации. Любой управляющий княжеским имуществом (тиун) также имел право занимать должность в государственной администрации. Главный управляющий (тиун дворский) со временем стал главой финансовой администрации в каждом княжестве. Другие

управляющие служили судьями, и сам термин "тиун" постепенно приобретал дополнительное значение "судья".

В местной администрации князь был представлен своим заместителем - посадником. Следует заметить, что термин "посадник" означал также "городской глава"; не следует путать эти два типа посадников. Княжеские заместители выбирались или из числа младших членов Дома Рюрика, или из бояр. Они имели право на долю с той дани, которую собирали для князя, а также особый налог с населения данного места для обеспечения их существования. Позднее, в ранний московский период, такая система оплаты местным правителям стала известна как "кормление" - "кормление с земли" как таковой. В этом термине есть доля иронии, потому что в древнерусском языке у него было дополнительное значение правления; дело в том, что эти два одинаково звучащих слова происходят от разных корней.

Местные общины, как городские, так и сельские, под наблюдением посадника вели свои собственные дела через выборных должностных лиц.

5. Отрасли управления

А. ФИНАНСЫ.

Как мы видели, княжеский двор в Кневской Руси был тесно связан с государственным управлением, и главный управляющий князя исполнял обязанности министра финансов. Несмотря на это, не было полного слияния киевского капитала и государственных финансов, и постоянно проводилось различие между тем и другим. Выясняется, что князь имел право на одну треть годового дохода или, во всяком случае, с дани, которую платили завоеванные племена. Так, княгиня Ольга присвоила одну треть дани, уплачиваемой древлянами; Ярослав, в то время когда он был заместителем своего отца в Новгороде, имел право на одну треть годового дохода, отправляя оставшийся баланс в Киев, и так далее.

Между прочим, вся княжеская семья в целом - Дом Рюрика - должна была обеспечиваться из государственного дохода, и каждый член семьи требовал его или ее долю в этом доходе. К примеру, из грамоты, дарованной князем Ростиславом Смоленским епис-

копу этого города (1150 г.), мы узнаем, что определенная часть "дани", собранной в смоленской земле, принадлежит княжеской жене. Несомненно, подобные соглашения имели место и в других княжествах.

Обычным способом удовлетворения требований членов княжеской семьи было закрепление за каждым определенного района или города для обеспечения их существования ("кормления", или "утешення"). Весь годовой доход (или его определенная часть из собранного в том районе) поступал в распоряжение владельца. Именно в этом смысле нам следует толковать замечание летописца, что Вышгород был собственным городом княгини Ольги, и подобные же утверждения о других князьях. В добавок к недвижимости, которой подобным образом пользовались члены княжеской семьи, каждый из них мог - а большинство так и поступало - владеть частными земельными наделами по его или ее собственному праву.

В этот период было три основных источника государственного дохода: прямые налоги, доходы с суда и штрафы с преступников за совершение преступления, а также таможенная пошлина и другие налоги на торговлю[13].

Прямые налоги развились из дани накладывавшейся на завоеванные племена первыми киевскими князьями. Как мы знаем, в десятом веке князь обычно каждый год вместе со свитой приезжал в завоеванные земли для собирания дани. Это было известно как полюдье. Ольга заменила этот военный способ собирания государственных доходов тем, что установила сеть местных пунктов для сбора дани. Дань таким образом превратилась в постоянный налог, но древнерусский термин "дань" сохранился, и поэтому я буду продолжать пользоваться словом "дань".

Дань собиралась в несельскохозяйственных районах с каждого "дыма" (т.е. очага), а в сельскохозяйственных районах - с каждого земледельческого орудия (рало, т.е. плуг). Постепенно первоначальные значения обоих терминов утратились, и каждый из них использовался в условном значении как статья налогообложения. Не будет ошибкой указать здесь, что в монгольский и послемонгольский периоды термин "дым" в техническом смысле слова - как статья налогообложения - широко использовался в западной (литовской) Руси. В Московии эта статья называлась "соха".

В двенадцатом веке общая сумма дани была распределена по платящим налоги районам (погостам), и в каждом из них сам народ через своих сборщиков подсчитывал сумму, которую необходимо собрать с каждого "очага".

Дань налагалась только на сельское население. Большие города были свободны от уплаты каких-либо прямых налогов. Жители мелких городов платили налог, значительно меньший, чем дань, известный как "погородье". В дальнейшем освобождение от налогов имело социальный характер: люди из высших классов ("мужи") не платили дани, где бы им не случилось жить. То же самое представляется верным и по отношению к представителям средних классов ("люди").

С другой стороны, не было освобождения ни территориальиого, ни социального, от уплаты судебных издержек и штрафов. Эти штрафы, особенно за пролитие крови (вира), составляли важный источник государственного дохода, так же, как и дань. Вира и остальные штрафы собирались особым должностным лицом - вирником, который вместе с несколькими помощниками объезжал порученный ему район по крайней мере раз в год. Местное иаселение должно было обеспечить этих чиновников пищей и фуражем для их лошадей. Перечень таких продовольственных поставок включен в "Русскую Правду".

Налоги на торговые сделки были многообразными. Во-первых, это мыто (сравни с готским mota)[14], которое можно в определенном смысле назвать "таможенной пошлиной", хотя оно собиралось ие на государственной границе, а при подъезде к каждому городу, особенно на мостах - с товара, который везут в повозках, и на речных набережных - с товара, перевозимого на кораблях. По всей видимости, не делалось различия между иностраиными и просто иногородними товарами.

Во-вторых, это "перевоз" - пошлина за пересечение реки на переправе или за транспортировку товара по волоку между двумя реками. Был также налог на склады, которые использовались иностранными купцами на рыночной площади ("гостинное") и общий налог купцов, пользующихся рыночной площадью, для содержания последней ("торговое"). В дополнение, особые платы взимались за взвешивание и измереиие товаров на рыночной площади. Наряду с торговыми налогами здесь можно также упомянуть налог на гостиницы ("корчмита").

Б. АРМИЯ

Русская армия в киевский период состояла из двух отдельных частей: дружины князей и главных бояр и городского ополчения[15]. Дружина не была многочисленной, но зато очень действенной, поскольку это был мобильный корпус, состоящий из *крепких*, хорошо вооруженных и тщательно подготовленных всадников.

Городское ополчение собиралось только для больших кампаний или в случае опасности, такой как необходимость отражения внезапного набега вооруженных врагов, как это обстояло с половцами на юге Руси, набега которых можно было ожидать в любое время, несмотря на существовавшие мирные договоры. Горожане не имели достаточного количества оружия и лошадей, и обязанностью князя было снабжать их и тем, и другим. Что касается лошадей, то каждый большой князь держал табун, но эти лошади главным образом предназначались для обеспечения собственных княжеских слуг. Для нужд городского ополчения лошади реквизировались у сельского населения, особенно у смердов.

Не было определенного состава войск ополчения. По-видимому, каждый крепкий молодой человек мог служить в нем, обеспеченный оружием и конем, особенно в случае опасности. Согласно доступной информации двенадцатого века, в составе войск ополчения большого города было от пятнадцати до двадцати тысяч человек. В некоторых крупных кампаниях принимали участие также и крестьяне (смерды).

Судя по всему, дружина служила ударной бригадой в бою, и исход кампании часто зависел от ее маневренности и тактического искусства. С другой стороны, некоторые князья использовали городское ополчение в качестве пушечного мяса, если это выражение можно применить по отношению к допушечному времени в военной технике,- чтобы уберечь своих подчиненных. Типичным явилось объяснение князя Мстислава Тмутараканского после боя у Листвена, в котором он разбил войско своего брата. Когда он осматривал поле боя на следующий день, он воскликнул с ликованием: "*Кого не порадует это зрелище? Здесь лежит северянин, здесь - варяг, а мои подданные - невредимы*"[16].

Поскольку основными врагами русских в одиннадцатом и двенадцатом веках были такие превосходные наездники, как полов-

цы, и ввиду того, что войну приходилось вести в степи, кавалерия считалась главным родом войск в русской армии. Однако, горожане, даже если их и обеспечивали лошадьми, были плохими наездниками, а дружина была немногочисленна. В связи с этим появилась необходимость использовать тюрков в качестве вспомогательных кавалерийских войск. В южнорусских землях проживало несколько групп разнообразных тюркских племен, которые по той или иной причине находились во враждебных отношениях с половцами. Лучше организованными и заслуживавшими наибольшее доверие среди них были так называемые "черные клобуки" (потюркски - "каракалпак"), расселившиеся в регионе реки Рось в Киевском княжестве (см. Гл.VI, II).

Что касается снаряжения русского воина того периода, его доспехи состояли из шлема, панциря и щита; обычным оружием были меч и копье; использовались также луки со стрелами, особенно во вспомогательных войсках.

Система снабжения армии была недостаточно хорошо разработана. За войском на марше следовал обоз с повозками, на которые были нагружены палатки, штандарты, тяжелые доспехи и оружие, а также провиант. Однако его было не так много, поскольку, как правило, армия находила себе пропитание в тех землях, через которые проходила.

В. ОХРАНА ПРАВОПОРЯДКА.

В Киевской Руси не было регулярных войск, охраняющих правопорядок. Порядок в княжеском дворце и вокруг него поддерживался младшими членами дружины, в поместьях князей и бояр - управляющими и сторожами. В больших городах, по всей видимости, тысяцкому и его подручным вверялось предотвращать серьезные преступления и бунты. В сельской местности было слишком мало должностных лиц, и задача предотвращения преступлений и ареста преступников, таким образом, ложилась на самих людей. Согласно "Русской Правде", если члены местной общины (верви) не в состоянии были опознать или захватить убийцу, они обязаны были совместно заплатить виру, которую тот должен государству за свое преступление.

Г. СРЕДСТВА СООБЩЕНИЯ

Недостаток хороших дорог всегда был и до определенной степени остается больным местом в русской жизни и народном хозяйстве. Огромные расстояния, суровые климатические условия и не-

хватка камня объясняют тот факт, что постоянные дороги появились в России незадолго до железных. В Северной России проще было путешествовать зимой на санях, чем летом по дороге, испорченной выбоинами и ямами. Весной и осенью пресловутая русская распутица делала путешествие, по крайней мере на месяц в каждый сезон, почти невозможным, будь то в Северной России или на Украине. По этой причине торговые и прочие путники в Киевской Руси предпочитали путешествовать на кораблях по рекам. Здесь, однако, серьезную проблему представляли во многих случаях пороги и водопады, а волоки, соединяющие один речной путь с другим, являли собой все тяготы сухопутного путешествия.

То немногое, что могли сделать князья в киевский период для улучшения дорог и речных путей, они пытались делать честно. Строились и ремонтировались мосты, когда это было необходимо, волоки выстилались бревнами. Как мы знаем (Гл. V, 6), строительство мостов и мощение дорог считалось столь важным государственным делом, что ему был посвящен особый раздел в "Русской Правде".

Низкий технический уровень того периода давал киевским князьям слабую надежду на то, чтобы сделать днепровские пороги пригодными для плаванья, вместо того, что князья предоставляли военную охрану торговым караванам, проходящим через район порогов. В Северной Руси, однако, предпринимались некоторые усилия для того, чтобы улучшить речные пути. В 1133 г. новгородский посадник Иванко Павлович взялся за то, чтобы прорыть канал возле озера Стержа, чтобы улучшить навигацию в бассейне верхней Волги. Во второй половине двенадцатого века полоцкие князья расчистили Западную Двину и убрали большое количество камней, мешавших навигации[17].

В Киевской Руси не существовало общественной почтовой службы. Когда возникала необходимость, князья посылали свои приказания и письма с гонцами.

Д. ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ

Образование, так же как и забота о больных и бедных, считались в киевский период делом и князей, и Церкви. В этой области вряд ли что делалось до обращения Руси. Именно христианство создавало движущие мотивы для такого рода деятельности - христианские идеи просвещения и милосердия.

О политике князей и Церкви в области образования речь пойдет в связи с другими вопросами (Гл.IX, 9). Здесь мы кратко остановимся на социальном попечении. В первую очередь следует заметить, что было значительно больше сплоченности в киевском обществе, как и вообще в средневековом обществе, в отличие от современного, в результате чего необходимость в помощи отдельным людям со стороны государства отмечалась в меньшей степени, нежели сейчас. Каждая семейная община (задруга) и каждая профессиональная община (вервь) по обычаю брала на себя заботы о ее членах, когда те в этих заботах нуждались. В свою очередь, княжеские подданные всегда могли рассчитывать на помощь князя в случае грозящей им опасности; то же касается и близких боярина. Однако с постепенным распадом общин и отделением семьи от задруги новая социальная единица (семья) став меньше, оказалась более уязвимой перед лицом таких бедствий, как война или голод, и поэтому в меньшей степени могла защитить своих членов. Одновременно, рост городов и постепенная пролетаризация мелких землевладельцев также имели результатом появление мужчин и женщин, лишенных постоянных средств существования. Все они нуждались в помощи, и до какой-то степени эту помощь им оказывали князья.

Как мы знаем, Владимир Святой был пионером в этой области, как и во многих других. Даже допуская то, что летописец и биограф преувеличивает христианское усердие князя-неофита, нам следует признать, что именно он положил основание институту общественного милосердия в Киевской Руси. По крайней мере некоторые из его наследников последовали его примеру, и раздача пищи бедным стала неотъемлемой чертой любого важного государственного и религиозного праздника, даже если это и не было продолжительным. В качестве примера, по случаю переноса мощей князей-мучеников Бориса и Глеба (1072 г.) больных и бедных кормили на протяжении трех дней. В 1154 г. князь Ростислав Киевский раздал все наследство своего дяди, которое последний завещал ему, церквям и бедным людям.

То, что вообще князья считали заботу о бедных частью своих обязанностей, можно увидеть из слов уже упоминавшегося "Поучения" Владимира Мономаха, в котором он советует своим детям: *"А самое главное, не забывайте о бедных, и поддерживайте их изо всех ваших сил. Подавайте сироте, защищайте вдову и не*

позволяйте могущественному уничтожать людей". Из последней фразы видно, что здесь выражена новая мысль: защита бесправных становится не только предметом милосердия, но и социальной политики. Как мы знаем, сам Владимир Мономах ввел такое законодательство.

В свою очередь, Церковь много содействовала социальному обеспечению, основывая больницы, дома для престарелых, приюты для странников. Примечательно, что в Киевской Руси врач (лечец) считался одним из "церковных людей", и это означало, что он находился под защитой церкви (см. Гл. VI, 8).

6. Город-государство

Каждое русское княжество киевского периода представляло собой, по политической сущности, комбинацию города-государства и княжеской системы управления. В большинстве случаев власть князя, распространявшаяся на город, постепенно стала ведущей. В Новгороде, однако, исторический процесс шел в противоположном направлении, и роль князя там со временем свелась к функциям посредника и мирового судьи, привлекаемого городом[18]. Если история о "призвании варягов" заслуживает доверия, то роль, которую новгородцы первоначально предназначали Рюрику, носила именно такой характер. Однако, как он, так и его ближайшие преемники явно перешли предназначенные им рамки. На какое-то время Новгород оказался подчиненным княжеской власти.

С перемещением княжеского престола в Киев положение Новгорода еще более ухудшилось. Новгородцы, конечно же, возражали против господствующего положения Киева, отсюда возникло их стремление помогать Ярославу вести войну против его брата Святополка. Помощь новгородцев была неоценимой для Ярослава, и после победы он должен был вознаградить их, даровав им целый ряд грамот, одна из которых представляется первоначальной версией "Русской Правды". Примечательно, что уже в самой первой статье этого кодекса провозглашается равенство славян (т.е. новгородцев) и русских (т.е. киевлян).

После смерти Ярослава стало обычным для киевского князя, как главы русского государства, назначать старшего сына своим

наместником в Новгород. Поскольку этот город был связан грамотой Ярослава, новгородцы сначала не возражали против такого назначения. Позднее, однако, с упадком авторитета киевского князя и усилением соперничества между разными ветвями дома Рюрика, новгородцы оказались в том положении, когда они могли делать выбор между несколькими кандидатами на княжение, и они знали, как воспользоваться таким удачным случаем.

В 1095 г. возник раздор между новгородцами и их князем Давидом, сыном Святослава, в результате чего Давид на время покинул город. Новгородцы запретили ему возвращаться, и сами пригласили на его место другого князя из Ростова. Семь лет спустя, когда князь Святополк II Киевский заявил о своем намерении посадить сына на новгородский стол, к нему явились новгородские посланники с резким сообщением: "*Нас послали к тебе, о князь, с точным наказом, что нашему городу не нужен ни ты, ни твой сын. Если у твоего сына две головы, то пусть приходит*"[19]. В 1136 г., как мы знаем (см. Гл. IV, 7), новгородское вече предприняло решительный шаг к отстаиванию суверенных прав города: и князь, и его новгородская свита были лишены права владеть земельными наделами в границах новгородского государства.

К середине двенадцатого века должность новгородского князя фактически стала выборной, а в 1196 г. привилегия новгородцев избирать себе князя по собственной воле была признана Собором русских князей на том условии, что кандидаты будут отбираться только из числа членов дома Рюрика.

Четыре года спустя, однако, после сурового поражения, нанесенного им князем Всеволодом III Суздальским, новгородцы, обращаясь к нему "господин великий князь", просили его прислать своего сына в качестве князя, и, если доверять утверждению суздальского летописца, даже согласились признать Новгород его "отчиной и дединой". Во всяком случае, с того времени большинство новгородских князей избиралось из числа наследников Всеволода. Этот факт, однако, характеризует независимость новгородских прав, которые к тому времени были прочно закреплены, и в 1211 г. Всеволод сам подтвердил старые свободы новгородцев.

Каждый новый избранник, вступающий на княжеский престол, должен был подписывать особый договор с городом Новгородом. К сожалению, от киевского периода не сохранилось ни одного эк-

земпляра подобного соглашения; самый ранний из известных текстов относится к 1265 г. Однако из летописных свидетельств киевского периода можно восстановить, по крайней мере, четыре важных пункта типичного договора. Один - это запрет (с 1136 г. и далее) на владение земельными наделами в новгородском государстве, наложенный на князя и его свиту. Вторым важным пунктом являлась свобода новгородцев избирать городских должностных лиц без вмешательства со стороны князя (что подтверждено Всеволодом III в 1211 г.). С этим связано и третье положение: у князя не было права увольнять городских должностных лиц без решения веча или судебного разбирательства. Согласно летописям, в 1218 г. князь Святослав объявил на собрании веча, что он решил освободить от должности городского главу Твердислава. Его тут же спросили, какие обвинения он выдвигает против главы. Князь мог только сказать, что тот не нравится ему. Тогда вече вынесло решение, что если на главе нет никакой вины, то его нельзя сместить. И он остался. Четвертый пункт гарантировал вече функции высшего судебного органа; по словам Всеволода III, новгородцы вольны были наказывать преступников.

Государственный суверенитет Новгорода зависел от города, а не от князя. О городе говорили, как о "Господине Великом Новгороде". Высшим органом, через который осуществлялся суверенитет, было вече. У него была своя канцелярия, расположенная в городской "избе", и собственная печать.

Как и в Киеве, в Новгороде вече собиралось либо на площади перед княжеским дворцом ("Ярославово подворье"), либо - перед собором Св. Софии. На вече созывали звоном городского колокола, который поэтому и стал символом новгородских свобод. После захвата города великим князем Московским в конце пятнадцатого века, его первым же распоряжением был приказ убрать вечевой колокол.

Вече сочетало в себе верховную исполнительную, законодательную и судебную власть. Фактически, только главные проблемы исполнительной власти выдвигались на рассмотрение веча, а текущими вопросами управления занимались князь и городской глава. Точно так же, судам давались широкие полномочия для исполнения их текущих дел, а вече действовало как верховный суд только в наиболее серьезных случаях, таких как суд над князем или высокопо-

ставленным городским должностным лицом. Поэтому, вообще говоря, вече было, главным образом, законодательным учреждением.

Как и в других русских городах этого периода, новгородский гражданин имел право голоса на собраниях веча, и - как и повсюду - для принятия всех решений веча требовалось единогласное одобрение. Чтобы избежать возобновления яростных столкновений между двумя партиями, когда не было подавляющего большинства, в Новгороде появился особый совет, главной задачей которого была подготовка документов для рассмотрения на вече. Этот совет собирался под председательством архиепископа и состоял из трехсот членов, а именно: заместителя князя, высших городских должностных лиц и бояр. Немецкие купцы называли этот совет Herrenrath ("совет господ"). По-русски он назывался "Господа"[20].

Со строго юридической точки зрения, это учреждение не было высшей палатой, поскольку полномочия веча были неделимы, а только комиссией городского собрания. В практических целях "Господа" оказывали смягчающее воздействие, как это свойственно верхней палате, но их пожелания всегда могли быть отклонены вечем. Политическое устройство новгородского государства можно охарактеризовать как демократию, до определенных пределов ограниченную интересами высших классов - de facto, если не de jure. Кроме того, не следует забывать, что отдельные категории населения, такие как смерды и, конечно, рабы, были полностью лишены избирательных прав.

Двумя главными городскими должностными лицами являлись посадник и тысяцкий. Оба они избирались на вече на короткий срок, точно не установленный, и могли быть переизбраны. Следует заметить, что любой прежний посадник, даже если он не был переизбран, считался значительным лицом и продолжал принимать некоторое участие в управлении новгородскими делами. Все входили в состав "Господ". Уже было показано, что с начала двенадцатого до середины тринадцатого века пять поколений одной и той же семьи удерживали, с некоторыми интервалами, должность посадника в Новгороде. В начале двенадцатого века этот пост занимал некто Журята. С 1126 по 1134 г. эта должность была у его сына Мирослава, с 1137 по 1175 г. - у сына последнего Якуна, с 1211 по 1219 г. - у сына Якуна Димитрия и на протяжении нескольких лет после 1220 г - у сына Димитрия Иванко[21].

Обязанности посадника заключались, главным образом, в руководстве городской администрацией. Он также был главным судьей в тяжбах по поводу земли. Что касается тысяцкого, то он являлся командиром городского народного ополчения и главным судьей в коммерческих тяжбах.

Город Новгород можно было бы назвать содружеством, состоящим из пяти автономных общин, каждая из которых находилась в одном из пяти "концов", на которые город был поделен. Эти "концы" назывались следующим образом: Словенский, Плотницкий, Загородский, Гончарский и Наревский. Община каждого "конца" выбирала своего собственного главу, известного как староста; каждый "конец", в свою очередь, составляли "улицы", а те состояли из "рядов". Новгород был, однако, не просто городом; он являлся метрополией государства и распоряжался обширной территорией, простирающейся от Финского залива до Урала и от озера Ильмень до Белого моря и Северного Ледовитого океана. За исключением зерна, эти земли были богаты природными ресурсами и могли обеспечивать купцов метрополии многими видами товаров для внешней торговли.

Сама метрополия была выгодно расположена с коммерческой точки зрения. Младшим партнером в новгородской торговле был город Псков, добившийся независимости в монгольский период. В киевский период Псков считался лишь находящимся в зависимости пригородом. Как и любой другой новгородский пригород, Псков имел местное самоуправление под надзором посадника, назначавшегося новгородским вечем. Жителям Пскова давалось новгородское гражданство. Фактически, как это было свойственно тому периоду, им было трудно участвовать в собраниях столичного веча, и лишь немногим из них это удавалось.

Население других пригородов Новгорода находилось в том же положении. В сельских районах было немного людей, имевших новгородское гражданство, и даже те, кто имел, особенно, жившие в отдаленных местах, обычно не могли воспользоваться своим правом голоса. Таким образом, практически, люди Новгорода управляли не только самим городом, но и всей новгородской державой. В Новгороде, как и в Риме периода республики, сам город *был* государством.

Что касается административного деления, то территория новгородского государства была разделена на две отчетливо выделяющи-

еся части. Его западная часть, наиболее близко расположенная к столице, состояла из пяти волостей, которые в более поздний период стали называться пятинами (от слова "пять"). Северная и восточная земли государства, состоявшие из обширных и редко населенных территорий, где жило много коренных племен лапландского и финно-угорского происхождения, были новгородскими колониями.

Пятичастная организация новгородских областей не случайна. Каждая из пяти областей была приписана к одному из концов, а именно: Бежецкая - к Словенскому, Обонежская - к Плотницкому, Шелонская - к Загородскому, Деревская - к Гончарскому и Водская - к Наревскому. Среди обязанностей населения каждой пятины был ремонт уличных мостовых в том конце, к которому эта пятина относилась. Для этого дела либо набирались рабочие (как, видимо, и было с самого начала), либо собирались деньги.

Северная и восточная земли, подчиненные Новгороду, состояли из нескольких поселений, из которых наиболее богатой и важной была Двинская земля к северу от города Вологды; она была известна также как Заволочье (т.е. территория за волоком, по которому можно было добраться до реки Северной Двины). Эта колониальная часть новгородской державы управлялась не концами, а всем городом Новгородом через наместников и других представителей власти, назначавшихся князем по согласованию с посадником. Этим должностным лицам оказывали помощь в исполнении их обязанностей сотники, представлявшее местное русское население, и племенные вожди местных народностей.

Иногда бывало, что население колоний выказывало возмущение по поводу безжалостной эксплуатации его богатств метрополией, а также деспотического поведения представителей новгородских властей. Во второй половине двенадцатого века колониальный город Хлынов (известный позднее как Вятка; сейчас - Киров) отделился от Новгорода. Противостояние в Двинской земле сдерживалось до конца четырнадцатого века.

Новгород был не единственным городом-государством на Руси в тот период. Согласно Нарбутту, сыновья князя Всеслава Полоцкого (правил с 1044 по 1101 г.) навязали свое господство городу, который после их смерти стал республикой, управлявшейся вечем и боярской думой. К сожалению, Нарбутт не указывает на источник своих сведений[22]. В случае с Хлыновом точно известно, что

после отделения от Новгорода он стал городом-государством в своем праве. Он был организован как демократическая республика[29]

7. Местная община

Местная община ("мир") была основной ячейкой в системе древнерусского управления и администрации, как в городе, так и в сельских районах. Как мы видели выше, из таких "уличных" местных общин состоял каждый новгородский конец, но даже уличные общины не были первичной ячейкой, поскольку в свою очередь они состояли из "рядов". Каждая новгородская уличная община выбирала своего старосту. В Пскове местная община городского района была известна как "сотня", с выборным сотником во главе ее. По всей видимости, подобные местные общины существовали в каждом крупном русском городе в киевский период. Меньшие города составляли отдельную общину каждый

Об организации местных общин в сельских районах известно менее, поскольку сведения, касающиеся этого вопроса, в отношении данного периода скудны. По-видимому, такие общины были разного типа. В "Русской Правде" упоминается вервь. Этот тип, вероятно, представлял собой соединение двух или более соседских семейных общин (задруги - см. Гл.VI, 1).

С постепенным распадом как семейной общины, так и верви, должно быть, образовывались новые типы сельских объединений, некоторые из них основывались на экономическом сотрудничестве (община сябров), другие были сформированы для распределения и сбора налогов, для чего избирались должностные лица, такие как сборщики ("добрые люди"), сотники и десятники, в качестве ответственных.

8. Поместье

В феодальной Европе поместье было не только экономической единицей, но и важным социополитическим институтом вообще, поскольку хозяин поместья - сеньор - держал в своих руках как административную, так и судебную власть над населением своих

владений. В Киевской Руси, где город играл столь важную роль в политической жизни, а прерогативы князя, за исключением Западной Украины, исключали любые попытки части бояр захватить политическую власть, роль поместья была значительно более ограниченной, нежели в Центральной и Западной Европе.

Однако русская политическая жизнь в киевский период была сложной и разнородной по характеру, некоторые элементы феодализма существовали в ней бок о бок с уложениями совершенно иного порядка. Хотя поместье никоим образом не стало основным институтом в русской социополитической жизни того периода, нельзя отрицать, что к концу двенадцатого и началу тринадцатого века власть хозяина поместья, особенно на Западной Украине, приобрела значительно бóльшие размеры, нежели раньше.

Когда речь заходит о княжеских владениях, то феодальное господство хозяина можно считать не чем иным как отражением княжеской власти в целом. Поэтому, чтобы лучше уяснить развитие поместья как такового, более целесообразно рассмотреть сперва боярское поместье.

Значительное боярское хозяйство было копией княжеского двора в уменьшенном масштабе. Служащие у бояр, такие как управляющие (тиуны) упоминаются в источниках этого периода. Мы уже видели, что княжеский тиун со временем приобрел административную и юридическую власть даже за пределом двора. Также и боярский тиун стал, по прошествии времени, чиновником или судьей, поставленным боярином, чтобы вершить правосудие среди жителей боярского владения.

Широкое развитие поместного управления относится, однако, к монгольскому периоду, когда великими князьями предоставлялись неприкосновенные дары многим малым князьям, боярам и монастырям. Принимающий такой дар наделялся юридической и административной властью над населением его владений, а чиновникам великого князя не позволялось вмешиваться в дела поместных судов. Согласно С.В. Юшкову, боярские имения, видимо, пользовались подобной неприкосновенностью еще в киевский период[24]. Однако ни одного образца жалованной грамоты подобного характера, относящейся к киевскому периоду, не известно. Сохранилось не много таких грамот, дарованных епископам и монастырям, но их вряд ли можно назвать дарами с полной неприкосно-

венностью. Один из них - это дар князя Мстислава I новгородскому монастырю Св. Георгия, составляющий определенную местность - озеро Буйцы, видимо, с прилегающей полоской земли (1130 г.). Собственность была дарована "с данью, вирой и штрафами"[25].

Значение этой фразы требует разъяснения. Вопрос заключается в том, дано ли было монастырю право взимать виру и штрафы, т. е. судить людей, живущих в той местности, или монастырь должен был только собирать доход, получаемый из этого источника. По моему мнению, следует принять как раз второе объяснение. Конечно, "дань" упоминается в документе в той же связи, и, несомненно, монастырю не было дано права накладывать дань на население. Дар со всей очевидностью имел финансовый характер, и грамоту Мстислава следует сравнить с грамотой Ростислава, выданной епископу Смоленска (1150 г.), которая подтверждает дарование церковной десятины от дохода из разных местностей смоленской земли. В грамоту включен длинный список этих местностей и указана точная доля епископа от дохода с каждой из этих местностей. Источником прибыли являлась главным образом дань, но по крайней мере в одном случае это была вира[26].

Исходя из всего сказанного можно заключить, что поместная власть боярина над населением его владений была очень ограничена. Юридически она распространялась только на его рабов.

Верно то, что, согласно "Русской Правде", господина не призывали к ответственности за битье полусвободного работника (закупа), работающего на него, если у хозяина были достаточные основания для наказания. Это можно объяснить как право господина вершить суд над его наемными работниками. Однако закон добавляет, что *"если господин, будучи пьян, бьет наемного работника без какого-либо проступка со стороны последнего, он [господин] должен заплатить за обиду, нанесенную закупу, столько же, сколько и за оскорбление, нанесенное свободному человеку"*[27].

Вольнонаемные работники, конечно же, находились вне поместной юрисдикции господина. Обратившись теперь к княжескому поместью, мы обнаруживаем иную картину, поскольку все население во владениях князя находилось под юрисдикцией самого князя и назначавшихся им судей. Однако в таком случае князь проявлял свою власть не просто как хозяин поместья, а именно как князь.

В личности князя представляются неразрывно связанными два источника его власти, и бывает непросто определить в том или ином случае, в каком качестве он действует. Характер его господства над рабами, несомненно, тот же, что и у бояр,- собственническое владение. В случае дурного обращения с наемными работниками со стороны княжеских чиновников, работники не могли обратиться с жалобой ни к кому, кроме как, видимо, к самому князю, так что их положение в княжеских имениях было, с юридической точки зрения, еще менее прочным, чем в боярских имениях.

Власть князя над смердами вытекала, как мы уже видели (Гл. VI, 5), из его положения главы государства, но в практическом применении эта правительственная власть сливалась с поместной, и управляющих княжескими имениями, вероятно, мало заботили юридические тонкости. Фактически, не только рабы и полусвободные, но также и категория свободных людей подчинялись поместной власти князя.

9. Церковь

С 1037 г. русская Церковь была организована как епархия константинопольского патриархата. Хотя некоторые русские выступали против такого положения, оно было в некоторой степени выгодно Церкви, делая ее менее зависимой от местных государственного правительства и политики. Под таким углом зрения, русская Церковь в киевский период являлась автономной организацией, своего рода государством в государстве; как мы знаем (Гл. VI, 8), у Церкви даже были свои "подданные", поскольку определенные категории людей находились под ее исключительной юрисдикцией. В то же время, не только в соответствии с византийской теорией "симфонии" между Церковью и государством, но и в качестве действующего организма, Церковь являлась важным фактором в развитии русского государства и народа в целом, а также и русской экономики. В определенной степени церковная администрация, основанная на принципе строгой субординации послужила моделью для укрепления княжеской администрации, как, например, в Суздальской земле. Церковь способствовала распространению византийского права на Руси и, заинтересованная в защите собственни-

ческих прав на дарованные ей земли, способствовала более точному определению понятия собственности. С другой стороны, она внесла некоторые феодальные элементы в русскую социальную организацию, возражая против открытого рабства и поддерживая новую социальную группу - "изгоев", чье положение имело некоторое сходство с крепостными (см. Гл. VI, 8).

Наконец, что не менее важно, Церковь через ее руководителей - епископов и настоятелей монастырей - обладала умиротворяющим влиянием на политическую жизнь, имея целью установление мира в межкняжеских раздорах и, особенно в Новгороде, примирение противоборствующих народных партий.

В тот период главой русской Церкви был митрополит Киевский. Как правило, он был греком, которого назначал константинопольский патриарх.

Епископы номинально назначались митрополитом. Фактически же киевский князь, а позднее и князь каждой из земель, где располагалась резиденция епископа, оказывал значительное влияние на назначение епископа[28]. Также и в Новгороде обращались за советом к вечу каждый раз, когда новгородский епископский престол оказывался вакантным. При Владимире на Руси было основано восемь епархий (см. Гл. III, 4). С уменьшением авторитета киевского князя, каждый из местных князей стремился к тому, чтобы обосновать епископство в собственном княжестве. Накануне монгольского вторжения на Руси уже было пятнадцать епархий. С 1165 г. епископ Новгорода носил титул архиепископа. Каждый епископ обладал значительной властью над священниками и другим духовенством в своей епархии. Однако приходской священник часто назначался прихожанами, и епископ обычно подтверждал это назначение.

Русское монашество следовало византийскому образцу[29]. На Руси, как и в Византии, не существовало специализации в деятельности монахов, и все монахи образовывали как бы один орден. Что касается их организации, то некоторые из византийских монастырей строились по общинному типу. Братья жили в одном здании, получали от монастыря одежду, питались вместе и трудились под наблюдением настоятеля. В других монастырях каждый монах жил в своей собственной келье.

Первые русские монастыри, очевидно, были именно последнего типа, а общинный устав - такой как в монастыре Студион в Кон-

стантинополе - был впервые введен на Руси в Печерской Лавре в Киеве в одиннадцатом веке. Этот монастырь играл важную роль в поддержке христианской морали и образования, и в его стенах была написана первая киевская летопись. Под покровительством князей монастыри быстро распространились по Руси в киевский период, к концу которого их число достигло пятидесяти восьми, к чему нам следует еще прибавить двенадцать женских монастырей. За единственным исключением, все мужские и женские монастыри располагались в городах. Это является ярким контрастом по отношению к ситуации, сложившейся в монгольский период (с тринадцатого по пятнадцатый век), во время которого большинство новых монастырей было основано в "пустыне" (то есть в девственных лесах), и, таким образом, им было предназначено сыграть важную роль в колонизации Северной Руси.

Что касается церковного права, то епископ являлся верховным судьей в каждой епархии. Все находящиеся в подчинении церкви люди были под его юрисдикцией по всем вопросам судопроизводства. Тяжбы между представителями Церкви и мирянами рассматривал смешанный суд епископа и князя или, соответственно, их чиновников.

Кроме того, были особые случаи, когда даже люди, не являющиеся представителями Церкви, подчинялись юрисдикции епископа. К этой категории относились преступления против Церкви и религии, семейные конфликты, а также случаи, связанные с моральными провинностями. Списки подобных дел были включены в так называемые "Церковные уставы", большинство из которых известно только в более поздних и неофициальных списках[30]. Мы обнаруживаем в них упоминание о таких преступлениях, как ограбление церкви, срезание крестов (по-видимому, на кладбищах и на перекрестках), кража одежды с тел усопших, а также, то, что современному читателю может показаться значительно меньшим преступлением,- привод в церковь собаки или какого-то другого животного, и так далее. Что касается семейных конфликтов и преступлений против морали, то в список занесены следующие случаи: ссора между мужем и женой по поводу собственности; избиение родителей детьми (но не наоборот); супружеская измена; изнасилование женщины или девушки (а если монахини, то это требовало самых высоких штра-

фов); оскорбление, особенно, когда женщину называли "шлюхой" и так далее.

10. Право

В предыдущих главках были кратко рассмотрены некоторые аспекты правозащитной организации в Киевской Руси, такие как поместная власть князя и бояр, а также епископский суд. Теперь нам следует рассмотреть древнерусскую юриспруденцию в целом (см. также Гл. IX, 10е).

Важным фактором в развитии древнерусского права был свойственный ей дуализм[31]. Каждое русское племя устанавливало определенные правила социального поведения задолго до утверждения в Киеве князей из династии Рюрика. Князья, в свою очередь, стремились наложить на народ новые правовые обязательства, выгодные им. Социальная единица - община, клан, город, - с одной стороны, и князь - с другой, таким образом, являлись двумя основными факторами в развитии русского права и законодательства. С обращением Руси в христианство появился и третий фактор: Церковь, которая к тому времени уже имела в качестве руководства разработанную систему канонического права.

Можно почувствовать влияние всех этих трех факторов, в разной степени каждого, как в организации суда, так и в судопроизводстве. В древнейшей части "Русской Правды" - в "Правде" Ярослава - мы обнаруживаем определенное сотрудничество между княжескими судами и народными правовыми институтами. В "Правде" Ярославичей, а также в расширенной редакции "Правды" княжеский суд со всей очевидностью представлен доминирующим учреждением. В Новгороде и Пскове, что засвидетельствовано грамотой каждого из городов, выпущенной позднее, судебная власть князя была ограничена городскими чиновниками. Компетенция церковных судов уже была описана выше.

В русском судопроизводстве киевского периода элемент индивидуальной воли тяжущихся сторон играл очень важную роль, в то время как судья ограничивался наблюдением над спором и уравниванием средств и возможностей спорящих. У процесса не было следственной системы.

Государственные власти не вмешивались в расследование того или иного случая до его слушания. Местная община оказывала бóльшую поддержку истцу в тех случаях, когда ему трудно было установить личность ответчика. Каждый потерявший что-либо, или если у кого что-то было украдено, мог объявить об этом на рыночной площади своего города. Если пропавшее не обнаруживалось на протяжении трех дней, то любой, у кого обнаруживалось пропавшее по истечении этого срока, считался в таком случае ответчиком. Если хозяин находил пропавшее в чьем-либо доме, то владеющий этой вещью мог отказаться от обвинения в краже, утверждая, что честно купил ее у третьего лица. Однако он обязан был помогать хозяину в установлении личности продавца. Это осуществлялось посредством так называемого "свода", являвшегося важной чертой средневековой русской досудебной процедуры. Истец и ответчик вместе с достойными доверия гражданами шли к продавцу; если тот не мог объяснить, как ему досталась эта вещь, его признавали виновным, и он обязан был заплатить за нее. Если он настаивал на том, что честно получил эту вещь от еще одного человека, то все они шли к тому человеку, и так далее, пока не находили виновного. Однако, если расследование приводило в другие города, ответчик мог идти только к третьему "своду": эта третья сторона должна была заплатить убытки, а затем могла самостоятельно продолжать расследование.

Стороны на суде имели в своем распоряжении три способа доказательства: свидетели, обращение к Божьему суду и - для гражданских тяжб - акты, расписки и прочие документы

1. Согласно "Русской Правде", было два рода свидетелей: "видок" и свидетель, объявляющий, что все знает о настоящем деле - "послух" Более поздние тексты ведут речь только о втором роде свидетелей.

2. В средние века было несколько способов, посредством которых люди - не только на Руси - веровали, что Божья воля может открыться им. Привычным путем приближения к Богу в судебной процедуре было то, что один из тяжущихся или свидетель давали клятву (по-древнерусски - рота) Еще одним путем обращения к Божьему суду было тяжкое испытание водой или железом. Клятвы, а также "суды божьи" были известны не только в русском, но также и в немецком праве Вдобавок, немецкое право в отдельных

случаях предлагало судебный поединок (Zweikampf). Такое установление не упоминается в "Русской Правде". Оно составляло, однако, важную черту новгородского и псковского права в более поздний период. На русской почве оно впервые упоминается в договоре, заключенном между Смоленском и немецкими городами в 1229 г. Вероятно, это установление заимствовано из немецкого права. Судебный поединок вовсе не обязательно должен был заканчиваться смертью одного из соперников; как только один из них был сброшен на землю, он признавался побежденным.

3. Что касается актов и прочих документов, они считались абсолютно правомочными, только когда удостоверялись ответственными лицами. В Пскове образцы актов и прочих документов должны были заполняться в архивной конторе Собора Святой Троицы.

Несколько слов следует добавить по поводу древнерусского уголовного права. В "Русской Правде" зафиксирован переход от кровной мести к наказанию преступника. Наказание в период "Правды" состояло в наложении на преступника князем денежной суммы в виде штрафа. Примечательно, что "Правда" не приговаривает к смертной казни, а телесное наказание предлагает лишь один раз, и только для рабов. Вероятно, введение смертной казни в русское законодательство четырнадцатого века было результатом влияния, с одной стороны, немецкого права в Западной Руси и, с другой стороны, монгольского права в Восточной Руси.

11. Заключительные вопросы: о "политическом феодализме" в Киевской Руси

Мы уже приходили к заключению (см. Гл. VI, 12), что в Киевской Руси не было развитого феодализма в западном смысле этого слова, да и не могло быть, поскольку Русь в то время относилась к иной социополитической формации, представляющей собой торговый капитализм, частично базирующийся на рабстве.

Однако я допускал, что даже в киевский период на Руси были определенные элементы, которые можно было бы назвать "экономическим феодализмом", и его наиболее важным проявлением был рост поместий. По ходу этой главы мы рассмотрели роль поместья в местном управлении и администрации киевского пе-

риода. Мы видели, что это можно назвать проявлением процесса феодализации.

Теперь нам нужно рассмотреть проблему "политического феодализма" в целом в киевский период. Существовала ли тогда тенденция со стороны верховной политической власти в Киевской Руси аннексировать земли, сохраняя за прежним владельцем титул и некоторые права? Существовала ли феодальная лестница правителей (сюзерен, вассалы, подвассалы)? Была ли взаимность в соглашениях между бóльшими и меньшими правителями?

Как мы знаем, русскую политическую историю киевского периода можно разделить на две части: период владычества киевского князя над всеми остальными и период разложения Киевского государства. В начале первого - чтобы быть более точным, в первой половине десятого века - можно зафиксировать определенные черты политического феодализма в русской политической истории. Русско-византийские договоры 911 и 945 гг. были заключены, с русской стороны, от имени великого князя русских и всех "славных князей под его рукой". Некоторые из этих подчиненных князей, возможно, были племенными вождями, которые признали сначала Олега, а потом Игоря своими сюзеренами. Позднее их власть ослабла, и со времени правления Владимира I мы не слышим о существовании каких-либо местных князей за исключением наследников Владимира. Несомненно, первоначальные местные князья сошли с исторической сцены в процессе укрепления власти единого киевского князя.

Как мы знаем, Ярослав I перед смертью поделил княжескую власть между своими сыновьями, но он старался предотвратить полный распад державы, включив в свое "Завещание" принцип старшинства, которому должны были следовать его преемники. Это был в большей мере генеалогический, нежели феодальный принцип. Действительно, сначала вместо индивидуального главенства старшего брата был установлен триумвират трех старших братьев; но ненадолго. Затем последовала попытка сохранить, по крайней мере, федеративное единство посредством периодических встреч главенствующих князей. Владимир Мономах, а затем его сын Мстислав были последними из киевских князей, которым удавалось поддерживать единство Киевской державы. После них Киевское государство рухнуло.

Вслед за его распадом некоторые местные князья, а особенно князья Суздаля и Галича, продолжали выдвигать свои претензии на общерусский сюзеренитет, но фактически в тот период любая попытка установить сюзерено-вассальные отношения между князьями могла повлиять на княжеские отношения только внутри отдельных ветвей семейства Рюрика или внутри отдельных княжеств. Теперь тенденция заключалась в том, чтобы использовать условия семейных взаимоотношений для установления политического понятия о старшинстве среди князей. Так, князь Изяслав II сказал своему дяде Вячеславу, предоставляя ему киевский престол: "*Ты мой отец; бери Киев и все землю; имей всю, что тебе любо, а мне дай отдых*" (1150 г.)

В северо-восточной Руси - чтобы быть более точным, в Суздале - принцип сюзеренитета развился более полно. В 1171 г. Андрей Боголюбский, князь Владимиро-Суздальский, водворил в Киеве и близлежащих городах трех братьев Ростиславичей, понимая, что они будут следовать его политической линии. В 1174 г., не удовлетворенный их преданностью, он приказал им: "*Поскольку вы не послушны моей воле, ты, Роман, убирайся из Киева; ты, Давид, из Вышгорода; а ты, Мстислав, из Белгорода; идите все в Смоленск и делите эту землю, как захотите*". В этом случае Ростиславичи выразили резкий протест, жалуясь, что Андрей обращался к ним не как к независимым князьям, а так, будто они были его вассалами ("подручниками"). Достаточно показательно, что брат Андрея и его наследник на Владимиро-Суздальском престоле Всеволод III принял титул великого князя. При таком положении дел мы обнаруживаем прибавление политических определений к генеалогическим: "*Ты наш господин и отец*",- так обращались князья Рязани к Всеволоду III в 1180 г И даже князь Владимир II Галицкий писал ему: "*Мой отец и господин, помоги мне удержать Галич, и я буду Божьим и твоим со всем Галичем, всегда послушным твоей воле*" Можно вспомнить в связи с этим, что дед Владимира II Владимирко признал над собой господство византийского императора в качестве своего сюзерена. В известном смысле, это не означало введение принципа вассалитета в русскую политическую жизнь, но отделяло Галицкое княжество от русской конфедерации, по крайней мере - юридически.

В целом, ясно, что с середины двенадцатого века принципы сюзеренитета и политического вассалитета доминировали как в Суз-

дале, так и в Галиче. Здесь нам нужно согласиться, что межкняжеские отношения как в Восточной, так и в Западной Руси развивались в направлении установления феодальной лестницы правителей. Однако нет свидетельств о существовании двусторонних договоров между сюзереном и вассальными князьями. Более того, федеративная идея равенства всех правящих князей не исчезла полностью. Все князья продолжали думать друг о друге как о "братьях". Идея княжеской солидарности была достаточно сильной, чтобы ее сразу вытеснили новые понятия о сюзеренитете и вассалитете. Никто из них не мог забыть, что все они были "внуками одного деда".

Но что еще более важно, ввиду особенностей русской правительственной системы в киевский период, княжеское господство было лишь одним из элементов власти, и никакие перемены в межкняжеских отношениях не могли повлиять на основные принципы города-государства или полностью упразднить авторитет веча. Не только в Новгороде, но также и в Киеве народ в этот период никогда не забывал, что он был наделен основными политическими правами.

"*Мы не хотим, чтобы нами распоряжались, как будто бы мы часть имущества покойного князя*",- так выражали свой протест киевляне, когда они восстали против князя Игоря Ольговича (1146 г.).

"*Ты - наш князь*",- сказали киевляне князю Изяславу II,- "*нам не нужны никакие другие князья из рода Ольговичей*".

В главе VI (12) я рассматривал вопрос о характерных чертах социальной и экономической формации, к которой относилась Киевская Русь, и пытался ответить на него, указывая на определенные сходства между Киевской Русью и Византийской империей, а также - Римской империей. Сейчас мы можем поднять еще один вопрос, а именно: к какой политической категории следует отнести Киевскую Русь? И здесь опять нашим ответом будет то, что есть значительно большее сходство между Киевской Русью и Византией и классической античностью, чем между Русью и феодальной Европой. Только в этой связи кто-то может подумать - по аналогии с Византийской империей - о Римской империи, однако не с ней, а с республиканским Римом и греческими демократиями наблюдается это сходство у Руси. Там, как и на Руси в киевский

период, город-государство был основным образцом в политическом отношении. В Италии Рим возвысился до исключительного господства и со временем стал ядром мировой империи. На Руси Киеву не удалось даже в период политического единства занять столь выдающееся положение.

В каком-то смысле каждая из русских земель в киевский период была городом-государством сама по себе, и, таким образом, ее можно сравнить с греческим полисом. И в конце концов один из таких русских городов-государств - "Господин Великий Новгород" - сумел создать собственную колониальную империю, имеющую некоторое сходство с Римской.

Какую социологическую подоснову параллелей между Киевской Русью и классической античностью я пытался установить? Можно вести речь о том, что современный капитализм и демократия продолжили - логически, во всяком случае - традиции капитализма и демократии классических времен. В определенном смысле мы считаем нашу собственную цивилизацию наследием классической античности. Хронологически, однако, в Западной и Центральной Европе вклинивается феодальная эпоха. Только в Византии мы можем видеть нечто вроде исторического моста от Римской империи к современным государствам, учитывая, конечно, что этот мост постепенно разрушался под феодальным натиском еще задолго до того, как он рухнул: сначала под напором крестоносцев, а затем после недолгого восстановления, под мощью оттоманов.

По моему мнению, Киевскую Русь можно считать, как в экономическом, так и в политическом отношении, наряду с Византией еще одним продолжением капиталистического строя античности, противостоящим феодальной эпохе, с той разницей, что, в отличие от Византии, Русь в политическом смысле также следовала греческим демократическим традициям классического периода. Но, как известно, как нет "чистых" рас, так нет и "чистых" экономических и политических формаций: Киевская Русь подобно Византии была открыта для феодализирующих влияний еще до ее последующего крушения, вызванного нападением восточных орд.

Что касается особенностей социополитической и экономической эволюции Киевской Руси - если сравнивать с Западной и Центральной Европой - можем ли мы назвать это "развитостью" или

"отсталостью"? Было ли "отставание" или преждевременное "ускорение" исторического процесса на Руси? Ответ будет зависеть от индивидуальной точки зрения каждого читателя. На взгляд автора, достаточно подчеркнуть тот факт, что в этот период была существенная разница в экономическом и политическом развитии между Русью и Европой.

Глава VIII

РУССКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ, (1139 - 1237 гг.)

1. Предварительные замечания

Единство Киевской державы, поддерживавшееся всемерными усилиями, но с умеренным успехом, таким выдающимся правителем, как Владимир Мономах, и его первыми двумя преемниками, окончательно рухнуло со смертью Ярополка II в 1139 г. Теперь каждая княжеская ветвь дома Рюрика пыталась обеспечить себе главенство, но ни одна из них не была достаточно сильна или популярна в национальном масштабе, чтобы достичь своей цели. Каждой удавалось контролировать только свое собственное княжество, ресурсов которого никак не доставало, чтобы стать основой для восстановления национального единства. Время от времени князья образовывали временные союзы - одна группа против другой; реже делались попытки создать национальную коалицию для противостояния опасности, такой как вторжение степных народов. Однако подобные коалиции существовали недолго, и немногие из них добивались тех целей, для которых были сформированы. С реалистической точки зрения Русь этого периода состояла из нескольких разных государств[1].

И тем не менее, несмотря на все княжеское соперничество и постоянные междоусобные войны, оставалось слабое ощущение изначального единства Руси как таковой. Постоянно настороженные по

отношению друг к другу, князья никогда полностью не утрачивали традиции их династического единства и, бывало, время от времени вспоминали, что они были "не мадьярами и не поляками, а внуками общего деда". В том же духе автор великой эпической поэмы "Слово о полку Игореве" призывал к единству русских людей - "русичей", "потомков Дажьбога". Более того, нельзя упускать из виду и роль Церкви как объединяющего начала. Даже после того, как княжеский престол в Киеве утратил свой прежний престиж, митрополит Киевский оставался примасом над русскими епископами. Также примечательно, что, согласно средневековому русскому закону, когда граждане различных княжеств оказывались не на своей русской земле, то их относили к особой категории, отличной от иностранцев. Их называли в каждой из земель "иногородними" или "иноземными", нерусских же иностранцев - "чужеземцами"[2].

Таким образом, с точки зрения психологической, даже в этот период очевидного разъединения Руси оставалось нечто вроде федерации, очень непрочной федерации, конечно, но, тем не менее, это было не просто механическое скопление совершенно независимых государств. Несмотря на это, несомненно, что в то время как при Ярославе Мудром и даже при Владимире Мономахе центростремительные силы преобладали над центробежными, теперь отношение между ними стало обратным. Каковы были причины этой перемены?

Если мы будем рассматривать только политическую историю этого периода, то у нас, возможно, возникнет соблазн усмотреть первостепенную причину дезинтеграции в межкняжеской борьбе. Однако такой подход будет поверхностным. Как мы знаем, князь в то время не был абсолютным монархом. Его власть ограничивали как боярская дума, так и городское вече. Уместно будет сказать, что его реальная сила имела опору в дружине и самих городах. Без опоры на дружину и финансовой поддержки купцов он был бессилен; а зто значило, что если горожане оказывали князю свою поддержку, то они были заинтересованы в его инициативах. Таким образом, не один только князь нес ответственность за свои войны против любого другого князя. За князем стояли другие, более могущественные силы. Чаще всего межкняжеское соперничество было внешним выражением куда более глубокого соперничества между городами и княжествами.

Мотивы этого соперничества были многочисленны и разнообразны. Прежде всего, не следует упускать этнические разногласия. Это был зачаточный период формирования украинской и белорусской национальностей. Разумеется, различия в языке между разными группами все еще были незначительными, но тенденция вела скорее к расхождению, нежели к объединению. И в этом случае, как и во многих других, язык являлся не чем иным, как символом культурных традиций и обычаев. Противостояние киевского населения суздальским боярам, привезенным в Киев князем Юрием Долгоруким в 1154 г., можно считать одним из первых проявлений русско-украинского соперничества.

С экономической точки зрения рост региональной торговли был важным фактором среди подрывающих единство Киевской державы. В десятом веке Киев играл ведущую роль в торговле с Византией. Однако, чтобы удержать первенство в западно-евразийской внешней торговле, ему необходимо было контролировать и приазовские земли. С потерей Тмутаракани в конце одиннадцатого века Киев был полностью изолирован от торговли с Востоком. Одновременно половцы угрожали отрезать Днепровский речной путь от Византии. Еще более важно то, что сама Византия стала теперь менее заинтересована в торговле с Киевом. После договора 1082 г. между Византией и Венецией львиная доля морской торговли с Византией стала принадлежать венецианцам, которые со временем организовали свои "фактории" на Черном море.

Захват Константинополя рыцарями во время четвертого крестового похода и установление Латинской империи (1204 - 1261 гг.) знаменовал конец нормальных торговых отношений между Византией и Киевом. Сухопутная торговля с Богемией и центральной Германией через Галич частично возместила византийскую торговлю в киевской экономике двенадцатого и начала тринадцатого веков. Теперь другие региональные центры и торговые пути вышли на передний план: в Смоленске и Новгороде процветала Балтийская торговля; Рязань и Суздаль пытались расширить свою торговлю с Востоком через посредничество волжских булгар и половцев.

Еще одним важным фактором в распаде Киевской державы стал рост боярского слоя (класса землевладельцев) в каждом из княжеств. Б Д Греков вместе с некоторыми другими советскими историками готов даже придать главное значение этому процессу -

тому, что они называют развитием феодализма на Руси[3]. В сепаратистских тенденциях среди феодальной верхушки они усматривают основную причину падения Киева. Здесь можно возразить, как и во многих случаях, по поводу неверного употребления термина "феодал". Бояре в этот период были почти так же сильно заинтересованы в развитии торговли, как и купцы, и основы сельскохозяйственной экономики оставались в большей мере капиталистическими, нежели феодальными.

С другой стороны, конечно, надо признать, что социальное и политическое развитие отдельных княжеств было важным фактором в новом политическом устройстве. Провинциальное общество быстро развивало свою материальную и духовную культуру, и каждый город и княжество теперь считали себя самостоятельными, как в экономическом, так и в культурном отношении. Таким образом, как это ни парадоксально, политическая слабость Руси в этот период явилась частично результатом ее экономического и культурного развития. Если это была болезнь, то она сопутствовала развитию возрастающей демократии. Возможно, что со временем Русь могла бы достичь нового политического и экономического единства на демократической основе, но монгольское вторжение положило конец любым возможностям для разрешения кризиса.

2. Борьба за Киев (1139 - 1169 гг.)

Тридцатилетний период, последовавший за смертью Ярополка II, был богат драматическими событиями как политического, так и личного характера. Менее бросающимися в глаза, но не менее важными были экономические и культурные изменения за политической сценой.

В экономическом отношении в центре борьбы было удержание торговых путей. Одна группа князей была заинтересована в контролировании центрального сухопутного пути с запада на восток - из Галича в Суздаль. Другая группа неистово пыталась восстановить старый речной путь в Византию - из Новгорода через Смоленск и Киев к Черному морю.

В культурном смысле главной проблемой стала автономия русской Церкви, вопреки ее подчинению Константинополю.

В политическом отношении раздоры между князьями усугублялись вмешательством византийской дипломатии и тесными связями князей каждой из враждующих групп с определенными иностранными силами, такими как половцы, Венгрия, Византийская и Священная Римская империи

Русские войны конца сороковых-пятидесятых годов двенадцатого века вписались в общую картину дипломатического и военного конфликта в Европе этого периода, и без этого их значение не может быть понято должным образом Это был период так называемой "Лиги двух империй", альянса между византийским императором Мануилом Комнином и германским императором Конрадом Гогенштауфеном Союз был направлен, в первую очередь, против Венгрии и сицилийских норманнов Точкой пересечения интересов Византии и Венгрии стал контроль над сербскими делами, в то время как норманны, укрепившись на Сицилии, угрожали подорвать стратегические и коммерческие интересы в центральном Средиземноморье Что касается конфликта между Конрадом Германским и Рожером Сицилийским, то он явился результатом вмешательства Рожера в борьбу между гвельфами и гибеллинами в Италии на стороне первых, Конрад, как Гогенштауфен, был патроном гибеллинов, и ему в Германии противостоял дом Вельфов (откуда и произошло итальянское название гвельфов). Обе стороны стремились обеспечить себя максимально возможным количеством союзников. Король Владислав Богемский, как и русские князья Владимирко Галицкий и Юрий Суздальский поддерживали стороны Лиги двух империй, Владимирко даже признал себя вассалом (hypospondos) византийского императора. С другой стороны, Людовик VII Французский поддерживал Рожера Сицилийского, а князь Изяслав II Киевский заключил союз с венгерским королем Гезой Таким образом, в этот период Киев был дипломатически связан и с Парижем, и с Палермо, хотя и не прямо[4]

Что касается русской почвы всех этих запутанных событий, то старая вражда между домом Мономаха (Мономашичами) и домом Олега (Ольговичами) теперь усугубилась из-за раскола между самими Мономашичами, из-за чего Ольговичу князю Всеволоду удалось захватить киевский престол вскоре после смерти Ярополка II Всеволод II (1139 - 1146 гг) был искусным и смелым политиком, однако, он находился в невыгодном положении, поскольку

киевское население считало его самозванцем. Они терпели его на определенных условиях, всегда готовые к тому, чтобы ограничить его власть. В церковной политике он ставил перед собой цель добиться большей автономии русской Церкви, и когда возникла вакансия, попытался устроить так, чтобы епископом был назначен исконно русский, а не грек. В конце концов митрополит Киева Михаил - сам грек - уехал в Константинополь, запретив кому-либо из русских епископов проводить службы (1145 г.).

После смерти Всеволода киевское вече отказалось принимать князей из дома Олега, снова отдав предпочтение Мономашичам. Но среди последних не было единства, и несколько человек из них вступили в соперничество за киевский престол. Главный конфликт возник между Изяславом II (сыном Мстислава I) и его дядей Юрием из Суздаля.

Юрий основывал свои требования на генеалогическом старшинстве; Изяслав - на своей популярности у киевского населения, а также на поддержке тюркских союзников Киева - черных клобуков. Из двух князей Изяслав, конечно, был более выдающимся человеком и лучшим правителем. Приди он к власти при других обстоятельствах, он мог бы завоевать для себя положение, подобное тому, что занимал его отец Мстислав I или его дед Владимир Мономах. Однако, он родился слишком поздно для выполнения задачи восстановления главенства Киева. Изяслав II правил с 1146 по 1154 г. с небольшими перерывами, но бóльшая часть его усилий уходила на то, чтобы препятствовать нападениям со стороны Юрия и его союзника Владимира Галицкого. Дважды Юрию удавалось захватить город с помощью половцев (в 1149 и 1151 г.) лишь для того, чтобы всякий раз быть вытесненным Изяславом, которого поддерживали венгры. Лишь после смерти Изяслава Юрий окончательно вошел в Киев, где он правил три года (1155 - 1157 г.) до своей кончины.

Изяслав получил в наследство от своего предшественника церковный конфликт с Константинополем. Поскольку он противостоял Константинополю в политическом отношении, у него не было намерений отправиться в Каноссу. Вместо того он совершил смелый шаг, созвав всех русских епископов в Киев для избрания нового митрополита. В то время в русской Церкви было десять епископов: шесть коренных и четверо греков. Последние бойкотирова-

ли Собор, который, несмотря на их оппозицию, состоялся. Митрополитом был избран Климент Смоленский (1147 г.) - один из наиболее образованных церковных лидеров средневековой Руси. Его, однако, не признал патриарх Константинопольский, и он был со временем отстранен, когда Юрий как союзник византийского императора, взошел на киевский престол после Изяслава. Было восстановлено полное господство патриарха в делах русской Церкви, и не ранее середины пятнадцатого века русская Церковь смогла освободиться от опеки Константинополя.

Юрий и его суздальские бояре не были популярны среди киевских горожан, которые после его смерти разграбили его и боярские дворцы. Теперь на короткое время в городе воцарился потомок Давида Черниговского, но киевляне снова отдали свое предпочтение дому Мономаха, и в 1159 г. был приглашен Ростислав Смоленский (брат Изяслава II) для того, чтобы занять престол. В политике Ростислав I (1159 - 1167 гг.) скорее следовал Юрию, чем своему брату, стремясь достичь прочного взаимопонимания с Византией как по церковным, так и по политическим вопросам. Родственник Византийского императора посетил Киев в 1164 - 1165 гг. в качестве чрезвычайного посла, и среди обсуждавшихся проблем был вопрос об очищении днепровского речного пути от половецких отрядов и о возобновлении торгового водного сообщения из Киева в Константинополь. В 1166 г. сам князь во главе нескольких объединившихся князей сопровождал торговый караван вниз по Днепру, и такая же экспедиция повторилась в 1168 г. под предводительством его преемника Мстислава II.

Вероятно, Ростислав был заинтересован в днепровской торговле еще до того, как стал править Киевом, в те времена, когда он был князем Смоленска. Смоленск был важным торговым и культурным центром, и смоленские купцы также имели свою выгоду в кодификации торгового закона. Когда Ростислав стал князем Киева, он был готов осуществить полную взаимосвязь между смоленскими и киевскими деловыми интересами. По всей вероятности, именно во времена его правления был закончен пересмотр расширенной версии "Русской Правды", где так много внимания уделялось торговому праву.

Период процветания Киева длился недолго, и политическое равновесие вскоре нарушилось из-за агрессивной политики князя

Андрея Суздальского (сына Юрия). С экономической точки зрения Суздаль находился в положении связующего звена между восточной и балтийской торговлей; этим и объяснялся интерес суздальских князей к контролю за Новгородом. В то же время город был отправной точкой речного пути с севера на юг от Балтийского к Черному морю, и киевские князья столь же надеялись курировать этот путь, как и суздальские. К несчастью для Киева, единство княжеской семьи разрушилось после смерти Ростислава в 1167 г., сыновья последнего возражали против правления их двоюродного брата Мстислава II. Андрей Суздальский усмотрел здесь для себя удачный случай и предложил свою поддержку Ростиславичам. 8 марта 1169 г. его мощная армия захватила "мать городов русских", как называли Киев, и беспощадно разграбила его.

3. Равновесие между Восточной и Западной Русью (1169 - 1222 гг.)

Завоевав Киев, Андрей стал наиболее могущественным из русских князей. Он был надменным человеком, одержимым монархической идеей. Он попытался ввести принцип византийского абсолютизма в русскую политическую жизнь, с одной стороны, подрывая институт веча, и подчиняя своему сюзеренитету всех остальных князей - с другой. Что касается бояр, то он относился к ним скорее как к своим подчиненным, нежели советникам. Чтобы избавиться от мешавшего ему веча в городе Суздале, он перенес столицу княжества в новый и меньший по размерам город Владимир; а затем, также не желая полагаться на него, выстроил себе роскошный дворец в ближней деревне Боголюбово, в честь чего и стал называться Боголюбским. Андрей был талантливым и сильным правителем, но он родился на два века раньше своего времени, и, в то время как московские летописцы восхищались им, его современники не были готовы разделять его идеи. Он был убит в 1174 г.[5]

Очень характерно для Андрея, что он не пошел в Киев после захвата города его войсками, но сделал так, что киевский престол занимали его меньшие князья, которых он считал своими вассалами. Это также было ярким свидетельством конца выдающегося положения Киева.

С точки зрения суздальских интересов, более важным было контролировать Новгород, чем владеть Киевом. В 1170 г. Андрей направил армию против северной метрополии. Но это нападение было отражено новгородцами. Легенда приписывает их успех чудесному вмешательству Богородицы. Новгород, однако, в продовольственном отношении зависел от поставок зерна с юга, а поскольку Андрей владел как Суздалем, так и Киевом, он наложил, как мы бы сейчас сказали, "экономические санкции" на непокорный город, который вынужден был запросить мира.

Новгород можно считать северным рынком сбыта для суздальской торговли; южный путь вниз по Волге к Каспийскому морю контролировался булгарами, которые служили посредниками в торговле с Кавказом. Время от времени суздальские князья, вероятно, подумывали о том, чтобы пробить булгарский заслон. Персидский поэт Хакани (ум. 1194 г.) рассказывает историю о дерзком русском набеге на Ширван на Кавказе около 1174 г.[6]. Вполне вероятным представляется, что эти русские спустились вниз по Волге из Суздальской земли, прорвавшись через тот участок реки, который удерживали волжские булгары. В связи с этим можно указать на то, что автор "Слова о полку Игореве" около 1185 г. говорит, что князь Всеволод III Суздальский мог "Волгу веслами раскропить". Очевидно, что это намек на речные кампании, предпринятые суздальскими князьями, одной из которых мог быть поход на Ширван в 1174 г.

Несмотря на контроль над Новгородом и Киевом, Андрей не мог распространить свою власть по всей Руси. Черниговское княжество оставалось независимым, так же как Волынь и Галич. После ухода Андрея с политической сцены во всей стране установилось нечто вроде баланса сил. В центре было достигнуто соглашение между Ольговичами и Ростиславичами, по условиям которого Святослав Черниговский занял киевский престол (как Святослав III) с Ростиславичами в качестве его помощников. На западе могущественный князь Ярослав Осмомысл (сын Владимирко), которым так восхищался автор "Слова о полку Игореве", правил в Галиче до 1187 г. В Волыни прочно утвердились потомки Изяслава II, а в 1199 г. его внук Роман захватил также и галицкий стол, после чего он стал хозяином всей Западной Руси.

В Суздальской земле после тревожного периода брату Андрея Всеволоду III в качестве великого князя Владимирского удалось постепенно восстановить политическое единство.

Внимание киевских и черниговских князей в этот период было главным образом сосредоточено на борьбе с половцами. В 1184 г. Святослав III и Рюрик Ростиславич удачно сорвали попытку половцев напасть на Киев. На следующий год один из меньших черниговских князей, Игорь Новгород-Северский, еще с несколькими младшими князьями предпринял смелый набег на кочевников с целью достичь территории нижнего Дона. Поход кончился катастрофой. Этот эпизод послужил сюжетом знаменитой эпической поэмы "Слово о полку Игореве". В следующие годы борьба против половцев продолжалась с переменным успехом. Между тем Роман Волынский и Всеволод Суздальский соперничали за владение киевским престолом и каждый пытался рассеять недоверие к сопернику среди меньших князей киевского региона. Однако в 1200 г Роман - к тому времени уже князь Волыни и Галича - перенес свое внимание на половцев, которые угрожали византийским интересам на Балканах. Князь согласился прийти на помощь византийскому императору, и кочевникам был нанесен суровый удар.

Эффект от победы Романа, однако, был подорван из-за новых распрей среди русских князей. Видимо, подстрекаемые князем Всеволодом Суздальским, некоторые из киевских и черниговских князей с Рюриком во главе восстали против сюзеренитета Романа В союзе с половцами, чьим заклятым врагом он являлся десять лет назад, Рюрик напал на Киев, который был безжалостно разграблен его союзниками (1203 г.) Согласно летописям, "*такое горе еще не постигало Киев за все время с обращения в христианство*" Роман отомстил, проведя удачную кампанию против половцев (1204 - 1205 гг.) Однако он вынужден был пойти на компромисс со Всеволодом Суздальским, и в Киев был посажен новый князь под их совместной опекой. Смерть Романа в битве с поляками (1205 г.) оставила Всеволода самым могущественным из русских князей Вовлеченный в укрепление своего собственного Суздальского княжества, Всеволод мало вмешивался в киевские дела, позволив своему тезке - Всеволоду IV - из дома Ольговичей править с 1206 г Оба Всеволода умерли в один и тот же год (1212 г)

После этого в Киеве сел Ростиславич, Мстислав III, и киевскому народу была дана краткая мирная передышка. И для Суздаля, и для Галича это было тревожное время, поскольку в Суздальской земле возникли распри между сыновьями Всеволода III, а в Галиче - противостояние бояр и князей и интервенция венгров и поляков. С другой стороны, отношения между русскими и половцами отчасти улучшились, и половцы даже помогли Мстиславу Удалому (внуку Ростислава I) изгнать поляков и венгров из Галиции (1221 г.).

4. Защита границы

В период, последовавший за распадом Киевского государства, было бы не верно, в строго юридическом смысле, говорить о границах Руси в целом, поскольку каждое княжество было, практически, независимым. Однако, как уже было рассмотрено, с более широкой исторической точки зрения есть основания утверждать об объединении русских государств в некую этническую и культурную общность, хотя это был и не вполне определенный политический организм. С такой точки зрения пограничная линия между каждым отдельным русским княжеством и иностранным народом могла считаться только частью общерусской границы. Именно под таким углом зрения я собираюсь рассмотреть историю защиты своих границ русским народом во второй половине двенадцатого и первой трети тринадцатого веков[7].

На севере новгородская экспансия рано достигла Белого моря и Северного Ледовитого океана, и, за исключением некоторых локальных стычек между русскими и норвежскими рыбаками, в этом районе не было проблем с защитой границы. На северо-востоке новгородское коммерческое продвижение по направлению к Уральской горной гряде не встречало серьезного сопротивления со стороны местных финских племен. В районе средней Волги суздальские русские находились лицом к лицу со сравнительно сильным и хорошо организованным государством волжских булгар, с которыми они поддерживали тесные торговые отношения. В военном и политическом смысле положение здесь было стабильным вплоть до начала тринадцатого века, когда суздальские князья заняли

агрессивную позицию по отношению к булгарам. Вскоре, однако, монголы решили эту проблему по-своему.

Таким образом не на севере и северо-востоке, а на юго-востоке и западе русские в киевский период находились перед реальной опасностью опустошительных набегов и временами вынуждены были сражаться за само свое существование.

А. ЮГО-ВОСТОК

С середины одиннадцатого века вплоть до монгольского вторжения в южнорусских степях господствовали половцы. Как и их предшественники печенеги, они не делали попыток создать централизованную империю, которая контролировала бы как степную, так и лесную зоны, вероятно, удовлетворяясь постбищным образом жизни[8]. Разведение лошадей и скота составляло основу их национальной экономики, но ханы были не прочь обеспечить себе дополнительные доходы как торговлей, так и войной. В торговле роль половцев оставалась довольно пассивной; они получали доход, главным образом, с таможенных пошлин и транзитной торговли. Хорезмские купцы в этот период играли ведущую роль в караванной сухопутной торговле, а византийские и венецианские купцы использовали морскую торговлю через крымские порты. По всей вероятности, значительная часть иностранного товара, попадавшая в половецкие степные земли, как с Востока, так и по Черному морю, предназначалась для Руси.

Война в большей мере, нежели коммерция, была свойственна половцам. Однако у них вряд ли была определенная программа далеко идущей военной экспансии. Важной целью борьбы против русских было установление полного контроля над степями, заняв их северную оконечность - то есть лесо-степную зону - чтобы предотвратить строительство там русских поселений, таким образом удерживая открытыми для себя ворота на Русь.

Главной целью их постоянных набегов на Русь была добыча. Сначала их интересовало получение живого товара - пленников, которых они обращали в рабов, а потом продавали восточным и венецианским купцам. Хотя их набеги не представляли реальной опасности для независимости Руси, но все вместе они приводили к утечке русских ресурсов и русского народа.

Как мы знаем, сами русские князья из-за их междоусобной вражды облегчали половцам эксплуатацию Руси. В начале двенадцато-

го века, главным образом благодаря политике Владимира Мономаха, русским удалось нанести поражение основным силам половцев и, по крайней мере на время, ограничить опасность. Однако во второй половине двенадцатого века половцы вновь сконцентрировали свои силы и, пользуясь межкняжескими раздорами, вновь укрепили свои позиции. В 1203 г., как мы знаем, они совершили набег на Киев. На следующий год князь Роман Волынский организовал мощный поход против них, который имел серьезный успех, но смерть Романа в 1205 г. не дала возможности русским должным образом закрепить их победу. В 1210 г. кочевники снова совершили набег на Переяславскую землю.

В целом, однако, после 1203 г. позиция половцев стала менее враждебной, и их ведущие ханы начали склоняться к тому, чтобы вступить в переговоры с русскими. С русской стороны, князь Мстислав Удалой поддерживал политику дружбы с половцами, и воспользовался этим, используя их в качестве союзников против венгров и поляков. Как мы видим из сказанного, русские в начале тринадцатого века были готовы к тому, чтобы установить стабильные отношения с половцами. Монгольское вторжение полностью изменило ситуацию как здесь, так и во многих других аспектах.

Б. ЗАПАД

Три народа жили на западной границе с русскими в киевский период: венгры, поляки и литовцы. В конце двенадцатого века немцы появились в литовских землях, и вскоре им удалось вытеснить или завоевать часть литовцев, а также их северных соседей - латышей и эстонцев. Давайте вкратце рассмотрим развитие политических и военных событий на русской западной границе, относительно каждой из трех стран, названных вначале.

Как мы знаем, Венгрия принимала активное участие в борьбе между русскими князьями в середине двенадцатого века[9]. Тогда она была союзником Киева и врагом Галича. Поскольку из всех русских княжеств Галич находился к ней ближе всего, вполне естественным было то, что русско-венгерское соперничество возникло из-за проблемы контроля над Галицким княжеством. Во время правления Ярослава Осмомысла (1152 - 1187 гг) княжество было достаточно сильным, чтобы отразить любую попытку агрессии со стороны Венгрии, но после его смерти начались неприятности из-за раздора между двумя его сыновьями, один из которых был

незаконнорожденным, а также из-за вмешательства князя Романа Волынского. Законный сын Ярослава Владимир, распутный по натуре, бежал в Венгрию, где король Бела обещал ему всемерную помощь. После этого венгры захватили Галицию, но вместо того, чтобы вернуть ее Владимиру, Бела объявил своего собственного сына Андраша королем княжества. Владимира привезли обратно в Венгрию и заключили в тюрьму.

Сначала король Андраш пытался завоевать расположение своих новых подданных спокойным и справедливым правлением. Однако после попытки второго двоюродного брата Владимира вторгнуться в Галич характер венгерского правления переменился к худшему. Согласно летописцам, в Галиче наступило время террора; русских женщин насиловали, а коней держали в боярских домах и церквях. Тем временем Владимиру удалось бежать из темницы и скрыться в Германии, где он просил покровительства у императора Фридриха Барбароссы. Он обещал Фридриху платить ему ежегодную дань в размере двух тысяч гривен, если тот поможет ему вернуть галицкий стол. Вовлеченный в жестокую борьбу за Палестину, Фридрих не мог оказать действенной помощи, но рекомендовал Владимира князю Казимежу Краковскому, который послал в Галич польские войска для поддержки требований изгнанника. При подходе этой экспедиции галицкий народ восстал против венгров и изгнал короля Андраша (1190 г.). Владимир еще раз занял галицкий стол, но и Андраш не отказался от своих притязаний. С тех пор название этой земли включалось в число владений венгерских королей.

После смерти Владимира князь Роман Волынский захватил Галич с помощью поляков (1199 г.). Роман умер в 1205 г.; его сыновья Даниил и Василько были еще детьми, и правление княжеством взяли в свои руки мать, вдова Романа, и боярская дума. При таком стечении обстоятельств киевский князь Рюрик в союзе с черниговскими Ольговичами попытался установить свою власть на галицкой земле. Вдова Романа обратилась к Андрашу, теперь уже королю Венгрии, за защитой. С помощью венгерских войск галицкие бояре оттеснили киевские и черниговские отряды.

Однако Ольговичи не сочли дело законченным и заключили союз с поляками. Король Андраш снова вмешался в галицкие дела, и поляки согласились удалиться. В конце концов один из Ольгови-

чей, Владимир, сын князя Игоря Новгород-Северского (известного по "Слову...") был приглашен галицкими боярами, чтобы занять стол. Тем временем вдова Романа с двумя сыновьями искала убежища в наследственной вотчине Романа - Владимире-Волынском. Первое, что сделал новый князь,- он послал вестника к старшинам города Владимира с требованием выдать ему всех членов семьи Романа. Несчастная семья вынуждена была бежать в Польшу, откуда Даниил был отослан в Венгрию, где оказался под покровительством короля Андраша.

Но неприятности в Галиции не закончились из-за продолжавшегося раздора между русскими князьями, а также из-за пересечения интересов поляков и венгров. Каждый из этих двух соседних народов домогался галицкой земли, и, поскольку ни один из них не обладал достаточной силой, чтобы отвергнуть притязания другого, оба удовлетворились политикой отделения Галиции от Волыни и удержания этих русских земель в ослабленном состоянии.

Игоревичи (сыновья Игоря Новгород-Северского), Владимир и его братья представлялись теперь более опасными для венгров, чем сыновья Романа, и венгры помогли ведущему галицкому боярину Владиславу занять Галич от имени Даниила Романовича. Все Игоревичи, кроме Владимира, были взяты в плен и казнены.

Около 1212 г. боярин Владислав был провозглашен князем Галиции - это единственный известный в киевский период случай, когда княжеский титул в одной из русских земель оказался у человека не из династии Рюрика. Даниил и его мать искали теперь покровительства у герцога Лешека Белого в Польше, недовольного приходом Владислава к власти, поскольку он считал его венгерским ставленником. В конце концов Лешек в тайне от Владислава решил пойти на сговор с венграми. Было решено, что сын короля Андраша Коломан женится на дочери Лешека Саломее и станет князем Галицким. Город Перемышль отходил к полякам; Владимир-Волынский отдавался Романовичам; Любачев даровался поляку - Сандомирскому воеводе. Боярин - князь Владислав был депортирован в Венгрию и заключен в тюрьму (1214 г.).

Мир в Галиче восстановился, но не надолго. В результате обращения короля Андраша к папе, последний короновал Коломана королем Галиции на том условии, что народ будет обращен в римский католицизм. В результате этого возникло противостояние

венгерскому правлению. Затем Андраш нанес Лешеку оскорбление, отобрав у него Перемышль; герцог возмутился и попросил князя Мстислава Удалого Новгородского - впоследствии одного из ведущих русских князей - вмешаться в галицкие дела.

Как только Мстислав подошел к Галичу, местное население приветствовало его как своего спасителя. Венграм не оставалось ничего иного, как бежать. Мстислав был провозглашен галицким князем, и, чтобы узаконить свою власть, он отдал свою дочь Анну замуж за Даниила. Новый правитель готов был считать Лешека своим другом; Даниил, однако, взял на себя обязательство вернуть все волынские и галицкие города, занятые поляками. Ответом Лешека было возобновление союза с Андрашем Венгерским против двух русских князей. Последние вынуждены были отступить, и Галич в очередной раз оказался оккупированным поляками и венграми.

Зная боевой дух Мстислава, союзники лихорадочно готовились к предстоящей борьбе. Король Андраш послал в Галич мощное подкрепление, состоящее из венгерских и чешских войск под командованием венгерского военачальника Филе, которого галицкая летопись характеризует как "надменного". Филе рассчитывал на легкую победу над русскими. Согласно летописи он нередко говорил: "*Много горшков можно разбить одним камнем*", "*Острый меч и добрый конь - этого достаточно, чтобы победить Русь*"[10]. Между тем, Мстислав заключил соглашение с половцами и подкрепил свои силы их войсками.

Противники встретились у берегов реки Днестра. Битва была жестокой, и сначала казалось, что венгры и поляки берут верх, но в критический момент Мстислав со своими ближайшими сподвижниками и половцами атаковал врага с тыла. Окруженные венгры и поляки храбро сражались до конца, Филе потерял почти всю свою армию, а половцы рассыпались по полю боя, грабя трупы и отлавливая лошадей.

Победивший Мстислав проявил себя предусмотрительным политиком и согласился пойти на компромисс с королем Андрашем. Младший сын последнего, тоже Андраш, был помолвлен с дочерью Мстислава, которой князь назначил Галицкое княжество в приданое. Выясняется, что идя на это, Мстислав принял во внимание совет галицких бояр (1222 г.) На следующий год монголы

нанесли русским князьям суровый урон на Калке (см. 5, ниже). Это поражение сильно подорвало престиж Мстислава, и его самоуверенность была поколеблена. Он решил умиротворить венгров и позволил Андрашу взять во владение Галич, оставив себе управление Понизьем - районом в Галиции на нижнем Пруте. Однако после его смерти (1228 г.) подлинный галицкий князь Даниил, сын Романа, предъявил свои претензии на княжество. После продолжительной борьбы с венграми и поляками за контроль над Волынью и Галицией Даиииил смог полностью возвратить себе отцовскую вотчину. Его усилия в конце концов были увенчаны тем, что он установил свое правление в Галиче в 1237 г.

История русско-венгерских отношений, как это видно из вышеизложенного, тесно переплетена с польской политикой. Поскольку некоторые эпизоды русско-польских отношений уже упоминались в связи с венгерскими событиями, нам сейчас нужно рассмотреть отношения с Польшей как отдельную проблему[11].

История этих отношений в киевский период может быть поделена на два временных отрезка: первый - с конца десятого до середины двенадцатого, а второй - с середины двенадцатого века до монгольского нашествия. В первый период как Русь, так и Польша были едиными государствами; во второй - каждое из них являлось свободной федерацией без централизованного правительства. В результате, в первый период борьба между киевскими киязьями и польскими королями была столкновением двух народов; во второй период она носила более локальный характер, и ее наибольшее воздействие испытывали на себе только Волынь и Галиция.

В отношении первого периода, как мы знаем, дважды на протяжении одиннадцатого века польские короли пытались завоевать Киев, пользуясь междоусобными раздорами между русскими князьями. Король Болеслав I вошел в город в 1019 г. в качестве союзника князя Святополка I, а Болеслав II захватил его в 1069 г., как покровитель князя Изяслава I. Ни в одном из этих случаев полякам не удавалось надолго установить свою власть в Киеве; оба раза оккупация длилась недолго.

Единству польского государства пришел конец в 1138 г , когда король Болеслав III перед смертью разделил Польшу на уделы между своими сыновьями. Его завещание подобно завещанию Ярослава Мудрого. Во время последовавшей за тем борьбы между брать-

ями краковский трон, наделенный национальным престижем, играл ту же самую роль в польской политике, что и киевский - в русской. Из всех сыновей последнего короля Мешко Старый проявил себя наиболее сильным правителем в своем собственном княжестве. Он попытался обуздать аристократию и поддерживал княжескую казну. Его социальная и финансовая политика вели к постоянным столкновениям со знатью. Его младший брат Казимеж Справедливый, наоборот, пытался потакать аристократам и был среди них более популярен, в результате чего ему удалось распространить свой контроль на бóльшее количество городов и провинций, чем кому-либо из его братьев. Но в каждом случае его влияние было слабым.

Как Мешко, так и Казимеж, благодаря бракам их сыновей и дочерей, установили тесные семейные связи со многими русскими князьями. В силу дружеских отношений в этот период между польскими и западно-русскими княжескими семьями западно-русские бояре не всегда считали поляков иноземцами, а в некоторых случаях готовы были отдать им предпочтение перед русскими князьями. Когда в 1199 г. Роман наконец захватил Галич с помощью поляков, бояре направили депутацию к сыну Казимежа Лешеку Белому, предлагая ему галицкий престол. В этом случае очевидно, что они в большей степени были заинтересованы в своих социальных привилегиях, чем в национальных аспектах правления. Романа боялись из-за его безжалостного урезания привилегий волынских бояр.

Отношения между Романом и Лешеком, дружественные на первых порах, впоследствии испортились по религиозным и личным причинам. Лешек был убежденным католиком, и, вероятно, по его предложению папа направил своих посланников к Роману в 1204 г., которые убеждали его принять римский католицизм и обещали ему покровительство под мечом Св. Петра. Ответ Романа, как это было записано в летописях, был достаточно характерным: "*Неужли меч папы похож на мой? Я так долго ношу свой, что мне не нужен никакой другой*"[12]. Его высокомерие, должно быть, сильно оскорбило Лешека. Помимо того, было и личное непонимание. Лешек помог Роману утвердиться в Галиции для того, чтобы сделать того своим вассалом. Однако здесь он просчитался; Роман, один из ведущих русских князей того периода, не был расположен

к тому, чтобы считать кого-либо из правителей своим сюзереном. В конце концов Лешек при поддержке своего брата Конрада из Мазовии предпринял внезапную кампанию против Романа. Последний был застигнут врасплох и погиб в первом бою (1205 г.).

Как я уже говорил выше, после смерти Романа венгры опять захватили Галицию. Не имея достаточно сил, чтобы противостоять им, Лешек снова обратился к русским, пригласив Мстислава Удалого прийти в Галич. Когда же тот стал достаточно сильным, поляки снова, в свою очередь, выступили против него на стороне венгров, однако, как мы видели, безуспешно. Не смогли поляки помешать и князю Даниилу сесть на галицкий престол в тридцатые годы тринадцатого века.

В целом можно сказать, что в этот период поляки не имели больших возможностей установить постоянный контроль над Западной Русью, из-за силы русских и постоянного вмешательства венгров. В этом политическом треугольнике русские смогли сохранить свою землю, несмотря на ряд временных неудач.

Международное соперничество в литовских и восточно-балтийских землях было не менее сложным, нежели в Галиции. Поляки были столь же заинтересованы в литовских делах, как и русские, а вскоре немцы начали свой "дранг нах остен" в восточную Прибалтику; одновременно, как датчане, так и шведы делали попытки проникнуть в Эстонию. В отличие от русских и поляков литовцам не удалось установить у себя политического единства в киевский период. Каждым племенем руководил его вождь, и хотя иногда два (или более) племени объединялись против иностранного врага, такие союзы были только временными. В двенадцатом веке большая часть литовцев оставалась языческой.

Рассматривая русско-литовские отношения в киевскую эпоху, нам опять следует различать русскую политику в период верховенства Киева и во времена федерации В первый период русские кампании против литовцев (как, к примеру, под командованием Владимира I) имели общенациональные цели; во второй - борьба была локализованной, и только западные русские земли, такие как Волынь, Полоцк, Псков и Новгород, были непосредственно заинтересованы в литовских и восточно-прибалтийских делах

В целом, русские сначала были более аргессивны, нежели литовцы, латыши и эстонцы. Новгородские князья прочно удержи-

вали свое господство над восточной частью Эстонии и северной частью Ливонии (сейчас - Латвии), где, как мы знаем, в одиннадцатом веке был основан русский город Юрьев. Полоцкие князья постепенно расширили сферу своего контроля вниз по Западной Двине вплоть до ее устья. Волынские князья были не менее активны в подчинении себе соседних литовских племен. Князь Роман, в чьей непреклонной решимости в отношении поляков и венгров мы убедились, известен по летописям своим жестоким отношением к литовским пленникам, которых, согласно легенде, он запрягал вместо быков, чтобы они тянули плуг в его угодьях[13].

Однако, когда в Восточной Прибалтике появились немцы, литовцы и латыши стали более опасными для русских. В ряде случаев они действовали как вспомогательные войска у немцев. Иногда, не желая подчиняться немцам, они уходили на восток и таким образом, в конце концов, сталкивались с русскими.

Восточная Прибалтика сначала привлекала немцев с точки зрения их коммерческих интересов (с 1158 г.). Вскоре, однако, пришли миссионеры, а за ними и солдаты - для защиты немецкой торговли и немецкой веры. Следует заметить, что первоначальной целью миссионеров было обратить в христианство язычников - латышей и литовцев; позднее, однако, немецкие "крестовые походы" были направлены как против язычников, так и против греко-православных. Около 1186 г. немецкий миссионер Мейнхардт, сопровождавший группу купцов в Ливонию, спросил позволения у полоцкого князя обратить латышских язычников в христианство. Разрешение было получено, и Мейнхардт построил церковь - а со временем и крепость вокруг нее - в Икшкиле в низовьях Западной Двины[14].

Этот первый аванпост германизма в Ливонии первоначально находился под властью Бременского ордена. К концу двенадцатого века на этой территории поселилось уже много немецких паломников. Для того, чтобы поддержать быстрое завоевание Ливонии, ее третий епископ Альберт фон Буксхуден посетил правителей Швеции и Дании, а также разных немецких властителей, прося их о помощи. Имея поддержку датского флота, он основал Ригу в 1201 г. На следующий год он основал орден меченосцев, известный как Ливонский. Его символами были крест и меч, конечно же, знаменовавшие немецкую агрессию в Ливонии. В 1207 г. германский

император даровал епископу Альберту Ливонию в качестве ленного владения. Епископ, в свою очередь, отдал треть страны меченосцам.

Когда полоцкие князья заявили свои права на всю территорию бассейна Западной Двины, епископ Альберт сначала действовал осторожно, настаивая на том, что его интересы ограничиваются только обращением в христианство местного населения, а не завоеванием территории. У русских на этой реке было две твердыни: Кукенойс, примерно двадцатью пятью милями выше Икшкиля по течению, и Герцике, приблизительно на полпути между Ригой и Полоцком. Однако русский контроль над соседними литовскими и латышскими племенами был слабым. Предполагалось, что туземцы должны были платить дань, а бóльшим им не докучали. Теперь же как русские, так и немцы требовали от них преданности, и положению местного населения можно было только посочувствовать. Согласно летописям, в некоторых случаях они по жребию решали, какую веру им принять - русскую или немецкую.

Время от времени местные русские князья, находившиеся под властью полоцкого князя, сами были готовы к компромиссу с немцами. В 1207 г. Вячко, князь Кукенойса, прибыл в Ригу и предложил епископу Альберту половину своего города для защиты от коренного населения. Епископ с радостью принял предложение, однако он не смог защитить Вячко от его собственных (епископских) последователей - немецких рыцарей, один из которых совершил набег на Кукенойс и взял князя в плеи. Хотя по настоянию епископа его вскоре освободили, он потерял доверие к немцам и убил тех, которых послал Альберт в Кукенойс. При подходе немецкой армии Вячко поджег свой город и скрылся в лесу, откуда он на протяжении некоторого времени совершал партизанские вылазки против немцев. Тем временем князь Герцике Всеволод проводил политику согласия с соседними литовскими племенами. Он женился на литовской княжне и помогал литовцам в их набегах на немецкие поселения. В 1209 г. епископ Альберт направил против него экспедицию, которая штурмовала и сожгла Герцике. После этого Всеволод решил признать епископа своим сюзереном и вновь был водворен в эту твердыню в качестве заместителя Альберта.

В 1212 г. епископ одержал свою главную дипломатическую победу, заключив соглашение с полоцким князем, по которому пос-

ледний отказывался от требования дани с латышских и литовских племен в бассейне нижней Западной Двины. Вдобавок, епископ и князь заключили союз против эстонцев. В том же году псковский князь отдал свою дочь замуж за брата Альберта. Это, однако, стоило ему его стола, поскольку псковский народ, более дальновидный, нежели их князь, не одобрял его миротворческую политику.

Новгородцы, как и псковитяне, осознавали немецкую опасность. В 1212 г. князь Мстислав Удалой осадил литовскую крепость Оденнпе, к югу от Юрьева и наложил дань на соседние племена. В 1221 г. новгородская армия совершила набег на немецкие поселения на реке Гауя к северо-востоку от Риги. Согласно немецким хроникам, русские разрушили много немецких церквей, сожгли пшеницу в полях и взяли в плен мужчин, женщин и детей[15]. Однако, им не удалось захватить крепость Уесес (Венден). Война продолжалась несколько лет, и каждая из сторон причиняла противоположной столько неприятностей, сколько могла. В 1224 г. немцы завоевали город Юрьев и переименовали его в Дерпт. Довольно характерно, что каждая из сторон использовала местное население в качестве вспомогательных войск: в тот период литовцы поддерживали русских, а латыши - немцев.

Одновременно шведы и датчане стали проявлять интерес к Эстонии. С 1219 г. датский король построил крепость Ревель, и, хотя через четыре года он был побежден эстонцами, некоторое время спустя Эстония стала датским владением (1237 г.).

В то время, когда меченосцы и датчане продолжали свое завоевание Ливонии, в Пруссии был создан новый центр германской агрессии - Тевтонский орден[16]. Пруссаки, одно из наиболее яростных литовских племен, противостояли любым попыткам со стороны поляков как христианизировать, так и завоевать их. Почти каждый год они предпринимали разорительные набеги на соседние польские земли, особенно на Мазовию. Наконец князь Мазовии Конрад, брат Лешека Белого, решил обратиться к помощи рыцарей Тевтонского ордена, который сначала был организован в Палестине, но затем утратил там свое влияние. Его ставка была перенесена в Венецию, откуда гроссмейстер ордена начал вести переговоры сначала с королем Венгрии, а затем с князем Мазовии, предлагая им помощь в борьбе против врагов каждого из них. Конрад отдал ордену район Хелмно как базу для будущих операций против пруссаков.

Первый отряд тевтонских рыцарей появился в Мазовии в 1229 г. За ним пришли и другие, и вскоре Тевтонский орден был готов начать беспощадную агрессию против пруссаков. Орден был очень умело организован, а дух рыцарей был чрезвычайно воинственным. Заранее был приготовлен четкий план ведения кампании. Каждый год предполагалось захватывать небольшой район Пруссии. После его оккупации крестоносцами, местное население должно было либо уничтожаться, либо выселяться, должны были строиться замки и церкви и селиться немецкие колонисты. Перечень районов, предполагавшихся для завоевания, был составлен в соответствии с общими стратегическими соображениями. Завоевание всей Пруссии потребовало более тридцати лет, но, когда оно было завершено - около 1285 г.,- страна оказалась полностью германизирована. Первым из районов Пруссии, который должен был быть завоеван, был Торн (Торунь), захваченный в 1231 г.

В 1234 г. папа даровал Тевтонскому ордену район Кульм (Хелмно) и Торн в постоянное владение. Это сделало рыцарей юридически независимыми от князя Мазовии. В 1237 г. был заключен союз между Тевтонским и Ливонским орденами, в котором власть принадлежала первому. Это соглашение сделало Тевтонский орден главной военной силой в восточной Прибалтике почти на два столетия. Как только завоевание Пруссии подошло к концу, рыцари обратили свою агрессию против других соседей: Руси, Литвы и Польши. Конечно, поступок князя Конрада, пригласившего тевтонских рыцарей в Пруссию, был самой большой ошибкой из всех, когда-либо совершавшихся польскими правителями.

5. Первое появление монголов: битва на Калке (1223 г.)

Как мы знаем (см. 4а, выше), в начале тринадцатого века отношения между русскими и половцами заметно улучшились. Вскоре, однако, перед половецким ханством встали новые неприятности международного характера, идущие как с юга, так и с востока.

Опасность с юга представляли собой сельджуки, которые появились в восточной части Малой Азии в конце одиннадцатого века[17]. Во второй половине двенадцатого века они оттеснили византийцев

из центральной части Анатолии. Их положение стало особенно выгодным после четвертого крестового похода и образования Латинской империи в Константинополе (1204 г.), после чего на окраине Малой Азии сосуществовали два греческих государства локального значения: Никейская "империя" и Трапезундская "империя". Ни одна из них не могла служить препятствием для амбиций сельджукских султанов. Трапезундский "император" признал себя вассалом сельджукского султана и согласился платить ему ежегодную дань. Главенствуя над византийцами политически, сельджуки собирались также воспользоваться выгодами греческой торговли, и даже расширить ее. В 1214 г. они захватили порт Синоп и стали вести через него анатолийскую торговлю с Крымом, для которой раньше основной базой являлся Трапезунд.

Вскоре султан, возможно по совету византийских и осетинских купцов, решил расширить свой контроль над Черным морем вплоть до Крымских портов. Поводом послужили жалобы некоторых купцов, арестованных в Крыму, и в 1221 г. флот с сельджукскими солдатами был послан в Судак (Сугдея). Согласно летописцу Ибн-аль-Биби, жители города выразили свою преданность султану без какого-либо сопротивления с их стороны и проявили готовность выступать вместе с сельджуками против половцев и русских. Русско-половецкая армия в десять тысяч человек атаковала Судак, но была разбита сельджуками. После этого русский князь направил посланника в ставку командира сельджуков, и между русскими и сельджуками было заключено дружеское соглашение. Согласно вполне правдоподобному предположению Якубовского, русский князь, о котором идет речь, видимо, был одним из рязанских князей[18].

Болезненное впечатление, произведенное на половцев захватом Судака, вскоре сменилось новым страхом, вызванным появлением значительно более грозного врага - монголов. Они не были непосредственными соседями половцев на востоке; для того, чтобы вторгнуться в половецкие степи, монголам нужно было сначала прорваться сквозь Хорезмскую империю. В двенадцатом веке отношения между Хорезмом и половцами были мирными. Уже указывалась роль хорезмских купцов в половецкой торговле. В начале тринадцатого века Хорезм стал мощной империей во главе с шахом Мухаммедом (1200 - 1220 гг.). К концу его правления власть

шаха над собой признала бóльшая часть Туркестана, а также северная Персия и Азербайджан. Вполне можно было ожидать, что он со временем попытался бы расширить свою империю до Черного моря. Однако, прежде чем он смог это сделать, он встретился с монголами, и это столкновение стало причиной падения его самого и его державы.

Истоки монгольской империи и причины монгольской экспансии будут рассмотрены в следующем томе настоящего труда. Достаточно будет сказать здесь, что монгольский союз впервые был образован общим собранием монгольских кланов (курултай) в 1206 г. После этого один из монгольских клановых вождей, Темучин, был провозглашен верховным владыкой (Чингисханом). Его первый поход был направлен против Китая; Пекин сдался в 1215 г. В 1218 г. Чингисхан предложил договор о дружбе и свободной торговле Мухаммеду, шаху Хорезма. Ответом последнего стало убийство монгольских посланников. На следующий год Чингисхан сам повел свои армии в Туркестан, и Хорезмская империя развалилась на куски.

При таких обстоятельствах Чингисхан не намеревался вести какие-либо постоянные завоевания земель к западу от Туркестана. Однако он послал сильный кавалерийский корпус под командованием двух своих наиболее одаренных военачальников Джэбе и Субэдея, провести разведку в "западных землях". Они прошли по южному берегу Каспийского моря, проникли в Закавказье, разбили грузинскую армию, а затем, продвигаясь на север вдоль восточного берега Каспийского моря, нанесли поражение осетинам на Северном Кавказе и вошли в землю половцев, после чего направились в Крым. На Дону бродники дали монголам клятву верности.

Половцы обратились за помощью к русским. Несколько ханов, а среди них и Котян, тесть Мстислава Удалого, явились сами просить о помощи. "*Сегодня татары (монголы) захватили нашу землю*,- убеждал Котян,- *завтра они возьмут вашу*"[19]. Под влиянием Мстислава несколько русских князей согласились на союз с половцами против монголов. На военном совете русских князей было решено не ждать прихода татар, а атаковать их глубоко в половецких степях. Помимо Мстислава Удалого следующие крупные князья согласились принять участие в кампании: Мстислав III Киевский, Мстислав Черниговский, и молодой Даниил Волынский. Могу-

щественный великий князь Суздаля отказался сам явиться на помощь южно-русским князьям, но с некоторым запозданием прислал своего племянника, ростовского князя с отрядом войск.

Объединенные силы южно-русских князей спустились вниз по Днепру к острову Хортица, который был избран в качестве базы для ведения степной кампании; здесь половцы присоединились к русским. На этом начальном этапе экспедиции русских встретили монгольские посланники, предложившие князьям монгольско-русский союз против половцев. К тому времени русские определенно находились во взаимодействии с половцами и не могли принять предложения монголов. Вопреки всем военным традициям, князья приказали казнить посланников, даже несмотря на то, что они были (по моему мнению) христианами несторианского вероисповедания[20].

Первая стычка произошла на берегах Днепра. В этом авангардном бою Мстиславу Удалому удалось разбить отряд монгольских войск. Результат этой победы оказался неблагоприятным, поскольку дал русским преувеличенное представление о собственных силах. Переправившись через Днепр, их армии шли по степям восемь дней, прежде чем встретились с основными монгольскими силами на берегах реки Калки. Не было единства в командовании русско-половецкой армии и даже в самой русской армии. Не посоветовавшись с киевскими и черниговскими князьями и не дождавшись того, чтобы их армии подготовились, Мстислав Удалой и половцы атаковали монголов. Последствия были гибельными. Согласно летописям, монголы первыми разбили половцев, и их паническое бегство внесло замешательство в ряды русских. В любом случае, силы Мстислава Удалого и остальных русских князей, включая Даниила Волынского, были полностью дезорганизованы; Даниил был ранен в бою. Мстислав и Даниил поскакали назад к Днепру с небольшим количеством воинов. Несколько других князей, включая Мстислава Черниговского, погибли во время этого бегства. Тем временем третий Мстислав - киевский князь - решил остаться в своем прочно укрепленном лагере. На протяжении трех дней монголы атаковали лагерь, но так и не смогли взять его. Затем они предложили Мстиславу отпустить его за выкуп невредимым вместе с армией в Киев. Воевода из бродников Плоскиня, который присоединился к монголам, поклялся от их имени, что условия

соглашения будут строго соблюдаться. Вместо того, как только русские потеряли бдительность, монголы обрушились на них и истребили всех, кого могли. Мстислав и два других князя были захвачены живьем, их положили на землю, настелили на них доски, на которые монгольские военачальники сели за победный пир. Злосчастные князья были задушены. Следует помнить, что согласно монгольской традиции, царская кровь священна, и ее нельзя проливать. Печальная ирония в том, что русским князьям в этом случае были оказаны должные "почести".

Узнав о несчастье, приближающиеся ростовские войска повернули обратно на север, радуясь хотя бы тому, что избежали кровопролития. После своей победы монголы стали преследовать остатки русских армий, двигаясь на запад к Днепру, разрушая города и деревни, убивая и захватывая в плен жителей. Однако монгольским военачальникам не было дано приказания остаться на Руси, и вскоре они были отозваны назад Чингисханом, который посчитал, что задача разведывательного похода на запад удачно решена. Монгольская армия возвращалась на восток через земли волжских булгар. Последние отказались признать над собой власть Чингисхана и даже нанесли серьезное поражение войскам Джэбе и Субэдея на их марше. Этого монголы не смогли забыть, и тринадцать лет спустя перед тем, как напасть на Русь, они завоевали булгар.

Внезапное появление монголов в 1223 г. и их не менее внезапное исчезновение прибавило загадочности к горечи русского поражения. Как записал летописец: "*Мы не знаем, откуда эти злые татары пришли, и куда они ушли; только Бог знает*"[21].

6. Время истекло (1223 - 1237 гг.)

Если мы оглянемся на четырнадцатилетний временной промежуток между битвой на Калке и вторжением Батыя, мы, будучи на девятьсот лет мудрее, не сможем скрыть того чувства, что Русь жила на время, как бы взятое взаймы, не вполне отдавая себе в этом отчет. Мы не знаем, предпринималась ли русскими князьями какая-нибудь попытка провести разведку за Волгой и Каспием. Зато известно, что русские интересовались азиатскими делами и

пытались почерпнуть информацию об Азии из книг. Именно в этот период на русский язык была переведена история о "Пресвитере Иоанне"[22]. Книга рассказывает о некоем христианском царстве в Центральной Азии, откуда Европа ожидала помощи против левантийских мусульман. Легенда основывалась на реальном факте обращения в несторианство ряда монгольских и тюркских племенных вождей в двенадцатом веке. Конечно, никто не был достаточно силен, чтобы сдержать прилив монгольского вторжения. Если русские поверили в эту легенду, то им вскоре пришлось испытать горькое разочарование.

Новость о поражении, которое нанесли монголам волжские булгары, должна была подбодрить русских, показав им, что пришельцы с Дальнего Востока не были непобедимыми. На самом деле волжские булгары и половцы представляли собой не более чем тонкий заслон, едва ли способный защитить Русь от недавних пришельцев, но представляется, что русские и не думали о том, что им нужен такой заслон, по крайней мере - в лице волжских булгар, против которых суздальские князья вели упорную борьбу в этот самый период. Однако отношения с половцами продолжали оставаться дружественными.

Так как киевский и черниговский князья погибли в битве на Калке, на их престолах произошли изменения. Новые князья, Владимир III Киевский и Михаил Черниговский следовали руководству князя галицкого, Мстислава Удалого. Таким образом был основан союз Киева, Чернигова и Галича, хотя это и был свободный альянс, который также имел поддержку от половцев, руководимых ханом Котяном.

Северо-восточная Русь сформировала самостоятельный политический организм, особенно с того времени, когда суздальским князьям удалось держать Новгород под своим контролем. Двое сыновей Всеволода III тесно взаимодействовали друг с другом: Юрий II был великим князем Владимира (с 1217 г.), а Ярослав - князем Новгорода (с 1222 г.). Совместными усилиями они пытались осуществить общий план экономической политики, целью которой было обеспечить использование торгового пути от Балтийского моря к средней Волге. Юрий взял на себя заботу о юго-восточном конце этого пути, пытаясь разрушить барьер, которым являлось государство волжских булгар. В качестве предварительной меры он

попытался отделиться от булгар и завоевал финское племя - мордву. Он выстроил важную крепость на месте слияния Волги и Оки и назвал ее "Нижний Новгород", что достаточно характерно. Одновременно князь "верхнего" Новгорода Ярослав сосредоточил свое внимание на усилении контроля над Прибалтикой. Он совершил набег на землю Ям (то есть северное побережье Финского залива) и в 1227 г. установил свое господство в Карелии, обратив ее население в христианство. Он также проявлял бдительность в отношении немецкого вторжения.

Тем временем политическое равновесие в Западной Руси было временно нарушено из-за смерти Мстислава Удалого (1228 г.). Вскоре молодому князю Даниилу (сыну Романа) удалось восстановить порядок на Волыни, а затем и установить свое господство в Галиции (1237 г.). Таким образом, накануне монгольского вторжения политическая ситуация на Руси вполне стабилизировалась. Хотя между князьями и не было полного единства, существовало два региональных альянса - северо-восточный и юго-западный. Была также исключена опасность половецких набегов, по крайней мере на тот момент, благодаря дружеским соглашениям с половецкими ханами.

Таким образом представляется, что полностью была подготовлена почва для постепенного восстановления всерусского союза; во всяком случае, политическая ситуация выглядела значительно лучше, чем в конце двенадцатого века. Однако надпись уже была на стене, хотя русские и не видели ее. Вскоре монгольское вторжение разбило на куски всю политическую и экономическую структуру Киевской Руси.

Глава IX

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В КИЕВСКИЙ ПЕРИОД

1. Предварительные замечания

В истории каждой нации существуют периоды, когда национальная культура является в определенном смысле общей и однородной, поскольку основы духовной жизни едины во всех классах общества. Такие периоды можно назвать монистическими стадиями в истории культуры.

Монистические стадии чередуются с периодами перемен, когда старые культурные основы заменяются новыми, в результате чего на первый план выходят внутренние противоречия, и возникает дуализм или даже плюрализм. Чаще всего этот процесс усугубляется социальным размежеванием, так как культурная жизнь высших и низших классов нации следует разным тенденциям. Такие периоды можно назвать дуалистическими или плюралистическими стадиями истории культуры. Они скорее динамичны, чем статичны.

В истории русской цивилизации перемежающаяся последовательность монистических и плюралистических стадий видна так же ясно, как и в истории любой другой нации, если не яснее. Московский период - до раскола в русской Церкви в середине семнадцатого века в связи с движением староверов - совершенно очевидно является периодом культурного монизма. Православие, в его особой москов-

ской форме, являлось тогда основой основ для всех классов общества. Церковный раскол семнадцатого века и последующая европеизация страны, столь категорично осуществлявшаяся Петром Великим, разрушили старую культурную стабильность и начали эру плюрализма. В его основе на протяжении всего периода Империи лежал дуализм европеизированной культуры высших классов и московские культурные традиции, в которых продолжали духовно жить низшие классы общества. Современный советский период есть опять период культурного монизма, поскольку духовная жизнь всей нации формируется марксистской диалектикой.

Если мы подойдем к русской цивилизации киевского периода с этой точки зрения, мы без всяких колебаний определим ее как эпоху культурного дуализма. Причиной тому было введение на Руси христианства. В социальном плане прослеживаются яркие параллели между влиянием на русскую культуру и общество, оказанным христианизацией в киевский период, и подобным влиянием европеизации в период Империи. Оба процесса были длительными, оба сначала затронули высшие классы общества и подчеркнули культурное расхождение между элитой и массами.

Было бы ошибкой говорить о русском народе киевского периода как о неразвитой и варварской нации, не проводя должного различия между образованной верхушкой нации и народной массой. На самом деле уже в середине одиннадцатого века русские интеллектуалы - такие как митрополит Иларион - были высокообразованными людьми на уровне своих византийских и западноевропейских современников.

Хотя верхний культурный слой и был тонок, он составлял среду, достаточную для развития таких выдающихся личностей, как тот же Иларион. Он и сам чувствовал поддержку в существовании подобной среды и недвусмысленно обращал свои проповеди не к обычным людям, а к "напоенным благодатью книжной мудрости".

Таким образом введение на Руси христианства привело не только к религиозному дуализму (он существовал пока новая вера не была принята всей нацией), но и к культурному дуализму в целом. Соответственно, говоря о киевской цивилизации мы должны различать между литературой и искусством книжников, с одной стороны, и фольклором и народным искусством - с другой. Разумеется, два культурных мира не были изолированы друг от друга, да и

христианство постепенно все больше и больше овладевало различными социальными слоями.

Новое церковное искусство, претворенное в архитектуре и живописи, своим великолепием привлекало даже язычников; с другой стороны, мотивы дохристианского народного искусства, воплощенные в вышивках и резьбе по дереву, вызывали восхищение образованных людей. Так же и в области литературы: византийские дидактические сказки, особенно апокрифы, оказали влияние на русский фольклор, а русские народные былины одинаково ценились и низшими, и высшими классами, подготавливая почву для развития эпической поэзии книжников, лучшим образцом которой является "Слово о полку Игореве".

2. Язык и письменность

Незадолго до своей смерти писатель Иван Сергеевич Тургенев (1818 - 1883 гг.) нашел утешение в размышлении над красотой русского языка - "*великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Нельзя верить, что такой язык не был дан великому народу*!".

Столетием раньше Тургенева знаменитый ученый Михаил Ломоносов (1711-1765 гг.) превозносил русский язык в еще более высоком стиле.

"*Карл Пятый, римский император, говаривал, что гишпанским языком - с богом, французским - с друзьями, немецким- с неприятелями, италианским - с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие гишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италианского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка.*"

Этот русский язык, столь высоко оцененный Тургеневым и Ломоносовым, каким он был в раннем средневековье? Любой современный язык - продукт долгой эволюции; в определенном смысле каждое поколение говорит на своем собственном языке. Различия между веками, конечно, еще более заметны. Язык Ломоносова ка-

зался устаревшим современникам Тургенева, многое в языке Тургенева кажется старомодным нам.

Различия между русским языком времен Ломоносова - восемнадцатый век - и времен митрополита Илариона - одиннадцатый век - естественно, даже более значительны, чем между языком Ломоносова и Тургенева. Однако стиль Илариона уже сложен и гармоничен, поэтому мы уверенно можем сказать, что славянский русский язык его времени в свою очередь являлся продуктом долгой эволюции.

Иларион был образованным монахом, его "Слово о законе и благодати" - образец литературного русского стиля того времени. Более разговорный язык - живой русский язык простых людей киевского периода - находим в эпических поэмах и, прежде всего, в прекрасном "Слове о полку Игореве" конца двенадцатого столетия. Взятые вместе, эти два документа Древней Руси - проповедь Илариона и "Слово" - убедительно свидетельствуют о зрелости, достигнутой языком уже за семь столетий до Ломоносова.

С момента введения христианства иа Руси русский язык подвергся сильному воздействию так называемого "церковнославянского", языка церковной службы и религиозных книг. Церковные книги были сначала переведены на славянский Св. Кириллом и Мефодием во время их Моравской миссии (863-885 гг.). Хотя филологи все еще спорят о природе славянского языка, на котором говорили и писали "славянские Апостолы", можно уверенно утверждать, что македонский (Салоники) диалект послужил для них основой. Во время пребывания в Моравии их язык, несомненно, испытал влияние западного славянского диалекта, а после переезда последователей Кирилла и Мефодия в Болгарию, болгарский язык вошел как еще один элемент в древний церковнославянский.[1]

В целом, церковнославянский сыграл в развитии русского литературного языка роль, подобную роли латинского в формировании французского и роли французского в формировании английского языка. Различие в том, что болгарский и русский - языки одной семьи, а в девятом веке сходство между отдельными славянскими языками, несомненно, было более значительным, чем сейчас. Связь, таким образом, между двумя этими языками была куда более тесной, чем между латинским и кельтским или между французским и англосаксонским. Не боясь преувеличения, можно ска-

зать, что церковнославянский составлял в веках и составляет по сей день основу русского литературного языка.[2]

Несмотря на близкое родство церковнославянского и древнерусского языков, в них существовали также определенные различия. Для первого были характерны носовые звуки, подобные французским *on* и *en*. В древнерусском, по крайней мере с десятого столетия, не было носовых гласных. Другим фонетическим различием являлась русская тенденция относительно сонорности: так, вместо церковнославянских сочетаний *ра, ла* и тому подобных, в русском находим *оро, оло* и т. д. В результате: церковнославянская *брада* - в русском *борода, глава - голова*.[3]

Современный русский язык - это один из трех языков восточнославянской группы, другие два - белорусский и украинский. Разделение восточнославянской группы на эти три языка было результатом длительного процесса, определяющим фактором которого явились политические и культурные различия - различия, выступившие на первый план во время монгольского периода (с тринадцатого по пятнадцатый столетия). До этого на Руси было два основных фонологических района: южнорусская и северорусская группы диалектов. Внутри первой развились украинский и белорусский языки и южное великорусское наречие, внутри второй - северное великорусское наречие. Последние два соединились и образовали основу великорусского языка, теперь известного как просто русский.[4]

Как известно, с незапамятных времен русские жили в тесном контакте с различными персидскими и тюркскими племенами. Поэтому абсолютно естественно, что в русском лексиконе должны быть персидские и тюркские слова. Количество тюркских заимствований, как и монгольских терминов, заметно увеличилось после монгольского нашествия тринадцатого века, но некоторые вошли в русский язык еще в киевский период и даже ранее.[5]

Кроме этого русский лексикон того периода содержал также слова, заимствованные из разных европейских языков: греческого, латинского, норвежского и немецкого. Эти заимствования отражают различные стадии торговых и культурных взаимоотношений между Русью и ее соседями.

Русские получили из Болгарии так называемую "кириллицу" - алфавит[6], который с того времени используется в России, хотя и с

некоторыми изменениями. Поскольку носовые звуки давно исчезли из русского языка, буквы, обозначающие их, стали лишними и постепенно перестали употребляться.

В начале восемнадцатого века, при Петре Великом, русским буквам придали своего рода латинизированную форму, которая стала известна как "светский алфавит"; старый церковнославянский алфавит, однако, продолжали использовать в религиозных книгах. После революции 1917 г. "светский" алфавит еще больше упростили, исключив несколько устаревших букв.

Книгопечатание появилось на Руси на столетие позже, чем в Гуттенберге; в киевский период, конечно, его не было нигде в Европе. Все книги были рукописными. До четырнадцатого столетия на Руси использовали шрифт *устав,* а с четырнадцатого века появилась его упрощенная форма *полуустав*. В неофициальном письме он скоро уступил место *скорописи*. В секретной переписке использовали различные формы *тайнописи*. До монгольского периода все книги писали на пергаменте, а в четырнадцатом веке кроме пергамента стали использовать бумагу и затем постепенно полностью на нее перешли.

Пергамент был очень дорогим, а письмо *уставом* медленным. Изготовление книги, даже нескольких копий или единственной копии, требовало больших расходов. В определенном смысле книги были роскошью. Тем не менее, Древняя Русь располагала большим количеством книг. Несмотря на частые пожары и полное уничтожение книг во время войн, особенно в течение монгольского нашествия, сохранилось более пятисот манускриптов и тысяча грамот и документов, написанных в период с одиннадцатого по четырнадцатое столетия, в основном в монастырских библиотеках. Кроме этого, много книг киевского периода известны в поздних списках. Общее количество дошедших до нас рукописных книг, написанных и переписанных на Руси с одиннадцатого по семнадцатый века, равняется примерно пятидесяти тысячам.[7]

3. Фольклор

Язык - это прежде всего средство общения между людьми. Он связывает личность с социальной группой: и с ближайшим окру-

жением - семьей или задругой, и с более широкой социальной группой - родом, племенем, нацией. В обществе язык выполняет различные официальные функции, обслуживая Церковь, государство, правосудие. На стадии "литературного языка" он становится инструментом образования, науки, литературы.

До достижения этой финальной культурной стадии, язык переживает длительный процесс внутреннего развития, являясь средством самовыражения отдельных личностей и групп во время работы и отдыха. Продукты подобного самовыражения мы обычно называем "фольклором". Отголоски этой древней поэтической традиции сохранились преимущественно в крестьянской среде, по крайней мере в России, и поэтому термин "фольклор" стал почти синонимичным понятию "народная литература", обозначая литературные произведения низших классов. В древний период ситуация была иной, так как развитие творческих способностей в области литературы основывалось на сотрудничестве всех социальных групп. В киевский период, после введения на Руси христианства и появления письменных текстов, в литературном искусстве сформировался своеобразный дуализм. Как мастерски формулирует это Роман Якобсон:

"На протяжении многих столетий русская письменная литература почти полностью оставалась прерогативой Церкви: при всем его богатстве и высокой художественности древнерусское литературное наследство почти все состоит из жизнеописаний святых и благочестивых людей, религиозных сказаний, молитв, проповедей, богословских рассуждений и летописей в монастырском стиле. Однако древний русский народ обладал богатейшей, оригинальной, разнообразной и высокохудожественной литературой, но единственным средством ее распространения было устное изложение. Идея использовать буквы для светской поэзии была абсолютно чужда русской традиции, и выразительные средства этой поэзии были неотделимы от устного наследия и устной традиции".[8]

Главной составной частью русского фольклора является песня - в ней тесно переплетаются язык и ритм, слово и мелодия. Русская пословица достаточно характерно говорит: "Из песни слова не выкинешь". Также было сказано, что "Песня - живая летопись русского народа". С незапамятных времен русские запечатлевали в песне

весь ход своей жизни: работу и развлечения, радость и печаль, малозначительные происшествия и великие исторические события.

Русский фольклор сопровождал русский народ на протяжении всей его истории, и только в самое последнее время источники фольклора начали пересыхать под воздействием индустриализированной и механизированной цивилизации. В деревнях, особенно на севере России, сказители древних *былин* до сих пор в большом почете.[9]

Не считая "Слова о полку Игореве", которое, безусловно, создал не "народ", а отдельный творец, принадлежавший к классу аристократии, первый письменный текст русской фольклорной поэмы, *духовный стих*, датируется пятнадцатым столетием.[10] Самая древняя из известных рукописей русских народных баллад, видимо, создана в 1619 г. для Ричарда Джеймса, Оксфордского выпускника, который служил капелланом у английских купцов в России.[11] Англичанину, таким образом, принадлежит честь первопроходца в изучении русского фольклора. В рукописи Джеймса содержится только шесть песен.

Большинство нам известных произведений русского фольклора, в том числе народной прозы, такой как волшебные сказки, зафиксированы письменно или, в последнее время, в звуковом варианте в течение восемнадцатого, девятнадцатого и двадцатого веков.[12] Таким образом, нет формальных свидетельств для датирования этих материалов, кроме даты записи, которая в большинстве случаев сравнительно свежа.

Для некоторых эпических песен самую раннюю дату создания можно установить по контексту. Так, песня о гибели воеводы Скопина-Шуйского, одна из записанных для Джеймса, безусловно не могла появиться раньше 1610 г., даты смерти воеводы. В большинстве случаев, однако, этот способ ненадежен. Некоторые эпические песни, воспевающие князя Владимира, могли быть созданы в его время, но нельзя быть уверенными, что мы располагаем первоначальным текстом.

Таким образом, попытаться выбрать из общего фонда древнего русского фольклора часть, которую можно уверенно отнести к киевскому периоду, действительно в высшей степени трудная задача. Мы можем быть уверенными, что та или иная народная песня очень древняя, но вряд ли нам удастся доказать это в каждом

конкретном случае. Тем не менее очевидно, что корни фольклора, в том числе русского народного искусства, уходят глубоко в историю - во многих случаях гораздо дальше киевского периода. Следовательно, картина цивилизации того периода будет неполной, если оставить вне рассмотрения фольклор, и даже гипотетическая датировка некоторых песен лучше игнорирования предмета.

Очевидно, что некоторые *обрядовые песни,* первоначально сопровождавшие или символизировавшие различные стадии сельскохозяйственного цикла, очень древние.[13] Следы языческих верований, поклонения Солнцу и Земле, просматриваются во многих из них. К этой группе относятся песни, исполнявшиеся во время празднеств по случаю дня зимнего солнцестояния (*коляды*), весеннего равноденствия (*масленица*), летнего солнцестояния (*семик* или *русалья*) и осеннего солнцестояния. После введения на Руси христианства прежние языческие праздники были совмещены с христианскими, и тексты некоторых песен соответственно изменились, старые колядовые песни теперь играли роль рождественных гимнов.

Во многих случаях свидетельством древнего происхождения песни, кроме ее содержания, является древняя мелодическая форма. В целом, существует достаточно косвенных доказательств, что многие русские обрядовые песни сложились в киевский период, если не раньше. Важную часть обрядовых песен составляет цикл свадебных песен, который соответствует сложным церемониям, сопровождавшим древний свадебный обряд, до сих пор исполняемый в крестьянской среде. Каждому действию обряда соответствует специальная песня. Некоторые очень жизнерадостные, другие грустные и даже печальные.

Эпические песни (*старины, былины*), которые по содержанию можно датировать киевским периодом, довольно многочисленны.[14] Эти поэмы обычно посвящаются славным подвигам могучих *богатырей,* защищавших русскую землю от степных кочевников. В некоторых случаях противник богатыря - *жидовин* (еврей). Безусловно, здесь имеется в виду борьба русских с хазарами. Во многих случаях, однако, враг в разночтениях сохранившихся текстов - татарин, что для киевского периода, конечно, было бы анахронизмом, поскольку татары - как на Руси называли монголов - появились только в тринадцатом веке.

Богатыри, воспеваемые в эпических поэмах, в основном дружинники Владимира Святого. Хотя они всегда готовы защитить князя и его государство, в них нет подобострастия, они по-дружески общаются с ним, иногда даже ругают князя и его жену. Они были не дисциплинированными солдатами, а грубыми индивидуалистами и, действительно, каждый из них изображается как личность со своим собственным характером. Старший из них - Илья Муромец, большой могучий человек крестьянского происхождения, целеустремленный и бесстрашный, но без следов цивилизации. Его главный сподвижник - Алеша Попович, сын священника, который полагается на свою хитрость. Добрыня Никитич - боярин, благородный великодушный человек. Другой популярный персонаж из галереи портретов богатырей - Чурило Пленкович, перед которым не могла устоять ни одна девушка.

К Владимирскому циклу былин позднее были добавлены другие эпические поэмы, среди которых сказание о Волхе Всеславиче, описывающее приключения князя Всеслава Полоцкого, и поэма о Дюке Степановиче, которая была сложена в Галиции в двенадцатом веке и отражает тесные связи этого княжества с Византийской империей. Знаменитая поэма "Садко", ранний вариант которой тоже, видимо, был создан в двенадцатом веке, типично новгородское произведение. Ее герой не степной богатырь, а купец-путешественник; богатство, а не военная доблесть придает колорит истории.

Другая новгородская былина - о Василии Буслаеве - совсем другого рода. Васька (уменьшительное от Василия) один из необузданных молодцов города-республики; он всегда ищет приключений и не признает никаких авторитетов. Свободомыслящий, он не благоговеет перед церковью, не суеверен, как говорит поэт:" не верит ни в сон, ни в чох".

Возвращаясь к "степным былинам", следует подчеркнуть, что в некоторых из них прослеживаются параллели с персидским и тюркским фольклором.[15] Так, например, некоторые эпизоды истории об Илье Муромце напоминают нам великий персидский эпос "Шахнаме". Возможно черкесы были связующим звеном между русской и персидской поэзией, собственно черкесские влияния тоже прочитываются в отдельных русских эпических песнях. Примечательно, что героя одной из древних русских былин зовут Святогор ("князь

святых гор"). Под этими горами, видимо, имелась в виду Кавказская гряда.[16]

В заключение необходимо сказать несколько слов о русской сказке.[17] Сказка была необычайно популярна в русском народе на протяжении всей истории страны. Как составная часть русского фольклора она богата и разнообразна. Существует два главных жанра сказки: волшебная и сатирическая. Волшебные сказки, с их *коврами-самолетами, скатертями-самобранками* и т.п., корнями, возможно, уходят к языческому колдовству. Их популярность объясняется мечтой людей о вещах, которые сделали бы жизнь легче.

Сатирические сказки дают выход народному недовольству политической и социальной несправедливостью. Интересно, что некоторые сказочные персонажи, например Баба-Яга, упоминаются в летописи, что свидетельствует о популярности сказок в киевский период.[18]

4. Музыка

Изучение древнерусского фольклора так же важно для понимания исторической основы русской музыки, как и для адекватного подхода к русской поэзии.[19]

Русская песня имеет свои мелодические, гармонические и ритмические особенности. Некоторые древнерусские песни сложены в так называемом пентатонном звукоряде, за самый короткий интервал в котором принят "тон" или "полный интервал". Как заметил князь Н.С. Трубецкой, подобный звукоряд встречается в народной музыке тюркских племен бассейнов Волги и Камы - башкир, сибирских татар, тюрков Центральной Азии, а также у аборигенов Сиама, Бирмы и Индокитая.[20]

В этом смысле музыку, по крайней мере одной группы древнерусских народных песен, можно назвать скорее евразийской, чем европейской. На Украине пентатонный звукоряд обнаруживается только в небольшом количестве очень древних песен, среди других славян его использование еще более редко. С другой стороны, интересно отметить, что пентатонный звукоряд сохранился также в кельтской народной песне, у шотландцев, ирландцев и в Британии. Другие русские песни, кажется, следуют традициям древнегреческой музыки.

Можно добавить, что русская народная песня преимущественно диатоническая, элементы хроматизма очень редки. Большинство русских песен многоголосные. Каждая партия самостоятельна и по-своему красива, но все служат целому. Песня начинается запевалой, который исполняет тему. Другие певцы модулируют и украшают ее, создавая самобытный контрапункт. В этом отношении русская народная песня заметно отличается от народных песен восточных народов, большинство которых поют в унисон.

Ритм русской песни частично определяется природой живого языка, но также в значительной степени зависит от художественной интуиции создателя и исполнителя. Типичные размеры 5/4 и 7/4.[21]

Кроме хорового пения в Киевской Руси любили и сольное, особенно на княжеских пирах, где исполняли героические баллады, такие как "Слово о полку Игореве". В большинстве случаев певец сам аккомпанировал себе на гуслях. В "Слове" есть поэтическое описание такого представления: "*То не десять соколов пускал Боян на стаю лебедей, то он пальцы свои искусные на живые струны накладывал. А те струны, будто сами, славу князьям пели*".

Профессиональных певцов, по-видимому, было много. Они переходили с одного народного праздника на другой, выступая не только в княжеских хоромах, но и на городских торговых площадях и сельских ярмарках. Они, в основном, были известны как *скоморохи*. Скоморохи работали группами, и, как классу, им нужно отдать должное за сохранение в веках традиций древнего народного искусства в России.

Кроме гуслей, в древней Руси использовали другие разные музыкальные инструменты: сопели, бубны. Последние были также обязательной частью военных оркестров, вместе с суренками и трубами. Несомненно, хорошо известны были некоторые восточные инструменты, например сурка (зурна) и домра. Помимо военных оркестров, князья содержали специальные ансамбли для дворцовых пиров и празднеств.

Что касается религиозной музыки, то о языческих обрядах нам известно немного. Масуди упоминает музыкальные мелодии, которые мог слышать путешественник, приближаясь к определенным языческим капищам в земле славян. Известно, что языческие священнослужители балтийских славян использовали трубы.[22] Возможно, в языческий ритуал также входило какое-то пение и музыка.

После крещения Руси церковное пение стало существенным элементом русской музыкальной культуры. В соответствии с византийской традицией Русская Церковь избегала инструментальную музыку, если не считать таковой церковные колокола.[23] С другой стороны, вокальная музыка - а конкретно, хоровое пение - рано достигла высокого уровня.

Основой православного церковного пения послужила византийская система напевов. Эта система содержит восемь *гласов,* четыре основных ("автентических") и четыре дополнительных ("плагальных"). Система построена для церковной музыки Св. Иоанном Дамаскином (ум. в 760 г.) на основе древнегреческой гармонии.

Сначала русское церковное пение было унисонным. Его нотации сохранились в небольшом количестве рукописей, самая древняя из которых - новгородская церковная книга одиннадцатого века. В ней содержится *знаменная* нотация. Кроме нее на Руси в период с одиннадцатого по четырнадцатый века существовала и другая система нотации, известная как *кондакарная.* К сожалению, она до сих пор не расшифрована полностью, но из того, что уже прочитано, ясно, что это запись многоголосного пения.[24]

5. Театр

Театр - один из важнейших видов современного русского искусства, и говорят даже, что русские имеют врожденные способности к сцене. Однако театр, в современном смысле, появился в России только в конце семнадцатого века. В московский период - эпоху Шекспира - театра в России не было.

Ситуация киевского периода не совсем ясна. Прежде всего, мы должны рассмотреть фольклорные основы. Ритуал народных праздников, с его танцами, ритмизированным диалогом и т.п., содержал значительный элемент театрального искусства. То же самое можно сказать о свадебной церемонии и обряда похорон.[25]

Сложный цикл древнерусской свадебной церемонии представлял собой действо, в котором не только жених и невеста, но и их родственники и друзья - все имели собственную роль. Спектакль состоял из нескольких действий и начинался с прихода родственников жениха в дом отца невесты, обычно ночью, как того требо-

вал древний ритуал. Представление происходило несколько дней в домах родственников каждой стороны по очереди. Как уже отмечалось, разнообразные песни были существенной частью церемоний, каждому дню и каждой сцене соответствовала своя песня.

Примечательно, что русские крестьяне и сейчас, говоря о свадьбе, употребляют глагол "играть" (*играть свадьбу*). Похороны тоже совершались по установленному ритуалу, важная роль в котором принадлежала профессиональным *плакальщицам*. В "Слове о полку Игореве" плакальщица *Карна* оплакивает судьбу всей Руси, истерзанной степными кочевниками.

Именно на этом фольклорном фоне нужно рассматривать деятельность бродячих артистов - *скоморохов*.[26] Предполагается, что большинство скоморохов были площадными актерами и музыкантами, типа жонглеров и шутов. Однако следует иметь в виду, что информация о них исходит преимущественно из церковных источников.

Русское духовенство считало представления скоморохов проявлением язычества и безуспешно пыталось препятствовать им. В этом духовенство руководствовалось решением Константинопольского Церковного Собора 692 г., в котором осуждались все виды театральных представлений. Но сама Византийская Церковь отказалась от своего ригоризма во время иконоборчества (восьмой век) и пошла в этом еще дальше в период Македонской династии (с девятого по одиннадцатый века). Византийский театр, который вырос из римской пантомимы, просуществовал до последнего дня Империи.[27] Кстати сказать, византийская пантомима дала рождение турецкому народному театру *орта оюну, Карагёз* и *Меддахов*.[28]

Принимая во внимание тесные культурные связи Киевской Руси с Византией, можно предположить, что византийские артисты бывали на Руси и познакомили местных скоморохов с началами театрального искусства. Как мы увидим, на фресках Софийского собора в Киеве византийские актеры изображены на фоне ипподрома, но пантомимы были различны по содержанию и, кроме площадных представлений, в Константинополе разыгрывались более серьезные спектакли.

Византийские артисты, в некоторых случаях носили маски[29], маски были и у скоморохов. Именно с представлениями скоморохов нужно связывать появление в средневековой Руси кукольного театра. Первое известное упоминание о нем находится в рукописи пятнадцатого века.[30]

В дополнение к светскому театру в Византии, как и в западной Европе средних веков, развивалась религиозная драма (мистерия). В определенном смысле византийская служба сама по себе является духовной драмой, и сложная церемония в Софийском соборе осуществлялась с театральными эффектами. Именно театральный момент византийского обряда привлек послов Владимира в христианстве больше, чем что-нибудь иное. Согласно летописи, во время службы в Софийском соборе Константинополя они не знали, где находятся, на земле или на небесах. Позже подобное чувство, должно быть, испытывали сельские жители Руси, посещая службы в Софийском соборе Киева и других больших церквях русских городов. Стенные росписи, мозаики и иконы, размещенные по всей церкви создавали необходимую обстановку для духовной драмы церковной службы, глубокий символизм которой в обратном случае не воспринимался бы прихожанами.

В Византии с самого раннего периода ее истории были разработаны специальные торжественные службы со сложными ритуалами для празднования главных церковных событий: Вербного воскресенья, Пасхи, Рождества Богородицы. Постепенно вокруг каждой из этих служб были построены церковные процессии и мистерии и, в конце концов, из них выросла византийская религиозная драма. Знаменательно, что на приеме в честь русской княгини Ольги (957 г.)в императорском дворце разыгрывалась религиозная пьеса.[31]

Таким образом, мы можем быть уверены, что даже до официального введения христианства на Руси, русские были знакомы с театрализованными частями византийской церковной службы. Свидетельств нет, что религиозная драма, как таковая, существовала в России раньше шестнадцатого или семнадцатого веков, но специальные службы по торжественным дням и на Страстной неделе проводились уже в киевский период, хотя, возможно, и не так великолепно, как впоследствии.[32]

6. Архитектура и изобразительное искусство

Большинство известных нам памятников древнерусской архитектуры и живописи представляют церковное искусство. Поскольку русская Церковь входила в лоно Византийской, рус-

ское церковное искусство, безусловно, должно было следовать византийским канонам, по крайней мере в начальный период распространения христианства на Руси. Поэтому часто говорят, что с точки зрения истории искусства, Киевская Русь была частью Византии.

Невозможно отрицать сильное византийское влияние в древнерусской архитектуре и живописи. Но, однако, реальный процесс русского художественного развития был чересчур сложным, чтобы его можно было описать в рамках теории "византинизации" Руси или какой-либо другой строгой доктрины подобного рода. Во-первых, наше знание о древнерусском искусстве неполно. Если некоторые церковные сооружения сохранились, то памятники светской архитектуры - нет, так как большинство жилищ строилось из дерева и поэтому было менее долговечно, чем церковные здания. Более того, за исключением немногих фундаментов, до нас не дошли постройки дохристианского периода, и, таким образом, у нас нет возможности проследить связь между языческой и христианской архитектурой. К тому же само понятие "византийское искусство" требует толкования. В нем было несколько школ и необходимо разделять, например, между архитектурным стилем Константинополя и византийских провинций, таких как Фракия и Македония, с одной стороны, и Анатолия - с другой.

Начнем с проблемы дохристианской архитектуры на Руси. Приблизительно в 1908 г. в Киеве археологи обнаружили овальный фундамент постройки, который сочли остатками языческого капища, хотя тому и нет прямого доказательства. На этом основании было высказано предположение, что языческие капища на Руси имели овальную форму.[33] Нет конкретных свидетельств для такого общего заключения. Если рассмотреть параллели в других славянских странах, увидим, что, например, капище Святовита на острове Рюген квадратной формы.

Очевидно первые христианские церкви были построены для русских не ими самими, вскоре после их первого крещения в 866 г. Вероятно одна находилась в Тмутаракани. В 1022 г. князь Мстислав Тмутараканский возвел там другую церковь, послужившую образцом для собора в Чернигове, заложенного тем же князем. К моменту его смерти, в 1036 г., собор был еще не закончен, но позже его достроили.[34]

Хотя черниговский собор несколько раз перестраивали, его первоначальные архитектурные особенности были сохранены. Он организован по византийскому плану - базилика с пятью нефами; в нем также очевидно определенное влияние архитектурного стиля закавказских храмов.[35]

Первым из роскошных киевских храмов была, так называемая, "Десятинная" церковь, заложенная Владимиром Святым и законченная в 1039 г. Согласно К.Дж. Конант эту церковь начали строить по плану византийской базилики с тремя нефами, по позже план изменили, и появилось двадцать пять отдельных объемов, предназначенных для возведения свода, но не двадцати пяти куполов, как считают некоторые.[36]

Еще раньше, приблизительно в 989 г., Владимир повелел построить собор в Новгороде. Из летописи мы узнаем, что первая Св. София Новгородская, построенная из дерева, была *о тринадцати верхах*. Некоторые археологи готовы видеть в этом термине куполы, по более правдоподобным кажется, что "верхи" можно объяснить просто как элементы крыши.[37]

По Конант, один из архитекторов этого собора, видимо, был из Азии. Этот стиль, несомненно, повлиял на стиль других ранних русских церквей, и в Новгороде и в Киеве.

Два самых впечатляющих памятника русской архитектуры одиннадцатого века - Софийский собор, построенный в Киеве в 1037-1100 гг., и второй новгородский собор того же имени, заложенный в 1045 г. Киевский собор дошел до нас в плохом состоянии, искаженным пожарами и перестройками. Новгородский несколько лучше сохранился до немецкого нашествия, но был страшно поврежден немцами перед отступлением 1944 г.

Судя по всему, Св. София Киевская в ее первоначальном виде была величественным собором. В плане она представляла собой квадрат, внутренний объем делился колоннами на нефы. Собор имел пять апсид - все на восточной стороне - и тринадцать куполов; огромный - в центре и двенадцать, поменьше, - вокруг него. Собор был великолепно украшен внутри стенными росписями, мозаиками и иконами.

Как целое, Св. София Киевская - выдающееся произведение византийского стиля, но она не была простой копией какого-либо храма, существовавшего тогда в Византии. Считается, что так на-

зываемая "Новая церковь" (Nea Ecclesia) в Константинополе, законченная в 881 г., послужила исходным образцом для создателей Софии и некоторых других киевских храмов, построенных при Ярославе Мудром. Однако Киевская Св. София значительно сложнее по своей архитектуре, чем ее прототип. В ней заметны также художественные мотивы византийских провинций (в этом случае Анатолии). Кроме того не исключается возможность определенного влияния новгородского деревянного зодчества, особенно если принять во внимание количество куполов, совпадающее с количеством новгородских "верхов".

Вторая Св. София Новгородская была возведена на месте первой деревянной, уничтоженной пожаром 1045 г. Новгородская Св. София более строга и менее роскошна, чем киевская, но прекрасна по-своему. Ее пропорции совершенно другие, апсиды вытянуты, и, хотя главный объем храма прямоугольной формы, она не квадратная. У собора шесть куполов.

Согласно А.И. Некрасову, некоторые архитектурные черты этого храма принадлежат романскому стилю.[38] В течение двенадцатого века с ростом местных культурных центров, большинство столиц удельных княжеств украсились церквями, каждая из которых, если и была меньше киевского Софийского собора, но имела свой собственный особый стиль.[39]

Показательно, что в художественном стиле церквей как западной Украины (Галиция и Волынь), так и восточной Руси (Суздаль и Рязань) переплетаются и романские и закавказские (грузинские и армянские) стилистические влияния. Как показывают последние археологические изыскания, рязанская церковь начала двенадцатого века имела форму так называемого "армянского креста".[40]

Вторая половина двенадцатого и начало тринадцатого века были периодом расцвета суздальской архитектуры.[41] Как мы знаем, в это время Владимиро-Суздальское княжество вышло на первый план, руководимое такими одаренными правителями как Андрей Боголюбский и Всеволод III. Оба были увлеченными строителями. Из летописей известно, что Андрей приглашал в Суздаль архитекторов из разных стран. Историк В.Н.Татищев утверждает, что однажды император Фредерик Барбаросса посылал Андрею мастеров-строителей из Германии.[42] Татищев не указывает источника этого сообщения, но обычно его информация достоверна. Нам

известно, что суздальские князья поддерживали дружественные отношения и с Византией, и со Священной Римской империей. Возможно, Андрей Боголюбский нанимал некоторых грузинских и армянских архитекторов, а также строителей из Западной Руси (Галиции).

Присутствие такого большого количества иностранных архитекторов в пятидесятые-шестидесятые годы двенадцатого века, видимо, стимулировало художественную активность местных суздальских мастеров, и в 1194 г. летописец замечает, что Всеволод пригласил только русских мастеров подновлять соборы Суздаля и Владимира.[43]

Два выдающихся архитектурных памятника периода княжения Андрея - Успенский собор во Владимире (построен в 1158 - 1161 гг., восстановлен в 1185 - 1189 гг., перестроен в 1194 г.) и изумительная миниатюрная церковь Покрова Богородицы на берегу реки Нерль недалеко от Боголюбова (1165 г.). В княжение Всеволода во Владимире возвели Димитриевский собор (1194 - 1197 гг.), известный декоративной отделкой внешних стен. Не менее замечателен Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, построенный сыном Всеволода Святославом (1230 - 1234 гг.). Его фасады тоже украшены резьбой, даже более эффектной, чем на Димитриевском.

Хотя каждая из этих церквей отличается индивидуальностью, все они принадлежат одному общему архитектурному стилю, "Суздальскому", для которого характерна гармоничная композиция и изящество линий и отделки. В архитектурных и декоративных деталях прослеживаются поразительные параллели между суздальскими, армянскими и грузинскими церквями, суздальскими и западными романскими. Однако, едва ли было бы правильным без оговорок называть суздальский стиль и церкви романскими, как это часто делается. По справедливому замечанию Н.П.Кондакова, романское искусство само развивалось под влиянием Византии, и в византийском искусстве одиннадцатого и двенадцатого веков можно найти много "романских" элементов. Искусство некоторых восточно-европейских стран, таких как Западная Украина, Сербия и Венгрия, принадлежит к этому романо-византийскому типу и, с точки зрения Кондакова, именно к Западной Украине (Галиция и Волынь) мы должны обращаться в попытках обнаружить источники суздальского искусства.[44]

В любом случае, если и существуют романские элементы в суздальских церквях, то сами они выглядят совсем не так, как романские церкви Богемии, Германии и Франции. В общем, трудно отрицать, что, соединяя различные элементы византийского, закавказского и романского искусства, архитекторы - и иностранные, и русские, приглашенные суздальскими князьями, создали новый и совершенный стиль в русском искусстве. К.Конант называет его "подлинно классическим" и "достойным эллинистического духа вместе с чувством чистоты и покоя, которые всегда присутствуют в самых великих произведениях искусства".[45] Впоследствии суздальские храмы, в свою очередь, послужили образцом для московских церквей пятнадцатого столетия, построенных итальянскими мастерами.

Кроме церквей и Андрей, и Всеволод возвели для себя роскошные дворцы. Согласно летописцу, и иноземцы, и русские съезжались в Боголюбово, чтобы полюбоваться палатами Андрея. Ничего не осталось от этого дворца на земле, но его фундаменты, недавно раскрытые археологами, дают некоторое представление об этом грандиозном архитектурном ансамбле, который включал в себя палаты, несколько теремов и собор, все соединенное галереями.[46]

В то время как и церковь и князья финансировали развитие архитектуры, церковь выступала против скульптуры, считая ее языческим искусством. Предубеждение против скульптуры в древней Руси было столь велико, что не только в церковном, но и в светском искусстве для нее не было места. В результате скульптура в Киевской Руси самостоятельно не развивалась, и даже барельефы использовались в основном в декоративных целях.[47] Среди немногих образцов русской скульптуры этого периода можно упомянуть мраморные саркофаги в Софийском соборе в Киеве, один из них - саркофаг Ярослава Мудрого - богато украшен. Из каменных барельефов святых можно назвать барельефы Св. Георгия и Св. Михаила на стене монастыря Св. Михаила, датируемые двенадцатым веком, они хотя и грубой работы, однако не лишены определенной выразительности. Резьба по камню и декоративные украшения на стенах Димитриевского собора во Владимире и Георгиевской церкви в Юрьеве-Польском исключительно разнообразны и декоративны. Кроме разнообразных изображений Христа

и святых в них присутствуют фигуры реальных и фантастических животных и птиц, включая кентавров и грифонов.

Живопись, как и архитектура, пользовалась поддержкой Церкви, и ее развитие не ограничивалось искусственно, как это случилось со скульптурой. С другой стороны, произведений русской живописи киевского периода сохранилось не так много, как образцов архитектуры, поэтому наше знание о ней, неизбежно, страдает неполнотой.[48]

Первые живописцы, работавшие на Руси, были "греки", то есть византийцы. Большинство из них, вероятно, приехали из Анатолии. К счастью, сохранилась, по крайней мере, часть стенных росписей Софийского собора в Киеве. Эти фрески иллюстрируют жизнь Богоматери, Христа, Св. Георгия - покровителя Ярослава Мудрого.

На стенах лестницы, ведущей на хоры, изображены сцены из жизни Константинополя. Из них до нас дошли изображения возниц и колесниц на ипподромных бегах. Сохранились также цирковые сцены с акробатами, охотниками, музыкантами и жонглерами. В работе над фресками двенадцатого века (такими как росписи в церквях двух киевских монастырей - Св. Михаила и Св. Кирилла, а также в так называемой церкви на Нередице недалеко от Новгорода), безусловно, вместе с греками принимали участие и русские живописцы. На Нередице, возможно, работали и армянские художники. Церковь на Нередице стала одной из самых болезненных потерь, понесенных во время немецкого нашествия.

История иконописи сходна с историей фресковой живописи. Сначала иконы или привозили готовыми из Византии, или на Руси писались греческими мастерами. Позже были обучены свои художники. Первым прославился у современников некий Алимпий, упоминаемый в "Патерике" Печерского монастыря. Византийские иконы исключительной красоты время от времени привозили в течение всего двенадцатого столетия. Видимо, именно Юрий Долгорукий привез из Константинополя знаменитую икону Богоматери, которую его сын Андрей поместил в Успенский собор Владимира и которая под именем иконы Владимирской Божьей Матери, стала одним из священных символов Древней Руси.

Мозаики использовались в убранстве Софийского собора и некоторых других церквей Киева и Чернигова[48a]. Искусство эмали

стало чрезвычайно популярным - русские художники киевского периода достигли высочайшего технического уровня в изготовлении перегородчатой эмали. В кладах, подобных найденным в Рязани в 1822 г. и Киеве - в 1889 г., находятся несколько замечательных ювелирных изделий из золота и эмали, датируемых двенадцатым столетием. Расцвет этого вида прикладного искусства свидетельствует о художественной зрелости Киевской цивилизации.[49]

Нет никаких сомнений, что искусство вышивки Киевской Руси тоже было высоко развито, хотя до нас дошло совсем немного его образцов. И в монастырях, и в княжеских дворцах обучались искусные вышивальщицы, а княгини особо покровительствовали этому искусству, распространение которого, однако, ни в коем случае не ограничивалось княжескими палатами. Почти каждая хозяйка и в городах и в деревнях, очевидно, была знакома, по крайней мере, с азами вышивания, которое, таким образом, можно считать видом народного искусства в самом широком смысле этого слова. Корни искусства вышивания уходят в глубь веков. Примечательно, что основные мотивы русской крестьянской вышивки датируются скифскими и сарматскими периодами.[50]

В этой связи несколько слов необходимо сказать о роли орнамента в русском искусстве. Популярными были и "растительный" и "звериный" стили. Первый, по-видимому, пришел на Русь из Византии. Последний, как нам известно, был характерен для скифского и сарматского искусства. В раннем средневековье он распространился по всей Европе. Судя по всему, распространение звериного орнамента в средневековом русском искусстве было результатом как традиций сарматского периода, так и влияния западных образцов, которые по сути дела были вариантом тех же традиций. Видимо следует признать также значительное влияние на русское искусство декоративного искусства исламского Ближнего Востока. Разнообразие орнаментальных форм характерно для всех проявлений русского художественного духа, особенно в прикладных искусствах. Он проявляется в украшении рукописей, вышивки, в эмалях, в резьбе по дереву и так далее. Он влияет не только на искусство высших классов, но также и на народное искусство; те же традиции сохраняются и в русском крестьянском искусстве более современных периодов.

7. Религия

Русское язычество уже обсуждалось нами (см. Гл. II). Хотя языческий культ был запрещен с конца десятого века, искоренить язычество было не так легко. Сначала только городские жители приняли христианство более или менее серьезно, в отдаленных сельских районах под тонким покровом христианских обрядов язычество долго сохраняло свои позиции. Результатом было так называемое "двоеверие". Люди могли носить кресты и ходить в церковь, но они продолжали отмечать и языческие праздники.

Постепенно два обряда слились при победе христианства, по крайней мере внешней. Христианские святые заняли в сознании людей место древних божеств. Илья Пророк отождествился с Громовержцем Перуном; древний бог Велес трансформировался в святого Власа; святой Трифон ассоциировался с соколиной охотой и так далее.[51] Древние языческие праздники были приурочены к христианским святым дням; так традиционный *Семик* (дни летнего солнцестояния) совместился с *Троицей* (Пятидесятница).

Сначала приспособление было механическим. Однако постепенно старые верования слабели, а новые укоренялись. По сути дела, язычество не имело шанса противостоять христианству не только поскольку оно было более развитой религией, но и потому, что оно представляло более развитую цивилизацию в целом. Будучи принятым элитой русского общества уже в одиннадцатом веке, новая вера дала ряд истинно просвещенных лидеров.

Именно "культ" - то есть совокупность церковных богослужений и молитв - наилучшим образом раскрывает суть греческого православия, а отправление службы составляет суть православного культа. Действительно, говоря исторически, преимущественно через богослужение (или через церковный обряд в целом) жители Киевской Руси получали представление о христианстве. Наверняка, символизм церковного обряда сначала могли оценить только немногие. Однако в церковном богослужении было много элементов, которые, в меньшей или большей степени, трогали большинство прихожан. Таковыми были, например, чтения из Нового и Ветхого Завета, составлявшие часть богослужения: гимны, исполняемые по так называемому "канону", прославляющие Христа и Деву Марию, молитвы о заступничестве, обращенные к

ним, хоровые псалмы особого рода (известные как *кондак*), объясняющие значение церковных праздников и так далее. Все это исполнялось не только на латинском и греческом, но и на славянском языке, и поэтому было доступно аудитории. Иконы и фрески, изображающие библейские сцены, иллюстрировали содержание чтений и гимнов и, несомненно, очень помогали прихожанам. В заключение дальнейшие объяснения предлагались в проповедях. Проповеди, особенно когда их читали выдающиеся священнослужители, обычно записывались и распространялись среди грамотных людей, количество которых значительно увеличилось к концу одиннадцатого века. Кроме проповедей, выдержки из работ византийских отцов Церкви и жизнеописания святых также были в распоряжении читателей, помогая им укрепляться в новой вере.

Каково было общее влияние православного "культа" и дидактической литературы на умы первых поколений прихожан на Руси? Возможно самым главным результатом было новое чувство моральной ответственности каждого человека за свои дела и даже мысли, поддерживало которое идея будущей жизни и Страшного Суда. Хотя категория будущей жизни существовала и в славянском язычестве, вряд ли с ней связывалась ответственность за жизнь на земле. Как бы далеки ни были русские неофиты от христианского идеала в своей реальной жизни, этот идеал стал важным фактором их сознания. Если он грешил, то он и раскаивался, а новый элемент внутренней борьбы за лучшее, обогащал его духовную жизнь и религиозный опыт. Таким образом, в русском характере произошла важная психологическая трансформация.

Трансформация коснулась не только личности, но и общества в целом. Новое отношение сделало возможным для законодателя ликвидировать старый обычай кровной и родовой мести. Говоря шире, понятие индивидуальной ответственности шло рядом с понятием ответственности социальной. От церковных лидеров ждали указания народного пути, и некоторые из них исполняли свой долг со всей ответственностью, выступая, например, против института рабовладения. Монастыри превратились в центры того, что можно назвать социальной работой; в них организовывались больницы, приюты для престарелых, они также занимались благотворительностью. Многие князья следовали этому примеру.

Образование тоже финансировалось как князьями, так и Церковью, и именно Церковь первой приняла на себя задачу написания истории нации.

В древнерусских исторических летописях подчеркивается идея ответственности за свои дела и правителей и народа, а несчастья, такие как голод и войны, во многих случаях трактуются как Божья кара людям за их грехи.

Теперь проанализируем некоторые литературные документы киевского периода - псалмы, молитвы, жития святых и т.п.[52], которые могут раскрыть для нас религиозное сознание русских того времени. Примечательно, что, неудовлетворенные содержанием традиционных псалмов, полученных из Византии, некоторые образованные русские сами писали новые гимны и молитвы. Епископ Кирилл Туровский - автор покаянного канона (не сохранился), а также нескольких псалмов и молитв, проникнутых характерным для него представлением о суровом Божестве и беспомощном человечестве.[53] Митрополит Иларион написал "молитву за Русь" - еще одно проявление его мощного литературного стиля и величия ума.[54]

Молитва, приписываемая мирянину - князю Владимиру Мономаху, в некотором смысле продолжает традицию Илариона, но является более личностной по содержанию. Она обращена к Христу и Деве Марии. Как правитель, Владимир молит Пресвятую Деву охранить город, где он княжит, как в ее городе. По-человечески князь заботится о собственной душе: "*Смирись, О моя душа, и осмотри все, что ты сотворила; утри слезы с моих глаз, откройся Христу во всех двлах и мыслях, и очистись*".[55]

С религиозной точки зрения появление святых -показатель уровня религиозности народа, и недавно обращенная Русь нуждалась в святых, чтобы убедить себя и окружающий христианский мир в своей духовной зрелости. Тогда как большинство византийских святых епископы и монахи, первыми русскими канонизированными святыми стали, что весьма красноречиво, миряне, а не представители духовенства: это были князья Борис и Глеб, сыновья Владимира "Святого", который сам был канонизирован значительно позже. Третий русский святой - Феодосий, настоятель Печерского монастыря. В целом, в киевский период было причислено к лику святых одиннадцать русских.[56]

Канонизация требует написания биографий святых, и жизнеописания составляли важный вид византийской литературы. Среди бесчисленных византийских жизнеописаний, одни - чистый вымысел, другие основаны на реальных фактах биографий, которые, однако, часто искажались последующими редакторами и составителями. Постепенно установился общепринятый стандарт написания *"жития"*. Несмотря на то, что авторы ранних русских жизнеописаний старались следовать византийскому образцу, их работы менее формальны и ближе к жизни, чем у их наставников.

Житие Феодосия было написано Нестором, образованным монахом Печерского монастыря.[57] Цель Нестора состояла в сборе материала, достаточного для канонизации покойного настоятеля, которой тогда добивались старейшины монастыря. Несмотря на это, работа Нестора представляет из себя не просто официальный панегирик, а честное изложение жизненного пути, хотя и написанное в правилах византийского жизнеописания. Нестор не был лично знаком с Феодосием, так как вступил в монастырь вскоре после смерти великого настоятеля, но он жил в атмосфере свежих воспоминаний об ушедшем руководителе и имел прекрасную возможность беседовать с учениками Феодосия. Таким образом, для Нестора Феодосий, в определенном смысле, живой человек, а не просто идеал, что и делает его работу скорее личностной, чем абстрактной. О Св. Борисе и Глебе до нас дошли два произведения: их "Житие" того же Нестора и "Сказание", автор которого не известен. Оба написаны в конце одиннадцатого или в самом начале двенадцатого века.[58]

Святые Борис и Глеб, как мы видели, были убиты в 1115 г. сразу после смерти их отца Владимира по приказу их брата Святополка I, который хотел устранить всех возможных соперников на Киевский стол (см. Гл. IV, раздел 1).

Убийство двух братьев потрясло весь русский народ. Хотя они не были, в прямом смысле, мучениками за веру, их считали невинными "страдальцами", которые принесли себя в жертву идеалу братской любви. Стоит отметить, что первый чешский святой - Вацлав - тоже убиенный князь; очевидно Нестор был знаком с его "Житием".

Поведение Бориса, непротивление злу, явилось результатом его буквального восприятия слов Христа. Именно за безвинные страдания большинство русского народа сочло Бориса и Глеба святыми.

Сострадание было одним из главных проявлений христианского чувства в древней Руси - можно сказать, действительно, одним из столпов народной религиозности в сравнении с официальной теологией, особенно в интерпретации монахов типа Кирилла Туровского. Даже если человек был преступником или еретиком, с точки зрения народной религии, страдание очищало его.

Зная это, мы прекрасно можем понять популярность в древней Руси одного из византийских апокрифов, так называемого "Хождения Богородицы по мукам".[59] Эту тему Данте использует в его "Божественной комедии", но в византийской легенде нет классических атрибутов. Здесь Дева Мария сама идет через преисподнюю с архангелом Михаилом. Легенда проникнута глубоким религиозным чувством и состраданием к мукам. Потрясенная страданиями грешников, Дева Мария молит Господа простить их. Сначала Он непреклонен, но потом соглашается послать Христа поговорить с проклятыми, а Спаситель обещает тем освобождение от мук каждый год с Великого четверга до Пятидесятницы. Показательно, что по легенде Дева Мария находит в аду не только мирян, но и духовенство, включая епископов и монахов.

Очевидно, что легенда родилась не в официальных религиозных кругах, а отражает, скорее, чувство простого мирянина. Это видно и в отношении Девы Марии к еретикам, которых она осуждает, но сдержанно; единственные, кого она, как мать, не может простить - это виновники страданий и смерти Христа.

Величайший представитель раннего русского монашества, Св. Феодосий, судя по его "Житию", по духу был ближе к народному христианству, чем ко взглядам просвещенных теологов.

Основу монашества, как проповедовал и следовал тому Феодосий[60], составляли молитва, смирение, работа и благотворительность. Даже став игуменом, он носил ветхую одежду и не уклонялся от ежедневных работ. Он выступал против аскетических крайностей, за что его осуждали ученики основателя монастыря, отшельника Антония, настаивавшие на жизни в подземных пещерах. Именно Феодосий вывел монастырь из-под земли на холм. Хотя он и пытался ввести византийский монашеский устав, Феодосий не был педантом, предпочитая руководить, подавая братии пример собственным поведением. Результаты часто были неутешительными, и оппоненты Феодосия жаловались на падение монастырской дис-

циплины во время его игуменства. Он и сам осознавал это, но продолжал верить в совет и нравственное самосовершенствование больше, чем в дисциплинарные меры.

О том, что истинный дух христианства в Киевской Руси жил не только в монашестве, но и в мирской среде, лучше всего свидетельствует "Поучение" Владимира Мономаха.

До сих пор, чтобы не усложнять, я говорил только о греческом православном христианстве, которое на Руси в 988 г. стало официальной религией, и которое исповедовало большинство обращенных русских. Однако, в дополнение к официальной Церкви, русские люди киевского периода испытывали влияние других различных течений религиозной мысли.

Прежде всего, здесь необходимо упомянуть о так называемой "Богомильской ереси".[61] Она была течением манихейства, дуалистической религии, зародившейся в Персии в третьем столетии н.э. В десятом и одиннадцатом веках часть болгарского духовенства и значительное количество мирян в Болгарии подпали под ее влияние. Согласно манихейской теории две силы управляют миром: зло и добро, или, как богомилы формулируют это, Бог и Сатана. Бог воплощает духовный элемент, а Сатана - материальный. Этот дуализм отражается в человеке, поскольку его тело создал Сатана, а Бог - только душу.

Лидером движения богомилов в Болгарии был некий Еремия, которому приписывается собрание апокрифов; и действительно в некоторых апокрифах - например, об Адаме и Еве - прослеживаются следы манихейства. Теория богомилов получила распространение среди бедных и угнетенных, так как она предлагала объяснение происхождения социального неравенства.

Считая все материальное злом, богомилы ненавидели богатство и объявляли богатых служителями сатаны. Они также были против официальной Церкви, с ее богатствами. В двенадцатом и тринадцатом веках "ересь" распространилась на запад в северную Италию и южную Францию, где ее последователи стали известны как катары и альбигойцы, соответственно. В связи с тесными отношениями между Болгарией и Русью, движение богомилов легко могло проникнуть также и на Русь, и, действительно, существуют некоторые свидетельства знакомства русских с манихейством.[62]

Удобный канал для распространения богомильских идей на Русь представляли из себя апокрифы, но можно предположить, что были доступны и непосредственные изложения теории манихейства. Противники известного русского монаха Св. Авраамия Смоленского обвиняли его в чтении еретического произведения, известного как "Глубинная книга", которая могла быть манихейским трактатом.

О том, что богомильские идеи проповедовались на Руси, можно видеть по истории боярина Яна, сына Вышаты, записанной в "Повести временных лет". В 1071 г. Ян приехал на Белоозеро, район Северной Руси, собирать дань и там имел беседу с неким колдуном, который объявил, что "дьявол создал человека, а бог вложил в него душу".[63]

Необходимо заметить, что Болгария была не единственным возможным источником появления манихейства в Киевской Руси. Принимая во внимание оживленные торговые отношения с восточными странами, можно предположить, что легко мог быть установлен контакт со сторонниками манихейства Центральной Азии.

Из других религий и конфессий в Киевской Руси имели своих последователей римский католицизм и иудаизм. О влиянии иудаизма уже упоминалось в другой связи (Гл. VI, раздел 11).

Что касается римского католицизма, то его сторонниками были, преимущественно, немецкие купцы, жившие на Руси. Римско-католическая церковь была в Смоленске и две в Новгороде. В западных источниках упоминается доминиканский монастырь в Киеве.[64] Несмотря на то, что в 1054 г. произошел окончательный разрыв между Греческой и Римской Церквями, отношение русских к римскому католицизму в этот период не было агрессивным, и люди не избегали контактов с католиками, в любом случае, конечно, не делали этого ни князья, ни купцы.

Показательно, что все полемические антикатолические трактаты, известные на Руси в киевский период, были либо переведены с греческого, либо написаны греками на Руси.[65]

8. Литература

Художественная литература, особенно беллетристика, в средние века еще не выделилась в самостоятельный род. Средневеко-

вого читателя привлекали в книгах не столько их художественные достоинства, если они вообще имели значение, сколько возможность извлечь из повествования нравственное наставление и образование. Церковь, в свою очередь, поощряла моралистическую тенденцию, чтобы использовать ее для распространения христианского мировоззрения, и поэтому поддерживала все виды дидактической поэзии и прозы соответствующего направления.

В связи с этими обстоятельствами, говоря о русской литературе киевского периода, мы должны рассматривать не только непосредственно художественную литературу, но и переходные виды, такие как дидактическая литература, и даже религиозные произведения, если они представляют художественную ценность.

Библия в Киевской Руси, как и в средневековой Европе, являлась главным источником и религиозного и эстетического вдохновения. Влияние Библии на Руси было даже более значительным, чем на Западе, так как русские могли читать ее на языке близком к родному.

С точки зрения развития литературы, воздействие Ветхого Завета оказалось более сильным, чем Нового. Русские того времени читали Ветхий Завет, преимущественно, в сокращенном варианте (Палея), составитель которого не отделял канонические тексты от апокрифов.[66] Это, однако, делало книгу еще более привлекательной для читателя. Кроме Библии, в распоряжении читателей имелись переводы разнообразных произведений религиозной литературы и византийской литературы вообще. С точки зрения истории литературы, церковные гимны, жития святых и дидактические легенды разного рода были наиболее важными среди образцов византийской религиозной и полурелигиозной литературы, ставших доступными русским.

Следует отметить, что ни одного произведения греческой художественной литературы, ни классической ни византийской, за исключением единственной византийской эпической поэмы, написанной на "вульгарном" греческом, не было переведено на русский язык в средние века. Видимо, это результат руководящей роли Церкви, если не непосредственно ее цензуры.

Смог бы средний русский киевского периода оценить Софокла и Эврипида - другой вопрос. Но он, скорее всего, получил бы удовольствие от Гомера, как, несомненно, митрополит Климент,

читавший Гомера по-гречески. Эротическая новелла позднего эллинистического и раннего византийского периодов, возможно, нашла бы отклик, по крайней мере, у части читающих русских, и мы прекрасно можем себе представить автора "Даниила Заточника" с удовольствием читающим "Дафнис и Хлою", хотя он и клеймил "дьявольских женщин".

Обращаясь теперь к апокрифам, следует указать, что некоторые из них родились на Востоке - в Сирии, Египте и даже Индии. Византия служила их хранилищем, откуда они впоследствии были заимствованы Русью и Западной Европой. Только с оговорками христианские и псевдо-христианские легенды апокрифического типа можно называть византийскими, за исключением совсем немногих.

Из христианских апокрифов особенно популярным на Руси, как я уже сказал, было "Хождение Богородицы по мукам". Образцом нехристианских апокрифов является "Сказание о Соломоне и Китоврасе". Это одна из легенд о строительстве башни Соломона. Камни для башни нужно было обтесывать без помощи железных орудий, и, чтобы выполнить эту работу, Соломон хитростью приручил волшебника по имени Китоврас (кентавр). Последний изображается как прорицатель будущего и толкователь снов. На Западе та же тема появляется в легенде о Мерлине и легенде о Соломоне и Морольфе.[67]

Из дидактических биографических легенд "Повесть о Варлааме и Иосафе" встретила самый горячий отклик у части русских читателей. Родившись в Индии, она представляет собой вариант жизни Будды. В восьмом веке эта легенда была переосмыслена в христианской традиции и переписана по-гречески Иоанном Дамаскином, согласно общепринятому мнению, которое, правда, надежно не обосновано.[68] Ее центральная тема - тщета земной жизни, герой - принц, который оставляет свой трон, чтобы стать отшельником.

К этому же жанру дидактической литературы принадлежит и "Повесть об Акире Премудром", тоже любимая русскими.[69] Судя по всему, ее родина - Вавилон седьмого века до н.э., легенду переделали на византийский вкус примерно в то же время, что и "Повесть о Варлааме и Иосафе". Герой, Акир, изображается как вельможа, которого обвинил в краже клеветник - его собственный племянник. Царь приказывает казнить Акира, от этой ужасной участи его избавляет старый друг. Впоследствии царству угрожают вра-

ги, и именно Акир спасает всех своей мудростью; он не держит зла на царя, но наказывает своего племянника. Мораль: "Не рой другому яму, сам в нее попадешь".

Совершенно другая природа у вымышленной биографии Александра Великого, одной из самых популярных повестей позднего эллинистического и раннего средневекового периодов. Русский перевод "Александрии" появился, видимо, в одиннадцатом или двенадцатом веке; полной рукописи до нас не дошло, но части повести были включены в древнерусскую компиляцию всемирной истории, известную как "Греко-римские хроники" (см. раздел 10, ниже).[70]

Совершенно отдельно от книжной византийской традиции стоит греческая народная поэма "Digenis Akritas", эпос о византийском воине из Анатолии, защищающем христианство от ислама. Поэма была создана в десятом веке, в русском переводе оиа появилась в двенадцатом под названием "Девгениево деяние". Перевод выполнен в великолепном стиле, напоминающем стиль "Слова о полку Игореве"; можно предположить, что автор "Слова" был хорошо знаком с "Деянием".[71]

Как показывают славянские переводы, оригинальная русская литература, в значительной степени, следовала византийскому образцу. Однако, было бы ошибкой заключить из этого, что русские авторы не показали собственной творческой силы. Напротив, некоторые из них достигли самых вершин литературного искусства.

В жанре дидактической церковной литературы и гимнографии одним из самых популярных авторов был епископ Кирилл Туровский. И в гимнах, и в своих поучениях он проявил незаурядное литературное мастерство, несмотря на его пренебрежение традиционной риторикой. В житийном жанре повесть неизвестного автора о страданиях Св. Бориса и Глеба, возможно, лучшая с точки зрения литературной техники.

Но митрополит Иларион возвышается над всеми не только по содержанию своих произведений, но и по их форме. В своем "Слове о Законе и Благодати" (см. Гл.III, раздел 5) он показал себя одним из истинно великих мастеров искусства риторики. "Слово" великолепно по композиции, а каждая деталь в нем - драгоценный камень высокого достоинства. Иларион использует самые разнообразные средства художественной выразительности: символичес-

кий параллелизм, метафоры, антитезы, риторические вопросы и т.п., все это с прекрасным чувством меры.

В светской литературе русские проявили склонность к историческому жанру. "Повесть временных лет" (см. раздел 10, ниже) - это и исторический научный труд, и собрание исторических рассказов. Каждый из этих рассказов имеет целью подробное изложение описываемого события, и многие из них, конечно, таковы и есть. Но в то же время многие рассказы имеют и высокую художественную ценность, а в некоторых вымысел, без сомнения, превалирует над фактом. Среди исторических и псевдоисторических сообщений, включенных в "Повесть", находим, например: повествования о походе Олега в Византию; о мести Ольги древлянам за убийство мужа; так называемую, "корсунскую легенду" о крещении Владимира; историю ослепления князя Василько; рассказ о гибельной кампании князя Игоря Новгород-Северского против половцев и много других.

Некоторые из этих историй, видимо, основаны на разных эпических поэмах, которые создавались в среде княжеских дружинников; другие представляют собой правдивые изложения факта, как, например, история Василько - она, очевидно, написана священником, который утешал несчастного князя после нанесения ему жестокого увечья. Часть историй, судя по всему, записывалась летописцем со слов очевидцев, другие интерпретации того же события могли распространяться независимо от первой. Так произошло в случае с кампанией князя Игоря: две записи были включены в разные варианты летописей и одновременно об этом была написана героическая поэма, знаменитое "Слово".[72]

"Слово" очень динамично; в его основе прославление военной доблести. Однако в поэме есть и лирические эпизоды, как, например, страстное увлечение пленного русского юноши половецкой княжной, на которое только намекается, или плачи жены Игоря.

За личной драмой побежденного Игоря встает национальная трагедия Руси, страдающей в то время от княжеских усобиц и постоянных набегов степных кочевников. Портреты русских князей, упоминаемых в истории, полны жизни и убедительны. Степь, через которую русские идут к своему поражению, жизнь животных вокруг движущегося войска, оружие, доспехи (и русские и половецкие) - все описывается не только с истинным духом поэзии, но и с замечательным знанием деталей.

"Слово" проникнуто языческим мироощущением. Значат ли что-либо для автора имена славянских божеств, которые он упоминает, или он взывает к ним лишь по поэтической традиции - сказать трудно. В любом случае, дух поэмы не христианский, в религиозном смысле, и если автор и был членом Церкви, то, очевидно, плохим. Он, вероятно, принадлежал к дружине князя Черниговского, был хорошо знаком с русским фольклором и прекрасно начитан в исторической и эпической литературе, включая "Историю Иудейской войны" Флавия и "Девгениево деяние".

Во вступительных строфах автор обращается, как к идеалу, к древнему певцу Баяну, хотя он и не будет следовать стилю Баяна, а утверждает свободу писать по-своему. Этот Баян, по-видимому, был современником князя Мстислава Тмутараканского, тоже упоминаемого в "Слове"; ни одно из его произведения не дошло до наших дней.

Единственная известная рукопись "Слова о полку Игореве" была копией, сделанной во Пскове в XV веке. Ее обнаружил Мусин-Пушкин в 1795 г., тогда же была сделана копия для императрицы Екатерины II. "Слово" было опубликовано в 1800 г., а в 1812 г. рукопись Мусина-Пушкина погибла в московском пожаре наполеоновского нашествия. Копия Екатерины и первое издание (для которого использовалась рукопись Мусина-Пушкина) - все, что сохранилось из документальных свидетельств. Поскольку оба полны ошибок переписчиков и типографских опечаток, интерпретация "Слова" - чрезвычайно трудная задача.

Однако, несмотря на то, что до 1812 г. дошла только одна рукопись - или, по крайней мере, только одна была обнаружена - мы знаем, что "Слово" читали и восхищались им в тринадцатом и четырнадцатом столетиях. Отрывок из него цитировался в начале тринадцатого века в варианте "Моления Даниила Заточника", а в конце четырнадцатого века "Слово" послужило образцом для "Задонщины", исторической поэмы, прославляющей победу русских над монголами в 1380 г.

"Моление Даниила Заточника" еще одно замечательное произведение древнерусской литературы.[73] Как и в случае со "Словом", автор нам неизвестен. Судя по содержанию произведения, он, видимо, был небогатым *дворянином* - возможно, бывший раб - одного из Суздальских князей. *Заточник* на древнерусском значит за-

ключенный, и поэтому было высказано предположение, что "Моление" написал опальный слуга, которого князь посадил в тюрьму. Подобное объяснение обстоятельств, в которых было написано произведение, весьма уязвимо. "Моление" не биографический документ, а сатира. В вычурном риторическом стиле автор умоляет князя использовать его (автора) таланты. Он представляет себя как гонимого бедняка и признает свое отвращение к военной службе, но похваляется своим умом и образованием, и предлагает себя на должность княжеского советника. В качестве свидетельства собственной мудрости, он включает в свое моление огромное количество цитат из "Библии", "Физиолога", "Пчелы", "Повести об Акире Премудром" и так далее. Его тон то смиренный до подобострастия, то высокомерный или даже революционный. Временами он жаждет богатства, затем высмеивает тех, кто прельщается красивыми одеждами и богатой едой. Он ненавидит возможность княжеского предложения жениться на богатой девушке, и, на этот случай, превосходит себя в оскорбительных речах против женщин. Но представляя себя женоненавистником, он также отказывается стать монахом и находит достаточно выразительные слова, чтобы объяснить свое отвращение к монашеству; действительно, в одном из вариантов "Моления" горячие высказывания автора против "черного духовенства" и бояр приобретают политическое значение.

В определенном смысле "Моление" - это документ протестующий против человеческой тупости и социального неравенства, яркая апология мудрости. Автор был, безусловно, хорошо образованным человеком острого ума.

Не менее замечательным светским документом, хотя и абсолютно другим по содержанию и тону, является автобиография Владимира Мономаха, которая составляет главную часть его "Поучения".[74] Тогда как автор "Моления Даниила" - один из немногих книжников того времени, Владимир Мономах - солдат и государственный деятель, который просто описывает свои дела. Но делает он это с несомненным литературным талантом, который он, видимо, развил интенсивным чтением. Его автобиография не только проникнута высокими идеями, но и обнаруживает его вкус к здоровой жизни с ее простыми удовольствиями, а также восхищение красотой природы.

В заключение этого раздела следует сказать, что наше знание русской литературы киевского периода лишь фрагментарно. Так много рукописей того времени погибло (и в течение монгольского нашествия, и впоследствии) что мы, видимо, никогда не узнаем, что потеряли с ними. Кроме того, большинство из дошедшего до нас было обнаружено в церковных архивах, а духовенство было мало озабочено сохранением произведений светской литературы - особенно с языческими "отклонениями", такими как в "Слове". Возможно, это объясняет тот факт, что сохранилась только одна копия этого произведения.

По-видимому, не только количество произведений, но также и разнообразие стилей в литературе киевского периода было значительно больше, чем мы обычно готовы допустить.

9. Образование

Подобно искусству, образование в Киевской Руси финансировалось Церковью и князьями. Церковь нуждалась в обученном духовенстве, князья - в служащих для своей администрации. Но в этой поддержке было и нечто большее, чем просто практические соображения. После введения на Руси христианства князь Владимир и церковные лидеры столкнулись с огромной задачей распространения на Руси христианской культуры, задачей, к которой они отнеслись с истинно миссионерским энтузиазмом. К чести Владимира и его советников, они строили не только церкви, но и школы. За обязательным крещением последовало обязательное образование.

Насколько мы можем судить по летописям и отдельным упоминаниям в других источниках, школы открывали не только в Киеве, но и других городах. Из "Жития Св. Феодосия" мы знаем, что существовала школа в Курске, приблизительно в 1023 г. Ко времени правления Ярослава (1019-1054 гг.) образование укоренилось, и его польза уже не подвергалась сомнению.

Приблизительно в 1030 г. Ярослав открыл богословскую школу в Новгороде для наставления в "книжном учении" трехсот детей духовенства и мирян.[75] Вероятно, духовные семинарии планировалось открыть в каждой епархии под надзором соответствующих епископов.

Не желая ограничиваться школами, Ярослав задумал грандиозный план распространения образования на Руси на широких основаниях (см. Гл. IV, раздел 3). Неизвестно, как долго просуществовала Академия Ярослава, но вряд ли она смогла пережить разграбление Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 г.

Пример Владимира и Ярослава по руководству образованием, несомненно, вдохновил других русских князей одиннадцатого и двенадцатого веков. К сожалению информация (в сохранившихся летописях и других источниках) об образовании в период после смерти Ярослава (1054 г.) очень скудна. Нашим знаниям по этому вопросу мы обязаны, в основном, видному русскому историку восемнадцатого века В.Н.Татищеву, который располагал некоторыми летописями, с тех пор утерянными, в результате чего его "Русская история" содержит массу разнообразной информации, иначе нам недоступной. Именно такова ситуация с образованием в поздний киевский период. Многие сверхтребовательные современные историки отказываются признавать информацию Татищева надежной; в частности, Голубинский считает недостоверными данные Татищева по образованию в Киевской Руси в конце одиннадцатого и двенадцатом веках.[76] Такое полное отрицание, безусловно, несправедливо; кроме того, почти в каждом случае достоверность татищевской информации можно подтвердить, рассматривая доступные косвенные свидетельства.

Возьмем сначала случай с княжной Янкой, дочерью Всеволода I Киевского. Известно, что в 1086 г. Всеволод основал монастырь, в котором Янка приняла постриг. По Татищеву, она организовала там школу для девочек, где обучали чтению, письму, рукоделию и пению. Голубинский высмеивает возможность женской инициативы в образовании на Руси того периода.[77] Однако известно, что другие русские княжны получили хорошее образование и интересовались науками. Тетка Янки, королева Анна Французская, в любом случае, была способна подписаться своим именем (см. Гл. XI, раздел 4). Княжна Ефросиния Полоцкая (1001-1073 гг.), которая подобно Янке стала монахиней, прославилась не только своей красотой, но и своей ученостью. Поскольку Янка и Ефросиния, судя во всему, были проникнуты тем же миссионерским духом, что Владимир Святой и Ярослав Мудрый, описываемая попытка Янки организовать обучение девочек, безусловно, не должна казаться нам экстравагантной.

Выдающимся организатором образования, по Татищеву, был князь Роман Смоленский (сын Ростислава I Смоленского и Киевского). Ему приписывается открытие в Смоленске нескольких школ, в которых кроме других предметов преподавали греческий и латинский языки. Все свое состояние Роман потратил на эти школы, когда он умер (в 1180 г.), жители Смоленска собирали деньги, чтобы его похоронить.[78]

В Суздальском княжестве князь Константин (сын Всеволода III), пишет Татищев, собрал библиотеку из греческих и славянских книг, заказал переводы с греческого на русский и завещал - в 1218 г. - свой дом во Владимире и часть доходов от имения школе, в которой должны были обучать греческому языку.[79]

Достоверность информации Татищева по обоим этим случаям подвергается сомнению. Однако, согласно другим доступным источникам, Смоленск и Суздальское княжество в конце двенадцатого и начале тринадцатого веков являлись важными интеллектуальными и художественными центрами; было бы трудно объяснить их культурный расцвет, не допуская, что в тот период в обоих местах существовали хорошие школы, следовательно, данные Татищева прекрасно соответствуют общей исторической картине.

Хотя мы можем полагать, что в Киевской Руси были как начальные, так и высшие школы, немногое известно об их учебных планах. "Часослов" использовался в качестве первой учебной книги, затем учились по Псалтырю. Школьная дисциплина, очевидно, была суровой. В "Житии Св. Авраамия Смоленского" (тринадцатый век) можно видеть, что ученики временами впадали в отчаяние[80], а в так называемой "Пчеле", собрании греческих афоризмов, школа упоминается как одно из "трех несчастий", другие два - бедность и злая жена.[81] По-видимому, некоторые дети из княжеских и боярский семей отправлялись для образования в Константинополь. Автор "Даниила Заточника" вставляет, среди других шпилек простолюдина: "*Я не ездил за моря брать уроки у философов*",- откуда следует, что кто-то ездил.

Хотя мы и не располагаем статистикой учебного дела этого периода, можно с уверенностью допустить, что Русь в то время имела значительное количество школ, по крайней мере в городах, и процент грамотных, по крайней мере среди людей высших классов, был высоким. В любом случае, все князья и духовенство были

грамотными. Также следует признать, что в Киевском обществе сформировалась настоящая элита; немногочисленная, возможно, но элита, достигшая высокого культурного уровня.

10. Гуманитарные науки

ТЕОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ

Теология была краеугольным камнем средневековой духовной культуры как в западной, так и в восточной Европе - философия считалась лишь "служанкой теологии". В этом отношении развитие философской мысли в Киевской Руси следовало тому же общему пути, что и в Византии, и на Западе.

Судя по трудам некоторых русских священнослужителей киевского периода (таких как митрополиты Иларион и Климент, епископ Кирилл), русская элита находилась тогда на таком же интеллектуальном уровне, как византийская и западная. Однако русские книжники того времени не оставили систематических работ ни по богословию, ни по философии. Их произведения - по крайней мере те, что дошли до нас - состоят из проповедей и коротких поучений. С необходимыми оговорками, следует согласиться с Преподобным Георгием Флоровским, что древнерусская теологическая культура оставалась "немой" на протяжении нескольких столетий; хотя, как подчеркивает тот же автор, из отсутствия письменного философского самовыражения киевских русских не стоит заключать, что их интеллект не был развит достаточно для философского размышления.[82] Показателем того, что люди думали, может служить то, что они читали, следовательно уместным здесь будет краткий обзор произведений греческой теологической литературы, доступной русским того периода в славянских переводах.[83] Следует отметить, что известны также русские переводы с латинского.[84]

К моменту крещения Руси Новый Завет был полностью переведен на славянский. Евангелие имелось в двух формах. Некоторые рукописи содержали полные тексты четырех Евангелий ("Тетра"). В других выдержки из Евангелий давались в том порядке, в котором их читали в церкви, в соответствии с годовым циклом богослужений. Это называлось "Апракосом". "Деяния Апостолов" и "При-

тчи" составляли отдельную книгу, под названием "Апостол". Книги Ветхого Завета распространялись по отдельности, и, когда в конце пятнадцатого века епископ Геннадий Новгородский приказал их все собрать, чтобы подготовить полный свод, некоторые оказались утерянными, поэтому их пришлось перевести заново. Первое печатное славянское издание полной Библии появилось в 1581 г.

Из книг Ветхого Завета наибольшей популярностью у русских читателей пользовался "Псалтырь". Его читали во всех слоях общества и часто цитировали. Книги пророков тоже были широко известны. Из исторических книг был сокращенный сборник, известный как "Палея" (от греческого *Palaie Diatheke*, "Ветхий Завет") (см. выше, раздел 8). В сборник вошли не только канонические тексты, но и апокрифы.

Необходимо заметить, что термин "апокриф" мы употребляем здесь не в протестантском его понимании, а так, как он трактуется в Греческой и Римской Церкви: таким образом, так называемые, деутероканонические книги (не входящие в Иудейскую Библию) апокрифами не признаются. Списки книг, запрещенных Церковью, существовали в Византии, и один из них появился в славянском переводе в 1073 г., но поскольку их было несколько, причем разного содержания, некоторая путаница была неизбежна, особенно в недавно обращенной стране. Не только миряне, но даже и епископы иной раз не могли уверенно отличить "истинную" книгу от "подложной".

Среди апокрифов были, так называемые, "Евангелия" от Иакова, Никодима и Фомы; также варианты истории об Адаме и Еве, двенадцати библейских патриархах, Давиде и Соломоне и так далее. Один из популярных эсхатологических апокрифов "Хождение Богородицы по мукам" уже упоминался выше. Кстати, в русском переводе "Хождения" есть интересное дополнение. Поклонение Солнцу, Луне и Земле приводится в истории как причина, по которой некоторые узники Преисподней в нее попали; в этом месте русский текст продолжает: "*и те, кто поклоняется Хору, Велесу и Перуну*" - то есть славянским языческим божествам.[85]

На славянский язык были переведены два основных изложения православной христианской теории: "Катехизические проповеди" Св. Кирилла Иерусалимского и "Точное изложение православной веры" Иоанна Дамаскина. Сокращенный перевод "Из-

ложения" сделал Экзарх Иоанн Болгарский в десятом веке.[86] Среди других работ патриархов и отцов византийской церкви в славянских рукописях болгарского и древнерусского происхождения представлены некоторые трактаты Афанасия Александрийского, Василия Великого и Григория Нисского. Фрагмент из "Богословских вопросов и ответов" Св. Анастасия Синаита и два отрывка из работ Максима Исповедника включены в "Изборник" Святослава в 1073 г.[87]

Совсем немного свидетельств о самостоятельной работе русских в области догматики в этот период. Хотя митрополит Иларион тщательно изучил принципы христианской философии и богословия, его подход - по крайней мере судя по "Слову о законе и благодати" - больше философско-исторический, чем схоластический.

Проповеди Кирилла Туровского ближе к догматическому рассуждению, но, хотя они и раскрывают творческие возможности его интеллекта, вряд ли, добавляют что-либо важное к византийскому запасу богословского знания. Кирилл подчеркивает пропасть между Богом и человеком и не пытается ее преодолеть. Его Христос скорее неумолимый судья, чем "Сын Человеческий". Покаяние и смирение - главные добродетели человека, но если он и отличается ими, все равно у него мало надежды на спасение души.

Климент Смоленский (Смолятич), Киевский митрополит с 1147 по 1155 г., почитался современниками как главное светило русского богословия. Летописец говорит: "*Никогда раньше не было на Руси такого философа как Климент*". Этот прелат, судя по всему, читал Гомера, Платона и Аристотеля. Во всяком случае, его критиковали за цитирование их работ ограниченные христианские ригористы, такие как священник Фома Смоленский. Кстати, здесь можно указать, что в византийских школах одиннадцатого и двенадцатого веков чтение Гомера было обязательным, и византийские теологи того времени любили обращаться к Гомеру за аллегорическими параллелями при толковании Библии.[88] К сожалению, сохранилась рукопись только одного послания Климента, да и то это не оригинальный текст, а отредактированный учеником, неким Афанасием. Послание адресовано вышеупомянутому Фоме перед которым Климент защищает свой метод аллегорического и символического толкования.[89]

Обратимся теперь к философской литературе, как отдельному от богословия виду (насколько такое разделение возможно для рассматриваемого нами периода). "Диалектика" Иоанна Дамаскина основана на Аристотеле, правда, самая ранняя из известных рукописей этой важной работы на славянском языке датируется пятнадцатым веком; однако небольшой отрывок из "Диалектики" включен в "Изборник" Святослава 1073 г. О Платоне русский читатель киевского периода мог, если он не знал греческого, получить общую информацию - как и дезинформацию - из "Хроникона" Георгия Мниха и "Хронографии" Иоанна Малала.[90]

Неоплатонизм в византийской христианской литературе ярче всего представлен в трактате Псевдо-Дионисия Ареопагита "О небесной иерархии". Не существует свидетельств о каком-либо славянском переводе этой работы до конца пятнадцатого столетия. Таким образом, простой русский читатель киевского периода мог познакомиться с мыслью классических и эллинистических философов только через небольшие фрагменты их работ, включенные в различные сборники афоризмов, чрезвычайно популярные как в Византии, так и на Руси. Одним из наиболее известных подобных сборников является так называемая "Мелисса", которая была составлена на греческом языке в одиннадцатом веке и переведена на славянский, вероятно, в двенадцатом столетии под названием "Пчела".[91] Она содержит выдержки из произведений Демокрита, Платона, Аристотеля, Эпиктета и других. Понятно, что ни эти выдержки, ни краткие пересказы классической и эллинистической философии в произведениях отцов Церкви не могли заменить оригиналы, но нельзя забывать, что средневековый читатель был способен извлечь из этих источников куда больше, чем мы можем ожидать. Этот читатель - по крайней мере типичный читатель - не просматривал книгу. Его метод чтения можно назвать статическим: он читал по параграфу и размышлял над каждым предложением. Узнав основные идеи философа, он был в состоянии реконструировать, по меньшей мере часть его доказательств, если не все оригинальное построение.

Вышеизложенное относится к читателю, владевшему только славянским языком. Но, как я уже указывал по разным поводам, в Киевской Руси была также и элита, которой были доступны греческие оригиналы. Более того, многие русские епископы и игуме-

ны были греками по происхождению и образованию и, таким образом, служили посредниками между византийской и русской наукой.

ИСТОРИЯ

В трудах по истории русские ученые этого периода проявили значительно большую зрелость и достигли большей самостоятельности, чем в области богословия и философии. Сначала, конечно, они искали для себя образец в византийской исторической литературе, но, однажды начав, они скоро пошли своим путем.

Инициатива в описании исторических событий принадлежала духовенству, а, конкретнее, монашеству. Первая русская летопись, по-видимому, была написана в Новгороде в начале одиннадцатого века, а первая общая история Руси появилась в Киеве столетием позже. Она называлась "Повесть временных лет".

В некоторых позднейших копиях "Повести" ее авторство приписывается монаху Киево-Печерского монастыря Нестору. Как нам известно (см. выше, раздел 7), Нестор является автором двух житийных повестей: "Чтения" - о князьях-мучениках Борисе и Глебе и "Жития Феодосия", игумена этого монастыря. Нестор родился примерно в 1056 г. и умер вскоре после 1112 г. Его авторство "Повести временных лет" отрицается многими видными учеными. Авторство "Повести" - спорный вопрос, особенно поскольку его необходимо рассматривать, принимая во внимание природу работы в целом. До конца девятнадцатого века "Повесть" считали единым произведением, написанным одним человеком в одно время. Дальнейшие исследования, особенно труды А.А.Шахматова, показали, что в своей окончательной форме "Повесть" представляет собой компиляцию, созданную на основе нескольких более ранних летописей.[92]

Первую киевскую летопись, по всей видимости, начали в 1039 г.; ее начало, судя по всему, следует связывать с созданием в том же году киевской епархии, а также с образовательными реформами Ярослава Мудрого. Вероятно, написание летописи было организовано митрополитом киевским. Впоследствии, ее копию отправили в Печерский монастырь, где монахи продолжили запись последующих событий.

Примерно в 1073 г. Никон Великий, тогда игумен монастыря, отредактировал оригинальную летопись и дополнения к ней.

Предполагается, что в 1095 г., после смерти князя Всеволода, киевскую летопись еще раз переработали, добавив некоторые новые материалы. Затем, приблизительно в 1110 г., возможно по инициативе князя Святополка II, монахами Печерского монастыря был предпринят еще более грандиозный проект - написание, на основе ранних летописей, общей истории Руси. Это был первый вариант "Повести временных лет".

По Приселкову, Нестор являлся главным редактором этой работы.[93] Однако С.А.Богуславский показал, что "Повесть временных лет" отличается по литературному стилю, а также по интерпретации некоторых событий от двух "Житий", написанных Нестором.[94] В любом случае, первый вариант "Повести" не был "опубликован", в том смысле, в каком это выражение может относиться к рукописи.

Со смертью Святополка II и восшествием на великокняжеский стол Владимира II, авторитет Печерского монастыря понизился. По приказу нового правительства рукопись "Повести временных лет" передали из Печерского монастыря в другой, более почитаемый Владимиром, монастырь - Св. Михаила в Выдубичах. Там игумен Сильвестр (1114 - 1116 гг.) переработал рукопись. В 1118 г. неизвестный редактор создал новый вариант "Повести". Следы всех этих вариантов и сейчас различимы в дошедших до нас рукописях, самыми знаменитыми из которых являются Лаврентьевская - конца четырнадцатого века и Ипатьевская - начала пятнадцатого. Главное отличие первого (Нестора) варианта "Повести" от двух последующих (Сильвестра и неизвестного редактора) состоит в отношении их редакторов к княжеской политике. Нестор критически настроен к Всеволоду I и сочувствует Святополку II, тогда как Сильвестр и неизвестный редактор являются недоброжелателями Святополка II и поклонниками сына Всеволода - Владимира Мономаха. В определенном смысле, мы сталкиваемся здесь со случаем борьбы между "византинофилами" (Всеволод и его сын Владимир) и "западниками" (Святополк II).

Исключая различия редакторской правки, в основном "Повесть временных лет" - результат трудов ее первого редактора (Нестора). Это не просто запись событий, а всеобъемлющий научный трактат о происхождении и становлении Киевского государства; сочетание того, что Гегель называет "первоначальной историей" и

"рефлексивной историей". "Повесть" начинается с географического и этнографического обзора славянского мира, на фоне которого затем описывается образование Киевского государства и главные события русской истории до 1110 г.

Крещение Руси и ее борьба со степными кочевниками составляют две главных темы. Философия истории составителя близка философии византийских и западных историков того времени. Он обладает тонким чувством Промысла Божьего, и поэтому склонен извлекать уроки из истории и политики. С его точки зрения, несчастья человечества суть наказания Бога за грехи людей. Составитель, или составители, работая над "Повестью" использовали самые разнообразные материалы: некоторые произведения византийских историков, переведенные на славянский язык; архивные документы, например русско-византийские договоры; предыдущие русские летописи и записи и т.п. Также использовались рассказы очевидцев событий, как например, рассказы тысяцкого Яна и священника Василька. Во многих случаях, однако, повествование летописца основано на менее надежных источниках - народной поэме или легенде. Такие изложения легко отличить, и они, вряд ли, могут ввести в заблуждение современного читателя.

Кроме "Повести временных лет" в киевский период было создано несколько других летописей. Среди них здесь можно упомянуть Новгородскую летопись, Киевскую летопись середины двенадцатого столетия, Волынские и Галицкие летописи конца двенадцатого и начала тринадцатого веков и Суздальскую летопись того же периода.[95] Кроме работ своих книжников, русский читатель располагал славянскими переводами некоторых трудов византийских историков, таких как Иоанн Малала ("Греко-римские хроники", шестой век), Георгий Синкелла (конец восьмого и начало девятого веков) и Георгий Мних (девятый век). В одиннадцатом веке на славянский язык перевели "Историю иудейской войны" Флавия, которая также завоевала значительную популярность в средневековой Руси.[96]

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

После Крещения Руси политическая мысль русских книжников - тех, кого мы можем назвать русской интеллигенцией киевского периода - определялась христианскими идеалами. Как и в Западной Европе, Библия для русских того времени была источником

не только религиозной мудрости и литературного вдохновения, но также политической и социальной философии. Византийские философские и политические труды составляли другой источник русской политической мысли. Но политическая философия Библии и византийских авторов не была монолитной. В разных частях Ветхого и Нового Завета, как и в византийских произведениях, высказываются различные идеи. Так, например, в Ветхом Завете можно найти цитаты, поддерживающие монархическую власть (Второзаконие 17. 14-20) и выступающие против нее (I Самуил 8. 10-18). В византийских политических сочинениях тоже наблюдается значительное разнообразие взглядов на природу монархической власти. Так, в Византии, например, существовали две философские школы, по разному рассматривающие отношения между императором и Церковью, каждая подчеркивала приоритет того или другого.[97] Таким образом, ясно, что хотя русские располагали массой материала в библейской и византийской политической литературе, а также в классической философии, они должны были из нее выбирать при построении собственной системы политических идей, наиболее отвечающей действительности.[98]

Хотя в Киевской Руси не появилось ни одной обобщающей работы о государственной власти, много интересных наблюдений и замечаний по этому вопросу можно найти в разных проповедях и посланиях русских епископов и монахов того времени, а также в "Повести временных лет". Анализ этих извлечений может дать ясное представление об основных течениях политической мысли в среде русской интеллигенции этого периода. Все русские писатели принимают институт монархии; никто, однако, не приемлет абсолютизма. Показательно, что ни в одном русском произведении киевского периода нет ссылок на принцип римского императорского права: "Нет законов для правителя" (Princeps legibus solutus est). Напротив, почти в каждом русском рассуждении о государственной власти подчеркивается, что правитель связан законом. Так монах Иаков в своем послании князю Дмитрию (христианское имя Изяслава I), написанном приблизительно в 1072 г., настаивает на том, что правитель не должен "отказываться от главных принципов", даже под угрозой силы, и не должен допускать никакого произвола в управлении делами.[99] Под "законом" и "главными принципами" русские писатели понимали, главным образом,

христианский нравственный закон, а также установившуюся практику справедливого управления. Они не выступают за какие-либо конкретные правовые ограничения княжеской власти. В этой связи можно отметить, что только к концу этого периода были приняты первые европейские конституции: английская Великая Хартия в 1215 г. и венгерская Золотая булла в 1222 г. С другой стороны, город Новгород даже в киевский период ограничил княжескую власть специальными хартиями, и эти хартии можно считать элементами основного конституционного закона. К сожалению, новгородские грамоты домонгольского периода не дошли до наших дней (см. Гл. VII, раздел 6). Однако новгородские традиции тоже не пропагандировались в политических размышлениях русских книжников того периода. В этом отношении русская политическая теория отставала от политической реальности. Не отстаивая конституционных гарантий, решение проблемы писатели усматривали в нравственных и интеллектуальных качествах князя. В этом смысле русские следовали идее Платона о царе-философе. "*Тот, кто принимает большую власть, должен иметь большой ум*", - говорит цитата из Платона в "Пчеле".[100]

Соответственно, "Повесть временных лет" одобряет хороших князей и порицает плохих. Хороший князь почитает закон и справедливость и устанавливает правление по этим принципам. Плохой князь - как человек может быть и не плохим - сам не занимается управлением и позволяет своим представителям грабить людей. Чтобы предотвратить беспорядок в государстве, князь должен прислушиваться к советам опытных людей - то есть, дружинной Думы (см. Гл. VII, раздел 3в). Если он нарушает обычай и окружает себя молодыми неопытными советниками - как, согласно "Повести временных лет", поступал к концу жизни Всеволод I - результатом будет упадок в делах и разорение людей.

Такая позиция означает мягкое одобрение аристократического элемента в государственном управлении. Что касается демократического элемента, вече, то ему не уделяется внимания в дошедших до нас политических размышлениях. Однако знаки демократических тенденций русской политической жизни можно видеть в летописях. Так, в Лаврентьевской летописи обнаруживаем следующую запись: "*С незапамятных времен новгородцы, смоленские, киевские, полоцкие жители и народы других земель собирались на*

вече, чтобы обсуждать дела".[101] Это не столько констатация факта, сколько изложение законных политических прав новгородских демократов.

Хотя подобным специальным правам и не отдается предпочтения в известных нам политических рассуждениях книжников, в некоторых из них мы находим выражение общей идеи о нравственном договоре между князем и народом. Плохой князь, нарушающий этот договор, навлекает на себя гнев Божий. Бедствия, такие как голод и войны, - это наказания Божьи за людские грехи. Князь и народ связаны нитью истории, и каждый в ответе за грехи другого. Об этом русский того периода мог прочесть в "Пчеле": "*Государство погибает по вине людей или от Божьего наказания*". Первая часть фразы основана на Платоне,[102] вторая добавлена христианским составителем. Отношение русского книжника к этой проблеме было каким угодно, только не пассивным. Если народ извратился, князь должен исправлять его. Если князь плох, народ должен заменить его на другого. Наставление в духе подобного активного сопротивления злу русский мог найти в другом приписываемом Платону афоризме, помещенном в "Пчеле": "*Тот, кто не делает зла, достоин уважения; но тот, кто не позволяет другим делать зло, достоин уважения вдвойне; если первый заслуживает короны, то второй - нескольких*".[103]

ФИЛОЛОГИЯ

Великий труд Св. Кирилла и Мефодия, который вначале имел единственную цель - приспособить славянский язык к потребностям церкви, в результате дал мощный толчок развитию славянской культуры и цивилизации в целом. Сами славянские апостолы с истинным энтузиазмом отнеслись к своей культурной миссии.

К своему переводу Евангелия философ Константин (св. Кирилл) написал прекрасное поэтическое вступление.[104] Оно начинается следующими вдохновенными строками:

Засим внемли, понимая!
Так внемли, Славянский народ!
Внемли Миру, питающему души человеческие,
Миру, укрепляющему сердце и разум,
Этот Мир готов принять Бога!

Константин затем подчеркивает важность для славянского народа - как любого другого - услышать Евангелие и иметь книги на

своем родном языке. "*И учил Святой Павел: пять слов на родном языке скорее научат людей, чем тысяча чужих слов*". Идеи Константина развил митрополит Иларион Киевский, который сказал, что новая вера требует нового языка, как новое вино - новых мехов.[105] Принимая во внимание увлеченность славянских книжников того периода языком и литературой, можно предположить, что, по крайней мере, некоторые из них интересовались тем, что теперь мы называем славянской филологией.

Свидетельством такого интереса является сочинение "О [славянских] буквах", написанное Храбром, болгарским монахом десятого века.[106] Это замечательное исследование о происхождении славянского алфавита. Самая ранняя из известных рукописных копий этого исследования, список бывшей Синодальной библиотеки в Москве, датирована 1348 г. Нет сомнений, однако, что эта работа была известна на Руси и в исследуемый нами период.

Хотя новая славянская литература уже родилась, так сказать, пуповина, соединяющая ее с матерью - византийской литературой, не была отрезана сразу. Работу по переводу с греческого на славянский, начатую Св. Кириллом и Мефодием в Моравии в девятом веке и продолженную их учениками в Болгарии в десятом веке, с успехом возобновил в одиннадцатом веке Ярослав Мудрый в Киеве. Зависимость славянской науки от византийской литературы предполагает наличие в тот период значительного количества профессиональных переводчиков, образованных людей, которые знали оба языка. Некоторые были греками, другие - болгарами; однако были среди них и русские.

Совершенно очевидно, что в работе они с необходимостью использовали какие-то ранние грамматики и словари. И действительно существуют доказательства, свидетельствующие, что русские книжники того времени были знакомы с так называемой "скедографией" - искусством правильного употребления слов. Византийские скедографические труды обычно содержали и основные грамматические правила, и комментарии о значениях слова. Такие труды составлялись в алфавитном порядке. В своем полемическом послании священнику Фоме митрополит Климент допускает, что учитель Фомы, некий Григорий, знает "альфу и бету и грамматику на все двадцать четыре буквы [греческого алфавита]", но добавляет (не говоря о себе), что среди людей под его руководством тоже

есть хорошо знающие свои альфы и беты. Ссылка, несомненно, на изучение скедографических сочинений.[107]

Некоторые из переводчиков, приглашенных Ярославом I, возможно преподавали греческий язык в киевских школах. В смоленских школах второй половины двенадцатого века, вероятно, преподавались и латинский, и греческий. То, что в Киеве в одиннадцатом веке были учителя и других языков, следует из упомянутого выше "Поучения" Владимира Мономаха, в котором он говорит, что его отец, Всеволод I, сидя в Киеве, знал пять языков (русский, разумеется, в это число не входит).

Поскольку первая жена Всеволода была византийской принцессой, а вторая - половецкой княжной, мы можем быть уверены, что он знал греческий язык и язык половцев. Каковы же три других изученных им языка, можно только предполагать. Вероятнее всего, это были латинский, норвежский и косожский.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

В Западной Европе в средние века две правовые системы соперничали между собой: Германское право и Римское право. Поскольку германские племена завоевали одну за другой бывшие провинции Римской империи, они принесли с собой собственные обычаи и традиции, имевшие для них обязательную силу. Постепенно тевтонское право восторжествовало над Римским почти на всем западе. Однако в Южной Европе Римское право не было забыто полностью, а с конца одиннадцатого века интерес к нему возрождается, благодаря работе так называемых "глоссаторов", или комментаторов, "дигестов" Юстиниана. Юридическая школа в Болонье являлась главным центром исследований глоссаторов в двенадцатом столетии. Это течение в юриспруденции в конце концов привело к так называемому "принятию Римского права" в большинстве стран континентальной Европы. Процесс принятия продолжался несколько веков; в Германии, например, "принятие" произошло только в конце пятнадцатого столетия.

На Руси юриспруденция развивалась по другому пути. Русь, за исключением Закавказья, Крыма и Бессарабии, никогда не входила в состав Римской империи. Поэтому славянское обычное право, во многих отношениях сходное с германским, составило собственную основу Русского права. Однако, поскольку Русь была связана географически и экономически с Византийской империей, она ис-

пытывала влияние византийской юриспруденции еще до принятия христианства. В этом отношении особенно важны русско-византийские договоры десятого века.

Византийское право, исключая, конечно, Церковное право, было прямым историческим продолжением Римского права. Именно в ранний византийский период, в правление Юстиниана, произошла окончательная кодификация Римского права. Таким образом, через Византию русские рано познакомились с Римским правом. Византийские собрания церковных канонов и указов императоров относительно церкви известны как "Номоканоны". Существует несколько вариантов номоканонов. Из "Церковного Устава" Св. Владимира мы знаем, что он обращался к одному из этих собраний. По-русски Номоканон назвали "Кормчей" (соответствует греческому Πηδαλιον).[108]

Что касается византийского гражданского права, то наиболее популярные монографии, такие как "Эклога", "Прокеирон" и "Номос Георгикос" (Земледельческий закон), были хорошо известны в средневековой Руси. Выдержки из "Эклоги" и "Прокеирона" - если не полные их тексты - появились в славянском переводе в киевский период. "Земледельческий закон" был переведен, вероятно, в конце двенадцатого или начале тринадцатого веков.[109] В десятом веке в Болгарии был составлено славянское руководство по праву, известное как "Закон судныи людем".[110] Оно преимущественно основывалось на "Эклоге" и было чрезвычайно популярно на Руси.

В результате переводов упомянутых выше сводов законов и руководств русский юрист одиннадцатого и двенадцатого веков, даже если он не знал никаких других языков кроме славянского, располагал целой полкой юридических книг. Тем, кто знал греческий, разумеется, были доступны все оригинальные своды. Нужно отметить, однако, что, несмотря на знакомство русских юристов с византийским правом, первая редакция "Русской Правды", записанная в начале одиннадцатого века и известная под названием "Правда Ярослава", основана на славянском обычном праве, сходном с англосаксонским правом, "Lex Salica (Саллической правдой)" и другими так называемыми "Leges Barbarorum".

Второй русский свод, известный как "Правда Ярославичей" и датируемый примерно 1072 г., посвящен преимущественно защите

княжеских служащих и имений. Его источниками являются различные княжеские указы; однако содержание свода позволяет нам предположить определенное влияние Германского княжеского права и Византийского права. Так называемая "Пространная редакция Русской Правды", кодифицированная, вероятно, в шестидесятых годах одиннадцатого века, значительно более разработанный свод, чем две предыдущие редакции, и в ней чувствуется рука юриста, сведущего в Византийском праве.[111]

Хотя и знакомые с Византийским правом, русские юристы двенадцатого века не перенимали безоговорочно все его нормы. Напротив, они продемонстрировали завидную независимость от византийских учителей, что само по себе свидетельствует о высоком уровне юридической мысли в Киевской Руси. Русские приняли то, что казалось им полезным для Русского права, и отказались или модифицировали все, что сочли несовместимым с русской жизнью. Так, они последовали принципам Византийского права - или скорее, в этом случае, Римского права - в легализации процента по займам. Как хорошо известно, западное право этого периода, под влиянием Церкви, не признавало законности процента по займам, который считался "ростовщическим". Но, следуя византийской линии в вопросе о займах, русские не взяли из византийской традиции ни смертного приговора, ни телесных наказаний. Во всех случаях, когда византийский закон предписывает порку или другие формы телесного наказания, "Правда" заменяет их денежными штрафами: такое-то количество гривен вместо такого-то количества плетей.

Сравнение разных редакций "Правды" может помочь охарактеризовать методы кодификации, применявшиеся русскими юристами. Начиная с конкретного случая, они постепенно строят общие нормы права. Так, когда жители Дорогобужа убили *старого конюха* князя Изяслава I, последний вынес решение, что убийцы должны заплатить восемьдесят гривен в качестве виры. Это было должным образом зафиксировано, и в "Правде Ярославичей" установлена вира в восемьдесят гривен за убийство любого княжеского конюха, со ссылкой на случай в Дорогобуже; однако в следующей редакции "Правды" (так называемая "Пространная редакция") даже эта ссылка опущена.

Возьмем другой случай. "Правда Ярославичей" содержит статью, в которой устанавливается пеня за убийство княжеского пастуха

или *хопа* - называемого так, потому что в десятом и начале одиннадцатого веков многие пастухи происходили из печенегов и принадлежали, по-видимому, к хопскому племени (см. Гл. VI, раздел 11). Княжеские пастухи чаще всего были его рабами. И в соответствующей статье "Пространной редакции Правды" название "хоп" заменен на "холоп"; содержание статьи, таким образом, становится общим.

Другим интересным примером редакционных методов русских юристов того периода является объединение "Правды" с "Законом судныи людем" десятого века, общая редакция которых появилась в конце двенадцатого или начале тринадцатого веков.[112]

11. Естественные и технические науки

Развитие современной науки соединяется в нашем сознании с Западной Европой. Подобное восприятие относительно начала средних веков было бы неправильным. Научные традиции греческих ученых эллинистического периода с восьмого века были подхвачены арабскими учеными, и в течение нескольких столетий арабские страны лидировали в науке и медицине. Византия служила своего рода посредником между Востоком и Западом. Однако именно благодаря прямому контакту с арабскими учеными в Испании, Сицилии и южной Италии, наука и медицина начали реально развиваться на Западе начиная с двенадцатого века. Школа медицины в Салерно стала, в конце двенадцатого и тринадцатом веках, одним из важных факторов ассимиляции арабской учености Западом, но только в четырнадцатом и пятнадцатом веках научный прогресс на Западе приобрел размах и высокие темпы.

Поскольку Русь получила христианскую цивилизацию из Византии и имела контакты с некоторыми восточными странами, можно подумать, что она была в благоприятной ситуации для развития науки. На самом деле, однако, особое внимание в русской средневековой цивилизации оказывалось искусствам и гуманитарным наукам, а не естественным и прикладным. Нет свидетельств, что в киевский период на Руси проводились какие-либо систематические научные исследования, и в древнерусских школах не изучали никакие науки кроме элементарной математики. На славянс-

кий язык были переведены некоторые устаревшие византийские руководства по космографии и естественной истории, такие как "Христианская топография" Козьмы Индикоплова и "Физиолог"[113], но за исключением одной математической работы оригинальных русских научных исследований не появилось или, по крайней мере, не сохранилось. Однако русские были тонкими наблюдателями природы и, по крайней мере некоторые из них, обладали острым пытливым умом, насколько мы можем судить по отдельным замечаниям в разных русских сочинениях того периода, а также по некоторым техническим устройствам. Можно добавить, что наше знание о прогрессе прикладной науки в древней Руси не полно, поскольку не существует какого-либо систематического описания технических изобретений.

Начнем с математики. К моменту принятия христианства русские были уже знакомы с использованием десятичной системы исчисления в пределах 1-10 000, дробями двоичной системы, а также некоторыми другими простейшими дробями вроде 1/3, 1/5, 1/7 и их подразделениями по двоичной системе.[114] Вероятно до изобретения славянского алфавита для нумерации использовали греческие буквы и знаки. Потом их заменили славянскими буквами. К двенадцатому веку исчисление распространилось до 10 000 000.

Церковь была заинтересована в развитии математических исследований для пасхальных вычислений, которые необходимо было делать заранее. Хронологические вычисления зависели от определенного знания математики. В своей работе о хронологических и пасхальных вычислениях "Наука знания о числах всех годов" (1134 гг.), новгородский монах Кирик использовал пятеричные дроби и довел подразделения до единицы седьмого разряда, то есть до дроби 1/78125. По мнению В.В. Бабунина, сочинение Кирика является ранним свидетельством типично русского направления в математическом исследовании, которое он называет "арифметическо-алгебраическим".[115]

Знание математики и особенно начал геометрии было важно для архитекторов, но нам неизвестно ни одной русской работы того периода по этому вопросу. Хотя до нас не дошло ни одного русского исследования по астрономии, астрономические данные в русских летописях весьма точны.[116]

Информация по зоологии, которую можно было извлечь из "Физиолога", была абсолютно ненаучной; однако в Киевской Руси было широко распространено практическое знание о животном мире, поскольку охота тогда являлась средством к существованию для значительной части русского народа. То, что русские хорошо знали повадки животных и птиц, показывают точные замечания о животных в "Поучении" Владимира Мономаха, а также в "Слове о полку Игореве".

Ботаника, скорее всего, ограничивалась изучением лечебных трав, которые использовали как профессиональные врачи, так и "знахари" из народа. Это приводит нас к вопросу о древнерусской медицине. Уровень медицины в Киевской Руси, по всей вероятности, был выше уровня знаний по естественным наукам. Во-первых, из летописей мы знаем, что на Руси практиковали сирийские и армянские врачи.[117] Сирия входила в сферу арабской науки, армянская медицина тоже была высоко развита.[118] Во-вторых, можно предположить, что каждый хороший врач, русский и иностранный, распространял медицинские знания, обучая своих ассистентов. Из "Русской Правды" мы знаем, что в случае нанесения увечий в драке обидчик должен был не только выплатить компенсацию пострадавшему, но и оплатить услуги врача.[119] Очевидно практика обращения за помощью к врачу была широко распространена, и количество докторов должно было быть значительным. В некоторых княжеских указах и церковных уставах упоминаются больницы, организованные Церковью. Мало известно о медицинских знаниях *волхвов* и *знахарей*. Видимо, многие их средства и рецепты составили основу так называемой *народной медицины* последующих периодов.[120] Следует отметить, что *волхование* строилось не только на предрассудках. В медицинской практике волхвов были также элементы настоящей интуиции и здравого рассудка, особенно в использовании лечебных свойств трав, массажей, припарок и так далее.

Русский вклад в географическое знание был значительнее, чем в другие области науки. У русских того периода кажется было больше интереса и склонности изучать историю и географию, чем другие отрасли как гуманитарных, так и естественных наук. Первая история Руси - "Повесть временных лет" - в определенном смысле и географическое исследование, а не только историческое.

В то время как общее географическое вступление в "Повесть" построено на общепринятых библейских и христианских понятиях, конкретная информация о районах расселения славянских племен поразительно точна и обнаруживает мастерство составителя в трактовке вопросов географии.[121]

Знаменательно, что мы находим чрезвычайно точные географические данные даже в русских поэтических произведениях того периода, особенно в знаменитом "Слове".[122] Понимание русскими важности точной информации в географических исследованиях демонстрирует измерение князем Глебом, в 1068 г., глубины Керченского пролива.[123]

Из русских путевых заметок сохранились две работы, обе описывают паломничества в Святую землю. Первая - "Хождение отца Даниила Киевского", посетившего Иерусалим в 1106-1107 гг.,[124] вторая принадлежит Добрыне Новгородскому, который совершил паломничество в 1200-1201 гг.[125] Даниил начинает свое повествование с Константинополя, а не с Киева, что огорчительно, с точки зрения изучающего русскую историю и географию. Он прошел через Мраморное море и пролив Дарданеллы к острову Родос, затем двигался вдоль берегов Ликии к Кипру и Яффе и так достиг Иерусалима. На обратном пути у берегов Ликии он подвергся нападению пиратов, но спасся, возвратился в Константинополь и затем на Русь.

Хотя во многих случаях подход Даниила типичен для паломника, его описание, в целом, точное и честное. Когда он повторяет слова других, то говорит об этом. Он пишет: "*Если я и написал что, не зная, то нигде не лгал; потому что я не описывал того, чего не видел собственными глазами*". Сравнивая повествования Даниила и англичанина Сивулфа, уроженца Вустера (1102-1103 гг.), Р.Бизли находит, что описание Даниила, "*в целом, полнее, а также точнее и наблюдательнее.*[126] *Особый интерес вызывает встреча Даниила в Иерусалиме с императором Балдуином. Показательно, что у путешественника нет какой-либо враждебности в отношении "латинян" - то есть римских католиков. С другой стороны, заметен его горячий русский патриотизм; он спрашивает и получает разрешение императора Балдуина поставить у Гроба Господня свечу "во имя всей Русской Земли"*.

Добрыня Новгородский больше известен под своим христианским именем Антоний. В его записках мы имеем, по правде говоря,

просто краткое описание константинопольских церквей и хранимых в них реликвий. Они, однако, бесценны для археолога, поскольку Добрыня побывал в столице Империи за четыре года до ее захвата крестоносцами и был, таким образом, последним из путешественников, видевших Св. Софию и другие византийские церкви во всем их блеске.[127]

Теперь обратимся к древнерусским технологиям, анализ которых выявляет значительный объем практических знаний в области прикладной химии и физики. Так, новгородских мастеров по серебру можно считать высококвалифицированными специалистами своего дела.[128] Стоит также отметить, что русские мастера по эмали в то время умели добиваться температур от 1 000 до 1 200 градусов по Цельсию.[129] Новгородские солевары, несомненно, были знакомы с принципом концентрированных растворов; они также знали, как регулировать осаждение соли при помощи изменения температуры.[130] Интерес русских архитекторов к прикладной физике подтверждает использование в новгородских и суздальских храмах *голосников* (резонаторов или усилителей звука). Голосниками служили глиняные горшки, вмурованные в стены горлышками внутрь церкви. Принцип, конечно, известный еще Витрувию.[131]

Нельзя не отметить здесь, что русские в то время также были знакомы, хотя и в негативном смысле (как с элементом вооружения врага), с военным применением химического огня. Так, например, в 941 г. флот князя Игоря был уничтожен "греческим огнем". В двенадцатом веке хорезмские техники, приглашенные половцами, использовали против русских огнеметы.[132] В этом случае главной составляющей огня, очевидно, был азербайджанский лигроин. По-видимому, от хорезмцев русские получили представление о гигантских механических стрелометателях, называемых по-персидски *чир-и-чахр*, а по-русски *шерешир*.[133] Автор "Слова о полку Игореве", рассказывая о верховенстве Всеволода III над рязанскими князьями, говорит, что он использовал их как множество живых шереширских стрел. В морском вооружении князю Изяславу II Киевскому приписывается изобретение нового типа военного судна, использованного им на Днепре. Внешний вид судна в Киевской летописи описывается следующими словами: *"Изяслав построил лодки искусно: гребцов не видно, видно только весла, потому что на лодке палуба. И воины стояли на палу-*

бе в доспехах и пускали стрелы. И было два рулевых, один на носу и один на корме; они могли править лодку, куда хотели, не поворачивая ее".[134] В Радзивиловской летописи есть довольно схематичное изображение подобной лодки.[135] Хотя летопись была написана в пятнадцатом веке, предполагается, что по крайней мере часть миниатюр в ней скопирована из более ранних оригиналов. В этом конкретном случае художник, скорее всего, просто старался следовать описанию в тексте; в результате миниатюру вряд ли можно считать точным изображением судна Изяслава.

Из индустриальных технологий в летописи под 1195 г. упоминается лесопильная рама в Корсуни (Киевская земля). Она приводилась в действие энергией воды водопадов на реке Рось. Безусловно, она была не единственным экземпляром.[136] Об углублении некоторых рек, для того чтобы улучшить фарватер, я уже упоминал.

Мы не должны забывать, что имеющиеся данные только фрагментарны и не дают нам полной картины реального развития русской техники того периода. Такую картину составить невозможно из-за недостатка материала, особенно поскольку летописцы были, в основном, монахами и не интересовались техникой.

Глава X

БЫТ

1. Городская и сельская жизнь

В дореволюционной России в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков жизнь в городах в значительной мере отличалась от жизни в деревне. В то время как европеизированные городские центры представляли современную эпоху со всеми ее удовольствиями, техническими новшествами н интеллектуальными возможностями, крестьяне в психологическом и культурном отношениях все еще жили в условиях московского периода. Правда, дворянские усадьбы, построенные большей частью в стиле "русский ампир", с их библиотеками, собраниями картин и так далее, были подобны многочисленным оазисам европейской культуры, но их потенциальное и реальное влияние, несущее цивилизацию, было более чем уравновешено интеллектуальной и социальной пропастью между помещиками и жителями деревень. Однако сама по себе деревня не осталась неизменной. Быстрый рост образовательных возможностей и менее быстрое проникновение технических достижений в сельские районы постепенно изменяли крестьянскую жизнь, особенно после неудавшейся революции 1905 г., когда мелкие кредитные учереждения и общины внесли большой вклад в материальный прогресс.

С точки зрения социологии существует много сходства между Киевской Русью и царской Россией позднего периода: контраст между

городской и сельской жизнью представляет одну из важных параллелей между этими двумя эпохами. Как в древней, так и в современной России города первыми испытывали влияние новых культурных тенденций, в то время как деревни сильно отставали от них. Пропасть между аудиторией Иллариона - людьми, "напоенными благодатью книжного учения" - и жителями отдаленных сельских уголков, которые все еще были неграмотными язычниками, была так же велика, как между городской элитой и "темными людьми" деревень в конце девятнадцатого века. Экономически русские города Киевской Руси жили в эпоху торгового капитализма и высоко развитого гражданского права, в то время как сельские жители в отдаленных районах не знали сложных экономических или финансовых сделок, кроме выплаты наложенной на них дани. Города были великолепны с их пышными соборами и роскошными дворцами, а деревням было нечего показать кроме своих бревенчатых изб. В сельских районах церквей было мало. Хотя количество княжеских и боярских сельских усадеб росло, их владельцы проводили там только часть своего времени, будучи более тесно связаны с городами, нежели со своими поместьями; в результате последние едва ли могли в тот период стать центрами культуры, за исключением того, что в некоторых случаях они имели экономическую значимость.

Таким образом, говоря о быте русских в киевский период, необходимо разделять между городами и сельскими районами. Мы знаем лучше городскую жизнь, потому что она оставила больше следов в наших источниках информации. О сельской жизни известно мало, за исключением того, что можно извлечь из фольклора. Кстати сказать, устное народное творчество было одним из связующих звеньев между городами и деревнями, как впрочем и между высшими и низшими классами. Эпические поэмы и волшебные сказки (*былины* и *сказки*) высоко ценились как в княжеских и боярских хоромах, так и в деревнях, и, насколько мы знаем, скоморох был желанным гостем и на городском пиру, и на сельском празднике.

2. Жилища и мебель

Суровость русской зимы, особенно на севере, заставляла русских людей обращать больше внимания на прочность своих домов, чем

это было необходимо жителям южной или западной Европы. Основным назначением дома на Руси было обеспечить человека теплом зимой, а не что-либо иное. И, тем не менее в эпоху Киевской Руси не строили ни каменных, ни кирпичных зданий, за исключением церквей и княжеских дворцов. Двумя основными типами русского жилья являются бревенчатая постройка на севере и каркасный дом на юге, которые соответственно назывались *избой* и *хатой*[1]. Поскольку дерево менее долговечный материал, чем камень, до нас не дошло ни одного образца деревянных домов Древней Руси, но мы можем получить о них представление по бревенчатым избам русских крестьян северной части страны, построенным в XVIII и XIX веках. В отличие от жалких хат Белоруссии и Центральной России, северная русская изба обычно представляет собой просторный дом, добротно построенный и теплый, и, чаще всего, украшенный снаружи деревянной резьбой. Именно таким, видимо, был древний новгородский дом, в то время как в Центральной России и Белоруссии уже тогда бревенчатые избы, судя по всему, были меньшего размера. Даже небольшая изба обычно состояла из трех частей: основной комнаты с печью, коридора и неотапливаемой комнаты рядом с коридором, которую использовали как дополнительную комнату летом или как кладовую (*клеть*)[2]. Дом, состоящий из нескольких комнат, назывался *хоромы*. Рядом с домом строили амбары, хлевы, конюшни, а также *бани*. Двор огораживали частоколом. Боярская усадьба, по-видимому, отличалась от жилища простолюдина только размерами. Княжеский дворец, разумеется, был намного просторнее и более искусно построен. Его двумя характерными чертами были *гридница* и *терем*. В Киевском дворце эти два здания были каменными уже в десятом веке. Гридница служила штаб-квартирой княжеской дружины. В тереме жила женская половина княжеской семьи. Слово "терем" вероятно происходит от греческого room ("комната"); сравните с персидским tarem (шатер, галерея)[3].

Теперь спустимся вниз по социальной лестнице. Смерды жили в меньших бревенчатых избах или, на юге, в хатах. Печки изначально делались из обожженной глины, позднее их стали класть из кирпича. Зачастую печь была довольно обширной. В доме она служила для обогрева, кипячения воды, приготовления пищи и других целей. В Центральной России крестьяне использовали ее иногда для мытья, как своего рода маленькую баню.

Вместо стекла в окна вставляли слюду. Для освещения использовали глиняные светильники, в которых горел жир или какое-нибудь растительное масло. Использовали также медные подсвечники с восковыми свечами. В более бедных домах лучина, вероятно, была популярным средством освещения, как это было в крестьянских домах и в царскую эпоху до появления керосина. Мебель состояла из кроватей, столов, скамей и стульев, изготовленных из дерева. В боярских и купеческих домах часть мебели, особенно кресла, была украшена искусной резьбой. Столы покрывали домотканными или кружевными скатертями ручной работы. К умывальникам прилагались кувшины и тазы, сделанные из меди. Именно в таком кувшине епископ новгородский Иоанн поймал однажды дьявола, если верить его "Жизнеописанию".[4]

3. Одежда

Мужская одежда летом состояла из льняной рубахи и льняных штанов. Именно в таком одеянии появился Великий князь Святослав перед императором Иоанном Цимисхием в 971 г. (см. Гл. II, раздел 5). Святослав был ригористом; уже во времена его правления, тем более позже, в XI и XII веках, князья и бояре предпочитали пышные одежды, сшитые из заморского шелка и парчовых тканей (*поволоки* и *аксамита*). В холодное время года льняные и шелковые одежды служили нижним бельем, поверх которого носили шерстяную одежду. Для обозначения последней использовали несколько терминов, такие как *свита*, *мятелия*, *коч* и т. д. Вероятно, свита была самым распространенным видом одежды, которую носили как князья, так и крестьяне, что-то вроде кафтана. Мятелия - плащ или мантия, упоминается в западно-украинских и новгородских источниках. Коч, вероятнее всего, служил чем-то вроде пальто. Княжеская мантия называлась *корзно*.[5] Зимой, особенно во время путешествий, надевали овчинные и меховые шубы. Они были двух фасонов: приталенное пальто с рукавами (*кожух*) и свободное пальто, тоже чаще всего с рукавами (*шуба*). Обычный кожух изготовляли из овчины. Для шуб широко использовался мех медведя, волка и куницы.

Княжеская одежда изображена на знаменитой миниатюре "Изборника" Святослава 1073 г., на ней мы видим князя Святослава II, его жену и пять их сыновей.[6] По словам Н.П.Кондакова, вся одежда кроме головного убора и воротников типично византийская.[7] Князь одет в кафтан темно-фиолетово-синего цвета с облегающими рукавами, заканчивающимися золоченой парчой; нижняя кайма красная. Поверх него темно-синяя мантия с широкой золотой каймой, застегнутая рубиновой пряжкой. Его сапоги - из зеленого сафьяна. Княгиня одета в легкое красное платье, с широкими свободными рукавами, что-то вроде долматика, перетянутое широким золотым поясом. На голове у нее большой платок, скорее шаль, один конец которой покоится на правом плече. Головной убор Святослава состоит из соболиной шапки с низкой тульей из золоченой ткани. Его сыновья - в высоких меховых шапках. Интересной деталью одеяния молодых княжичей является низкий воротник, по-видимому своеобразное ожерелье на шее (торк, гривна).

Другую иллюстрацию княжеской одежды одиннадцатого века можно найти в миниатюрах, помещенных в "Кодексе Гертруды", списке Псалтыря, сделанном по заказу архиепископа Эгберта Трирского (977-993 гг.). Миниатюры датируются концом одиннадцатого века и изображают князя Ярополка (сына Изяслава I), его жену и мать. Одежда, в которую они одеты, выполнена в традиционном византийском стиле.[8] По мнению Кондакова эти миниатюры были написаны каким-либо польским или западно-украинским (галицким) иконописцем.

А теперь обратимся к одежде русских женщин.[9] Летом она состояла из льняной рубашки и шерстяной юбки (*поневы*). В северной части Руси вместо юбки носили платье без рукавов, наподобие фартука. Это так называемый сарафан, но необходимо отметить, что в древней Руси этим словом называли также и мужскую одежду. Мужской сарафан был легким летним пальто.[10] Это слово иранского происхождения. Богатые женщины, особенно горожанки, предпочитали одеваться в шелка и парчу еще больше, чем мужчины. Зимой сельские женщины носили овчинные полушубки, но достойной одеждой для уважаемой женщины была меховая шуба. Женщины из богатых семей носили соболиные и бобровые меха. В "Слове о полку Игореве" Ярославна, жена несчастного князя Иго-

ря, оплакивая судьбу своего мужа, выражает желание погрузить рукав своей бобровой шубы в воды Дуная, чтобы им обмыть Игоревы раны. Женщины не с такими большими запросами довольствовались шубами из куницы или даже белки. Меха также использовались для зимних шапок как мужских, так и женских. Наиболее подходящими для них считались соболь и бобер. Летом мужчины носили войлочные шляпы с высокой тульей, называемые "*греческими шляпами*". Женский головной убор, повязка в форме открытой короны, был известен как *кика*, или, если он был высоким спереди, как *кокошник*. Богатая женщина обычно носила *кокошник*, украшениый драгоценными камнями.

На ногах мужчины носили высокие сапоги (*черевы*). Сапоги богатых людей шились из тонкой кожи, они были зелеными, желтыми или красными. Щеголи, такие как легендарный Чурило Пленкович, заказывали себе сапоги с длинными загнутыми носами. Носили также низкие кожаные башмаки (тоже называемые черевы), особеино женщины. В лесной полосе деревенские жители носили *лапти*, сплетенные из лыка или коры ивы, березы или дуба.

Полное официальное одеяние не считалось завершенным без драгоценных камней и всякого рода украшений, что, разумеется, особенно любили женщины.[11] Однако и мужчины не чурались украшений из золота и серебра. Святослав I носил золотую серьгу. Княжеские дружинники часто носили шейные ожерелья (*торки*) и цепи. Однако они были, скорее, символами служебного положения, нежели простыми украшениями. Некоторые аксессуары одежды богатых людей, такие как пряжки и пуговицы, также изготовляли из золота и серебра и, чаще всего, украшали драгоценными камнями или жемчугом. Пояс считался самым лучшим мужским украшением. Золотые и серебряные пояса были по преимуществу атрибутами княжеского гардероба. Шелковые и кожаные пояса обычно украшали серебряными пластиинами и пряжками, художественно оформленными.[12] Ассортимент драгоценностей и украшений богатых женщин включал в себя разнообразные, искусно сделанные предметы, такие как золотые и серебряные серьги, височные подвески, ожерелья из жемчуга или золотых или серебряных монет (*монисто*), украшенные эмалью золотые короны, браслеты и всевозможные кольца.

4. Еда

Хлеб и мясо были двумя основными продуктами питания в рационе русских князей Киевской Руси.[13] На юге Руси хлеб пекли из пшеничной муки, на севере был более распространен ржаной хлеб. В голодные годы к муке иногда добавляли сухие листья растения гусиные лапки. В богатых домах, а также в монастырях по праздничным дням в дополнение к обычному хлебу подавался сдобный, выпекаемый с медом и маком. Что касается мяса, то самыми обычными сортами были говядина, свинина и баранина, а также гуси, куры, утки, голуби и журавли. Конину иногда ели воины во время походов и гражданские в голодные годы. Употребляли также мясо диких животных и птиц. Как указывается в современных источниках, это были олени, кабаны, зайцы, даже медведи. В пищу шли куропатки, рябчики и другая дичь. После обращения в Христианство новая церковь, внимательно относящаяся к древним канонам, возражала против того, чтобы люди ели мясо диких животных, таких как медведь и даже заяц, считая их "нечистыми". Более того, следуя Ветхому Завету с его осуждением употребления в пищу мяса с кровью, она возражала против того, чтобы ели птиц, задушенных в силках.[14] Однако очевидно, что в этом отношении увещевания духовенства были напрасными, так как многовековые традиции прихожан преобладали над новыми ритуалами. В эпоху Московской Руси этим церковным предписаниям следовали строже.

Церковь поощряла употребление в пищу рыбы. Среды и пятницы были объявлены постными днями и, кроме того, были установлены три поста, включая Великий Пост. Разумеется, рыба уже была в рационе русских людей до Крещения Владимира, и икра, должно быть, тоже, хотя первое упоминание о ней обнаружено в источниках двенадцатого века[15]. Яйца, молочные продукты и овощи дополняли список съестных припасов. В дополнение к животному маслу иногда употребляли растительное, получаемое из семян конопли или льна, главным образом во время постов. Из-за границы импортировали оливковое масло.

Мало что известно о русской кухне этого времени. Мясо варили или жарили на вертеле, овощи ели вареными или сырыми. Также упоминаются в источниках солонина и тушенка. Пироги, которые позднее стали любимым русским кулинарным изобретением,

упоминаются в источниках этого периода только дважды.[16] Пшенная и овсяная каши, судя по всему, были распространенными блюдами. В княжеском хозяйстве главный повар (*старейшина поваров*) осуществлял контроль над огромным штатом кухонных работников, и все повара вероятно были хорошо обучены и искусны. А поскольку некоторые из них были иностранного происхождения (упоминаются турецкие и венгерские повара), то их кухня могла включать в себя и иностранные рецепты. Ассортимент кухонной посуды включал в себя медные чайники, таганы и сковородки, а также всевозможные ножи.

Теперь давайте перейдем к напиткам. В те времена, как и в наши, русские люди не избегали выпивки. Согласно "Повести временных лет" основной причиной отказа Владимира от ислама была трезвость, предписываемая той религией. "*Питие*", - говорил он, - "*это радость русов. Мы не можем без этого удовольствия*".[17] Русская выпивка для современного читателя неизменно ассоциируется с водкой, но в эпоху Киевской Руси не гнали спирта. Употребляли три вида напитков. Квас, безалкогольный или слегка хмельной напиток, изготовляли из ржаного хлеба. Это было нечто напоминающее пиво. Вероятно, он был традиционным напитком славян, так как его упоминают в записях о путешествии византийского посланника к вождю гуннов Аттиле в начале пятого века наряду с медом.[18] Мед был чрезвычайно популярен в Киевской Руси. Его варили и пили как миряне, так и монахи. Согласно летописи князь Владимир Красное Солнышко заказал триста котлов меда по случаю открытия церкви в Василеве.[19] В 1146 г. князь Изяслав II обнаружил в погребах своего соперника Святослава пятьсот бочек меда и восемьдесят бочек вина.[20] Было известно несколько сортов меда: сладкий, сухой, с перцем и так далее. Пили и вино: вина ввозились из Греции, и, кроме князей, церкви и монастыри регулярно импортировали вино для отправления литургии.

Что касается сервировки стола, то в княжеском хозяйстве пользовались золотой и серебряной посудой, особенно в случаях государственной важности. Использовали также золотые и серебряные ложки. "Повесть временных" лет содержит характерную историю о дружинниках Владимира Красное Солнышко, которые жаловались на то, что князь позволяет им есть деревянными ложками вместо серебряных. Владимир сразу же приказал выдать

им серебряные ложки.[21] Вилок не было и предполагалось, что все должны пользоваться собственными ножами, чтобы отрезать хлеб или мясо. Для питья вполне подходили золотые или серебряные кубки и чаши. Простолюдины должны были довольствоваться оловянной или деревянной посудой, деревянными ложками, оловянными кубками и чашами.

5. Здоровье и гигиена

В эпоху Киевской Руси, по сравнению с более поздними временами, дома и пища у русских были лучше. Вне всякого сомнения, в те времена средний русский человек ел больше мяса, нежели крестьянин в царской России. В результате русские люди, кажется, были более здоровыми и крепкими, чем их потомки в девятнадцатом веке. Несмотря на рост городов, они еще не были так перенаселены, как в наше время. С другой стороны, медицина того времени, и не только на Руси, была не в состоянии справиться с эпидемиями, и, когда они возникали, люди были беспомощны и рассматривали их как знак гнева Господня. При обычных заболеваниях люди ожидали помощи или от ученых докторов или, особенно в сельских районах, от знахарей и волхвов. Однако основы гигиены поддерживались больше здравым смыслом и народной традицией, нежели ведовством или наукой. Коснемся одного важного пункта. Элементарная чистота тела достигалась регулярным использованием парных бань, во всяком случае в северной части Руси, где баня была обязательной принадлежностью каждой усадьбы. На юге парная баня была менее популярна. В "Повести временных лет" есть характерная история о легендарном путешествии апостола Андрея в Новгород. "*Не поверите*",- говорит он,- "*я видел землю словенцев, и пока я был среди них, то наблюдал их деревянные бани. Они топят их до сильной жары, затем раздеваются и, намазав себя квасцами, берут свежие прутья и хлещут ими свое тело. В самом деле, они хлещут себя так неистово, что остаются еле живыми. Затем обливаются холодной водой и так приходят в себя. Они могут делать это каждый день, и, на самом деле, добровольно подвергают себя такой пытке*".[22] Это сатирическое, но совер-

шенно точное описание русской парной бани является одним из ранних проявлений насмешливого отношения киевлян к новгородцам - правдивый эпизод в иронической войне между двумя племенами, где высмеивание великоросса (москаля или кацапа) со стороны украинца и, наоборот, насмешка первого над последним (хохлом) оказываются не чем иным, как историческим продолжением.

В 1090 г. один из русских епископов греческого происхождения, Ефрем Переяславльский, который был великим строителем, украсил город многими зданиями, а среди прочего "*построил каменную баню, такую, какой прежде никогда не было на Руси*".[23] Вероятно, это была римская баня.

Кроме пользования банями существовала еще одна здоровая традиция - русская забота о хранении пищи, в особенности хлеба и воды, в исключительной чистоте, вне досягаемости животных, особенно собак. Есть что-то религиозное в почтительном отношении древних русских к хлебу и воде. Без сомнения его происхождение может быть обнаружено в определенных тенденциях славянского язычества: в праздниках урожая, чтобы выразить уважение к хлебу, и *русалии* - к воде. Христианство добавило свое благословение к старинной религиозной почтительности, предлагая специальные службы в день Преображения (день Спасителя, 6 августа), который совпадал со старинным праздником урожая и в день Богоявления (6 января), когда благословлялась вода. Кроме этого, Церковь ввела, или скорее постаралась ввести, понятие нечистоты некоторых видов животной пищи, как это было отмечено выше, что, однако, едва ли имело какое-то гигиеническое значение. Посты, предписанные Церковью, могли изменить рацион русских людей, что в конце концов и случилось (оставим врачам решать, было ли это полезным для здоровья), но в Киевской Руси посты строго не соблюдались. В своих указах относительно пищи и половых отношений Церковь, разумеется, руководствовалась древними канонами, а не соображениями гигиены. Половая распущенность считалась грехом, поэтому священнослужители осуждали ее. Они пошли еще дальше в попытках регулировать половые аспекты брака. Так, запрещалось сожительствовать по субботам и воскресеньям, а тем, кто делал это, не разрешалось в эти дни входить в церковь.

6. Цикл жизни

Цикл человеческой жизни вечен в том смысле, в каком он предопределен природой. Человек рождается, растет, женится или выходит замуж, рождает детей и умирает. И вполне естественно, что ему хотелось бы должным образом отмечать основные вехи этого цикла. В наши дни урбанизированной и механизированной цивилизации обряды, имеющие отношение к каждому звену жизненного цикла, сведены до минимума. Не так обстояли дела в древности, особенно в эпоху родовой организации общества, когда основные вехи жизни индивидуума считались частью жизни рода. Древние славяне, как и другие племена, вехи жизненного цикла отмечали сложными обрядами, отраженными в фольклоре. Сразу после принятия христианства Церковь присвоила себе организацию некоторых древних обрядов и ввела свои собственные новые ритуалы, как например обряд крещения и празднование именин в честь святого заступника каждого мужчины или женщины.

Одновременно с этим средневековая Церковь, хотя и проникнутая библейскими понятиями, унижала женщину на самом пороге этого цикла. По физиологическим причинам мать считалась нечистой в течение сорока дней после рождения ребенка и ей не разрешалось входить в церковь в этот период.[24] Ей не разрешалось присутствовать при крещении своего ребенка.

В эпоху Киевской Руси в русских княжеских семьях существовал обычай давать ребенку два имени: первое было славянским (или славяно-норвежским), второе - христианским. Первое было известно, преимущественно, как "княжеское имя". Известно, что Владимир получил при крещении христианское имя Василий; его сын Ярослав - имя Юрий (Георгий). Оба эти князя были крещены взрослыми, но обычай давать два имени сохранился и у их потомков, чьи дети были крещены через несколько дней после рождения. В конечном итоге некоторые князья, например Владимир, были канонизированы под их славянскими именами, и, таким образом, древние славянские имена вошли в список христианских личных имен.

В возрасте между двумя и четырьмя годами юному княжичу выбривали тонзуру в знак его высокого ранга, и по этому случаю он получал особое благословение Церкви. Существовал обычай совершать обряд в день имени мальчика. Согласно обряду мальчи-

ка сажали верхом на лошадь, что было предвосхищением его воинской карьеры. Оба события отмечались пышными пирами во дворце его отца.[25] Затем мальчика вверяли заботам наставника (*кормильца*) и примерно в возрасте семи лет его обучали читать, а потом писать. Княжеские дети явно получали образование у своих домашних учителей. По всей видимости так же обстояли дела и с детьми бояр, хотя при Владимире и Ярославе боярам было приказано отсылать своих детей во вновь открывшиеся публичные школы. Детей простолюдинов отправляли в школу тоже, если они вообще получали образование. В сельских районах большинство людей, по-видимому, оставались неграмотными.

Свадебные обычаи в эпоху язычества были различными у разных племен. У радимичей, вятичей и северян жених должен был похитить невесту. У других племен считалось нормальным платить за нее выкуп роду. Этот обычай, вероятно, развился из выкупа за похищение. В конце концов откровенная плата была заменена подарком невесте со стороны жениха или ее родителям (*вено*). Среди полян существовал обычай, который требовал, чтобы родители или их представители привозили невесту в дом жениху, а ее приданое должно было быть доставлено на следующее утро.[26] Следы всех этих старинных обрядов можно отчетливо разглядеть в русском фольклоре, особенно в свадебных обрядах даже более позднего времени.

После обращения Руси в христианство помолвка и свадьба санкционировались Церковью. Однако сначала только князь и бояре заботились о церковном благословении. Основная же масса населения, особенно в сельских районах, довольствовалась признанием брака соответствующими родами и общинами. Случаи уклонения от свадьбы в церкви простыми людьми были частыми вплоть до пятнадцатого века.

По византийскому законодательству в соответствии с обычаями народов юга были установлены самые низкие возрастные требования к будущим супружеским парам. Эклога восьмого века позволяет вступать в брак мужчинам в возрасте пятнадцати лет, а женщинам - тринадцати. В Прокеироне девятого века эти требования даже ниже: четырнадцать лет для жениха и двенадцать для невесты.[27] Известно, что Эклога и Прокеирон существовали в славянском переводе и законность обоих руководств признавалась рус-

скими юристами. В средневековой Руси даже самые низкие возрастные требования Прокеирона не всегда соблюдались, особенно в княжеских семьях, где браки, чаще всего, заключались по дипломатическим соображениям. Известен, по крайней мере один, случай, когда княжеский сын женился в возрасте одиннадцати лет, а Всеволод III отдал свою дочь Верхуславу в жены князю Ростиславу, когда ей было только восемь лет. Когда родители невесты провожали ее, "*они оба плакали, потому что их возлюбленная дочь была такой юной*".[28]

Развод разрешался византийским законом в случае отсутствия одного из супругов в течение более трех лет без всяких известий о нем (или о ней), а также за прелюбодеяние и по некоторым другим причинам. В средневековой Руси развод можно было получить, если один из супругов или оба имели желание уйти в монастырь.[29] Монах и монахиня считались умершими для света. Князей иногда принуждали уйти в монастырь их соперники. Постепенно у князей складывался обычай принимать *схиму* (высший монашеский сан), когда они чувствовали приближение смерти.

Погребальные обряды в языческие времена включали в себя поминальные пиры, происходившие на месте захоронения. Над могилой князя или какого-нибудь выдающегося воина насыпали высокий холм (*курган*) и нанимали профессиональных плакальщиц, чтобы оплакать его смерть. (см. Гл. IX, раздел 5). Они продолжали выполнять свои обязанности и на христианских похоронах, правда, форма плача менялась соответственно христианским понятиям. Христианские погребальные обряды, подобно другим церковным службам, были, конечно, заимствованы из Византии. Иоанн Дамаскин является автором православной *панихиды* ("погребальной" службы), и славянский перевод достоин оригинала. Христианские кладбища создавались недалеко от церквей. Тела выдающихся князей клали в саркофаги и помещали в соборах княжеской столицы.

Смерть завершает земную жизнь человека, но для христиан земная жизнь является только подготовкой к загробной жизни. И существование души в той будущей жизни должно обеспечиваться молитвами. Чтобы обеспечить себе продолжение молитв, богатый человек обычно завещал часть своей собственности монастырю. Если по каким-то причинам ему не удавалось сделать это, то об

этом должны были позаботиться его родственники. Тогда христианское имя покойного будет внесено в *синодик* - список поминаемых имен в молитвах на каждом богослужении или, по крайней мере, в определенные дни, установленные церковью для поминовения усопших. Княжеская семья обычно хранила свой собственный синодик в монастыре, чьими жертвователями традиционно были князья этого рода.

7. Ход жизни

Ход повседневной жизни русского человека эпохи Киевской Руси легче воссоздать для князей, нежели для простых людей, поскольку в источниках им уделяется больше внимания. Владимир Мономах советовал своим сыновьям вставать до восхода солнца и начинать день с молитв в церкви (если там шла ранняя служба) или дома. Считалось, что после завтрака правящий князь должен заниматься государственными делами. Это означало, преимущественно, председательствовать на заседании боярской Думы или верховного суда. Обед был около одиннадцати часов. Члены Думы и другие приближенные обычно обедали вместе с князем. Иногда приглашали священников и монахов, во всяком случае во время Великого Поста.[30]

В полдень все отправлялись почивать. По словам Владимира Мономаха: *"Это время, установленное для отдыха самим Богом"*.[31] Во второй половине дня князья должны были заниматься управлением своими дворцами, конюшнями и прочими делами. Ужин подавался примерно в шесть часов. Вечером правитель, если он был любителем книжного учения, мог заниматься чтением. Княжеские сыновья, если они достигли возраста, но не имели собственных жен и уделов, должны были принимать участие в трудах своего отца. Предполагалось, что его жена и дочери должны заниматься, главным образом, рукоделием, однако некоторые из них тоже любили книги.

Распорядок дня боярской семьи, по-видимому, был очень похож на распорядок княжеской. Купцы проводили большую часть своего времени на рынке, а ремесленники - в своих мастерских. В сельских районах повседневные дела были разнообразными, они зависели от времени года и, соответственно, от сельскохозяйствен-

ных работ. Зимой, когда на земле не работали, крестьяне, как это было и в более поздние времена, должно быть, занимались ремеслами или работали в городах. Женщины всех социальных слоев, кроме самых высших, занимались приготовлением пищи и другими всевозможными домашними делами, а также шитьем и вязанием.

Повседневная жизнь часто прерывалась праздниками и другими общественными событиями. Древние праздники языческих времен постепенно вытеснялись церковными праздниками, но в том, как отмечались эти праздники, долгое время еще были заметны языческие обычаи, несмотря на все возражения священослужителей. Каждый большой церковный праздник, такой как Рождество, Пасха, Троица и Преображение Господне отмечался не только специальными церковными службами, но и общественными собраниями, песнями, танцами и особым угощением. По таким случаям князь обычно открывал двери своего дворца городскому люду и устраивал пышные пиры, на которых гостей развлекали музыканты и скоморохи. В дополнение к княжеским пирам устраивались и более узкие встречи различных сообществ и братств, члены которых обычно принадлежали к одной и той же социальной или профессиональной группе. Такие братства играли важную роль в общественной жизни больших городов, особенно Новгорода и Пскова.

В каком-то смысле княжеская охота походила на общественные праздники. В большой охоте принимали участие не только князь, но и его бояре и приближенные, включая женщин.[32] Время от времени два или более князей устраивали совместную охоту. В таких случаях дружба в развлечениях могла способствовать семейному согласию или политическому взаимодействию. Конные состязания упоминаются в источниках той эпохи гораздо реже, нежели охота. Рыцарские турниры были практически неизвестны на Руси, разве что их устраивали иностранцы. Очень сложные конные состязания, которые в конце концов закончились турниром, были организованы венграми в 1150 г.[33]

8. Национальные бедствия

Не только радостные, но и печальные события нарушали время от времени повседневную жизнь жителей древней Руси. В средние

века человечество страдало от четырех бедствий: эпидемий, голода, пожаров и войн. Киевская Русь не была в этом смысле исключением. Эпидемии, охватывающие все население, или носящие местный характер, упоминаются в летописях несколько раз. В 1092 г. Полоцкие и Киевские земли были поражены некой разновидностью чумы. В Полоцке многие люди, сраженные болезнью, падали на землю прямо на улицах. Ходили слухи, что мертвые невидимыми летали по улицам и нападали на живых.[34] В 1158 г. в Новгороде разразилась страшная эпидемия и эпизоотия. Согласно летописи погибло так много людей, лошадей и коров, что их не могли закопать в течение долгого времени, и из-за зловония невозможно было добраться до рыночной площади. В 1187 г. вспышка какой-то эпидемической болезни произошла в Суздальском княжестве. Болезнь отметила каждый дом, а в некоторых домах она поразила всех домочадцев, так что некому было дать глоток воды страдающим людям. В 1203 г. эпизоотия вновь поразила Новгород.[35]

В летописях также упоминаются голодные годы.[36] Неурожай в Ростовских землях упоминается под 1070 г. В 1127 г. ранние морозы погубили урожай в Новгородской земле. Нехватка зерна и непомерно высокие цены на хлеб привели к голоду: люди ели липовые листья, березовую кору, солому и мох. Смертность была высокой, и трупы лежали на улицах и рыночной площади Новгорода. Родители продавали своих детей чужеземцам. В Новгородских летописях отмечается голод в 1137, 1161, 1188, 1215 гг. В 1230 г. голод в Новгороде достиг такого уровня, что в летописях даже зафиксированы случаи каннибализма. В плодородной Южной Руси временами тоже бывали скудные урожаи, например в 1193 г.

Пожары случались еще чаще, чем эпидемии и голод. Тот факт, что кроме церковных все здания в русских городах той эпохи были деревянными, делало их особенно уязвимыми.[37] В 1124 г. город Киев был почти полностью уничтожен пожаром; и, если верить летописцу (а у нас нет причин не верить ему), то во время этого пожара сгорели шестьсот церквей. В Новгороде за период с 1054 по 1228 гг. зафиксировано одиннадцать страшных пожаров. В 1211 г. в огне погибло пятнадцать церквей и 4 300 домов. В Суздальском княжестве Владимир с 1183 по 1198 гг. горел трижды. В 1194 г. частично выгорели Старая Русса, Ладога и Городище. В 1211 г. сгорел Ростов, а в 1221 - Ярославль.

Тогда как эпидемии, голод и, хотя бы частично, пожары возникали по естественным причинам - или, скорее, являлись следствием неспособности человека контролировать силы природы - войны начинали сами люди, а из всех четырех бедствий война была, вероятно, самым ужасным. В Киевской Руси она, безусловно, была самым частым. Вдобавок к постоянным набегам тюрских кочевников на южные русские княжества, венгры, поляки и литовцы разоряли западные приграничные районы Руси, а, когда в конце двенадцатого и начале тринадцатого веков у русских границ появились германцы, они принесли с собой новые способы систематического давления и методического опустошения. Не менее губительными, однако, были и княжеские распри. С 1055 по 1228 гг. отмечается восемьдесят междуусобных столкновений: значит, война происходила практически через год. Большинство из них, правда, затрагивали только часть Руси. В центре княжеских баталий находились земли центральной Украины (Черниговское, Киевское и Волынское княжества). В западной Украине (Галицкое княжество) за это время зафиксировано шесть случаев внутренних войн; в Смоленской земле - шесть; в Рязанском княжестве - семь; в Суздальском - одиннадцать.[38] И народ в целом, и лучшие представители правящего класса хорошо понимали безумие этих войн, в которых гибло достояние нации - "потомков Даждьбога", в формулировке автора "Слова о полку Игореве". Как мы видели раньше (Гл. IV, раздел 5), предпринимались некоторые попытки предотвратить войны посредством соглашения всех князей. Однако, пока существовали могущественные социальные группы, которым война могла принести выгоду (в международном или внутреннем масштабе), остановить ее было мало надежды, в любом случае. Монгольское нашествие положило конец, по крайней мере на время, внутренним войнам, но это было, поистине, горькое лекарство.

Глава XI.

РУСЬ И ВНЕШНИЙ МИР В КИЕВСКИЙ ПЕРИОД

1. Предварительные замечания

В основном отношение русских к иностранцам в киевский период было дружелюбным. В мирное время иностранец, приезжавший на Русь, особенно иностранный купец, назывался "гостем"; в древнерусском языке слово "гость" имело сопутствующее значение "купец" в дополнение к основному значению.

По отношению к иностранцам русский закон отчетливо выделялся на фоне германского закона, включавшего такие положения, как Wildfang и Strandrecht ("береговое право"). Согласно первому, любой иностранец (или любой коренной житель, не имеющий над собой господина) мог быть схвачен местными властями и лишен свободы до конца дней. Согласно второму, потерпевшие кораблекрушение иностранцы вместе со всем своим имуществом становились собственностью повелителя той земли на побережье, где был выброшен на берег их корабль, - герцога или короля.[1] Как мы знаем (Гл. II, 2 и 3), в десятом веке в договорах с Византией русские ручались не пользоваться береговым правом, когда дело касалось греческих путешественников. Что касается Wildfang'a, то он не упомянут ни в одном из русских источников этого периода. Также в Киевской Руси не было известно и droit d'aubain (право государства наследовать имущество иностранца, умершего в пределах границ этого государства). Примечательно, что в случае

банкротства русского купца иностранные кредиторы имели преимущество перед русскими в предъявлении своих требований.

Рассматривая проблему взаимоотношений между Русью и зарубежными странами, следует принимать во внимание не только сферу организационных политических и экономических отношений, но и взаимное культурное влияние, так же как и частные контакты между русскими и иностранцами. С этой точки зрения нам следует проявить особый интерес к сведениям, касающимся русских, путешествовавших и пребывавших за границей, а также об иностранцах, посещавших Русь с официальной миссией по деловым вопросам или же по какой-то другой причине.

Наш обзор соответствующих фактов будет более резонным, если мы рассмотрим по отдельности каждую группу соседей Руси. Давайте начнем с рассмотрения отношений между русскими и их ближайшими родичами - нерусскими славянами.

2. Русь и славяне

До начала немецкого "Дранг нах остен" славяне занимали большую часть Центральной и Восточной Европы, включая некоторые территории к западу от Эльбы.[2] Около 800 г. н.э. западные границы славянских поселений приблизительно проходили по линии от устья Эльбы на юг к Триестскому заливу, то есть от Гамбурга до Триеста.

На протяжении трех следующих веков - девятого, десятого и одиннадцатого - немцы упрочивали свои владения на Эльбе и пытались, с переменным успехом, распространить свое господство на славянские племена к востоку от нее. В течение двенадцатого века немцам удалось установить прочный контроль над районом между Эльбой и Одером. В то же время датчане напали на славян с севера, и в 1168 г. Аркона, славянская твердыня на острове Рюген, пала под их натиском. В начале тринадцатого века, как мы знаем (см. Гл. VIII, 4), немцы усилили свое продвижение в Прибалтику, где возникла рыцарская Пруссия, ставшая оплотом германства в Восточной Европе. Сочетая различные способы, такие как распространение политического сюзеренитета Священной Римской империи, а также династические союзы, колонизацию, проникновение на чужие земли и так далее, немцы к концу девятнадцатого века

тем или иным путем установили свой контроль на востоке вплоть до Прикарпатья и дунайских земель, включая также Боснию и Герцеговину и Адриатическое побережье Далмации.

Во время Первой мировой войны они постарались продвинуться дальше на восток, и на какое-то время им удалось захватить Украину, Крым и Закавказье. Во время Второй мировой войны их планы были еще более амбициозны и включали в себя программу полного политического и экономического порабощения славянских народов, а также последовательное уничтожение славянской цивилизации. Провал немецких планов имел результатом не только восстановление славянами своих позиций, каковыми они были накануне Второй мировой войны, но и возвращение некоторых западных территорий, которые давно были утрачены ими. Западная граница славянского мира сейчас снова проходит там же, где она была около 1200 г., - вдоль линии от Штеттина до Триеста.

В этом славянском "море" в Центральной и Восточной Европе сохранилось два "острова" с иным этническим составом. Это Венгрия и Румыния. Венгры, или мадьяры, представляют собою смешение финно-угорских и тюркских племен;[3] венгерский язык и сейчас пронизан тюркскими элементами; кроме того, венгерский словарь содержит много слов, заимствованных из славянского. Как мы знаем (см. Гл. II, 2), мадьяры вторглись в среднедунайские долины в конце девятого века и до сих пор владеют этими землями. Румынский язык принадлежит к семье романских языков. Румыны говорят на том романском языке, основой которого, исторически, была вульгарная латынь, на которой говорили римские солдаты и поселенцы на Нижнем Дуиае. Латинская основа румынского языка в значительной степени испытала воздействие других лингвистических элементов, особенно славянских.[4] Современная Румыния была образована в середине девятнадцатого века, благодаря объединению двух областей - Молдавии и Валахии. Ни одна из них, однако, не существовала в Киевскую эпоху. Фактически румынские племена раннего периода не имели в то время никакой политической организации и не населяли всей той территории, на которой находится современная Румыния. Большинство из них было пастушескими народами. Часть из них, так называемые куцо-валахи, или куцо-влахи, проживала в Македонии и Албании. Еще одна группа вела изолироваи-

ную жизнь на Трансильванской возвышенности вплоть до конца двенадцатого или начала тринадцатого века, когда некоторые из племен этой группы были вытеснены мадьярами на юг и на восток и спустились в долину Прута и Дуная, где они основали области Молдавию и Валахию.[5]

В киевский период среди славян не было ни политического, ни культурного единства. На Балканском полуострове болгары, сербы и хорваты образовали свои собственные государства. Болгарское царство, как мы знаем,[6] было основано тюркским племенем булгар в конце седьмого века; к середине девятого оно было частично славянизировано. Под властью царя Симеона (888 - 927 гг.) оно стало ведущим среди славянских государств. Позднее, однако, его мощь была подорвана внутренними распрями и имперскими притязаниями Византии. Вторжение русских во главе со Святославом (см. Гл. II, 5) добавило новых забот болгарскому народу. Следует заметить, однако, что целью Святослава было создание обширной русско-славянской империи с Болгарией в качестве краеугольного камня. В начале одиннадцатого века византийский император Василий II (прозванный "Булгароктоном" - "убийцей болгар") разгромил болгарскую армию и сделал Болгарию византийской провинцией. Только в конце двенадцатого века болгарам с помощью валахов удалось освободиться от Византии и восстановить свое собственное царство.

"Центробежные силы" в Сербии были сильнее, чем в Болгарии, и только во второй половине двенадцатого века большинство сербских племен признало над собой власть "Великого Жупана" Стефана Немани (1159-1195 гг.).[7] Королевство Хорватия создавалось на протяжении десятого и одиннадцатого веков.[8] В 1102 г. хорваты выбрали Коломана (Кальмана) Венгерского своим королем, и таким образом возник союз Хорватии и Венгрии, в котором последняя играла лидирующую роль. Еще раньше, чем хорваты, словаки на севере Венгрии признали над собой господство мадьяров. Вообще говоря, средневековая Венгрия не была централизованным и исключительно мононациональным государством. Будучи окружена славянами, она испытывала разнообразные влияния славянской культуры.

Что касается чехов, то их первое государство, образованное около 623 г., просуществовало недолго.[9] Королевство Великой

Моравии было второй попыткой государственного объединения у западных славян,[10] но оно было уничтожено венграми в начале десятого века. Третье чешское государство было образовано в середине десятого века и играло важную роль в европейской политике на протяжении всех средних веков, в особенности из-за его союза со Священной Римской империей; с середины десятого века большинство правителей Богемии признавало германского императора как их сюзерена.[11]

Польские племена достигли политического единства в конце десятого века под властью короля Болеслава I Храброго (992 - 1025 гг.). Как мы знаем (см. Гл. VIII, 4), после смерти Болеслава III (1138 г.) польское королевство стало свободным объединением местных областей, имевшим сходство с объединением русских земель.[12] До распада Польши польские короли проводили агрессивную внешнюю политику, время от времени угрожая как целостности Киевского государства, так и чешскому королевству. Интересиой тенденцией польской экспансии была ее направленность на запад. Именно Болеслав I первым разработал честолюбивый план объединения под своей властью прибалтийских и полабских славян с целью воспрепятствовать немецкому "Дранг нах Остен". Болеслав III был последним из польских правителей, заинтересованным судьбой балтийских славян.

Давайте теперь обратимся к самой западной группе славян, проживавшей на территории современной Германии. Их можно разделить на две ветви: балтийские славяне и сорбы.[13] Последних также называют полабскими славянами, то есть, славянами, живущими на Эльбе, поскольку Эльба известна среди славян как Лаба (или Лабе).

Балтийские славяне в лингвистическом отношении родственны полякам. Они были разделены на большое количество племен, которые иногда образовывали свободные союзы и объединения. В этом смысле мы можем говорить о четырех главных группах балтийских славян. Наиболее западными были ободричи. Они заселяли Гольштейн, Люнебург и западный Мекленбург. По соседству с ними, в восточном Мекленбурге, западной Померании и западном Бранденбурге, жили лютичи. К северу от них, на острове Рюгене, а также на двух других островах в эстуарии Одера (Узедом и Волин) проживали племена отважных мореплавателей -

раняне и волыне. Территорию между нижним Одером и нижней Вислой занимали поморяне (или померане), их название происходит от слова "море" - "народ, живущий у моря". Из этих четырех племенных групп первые три (ободричи, лютичи и островные племена) полностью исчезли, и только восточная группа поморян частично выжила, благодаря тому, что они были включены в состав польского государства и тем самым избежали германизации.

Земли к югу от балтийских славян, известные в нынешнее время как Тюрингия и Саксония, были населены сорбами. Из них сохранилась лишь небольшая группа в районе Котбуса и Баутцена, известная как лужичане.

Между балтийскими славянами было еще меньше политического единства, чем между славянами балканскими. Ободричи даже вступали иногда в союз с немцами против своих славянских соседей. Лишь в конце одиннадцатого и начале двенадцатого веков князья ободричей пытались объединить славянские племена в Прибалтике. Их государство, однако, оказалось недолговечным, особенно из-за того, что в то время политические разногласия среди славян усугублялись религиозной распрей - борьбой между христианством и язычеством.

Таким образом, мы стоим лицом к лицу с проблемой религиозной подпочвы средневекового славянского мира. Первым славянским племенем, принявшим христианство в начале девятого века, были далматинцы, но, как мы знаем, именно в Моравии, благодаря стараниям святых Кирилла и Мефодия, около 863 г.[14] христианство одержало первую важную победу на славянской почве. Затем последовала Болгария, около 866 г.[15] Сербы и хорваты приняли христианство в конце девятого и начале десятого веков. Часть русских была обращена, как мы знаем, примерно в то же время, что и болгары,[16] но лишь в конце десятого века как Русь, так и Польша официально стали христианскими странами.

Язычество наиболее упорно держалось на севере, среди балтийских славян. Нам не следует преувеличивать примитивность славянской религии. Она, вероятно, представляла собою довольно сложную систему верований.[17] Славянские божества пользовались значительным уважением у германских соседей славян, и даже короли Дании обычно посылали дары в храм Святовита в Арконе.[18] Однако, вслед за христианизацией немцев и большинства славян, пантe-

он балтийских племен становился изолированным, и их религия была обречена на провинциализм. Причиной долгой привязанности балтийских славян к их старым богам служило то, что для них христианство означало германизацию. В связи с этим следует заметить, что неудача с утверждением славянской литургии на почве Моравии и Богемии, была трагическим событием не только для чехов, но также и для балтийских славян. Если бы планы Кирилла и Мефодия осуществились в Богемии, то славянская литургия могла бы распространиться на север к полабским сорбам и балтийским славянам и привлекла бы их внимание к христианству, которое, возможно, они стали бы считать национальной религией. Но по ходу событий балтийские и полабские славяне должны были либо принять немецких священников и латинскую литургию, либо вообще противостоять христинским миссиям. Выбрав второй путь, они подписались под своей культурной и политической изоляцией, поскольку таким образом они утратили контакт даже со своими родичами, чехами и поляками, которые уже были обращены в христианство.

Ввиду разнообразия политических и культурных оснований в жизни славян во время киевского периода, рассматривая взаимоотношения Руси с ее славянскими соседями, целесообразно разделить их по трем регионам: 1 - Балканский полуостров, 2 - Центральная и Восточная Европа и 3 - Прибалтика.

1. На Балканах наибольшим значением для Руси обладала Болгария.[19] В языческий период Русь, как мы знаем (Гл. II, 5), была близка к распространению своего контроля на эту балканскую страну. После обращения Руси в христанство Болгария стала важным фактором развития русской цивилизации, обеспечивая Русь литургическими и теологическими книгами в славянском переводе, а также посылая священников и переводчиков в Киев. Отдельные болгарские авторы, такие как, например, Иоанн Экзарх, стали весьма популярными на Руси. Не будет преувеличением сказать, что русская церковная литература раннего киевского периода основывалась на болгарском фундаменте. Конечно, болгарская литература того времени состояла; главным образом, из переводов с греческого, поэтому, с русской точки зрения, роль Болгарии заключалась прежде всего в посредничестве между Русью и Византией. Это верно и в отношении торговли: русские торговые караваны проходили через Болгарию на пути в

Константинополь, а о прямых торговых связях с болгарами свидетельств мало.

Хотя о влиянии болгарской литературы на русскую имеется много палеографических и филологических свидетельств, сведения о личных взаимоотношениях между болгарами и русскими, исключая период вторжения Святослава, скудны. Одна из жен Владимира Святого, по-видимому, мать Бориса, была пленной болгарской девушкой. Очень странно, но на протяжении всего киевского периода между русским и болгарским правящими домами не было матримониальных связей.

Об отношениях между русскими и сербо-хорватами мало свидетельств в летописях киевского периода. В "Повести временных лет", однако, мы находим короткую, но ценную информацию о Сербии и Хорватии. Из других источников известно, что интеллектуальные взаимоотношения между русскими и сербами не были незначительными.[20] Сербские рукописи нашли дорогу на Русь; с конца одиннадцатого века сербское влияние на русскую литературу постепенно замещало болгарское. С другой стороны, русские рукописи появились в Сербии, как знаки русского культурного влияния. Знаменательно, что сербские ученые были знакомы как с "Повестью временных лет", так и со "Словом о законе и благодати" Илариона. Последней книгой пользовался сербский монах Доменциан в своих "Житиях" сербских святых Симеона и Саввы, написанных около 1265 г.; несомненно, списки трудов Илариона имелись в Сербии задолго до этой даты. Гора Афон являла собой место встречи русских и сербских монахов. Русские монахи впервые поселились там в семидесятые годы одиннадцатого века в монастыре Ксилургу; в 1089 г. они переместились в монастырь Св. Пантелеймона, тогда как сербы заняли Ксилургу. С 1000 по 1169 г. монастырь Св. Пантелеймона находился в состоянии упадка, и те русские монахи, что оставались на Афоне, жили в Ксилургу среди сербов. В 1169 г. сербы получили монастырь Св. Пантелеймона, который они делили с русскими до 1197 г., когда они перешли в Хиляндарский монастырь, ставший с того времени главным центром сербского монашества; а за русскими остался монастырь Св. Пантелеймона, известный с тех пор как Руссикон.[21]

Известен только один случай династических связей между русскими и сербо-хорватами. В 1150 г. князь Владимир Дорогобуж-

ский (сын Мстислава I) встретился в Венгрии и женился на югославской княжне, которая была в родстве с венгерским королем. По-видимому, она была дочерью Белоша, серба по происхождению; он был "баном" (правителем) Хорватии, а его жена была хорваткой.[22]

2. В то время как Болгария была греко-православной страной, а Сербия, после некоторых колебаний, тоже примкнула к греческой Церкви, страны Центральной и Восточной Европы - Чехия, Венгрия и Польша - стали частью римско-католического мира, также как и Хорватия. Следует заметить, однако, что в каждой из этих четырех стран народ сильно сомневался, прежде чем сделать выбор в пользу римско-католической иерархии, и все они пришли к католицизму после периода напряженной внутренней борьбы. Окончательная схизма между греческой и римской Церквями произошла в 1054 г. До этого главная проблема для народов Центральной и Восточной Европы заключалась не в том, к какой Церкви примкнуть - римской или константинопольской, - а в языке церковной службы, в выборе между латынью и славянским. Как мы знаем, одно время папа был готов с некоторыми оговорками признать возможность использования славянского языка моравской Церковью. Позднее, под влиянием немцев, признание славянского языка было отменено, и после смерти Св. Мефодия (885 г.) его ученики вынуждены были уехать из Моравии в Болгарию.[23] Но даже после этого моравы и часть чехов следовали какое-то время славянской традиции, и даже еще в одиннадцатом веке мессы проводились на славянском языке в некоторых чешских и моравских церквях, включая монастырь Сазава южнее Праги.[24]

Чешские миссионеры были деятельны также и в Польше, и есть указания на то, что в Польских церквях использовались сначала как латынь, так и славянский, но в 966 г. князь Мешко предпочел латинскую форму христианства по политическим соображениям, как уступку германскому императору. С этого времени использование славянского языка в церковной службе постепенно сокращалось и, в конце концов, прекратилось.

Славянское влияние на Венгрию было очень сильным в десятом и одиннадцатом веках, поскольку мадьяры сначала были менее многочисленны, нежели подчиненные им славяне. Изначально предки мадьяр - угры и тюрки - были язычниками, но во время их

пребывания на Северном Кавказе и в причерноморских степях они вошли в контакт с византийским христианством. Во второй половине девятого века, в то время, когда славяне как в Болгарии, так и в Моравии уже были обращены в христианство, некоторые мадьяры приезжали в дунайские земли и тоже принимали крещение. Примечательно, что венгерское слово kereszt ("крест") со всей очевидностью заимствовано из славянского. Когда мадьяры заняли Венгрию, то для византийских и славянских миссий образовалось обширное поле деятельности.[25] В конце десятого века герцог Геза сам принял крещение согласно греческому обряду, благодаря влиянию жены, которая была обращена византийским миссионером. Однако вторая жена Гезы была католичкой, а их сын, Стефан Святой, не только сменил свою религиозную принадлежность с Византии на Рим, но и принял королевскую корону из рук папы (1000 г.) и стал верным защитником римско-католической Церкви в Венгрии. Борьба между византийско-славянской и латинской Церквями продолжалась в Венгрии на протяжении одиннадцатого века, во время которой византинофилы и славофилы постепенно утрачивали свои позиции. Как мы уже видели, в 1102 г. король Коломан (Кальман) по соглашению с хорватской верхушкой получил вдобавок к венгерской еще и хорватскую корону, что имело результатом не только политический союз между Венгрией и Хорватией, который продлился до 1918 г., но также и постепенную латинизацию хорватской Церкви.

С другой стороны, в более широком культурном, как и политическом смысле, союз с Хорватией усилил в Венгрии на какое-то время славянский элемент. Примечательно, что кодекс законов Коломана был выпущен, по крайней мере согласно К. Гроту,[26] на славянском языке. Во времена правления Белы II (1131-41) и Гезы II (1141-61) Босния была поставлена под венгерский протекторат, и тем самым были установлены близкие отношения между Венгрией и сербскими землями, поскольку жена Белы II Елена была сербской княжной из дома Немени. С конца двенадцатого века, однако, славянский элемент в Венгрии пошел на убыль.[27]

Победа римского католицизма в Центральной и Восточной Европе означала победу латинского языка над славянским. Латынь стала официальным языком церковной службы, так же как и государственной документации. Она стала также основой школьного

обучения и образования в целом, что означало зарождающееся культурное размежевание между Русью и ее западными соседями.

Несмотря на возрастание церковных и научных различий между Русью и Центральной и Восточной Европой, в киевский период сохранялись оживленные взаимоотношения между русскими, с одной стороны, и чехами, словаками, мадьярами и поляками - с другой. С точки зрения культуры, чешский народ в тот период являлся ведущим фактором в той части континента. Польская культура достигла зрелости лишь позднее; в шестнадцатом и семнадцатом веках польское влияние на русскую и украинскую цивилизацию имело огромную важность. Иначе было в киевский период; собственно говоря, Польша сама в это время находилась под значительным влиянием чешской цивилизации. Польская культура этого периода не превосходила и русскую; во многих областях, как, например, в литературе и искусстве, русские были бесспорно более зрелыми, чем поляки. Рассмотрим эпическую поэзию, к примеру. Даже если мы оставим в стороне "Слово о полку Игореве" как уникальное творение гения, ничего, сходного с русскими былинами, не было создано средневековыми польскими народными поэтами. Что касается ученой литературы, она была, главным образом, на латыни, так же было, до определенной степени, и у чехов.

Поскольку знание латыни было весьма ограниченным в средневековой Руси, латинская литература чехов и поляков имела мало шансов на то, чтобы иметь непосредственное влияние на русскую мысль. Однако некоторые переводы с латинского на славянский были сделаны, предположительно, в Чехии, и они имели впоследствии хождение на Руси. К этой группе текстов относятся толкования на Евангелие папы Григория Великого, а также апокрифическое "Евангелие от Никодима", ряд житий святых и молитв.[28]

Прочность славянской традиции в Сазавском монастыре также делала возможным прямой контакт между русскими и чешскими книжниками. Чешско-русские культурные взаимоотношения были оживленными и имели большую значимость. Несомненно, что русские "Жития" Св. Бориса и Глеба одиннадцатого века представляют некоторые параллели с "Житием Св. Вацлава" из Богемии. Более того, последнее, как и "Житие Св. Людмилы", тоже имело хождение на Руси. Еще одним интересным свидетельством взаимодействия в чешско-русских культурных отношениях является

тот факт, что Св. Борис и Глеб поминались в Сазавском монастыре еще в 1095 г.[29]

Интересный аспект культурных взаимоотношений между Русью и ее западнославянскими соседями содержит историография того времени. Согласно правдоподобному доводу Н. К. Никольского, составитель "Повести временных лет" использовал некоторые чешско-моравские легенды и предания, описывая отношения между русскими, поляками и чехами.[30] Вероятно, чешские ученые принимали участие в переводе теологических и исторических книг, что было организовано в Киеве Ярославом Мудрым. Примечательно также и то, что некоторые сведения о Руси и русских делах можно обнаружить в трудах чешских и польских летописцев двенадцатого и начала тринадцатого века, - к примеру, у продолжателя хроники Козьмы Пражского и у Винцента Кадлюбека из Польши.[31]

Политические и военные отношения между Русью и ее западными соседями уже рассматривались в предшествующих главах (см. Гл. III, IV и VIII, выше). Что касается коммерции, то торговый путь из Ратисбона в Киев (см. 4, ниже) проходил как через Польшу, так и через Богемию. В дополнение к этой транзитной торговле обе страны, несомненно, имели прямые коммерческие взаимоотношения с Русью. К сожалению, о них можно обнаружить лишь обрывки свидетельств в сохранившихся письменных источниках того периода. Следует заметить, что еврейские купцы из Ратисбона имели тесные связи с пражскими. Таким образом, евреи являлись связующим звеном между немецкой и чешской торговлей и русскими.[32]

Частные контакты военного и торгового характера между русскими, с одной стороны, и поляками, венграми и чехами - с другой, были, по всей видимости, обширными. В некоторых случаях польские военнопленные поселялись в русских городах, в то же время, польские купцы были частыми гостями на юге Руси, особенно в Киеве. Одни из киевских городских ворот были известны как Польские Ворота, что является указанием на то, что в этой части города жили многочисленные польские поселенцы. Как результат польского вторжения в Киев в одиннадцатом веке (см. Гл. VII, 3), многие выдающиеся киевляне были взяты заложниками в Польшу. Позднее большинство из них было возвращено.

Как мы знаем, в то время польский король посвятил в рыцари многих волынских землевладельцев (см. Гл. VII, 3).

Частные взаимоотношения между русскими и поляками, а также между русскими и венграми были особенно оживленными в западных русских землях - в Волыни и Галиции. Не только князья, но и другая знать названных стран имела богатые возможности для встреч здесь.

Что касается князей, то семейные узы между членами царствующих семей Руси, Венгрии, Польши и Чехии были широкими.[33] Что касается Венгрии, то четыре венгерских короля в киевский период (Андраш I, Ласло Святой, Коломан и Андраш II) имели русских жен. Стефан III был помолвлен с русской княжной, но по некоторым причинам свадьба не состоялась.[34] Что касается венгерских жен у русских князей, известно, что Ростислав Тмутараканский был женат на Ланке, дочери Белы I, а Владимирко из Галича - на дочери Коломана. Таким образом, говоря на грубом коммерческом языке, Русь экспортировала больше невест в Венгрию, нежели импортировала.

В русско-чешских отношениях была противоположная картина. Две из многочисленных жен Владимира Святого были чешским княжнами. В двенадцатом веке у двух русских князей (Святополка, сына Мстислава I, и Ярослава, сына Изяслава II) были чешские жены. Известно, что только одна русская княжна - из Галича - была замужем за чешским князем (Вратиславом из Брно).

Что же касается Польши, то "поставки" невест были более паритетными. Известно, что в киевский период у восьми русских князей были польские жены, а одиннадцать княжен были замужем за поляками. Среди князей было трое киевских (Святополк I, Изяслав I и Мстислав II); среди поляков трое были королями Польши (Казимир I, Болеслав II, Болеслав III) и несколько - краковскими князьями (Болеслав Кудрявый, Мешко Старый, Казимир Справедливый, Лешек Белый).

Многочисленность династических связей сама по себе является красноречивым показателем тесных контактов между русскими и западными славянами и мадьярами. Остается сожалеть, что в большинстве случаев мы мало знаем о жизни русских княжен за границей или же о жизни заграничных невест на Руси. По-видимому, если источники молчат, это означает, что брак был

счастливым. Здесь следует упомянуть об одном из несчастливых браков, а именно, между Евфимией из Киева и венгерским королем Коломаном.[35] Дочь князя Владимира Мономаха, Евфимия принадлежала к одной из лучших русских семей не только по социальному положению, но и с позиций культурных и моральных. Ее бракосочетание с Коломаном состоялось в 1112 г. Коломан, король Венгрии с 1095 г., был значительно старше своей невесты. Его первая жена умерла в 1103 г., оставив ему двух сыновей. После смерти старшего сына он начал всерьез беспокоиться о престолонаследии, в результате чего решил жениться снова. Коломан был талантливым правителем, но человеком жестоким и непривлекательным; по крайней мере, так описывают его венгерские хронисты того времени. Будучи монахами, возможно они были предубеждены на его счет, поскольку он был равнодушен к Церкви и монашеству. Во всяком случае, атмосфера при дворе Коломана на протяжении восьми лет после смерти его первой жены вряд ли способствовала тому, чтобы сделать из него идеального супруга. Евфимия, должно быть, была поражена распущенностью двора, постоянными интригами, а более всего - бестактностью самого Коломана. Вскоре она почувствовала, что не сможет переносить эту свою новую жизнь, и вернулась к отцу в Киев. К этому времени она уже была беременной и в Киеве родила сына Бориса.

Король Коломан умер в 1114 г., а его трон унаследовал сын от первого брака Стефан. По смерти последнего трон занял Бела Слепой, сын двоюродного брата Коломана, и при таком стечении обстоятельств Борис предъявил претензии на венгерскую корону, в чем его поддержали поляки. Чтобы подорвать обоснованность его претензий, его венгерские противники распространили историю о том, что он не является сыном Коломана. Согласно этой небылице, Евфимия была неверна королю, и Борис был сыном ее любовника. Поскольку в то время, когда она оставила мужа, никто не обвинял ее в супружеской измене, и поскольку эта история сначала стала распространяться в период острого политического конфликта, по-видимому, она просто была клеветой. Однако, она сослужила свою службу, поскольку престиж Бориса был подорван и, в конце концов, это стало препятствием для всеобщего признания его прав на трон.

Евфимия умерла в 1139 г. Карьера ее сына Бориса была полна опасностей. После смерти его деда и покровителя Владимира Мономаха (1125 г.) он был отправлен в Константинополь для завершения образования.[36] Поскольку отношения между Византией и Венгрией были напряженными в тот период, император сблизился с ним, желая использовать его как потенциальное орудие византийской дипломатии, и в 1130 г. отдал ему в жены свою двоюродную сестру. В 1131 г. по приказу жены короля Белы Елены было убито шестьдесят восемь венгерских знатных людей, которые могли быть потенциальными сторонниками Бориса, когда те присутствовали на заседании венгерского сейма. На следующий год Борис, при поддержке поляков, а также русских и куманов, вторгся в Венгрию, но его армия была разбита королевскими войсками. Борис стал политическим изгнанником, живя то в Польше, то в Австрии, то в Богемии, и тщетно пытаясь поймать удачу, поскольку Венгрия находилась в трудном положении. В 1147 г. ему удалось проникнуть в Венгрию при поддержке австрийских войск, но он снова потерпел поражение. Опасаясь пленения, он спрятался в обозе французского короля Людовика VII, войска которого в это время пересекали Венгрию на пути к Святой земле. Хотя венгерские шпионы и обнаружили его местонахождение, король Людовик отказался выдать его и благополучно доставил до Константинополя, где бесприютный князь снова был взят под защиту византийского императора. Он принял участие в последовавшей затем войне между Византией и Венгрией и был убит в схватке в 1154 г.

3. Наши сведения об отношениях между русскими и балтийскими славянами в киевский период скудны. Тем не менее, торговые отношения между Новгородом и городами балтийских славян, вероятно, были достаточно оживленными. Русские купцы часто посещали Волин в одиннадцатом веке, а в двенадцатом веке существовала корпорация новгородских купцов, торговавших с Щецином.[37] В "Слове о полку Игореве" среди иностранных певцов при дворе киевского князя Святослава III упоминаются венедицы.[38] Существует соблазн видеть в них жителей Винеты на острове Волине, но представляется более резонным отождествление их с венецианцами. Что касается династических связей, по крайней мере у двух русских князей были померанские жены, а у трех померанских князей - русские жены.[39]

3. Русь и Скандинавия

Скандинавские народы сейчас считаются - и это справедливо - частью западного мира. Поэтому, с современной точки зрения, было бы логичным рассматривать скандинавско-русские взаимоотношения под заголовком "Русь и Запад" (см. следующую главку). И все же, конечно, более удобно рассматривать Скандинавию отдельно, поскольку с точки зрения истории и культуры в период раннего средневековья она была особым миром, скорее мостом между Востоком и Западом, нежели частью того и другого. Действительно, в эпоху викингов скандинавы не только разоряли множество восточных и западных земель своими постоянными набегами, но и устанавливали контроль над определенными территориями как на Балтийском, так и на Северном морях, не говоря уже об их экспансии в Средиземноморье и в Причерноморье.

С точки зрения культуры, скандинавские народы долгое время оставались за чертой римской церкви. Хотя "скандинавский апостол" Св. Ансгарий начал проповедовать христианство в Дании и Швеции в девятом веке, лишь в конце одиннадцатого века Церковь получила в Дании реальное развитие, а ее права и привилегии формально были установлены там не раньше 1162 г. В Швеции старое языческое святилище в Упсале было разрушено в конце одиннадцатого века, в 1248 г. окончательно была установлена церковная иерархия и утвержден целибат духовенства. В Норвегии первым королем, сделавшим попытку христианизировать страну, был Хаакон Добрый (936 - 960 гг.), сам принявший крещение в Англии. Ни он, ни его ближайшие наследники не смогли довести до конца религиозную реформу. Привилегии Церкви были окончательно утверждены в Норвегии в 1147 г.

С точки зрения социальной, в Норвегии и Швеции, в отличие от Франции и Западной Германии, не было рабства; оно не было введено и в Дании до шестнадцатого века. Поэтому крестьяне в Скандинавии оставались свободными в киевский период и на протяжении всех средних веков. Политически, опять же в отличие от Запада, особой важностью обладало собрание свободных людей (тинг), исполнявшее административную и судебную роли в скандинавских странах, по крайней мере до двенадцатого века.

Ранний период скандинавско-русских отношений был рассмотрен в предыдущем томе этого труда.[40] Как мы знаем, со скандинавами было непосредственно связано сначала образование Русского каганата, а затем и Киевского княжества. Однако, нам следует ясно разграничивать различные стадии скандинавской экспансии на Руси, и здесь к месту краткий очерк последовательности этих стадий.

Шведы, которые, очевидно, первыми пришли и проникли на юг Руси еще в восьмом веке, смешались с местными анто-славянскими племенами, заимствовав у коренного населения само имя "русь"; датчане и норвежцы, представителями которых были Рюрик и Олег, пришли во второй половине девятого века и незамедлительно смешались со шведскими русами.[41] Участники этих двух ранних потоков скандинавской экспансии прочно обосновались на русской почве и объединили свои интересы с интересами коренного славянского населения, особенно на приазовских и киевских землях.

Однако, скандинавская иммиграция на Русь не прекратилась с Рюриком и Олегом. Князья приглашали на Русь новые отряды скандинавских воинов в конце десятого и на протяжении одиннадцатого веков. Некоторые приходили по своей собственной инициативе. Этих пришельцев русские летописцы называли варягами, чтобы провести различие между ними и старыми поселенцами, называвшимися русью. Ясно, что старые скандинавские поселенцы уже в девятом веке составляли часть русского народа. Варяги, однако, были иностранцами, как с точки зрения коренных русских, так и русифицированных скандинавов, представителей раннего скандинавского проникновения.

Как мы знаем, князь Игорь нанял варягов, чтобы усилить свою армию в войне с Византией (см. Гл. II, выше); Владимир I использовал варягов в борьбе против Ярополка I, а позднее предоставил на время часть из них в распоряжение византийского императора (см. Гл. III, 2); Ярослав I зависел от варягов в своих походах против Святополка I и Мстислава Тмутараканского. Как из русских, так и из скандинавских источников мы знаем, что варяги также нередко приходили на Русь поодиночке или небольшими группами, предлагая себя на службу русским князьям, или в поисках приключений.

Повествования о таких приключениях сохранились во многих скандинавских сагах. Среди них - сага об Олафе Трюггвасове, которая относится ко времени правления Владимира Святого.[42] Сага об Эймунде описывает приключения группы исландцев, которые пришли на Русь в начале одиннадцатого века и приняли активное участие в борьбе Ярослава против Князя Полоцкого, а также против других его противников.[43] В киевском "Патерике" мы обнаруживаем рассказ о варяге Шимоне, который предложил себя на службу князю Ярославу Мудрому.[44]

Скандинавы также посещали Русь на своем пути в Константинополь и в Святую Землю. Так, в 1102 г. король Дании Эрик Эйегод появился в Киеве и был тепло принят князем Святополком II. Последний направил свою дружину, состоявшую из лучших воинов, чтобы сопровождать Эрика к святой земле. На пути от Киева до русской границы Эрика повсюду встречали восторженно. "Священники присоединялись к процессии, неся святые реликвии под пение гимнов и звон церковных колоколов".[45]

Помимо свидетельств в литературных источниках, как русских, так и скандинавских, существуют также некоторые эпиграфические свидетельства, касающиеся путешествий скандинавов на Русь. Одна руническая надпись первой половины одиннадцатого века посвящена скандинаву, который погиб на Руси как воин. В другой упоминается скандинавский купец, торговавший с Русью. Еще в двух надписях упомянут Новгород.[46] Все надписи были обнаружены за пределами Руси. Внутри же страны камень с надписью, которую можно датировать первой половиной одиннадцатого века, был обнаружен на острове Березани, который, как мы знаем (см. Гл. II, 2), был важным пунктом на пути из Киева в Константинополь. Читаем в этой надписи следующее: "*Грани воздвиг этот монумент в память своего товарища Карла*".[47]

Нужно заметить, что не все варяги, приходившие на Русь, были вовлечены в военные авантюры. Некоторые из них - видимо, мне следует сказать: большинство из них - были привлечены коммерческими интересами. Как мы знаем, процветание Новгорода основывалось на торговых отношениях с Прибалтикой, хотя позднее немецкие города объединились в Ганзейский союз, который стал главным фактором в торговле Запада с Новгородом, в одиннадцатом и начале двенадцатого века варяги были особо заинтересованы

в этих торговых отношениях. По всей видимости, торговля рабами составляла одну из отраслей коммерции, к которой они проявляли особое внимание. Отдельная статья "Русской Правды" говорит о беглом рабе, убежавшем от своего варяжского хозяина.[48]

Поскольку варяжские купцы были постоянными гостями в Новгороде, а некоторые из них проживали там постоянно, они со временем построили церковь, которая упоминается в русских летописях как "варяжская церковь". В двенадцатом веке балтийская, или варяжская, торговля с Новгородом проходила, главным образом, через остров Готланд. Отсюда - образование так называемой готландской "фактории" в Новгороде.[49] Когда немецкие города расширили сферу своих торговых дел до Новгорода, на первых порах они также зависели от готландского посредничества. В 1195 г. был подписан торговый договор между Новгородом, с одной стороны, и готландцами и немцами, с другой.[50]

Следует помнить, что балтийская торговля предполагала движение в обе стороны, и в то время как скандинавские негоцианты часто путешествовали по Руси, новгородские купцы точно так же путешествовали за границей. Они образовали свою "факторию" и построили церковь в Висби на острове Готланде, приезжали в Данию, а также в Любек и Шлезвиг. В новгородских летописях записано, что в 1131 г. на обратном пути из Дании погибло семь русских кораблей со всем грузом. В 1157 г. шведский король Свейн III захватил много русских кораблей и разделил весь товар, имевшийся на них, между своими солдатами. Между прочим, здесь можно заметить, что в 1187 г. император Фридрих II даровал равные права на торговлю в Любеке готландцам и русским.[51]

Что касается социальных отношений с другими народами, частные связи между русскими и скандинавами лучше всего могут быть засвидетельствованы указанием на династические узы.[52] По-видимому, четверо из жен Владимира I (до его обращения) были скандинавского происхождения. Супругой Ярослава I была Ингигерда, дочь шведского короля Олафа. У сына Владимира II, Мстислава I, была шведская жена - Кристина, дочь короля Инге. В свою очередь, два норвежских короля (Харальд Хаардроде в одиннадцатом веке и Сигурд - в двенадцатом) взяли себе русских невест. Следует заметить, что после смерти Харальда его русская вдова Елизавета (дочь Ярослава I) вышла замуж за короля Дании Свей-

на II; а после смерти Сигурда его вдова Мальфрид (дочь Мстислава I) вышла замуж за короля Дании Эрика Эймуна. Еще у одного датского короля, Вальдемара I, тоже была русская жена. Ввиду тесных связей между Скандинавией и Англией здесь стоит упомянуть о браке между английской принцессой Гитой и Владимиром Мономахом.[53] Гита была дочерью Гаральда II.После его поражения и смерти в битве при Гастингсе (1066 г.) его семья нашла убежище в Швеции, и именно шведский король устроил брак между Гитой и Владимиром.

В связи с оживленными взаимоотношениями между скандинавами и русскими, значительной важностью обладало скандинавское влияние на ход развития русской цивилизации. Действительно, в современной исторической науке даже существует тенденция переоценивать это влияние и представлять скандинавский элемент как ведущий фактор формирования киевского государства и культуры. Новый подход к проблеме -с точки зрения исследователя фольклора - можно обнаружить в книге А. Штендер-Петерсена "Варяжская сага как источник древней русской летописи" (1934 г.). Согласно этому исследователю, древние скандинавско-русские саги создавались в восточной и византийской среде, и лишь позднее распространились с востока на север.[54] В целом, ясно, что скандинавское влияние на русский фольклор и историографию было результатом сложного процесса. Во всяком случае, не следует слишком упрощать эту проблему, безоговорочно принимая утверждение об "импорте" прямо из Скандинавии на Русь чисто скандинавских представлений и обычаев. Что касается скандинавско-русских культурных взаимоотношений, то каждая из сторон, конечно же, внесла в них свою долю, но обе они до определенной степени зависели от византийской и восточной почвы.

Под филологическим углом зрения, следует отметить отсутствие в русском словаре скандинавских по происхождению слов, значение которых относится к интеллектуальной и духовной жизни. Большинство скандинавских заимствований в русском языке (в целом, немногочисленных) обозначают наименования в княжеской администрации, как, например, "гридь", "тиун", "ябедник". Кстати, слово "кнут" - тоже скандинавского происхождения (knutr).[55]

4. Русь и Запад

Термин "Запад" здесь употреблен с оговорками. Двумя "столпами" средневекового Запада были Римская католическая Церковь и Священная Римская империя. С религиозной точки зрения некоторые народы Центральной и Восточной Европы, о которых шла речь в предыдущей главке, - народы Богемии, Польши, Венгрии и Хорватии - принадлежали скорее к "Западу", чем к "Востоку", а Богемия фактически являлась частью империи. С другой стороны, в Западной Европе, как таковой, в это время не было прочного единства. Как мы уже видели, Скандинавия держалась в стороне во многих отношениях и была обращена в христианство много позднее, чем большинство других стран. Англия находилась на протяжении некоторого времени под датским контролем, а в более близкие отношения с континентом она вошла через норманнов - то есть, скандинавов, однако, в данном случае, галлизированных.

На юге Испания, как и Сицилия, на какое-то время стала частью арабского мира. А в торговом отношении Италия была ближе к Византии, чем к Западу. Таким образом, Священная Римская империя и Французское королевство составляли костяк Западной Европы в киевский период.

Обратимся сначала к русско-немецким отношениям.[56] До немецкой экспансии в восточную часть Прибалтики в конце двенадцатого и начале тринадцатого веков немецкие земли не соприкасались с русскими. Однако некоторые контакты между этими двумя народами поддерживались через торговлю и дипломатию, а также и через династические узы. Основной немецко-русский торговый путь в тот ранний период проходил через Богемию и Польшу. Еще в 906 г. в Раффельштадтском таможенном установлении среди иностранных купцов, приезжающих в Германию, упоминаются богемцы и руги.[57] Ясно, что под первыми имеются в виду чехи, последних же можно отождествить с русскими.

Город Ратисбон стал отправной точкой для немецкой торговли с Русью в одиннадцатом и двенадцатом веках; здесь немецкие купцы, ведущие дела с Русью, образовали особую корпорацию, члены которой известны как "рузарии".[58] Как уже упоминалось (см. 2, выше), евреи также играли важную роль в торговле Ратисбона с

Богемией и Русью. В середине двенадцатого века коммерческие связи между немцами и русскими были также установлены в восточной Прибалтике, где Рига была главной немецкой торговой базой, начиная с тринадцатого века. С русской стороны как Новгород, так и Псков принимали участие в этой торговле, но ее главным центром в этот период был Смоленск. Как уже упоминалось (см. Гл. V, 8), в 1229 г. был подписан важный торговый договор между городом Смоленском, с одной стороны, и целым рядом немецких городов, с другой. Были представлены следующие немецкие и фризские города: Рига, Любек, Сест, Мюнстер, Гронинген, Дортмунд и Бремен. Немецкие купцы часто посещали Смоленск; некоторые из них постоянно проживали там. В договоре упоминается немецкая церковь Святой Девы в Смоленске.[59]

С развитием активных коммерческих отношений между немцами и русскими и (как мы вскоре увидим) через дипломатические и семейные связи между немецкими и русскими правящими домами немцы, должно быть, собрали значительное количество сведений о Руси. Действительно, записки немецких путешественников и записи немецких летописцев составляли важный источник знаний о Руси не только для самих немцев, но также и для французов и прочих западных европейцев. В 1008 г. немецкий миссионер Св. Бруно посетил Киев на пути в земли печенегов, чтобы распространять там христианство. Он был тепло принят Владимиром Святым, и ему была предоставлена вся помощь, какую только можно было предложить. Владимир лично сопровождал миссионера до границы печенежских земель. Русь произвела на Бруно самое благоприятное впечатление, так же как и русский народ, а в своем сообщении императору Генриху II он представил правителя Руси как великого и богатого властителя (magnus regno et divitiis rerum).[60]

Летописец Титмар из Мерзебурга (975 - 1018 гг.) тоже подчеркивал богатство Руси. Он утверждал, что в Киеве было сорок церквей и восемь рынков.[61] Каноник Адам из Бремена (ум. в 1074 г.) в своей книге "История гамбургской епархии" называл Киев соперником Константинополя и ярким украшением греко-православного мира.[62] Немецкий читатель того времени мог также найти интересные сведения о Руси в "Анналах" Ламберта Херсфельда (написанных около 1077 г.).[63] Ценная информация о Руси была

собрана также немецким евреем рабби Мозесом Петахией из Ратисбона и Праги, который посетил Киев в семидесятые годы двенадцатого века на пути в Сирию.[64]

Что касается дипломатических отношений между Германией и Киевом, то они начались в десятом веке, свидетельством чему является попытка Оттона II организовать римско-католическую миссию к княгине Ольге (см. Гл. II, 4). Во второй половине одиннадцатого века во время междуусобиц среди русских князей князем Изяславом I была предпринята попытка обратиться к германскому императору как к третейскому судье в русских межкняжеских отношениях. Вытесненный из Киева своим братом Святославом II (см. Гл. IV, 4), Изяслав сначала обратился к королю Польши Болеславу II; не получив помощи от этого правителя, он направился в Майнц, где попросил о поддержке императора Генриха IV. Чтобы подкрепить свою просьбу, Изяслав привез богатые подарки: золотые и серебряные сосуды, драгоценные ткани и так далее. В то время Генрих был вовлечен в Саксонскую войну и не мог послать войска на Русь, даже если бы хотел этого. Однако он направил посланника к Святославу, чтобы прояснить дело. Посланник, Бурхардт, был зятем Святослава и поэтому, естественно, был склонен к компромиссу. Бурхардт вернулся из Киева с богатыми дарами, данными в подкрепление просьбы Святослава, обращенной к Генриху, не вмешиваться в киевские дела, на эту просьбу Генрих неохотно согласился.[65]

Обращаясь теперь к немецко-русским супружеским связям,[66] надо сказать, что, по крайней мере, у шести русских князей были немецкие жены, включая двух киевских князей - вышеупомянутого Святослава II и Изяслава II. Супругой Святослава была сестра Бурхардта Киликия из Дитмаршена. Имя немецкой жены Изяслава (его первой жены) неизвестно. У двух немецких маркграфов, одного графа, одного ландграфа и одного императора были русские жены. Императором был тот самый Генрих IV, у которого в 1075 г. Изяслав I искал защиты. Он женился на Евпраксии, дочери киевского князя Всеволода I, в то время вдове (ее первым мужем был Генрих Длинный, маркграф Штаденский. В первом браке она, судя по всему, была счастлива. Ее второй брак, однако, закончился трагично; для достойного описания и толкования ее драматической истории нужен был бы Достоевский.[67]

Первый муж Евпраксии умер, когда ей едва было шестнадцать лет (1087 г.). В этом браке не было детей, и выяснилось, что Евпраксия намеревалась принять постриг в Кведлинбургском монастыре. Однако случилось так, что император Генрих IV во время одного из посещений аббатиссы Кведлинбурга встретил юную вдову и был поражен ее красотой. В декабре 1087 г. его первая жена Берта умерла. В 1088 г. было объявлено о помолвке Генриха и Евпраксии, и летом 1089 г. они поженились в Кельне. Евпраксия была коронована как императрица под именем Адельгейда. Страстная влюбленность Генриха в невесту продлилась недолго, и положение Адельгейды при дворе вскоре стало ненадежным. Вскоре дворец Генриха стал местом непристойных оргий; согласно по крайней мере двум современным летописцам, Генрих вступил в извращенческую секту так называемых николаитов.[68] Адельгейда, которая сперва ничего не подозревала, была принуждена принимать участие в некоторых из этих оргий. Летописцы также рассказывают, что однажды император предложил Адельгейду своему сыну Конраду. Конрад, который был примерно тех же лет, что и императрица, и был дружелюбно расположен к ней, с негодованием отказался. Вскоре он восстал против своего отца.

Хотя Генрих продолжал разными путями оскорблять свою жену, на него иногда находили приступы ревности. Следует заметить, что с 1090 г. он был втянут в тяжкую борьбу за завоевание северных земель Италии, а также за контроль над папской резиденцией. Адельгейда была принуждена следовать за ним в Италию и содержалась в Вероне под строгим надзором. В 1093 г. она бежала и нашла убежище в Каноссе, в замке маркизы Матильды Тосканской - одной из самых непримиримых врагов Генриха IV. Оттуда, по совету Матильды, она направила жалобу на своего мужа в адрес Церковного Собора в Констанце (1094 г.), который признал Генриха виновным. Между тем Матильда представила свою протеже папе Урбану II, который посоветовал Адельгейде лично предстать перед Церковным Собором в Плаценции (1095 г.). Так она и поступила и публично покаялась перед Собором, что принимала участие в оргиях по приказанию Генриха. Ее исповедь произвела огромное впечатление, и она получила полное отпущение грехов.

Исповедь Адельгейды была для нее моральной пыткой и гражданским самоубийством; в то же время, хотя она и не думала об этом, это было и политической акцией - ударом по престижу Генриха, от которого он так полностью никогда и не оправился. Через два года после рокового Собора Адельгейда уехала из Италии в Венгрию, где она пробыла до 1099 г., а затем возвратилась в Киев. Ее мать все еще была жива и, по-видимому, приняла Адельгейду, которую теперь снова звали Евпраксией, в свой дом. Генрих IV умер в 1106 г.; позднее, в том же году, Евпраксия приняла монашество, предположительно, в монастыре Св. Андрея, который находился в подчинении ее старшей сестры Янки. Она умерла в 1109 г. и была похоронена в пещерах Лавры.

Слухи об участии Евпраксии в оргиях Генриха и о ее исповеди, должно быть, достигли Киева намного раньше ее возвращения туда. Когда она вернулась, несмотря на то уединение, в котором она старалась жить, киевское общество захлестнула новая волна слухов и сплетен. Мы обнаруживаем отзвуки этих сплетен даже в русском эпическом фольклоре, в былинах. Во многих из них жена Владимира Святого представлена неверной женщиной, то и дело влюбляющейся в того или иного храброго богатыря. И в большинстве из этих былин ее зовут Евпраксия. Как предполагает С. П. Розанов, должно быть, несчастная жена Генриха IV послужили прототипом ее тезки из былин.[69] Хотя реальная Евпраксия, конечно же, не была женой Владимира, будучи его далекой правнучкой, она была сестрой Владимира Мономаха, и, вероятно, таким образом ее имя стало ассоциироваться с именем Владимира из былин.

В то время как положение германской императрицы оказалось невыносимым для дочери Всеволода I, ее тетку Анну (дочь Ярослава I) вполне устроил французский трон.[70] Инициатива в случае с замужеством Анны принадлежала французам. В 1044 г. Матильда, первая жена Генриха I французского, умерла бездетной, и король вынужден был думать о втором браке. Сам факт того, что он, в конце концов, обратил внимание на Киев, является свидетельством высокого престижа Ярослава Мудрого, позднее ставшего киевским князем. В результате в 1049 г. в Киев прибыло французское посольство, в составе которого было два французских епископа. Между прочим, следует помнить, что в

это время еще не было официального разделения между римской и греческой Церквями. Анна направилась во Францию, по-видимому, в 1050 г. В 1051 г. была отпразднована ее свадьба с Генрихом, и она была коронована королевой Франции. На следующий год родился их первый сын Филипп. Восемь лет спустя Генрих умер (1060 г.), и Филипп стал королем. Ввиду его малолетства был назначен регент. Анна, как королева Франции и мать короля, тоже принимала участие в правительственных делах. Ее подпись появляется на ряде документов этого периода; в одном случае она подписалась "Анна Регина" славянскими буквами.

Едва прошел год после смерти ее царственного супруга, как Анна снова вышла замуж. Ее вторым мужем был Рауль де Крепи, граф Валуа, один из наиболее могущественных и задиристых французских феодалов того времени. Она была его третьей женой, и чтобы жениться на ней, ему надо было дать развод второй жене по причине, или под предлогом ее неверности. Духовенство было возмущено, и Раулю угрожало отлучение. Регент, в свою очередь, был потрясен вступлением королевы во второй брак, и мальчик Филипп, несомненно, тоже сильно переживал. Постепенно, однако, мир был восстановлен в королевской семье, и Рауль, фактически, хотя и не юридически, был допущен к регентству. Когда Филипп вырос, влияние не только Рауля, но и Анны стало быстро уменьшаться. Рауль умер в 1074 г.; год смерти Анны неизвестен. Последний документ, подписанный ею, (как "Анна, мать короля Филиппа"), датируется 1075 г. В 1085 г. Филипп даровал пребенду церкви Св. Квентина де Бовэ pro remedio animae patris mei et matris meae. Таким образом можно заключить, что Анна умерла где-то между 1075 и 1089 гг.

Поскольку Анна прибыла во Францию до разделения Церквей, естественно, она приняла сторону Римской Церкви после схизмы 1054 г. и получила тогда второе имя Агнессы. Между прочим, ощущение единства Церкви все еще оставалось прочным, и разница между Римом и Константинополем для рядовых членов каждой из Церквей заключалась в языке и ритуале, а не в догматике. В этом смысле Анна присоединилась к Западной Церкви, когда она отправилась во Францию, и ей не нужно было думать о своем выборе в пользу той или другой Церкви в 1054 г.

Она была набожной и стала известна своим милосердием, а также тем, что даровала земли разным французским церквям и монастырям.

Несмотря на то, что оба французских замужества Анны были удачными, ее случай был единственным примером супружеских связей между русским и французским правящими домами в киевский период, да и, фактически, на протяжении всей русской истории. Нет свидетельств о прямых торговых отношениях между Русью и Францией в киевский период. Однако бельгийцы, видимо, торговали с Русью, если не прямо, то через немцев. Известно, что сукно из Ипра высоко ценилось в Новгороде.[71] Некоторые частные контакты между русскими и французами стали возможны во времена крестовых походов, особенно когда французские войска проходили через Венгрию. Мы уже рассмотрели выше приключение Бориса (русского по материнской линии) во французском обозе. Также, вероятно, в этот период были отдельные русские подразделения в византийской армии (см. 5, ниже), а французы вступали в контакт с византийцами. Более того, русские паломники время от времени посещали Святую землю, и это представляло возможность для встреч русских с французами. Интересно отметить, что Русь и русские часто упоминаются во французской средневековой поэзии.[72]

Русские связи с Италией были обусловлены целым рядом факторов, из которых Римская Церковь была, вероятно, наиболее важным. Отношения между папой и Русью начались в конце десятого века (см. Гл. III, 3) и продолжались, частью через посредничество Германии и Польши, даже после разделения Церквей в 1054 г. В 1075 г., как мы видели, Изяслав обратился за помощью к Генриху IV. Одновременно он направил своего сына Ярополка в Рим для переговоров с папой. Следует заметить. что женой Изяслава была польская княжна Гертруда, дочь Мешко II; а женой Ярополка была немецкая княжна, Кунегунда из Орламюнде. Хотя обе эти женщины должны были официально присоединиться к греко-православной Церкви, после того как вступили в брак, видимо, в душе не порвали с римским католицизмом. Вероятно, под их давлением и по их совету Изяслав и его сын обратились за помощью к папе. Мы видели раньше, что Ярополк от себя и от имени отца поклялись в верности римскому папе и поставили

Киевское княжество под защиту Св. Петра.[73] Папа, в свою очередь, в булле от 17 мая 1075 г. даровал Киевское княжество Изяславу и Ярополку в ленное владение и подтвердил их права на управление княжеством. После этого он убедил польского короля Болеслава в том, чтобы тот оказывал всяческую помощь его новым вассалам. Пока Болеслав мешкал, соперник Изяслава Святополк умер в Киеве (1076 г.), и это сделало возможным возвращение туда Изяслава. Как мы знаем (см. Гл. IV, 4), он был убит в сражении против своих племянников в 1078 г., и Ярополк, у которого не было возможности удержать Киев, был направлен старшими князьями в Туровское княжество. Он был убит в 1087 г.[74]

Так был положен конец мечтам римского папы о распространении власти над Киевом. Однако католические прелаты пристально наблюдали за дальнейшими событиями в Западной Руси. В 1204 г., как мы видели (Гл. VIII, 4), посланники папы посетили князя Галиции и Волыни Романа, чтобы убедить его принять католицизм, однако им это не удалось.

Религиозные контакты Руси с Италией не следует связывать только с деятельностью папы; в ряде случаев они были результатом общераспространенных настроений. Наиболее интересным примером таких стихийных религиозных связей между Русью и Италией явилось почитание реликвии Св. Николая в Бари.[75] Конечно, в этом случае объектом почитания был святой досхизматического периода, популярный как на Западе, так и на Востоке. И все же этот случай достаточно типичен, поскольку демонстрирует отсутствие конфессионных барьеров в русской религиозной ментальности того периода. Хотя греки отмечали день памяти Св. Николая 6 декабря, у русских был второй праздник Св. Николая 9 мая. Он был учрежден в 1087 г. в память так называемого "перенесения реликвий" Св. Николая из Миры (Ликия) в Бари (Италия). На самом деле реликвии были перевезены группой купцов из Бари, которые вели торговлю с Левантом и посетили Миру под видом пилигримов. Им удалось прорваться к своему кораблю прежде, чем греческая стража поняла, что происходит, затем они прямиком направились в Бари, где были восторженно встречены духовенством и властями. Позднее все это предприятие объясняли как стремление перенести реликвии в более безопасное, нежели

Мира, место, поскольку этому городу грозила потенциальная опасность сельджукских набегов.

С точки зрения жителей Миры это был просто грабеж, и понятно, что греческая Церковь отказалась от празднования этого события. Радость жителей Бари, которые теперь могли установить новую раку в своем городе, и Римской Церкви, которая ее благословила, тоже вполне понятна. Быстроту, с которой русские приняли праздник Перенесения, объяснить намного труднее. Однако, если мы примем в расчет историческую почву южной Италии и Сицилии, русские связи с ними станут яснее. Это затрагивает давние интересы Византии в том регионе и касается еще более раннего продвижения норманнов с запада. Норманны, чьей первоначальной целью была война против арабов в Сицилии, позднее установили свой контроль над всей территорией южной Италии, и это положение вызвало целый ряд столкновений с Византией. Мы уже видели, что в византийской армии были вспомогательные русско-варяжские войска, по крайней мере, с начала десятого века. Известно, что сильное русско-варяжское соединение принимало участие в византийском походе на Сицилию в 1038 - 1042 гг.[76] Среди других варягов в экспедиции принял участие норвежец Харальд, который позднее женился на дочери Ярослава Елизавете и стал королем Норвегии. В 1066 г. еще один русско-варяжский отряд, находившийся на византийской службе, был размещен в Бари.[77] Это было до "перенесения" реликвий Св. Николая, но следует заметить, что некоторым из русских столь сильно понравилось это место, что они осели там постоянно и со временем итальянизировались. По-видимому, через их посредничество Русь узнавала об итальянских делах и особенно близко к сердцу приняла радость по поводу новой святыни в Бари.

Поскольку на протяжении всего этого периода война была тесно связана с торговлей, результатом всех этих военных походов, видимо, явились какие-то коммерческие взаимоотношения между русскими и итальянцами. В конце двенадцатого века итальянские купцы расширили свою торговую деятельность до причерноморского региона. Согласно условиям византийско-генуэзского договора 1169 г., генуэзцам было дозволено вести торговлю во всех частях Византийской империи, за исключением "Руси" и "Матрахи".

Г. И. Братяну толкует эти названия как Черное море и Азовское море.[78] Так, по его мнению, Босфор оставался закрытым для генуэзцев. Это толкование не убедительно; намного более правдоподобным представляется объяснение Кулаковского. Он полагает, что эти два названия относятся не к двум морям, а к отдельным местностям. "Матраха", конечно, является другим названием Тмутаракани. "Русь", на взгляд Кулаковского, следует отождествить с Керчью. Таким образом, согласно этому ученому, для генуэзцев было закрыто только Азовское море, а не Черное.[79]

В период Латинской империи (1204 - 1261 гг.) Черное море также было открыто для венецианцев. Как генуэзцы, так и венецианцы со временем основали ряд торговых баз ("факторий") в Крыму и Приазовье. Хотя и нет свидетельств о существовании таких факторий в домонгольский период, но и генуэзские, и венецианские купцы, должно быть, посещали крымские порты задолго до 1237 г. Поскольку их также посещали и русские купцы, была очевидная возможность некоторых контактов между русскими и итальянцами в Причерноморье и Приазовье даже в домонгольский период.

Между прочим, можно отметить, что значительное число русских, должно быть, приезжало в Венецию и другие итальянские города вопреки желанию, в иной связи с черноморской торговлей. Они были не торговцами, а наоборот, объектами торговли, то есть рабами, которых итальянские купцы покупали у куманов (половцев). Говоря о Венеции, мы можем вспомнить "венедицких" певцов, упоминаемых в "Слове о полку Игореве". Как мы видели (см. 2, выше), их можно считать либо балтийскими славянами, либо венетами, но скорее всего они были венецианцами.

С Испанией, или, точнее, с испанскими евреями хазары вели переписку в десятом веке.[79a] Если какие-либо русские и попадали в Испанию в киевский период, то они тоже, вероятно, были рабами. Следует заметить, что в десятом и одиннадцатом веках мусульманские правители Испании использовали рабов в качестве телохранителей или наемников. Такие войска известны как "славянские", хотя в действительности только часть из них составляли славяне. Многие из арабских правителей Испании опирались на эти славянские соединения в несколько тысяч человек,[80] которые упрочивали их власть. Однако знания об Испании на Руси

были туманными. В Испании, однако, благодаря исследованиям и путешествиям мусульманских ученых, живших там, постепенно было собрано определенное количество сведений о Руси - древней и современной им. Трактат Аль-Бакри, написанный в одиннадцатом веке, содержит ценные сведения о докиевском и раннем киевском периодах. Наряду с другими источниками, Аль-Бакри использовал повествование еврейского купца Бен-Якуба.[81] Еще один важный арабский труд, содержащий сведения о Руси, принадлежит Идриси, также жителю Испании, завершившему свой трактат в 1154 г.[82] Испанский еврей, Вениамин из Туделы, оставил ценные записки о его путешествиях по Ближнему Востоку в 1160 - 1173 г., во время которых он встречался со многими русскими купцами.[83]

5. Русь и Византия

Византийская империя в политическом и культурном отношениях была главной силой средневекового мира, по крайней мере, до эпохи крестовых походов.[84] Даже после первого крестового похода империя все еще занимала чрезвычайно важное место на Ближнем Востоке, и лишь после четвертого похода обозначился упадок ее могущества. Таким образом на протяжении почти всего киевского периода Византия представляла собой высший уровень цивилизации не только для Руси, но также и по отношению к Западной Европе. Достаточно характерно, что с византийской точки зрения рыцари - участники четвертого крестового похода - были не более чем грубыми варварами, и следует сказать, что они действительно вели себя именно так.

Для Руси влияние византийской цивилизации значило больше, чем для любой другой европейской страны, за исключением, возможно, Италии и, конечно, Балкан. Вместе с последними Русь стала частью греко-православного мира; то есть, говоря в терминах того периода, - частью византийского мира. Русская Церковь была не чем иным, как ветвью византийской Церкви; русское искусство было пронизано византийским влиянием.

Следует принять в расчет, что, согласно византийской доктрине, греко-православный мир должен быть руководим двумя

главами - патриархом и императором; "созвучие" между Церковью и государством должно было составить основание греко-православного общества.[85] Теория не всегда соответствует факту. В первую очередь константинопольский патриарх не был главой всей греко-православной Церкви, поскольку было еще четыре патриарха, а именно: епископ Рима (т. е. папа, признанный одним из вселенских патриархов до схизмы 1054 г.) и три восточных патриарха (Александрии, Антиохии и Иерусалима). Что касается Руси, то это не имело большого значения, поскольку в киевский период русская Церковь была не более чем епархией константинопольского патриархата, а власть того патриарха была огромной.

Но характер отношений между императором и патриархом Константинополя мог затрагивать, а иногда и затрагивал Русь. Хотя теоретически патриарх не был подчинен императору, на деле во многих случаях выборы нового патриарха зависели от отношения императора, который был в том положении, чтобы вмешиваться в церковные дела. Со временем некоторые византийские ученые, специализирующиеся в церковном праве, были вынуждены признать привилегии императора в управлении Церковью.[86]

Следовательно, если иностранный народ признавал власть константинопольского патриарха, то это обозначало, что он попадал в сферу политического влияния византийского императора. Как мы знаем (см. Гл. II, 4), русские князья, так же как и правители других стран, готовые принять христианство, понимали эту опасность и прилагали усилия, чтобы избежать политических последствий обращения. Однако, коль скоро народ был обращен, не только патриарх, но и император провозглашали свой сюзеренитет над ним, и Русь не была исключением из этого правила. Желание Владимира I сохранить свою независимость имело последствием военный конфликт с Византией, так же как и попытка организовать русскую Церковь как орган самоуправления вне константинопольского патриаршества (см. Гл. III, 3). Ярослав Мудрый, однако, пришел к соглашению с Византией и принял митрополита из Константинополя (1037 г.). Вслед за этим император, по-видимому, стал считать Ярослава своим вассалом, и когда в 1043 г. началась война между Русью и Империей, византийский историк Пселл отнесся к ней как к "бунту русских".[87]

Хотя византийская доктрина о сюзеренитете императора над другими христианскими правителями никогда не принималась преемниками Ярослава в Киеве, князь галицкий формально признал себя вассалом (hypospondos) императора в середине двенадцатого века.[88] Однако, говоря в целом, Киевскую Русь нельзя считать вассальным государством Византии. Киевская субординация шла по церковным линиям, и даже в этой области русские дважды предпринимали попытку освободиться: при митрополите Иларионе в одиннадцатом веке и Клименте - в двенадцатом.

Хотя русские князья и отстаивали свою политическую независимость от Константинополя, престиж императорской власти и авторитета патриарха был достаточно велик, чтобы оказывать влияние на политику русских князей в очень многих случаях. Константинополь, "Имперский город", или Царьград, как обычно называли его русские, считался интеллектуальной и социальной столицей мира. Благодаря всем этим разнообразным факторам, в отношениях между Русью и ее соседями Византийская империя занимала уникальную позицию: в то время как культурное взаимодействие с другими народами осуществлялось на равных, по отношению к Византии Русь оказывалась на положении должника в культурном смысле.

В то же время было бы ошибкой представлять Киевскую Русь как полностью зависимую от Византии, даже в отношении культуры. Хотя русские и восприняли принципы византийской цивилизации, они приспособили их к своим собственным условиям. Ни в религии, ни в искусстве они не подражали рабски грекам, но, более того, развивали свои собственные подходы к этим сферам. Что касается религии, использование славянского языка в церковных службах, конечно, имело громадное значение для натурализации Церкви и роста национального религиозного сознания, в какой-то мере отличного от византийской духовности.

Поскольку церковные связи были наиболее сильным началом, укреплявшим русско-византийские отношения, всякий обзор последних, а также частных контактов между русскими и византийцами, следует начинать с Церкви и религии. Политические и богословские аспекты этой проблемы были уже кратко рассмотрены (см. Гл. III, 4; и Гл. VIII, 2). Здесь нам следует дать оценку частным аспектам в церковных отношениях. В первую очередь,

двое киевских митрополитов в домонгольский период были греками; это же относится и к половине епископов. Этих церковных владык, несомненно, сопровождали дьяконы и служки; таким образом, в каждой русской епархии был, по крайней мере, небольшой круг византийской интеллигенции. С другой стороны, для русского духовенства и монахов было привычным посещать главные центры византийской учености и монашества, а гора Афон была излюбленным местом их паломничества. Именно на Афон направился будущий основатель Киевско-Печерского монастыря Св. Антоний, чтобы подготовить себя к выполнению своей задачи.[89] Позднее некоторые русские монахи перебрались туда на постоянное жительство (см. 2, выше).

Усиление Церкви на Руси сопровождалось интенсивным развитием церковного искусства, и здесь опять же огромную роль играли приезжие греческие архитекторы и художники, особенно в одиннадцатом веке. Позднее, когда некоторые русские, изучавшие живопись, отправлялись в Византию для обучения, гора Афон была наиболее подходящим местом для начала их занятий иконописью.

Связи между русскими князьями и членами византийской царствующей семьи также были очень обширными. Что касается династических уз,[90] наиболее важным событием, конечно, была женитьба Владимира Святого на византийской княжне Анне, сестре императора Василия II (см. Гл. III, 3). Между прочим, одна из жен Владимира, когда тот еще был язычником, тоже была гречанкой (прежде - супругой его брата Ярополка (см. Гл. III, 2). Внук Владимира Всеволод I (сын Ярослава Мудрого) также был женат на греческой княжне. Из внуков Ярослава Мудрого у двоих были греческие жены: у Олега Черниговского и Святополка II. Первый женился на Феофании Музалон (до 1083 г.); второй - на Варваре Комнине (около 1103 г.) - она была третьей женой Святополка. Вторая жена сына Владимира Мономаха Юрия была, по-видимому, византийского происхождения. В 1200 г. князь галицкий Роман женился на византийской княжне, родственнице императора Исаака II, из семьи Ангелов.

Греки, со своей стороны, проявляли интерес к русским невестам. В 1074 г. Константин Дука был помолвлен с киевской княжной Анной (Янкой), дочерью Всеволода I. По неизвестным нам причинам свадьба не состоялась, как мы знаем (см. 2, выше, и

Гл. IX, 9). Янка приняла постриг. В 1104 г. Исаак Комнин женился на княжне Ирине из Перемышля, дочери Володара. Около десяти лет спустя Владимир Мономах отдал свою дочь Марию в жены изгнанному византийскому князю Льву Диогену, предполагаемому сыну императора Романа Диогена.[91] В 1116 г. Лев вторгся в византийскую провинцию Болгарию; на первых порах ему сопутствовала удача, но позднее он был убит. Их сын Василий был убит в схватке между Мономашичами и Ольговичами в 1136 г. Убитая горем Мария умерла десятью годами позже.[92]

Внучка Владимира Мономаха Ирина (Добродея), дочь Мстислава I, была более удачлива в браке; ее свадьба с Андроником Комниным состоялась в 1122 г. В 1194 г. член византийского дома Ангелов женился на княжне Евфимии из Чернигова, дочери сына Святослава III, Глеба.

Благодаря этим династическим смешанным бракам, многие русские князья чувствовали себя в Константинополе как дома, и действительно, многие из членов дома Рюрика посещали Царьград, а первой из них в десятом веке была княгиня Ольга. Интересно заметить, что в отдельных случаях русские князья высылались в Константинополь своими родственниками. Так, в 1079 г. князь Тмутараканский и Черниговский Олег был сослан "за море в Царьград".[93] В 1130 г. князья Полоцкие со своими женами и детьми были сосланы Мстиславом I "в Грецию, из-за того, что они нарушили клятву".[94] Согласно Васильеву, "это можно объяснить тем фактом, что малые князья, которые бунтовали против своего правителя, были призваны к ответу не только русским князем, но и сюзереном Руси - византийским императором. Они были сосланы как опасные и нежелательные не только для русского князя, но также и для императора".[95] Такое толкование представляется мне неубедительным. В первую очередь, как уже было рассмотрено, нет свидетельств о том, что русские князья, за исключением князя галицкого, признавали византийского императора своим сюзереном. Во-вторых, нет свидетельств о том, что князья, сосланные в Византию, представали перед судом императора; так или иначе им предоставлялось убежище. Это было в традиции византийских императоров - проявлять гостеприимство по отношению к изгнанным правителям других стран. Их присутствие не только повышало престиж императора, но некоторые из них могли со временем

быть использованы в качестве орудия византийской дипломатии, как это было с Борисом, сыном Коломана (см. 2, выше).

Кроме того, русские князья, в свою очередь, предоставляли убежище изгнанным членам византийских царствующих домов, как это было с Львом Диогеном, упоминавшемся выше, и с будущим императором Андроником Комнином. Последний, храбрый авантюрист по натуре, был заключен в тюрьму своим двоюродным братом императором Мануилом I, но ему удалось бежать, и он добрался до Галича, где был по-доброму принят князем Ярославом Осмомыслом (1165 г.). Андроник обосновался во дворце Ярослава, ел и охотился вместе с ним и даже принимал участие в собраниях боярской думы. Со временем он был прощен Мануилом.[96] В то время как Андроник искал спасения в Галиче, еще один член дома Комнинов, Мануил (о чьем прямом родстве с императором Мануилом I неизвестно) посетил Киев как чрезвычайный посол императора (1164 - 1165 гг.).[97] Именно в результате этого посольства киевские князья приняли энергичные меры по защите русско-византийской торговли от вмешательства куманов (половцев) (см. Гл. VIII, 2).

Не только князья, но и члены их свиты тоже, по всей вероятности, имели достаточно возможностей для контактов с византийцами. Выше мы видели, что русские войска принимали участие в византийских походах в южную Италию и Сицилию в одиннадцатом веке. Какие-то русские, видимо, служили в византийской армии, действующей в Леванте, во время первого и второго крестовых походов. Из "Слова о полку Игореве" мы можем заключить, что галичские лучники помогали византийцам в войне последних против сельджуков.[98]

Помимо Церкви, князей и армии еще одна социальная группа Киевской Руси находилась в постоянных взаимоотношениях с византийцами: купечество. Мы знаем (см. Гл. II, 2, 3), что русские купцы в большом количестве приезжали в Константинополь с начала десятого века, и для них была выделена постоянная штаб-квартира в одном из пригородов Царьграда. О русской торговле с Византией в одиннадцатом и двенадцатом веках прямых свидетельств меньше, но в летописях этого периода по разным поводам упоминаются русские купцы, "торгующие с Грецией" (гречники).[99]

6. Русь и Кавказ

Географически Кавказ представляет собой огромный перешеек между Черным и Каспийским морями. Этнографически он всегда был и остается скоплением представителей разнообразных рас, некоторые из них образуют сравнительно большие народы, но в большинстве своем состоящих из небольших и даже совсем крошечных племен. Исторически с незапамятных времен Кавказ лежал на перекрестке дорог завоевателей и купцов, дорог, сходящихся едва ли не из всех возможных направлений. И, наконец, культурно - как и можно было ожидать - Кавказ был местом встречи Востока и Запада, христианства и ислама, византинизма и ориентализма, иранской и тюркской цивилизаций и образов жизни. В силу такой сложной исторической почвы было бы неверным исследовать отношения между Русью и народами Кавказа, в тех же рамках, что и русско-византийские или русско-тюркские отношения. К взаимоотношениям между Русью и Кавказом следует подходить как к особой проблеме.

Кавказская горная цепь разделяет всю эту территорию на две главные части: Закавказье и Северный Кавказ, или северо-кавказскую территорию. Последняя состоит из двух разных ландшафтных зон: гористого района северных склонов главной гряды и степей к северу от нее. До степной территории легко добраться из бассейнов Дона и Волги, и эти земли чаще всего контролировались теми же кочевыми народами, что господствовали в русских степях. В докиевский и ранний киевский периоды эти земли были под контролем хазар. Позднее куманы использовали по крайней мере часть этой территории под пастбища для своего скота и лошадей.

Из коренных племен Северного Кавказа два представляются особенно важными для изучающего русскую историю из-за их ранних и близких связей с русскими. Это осетины и косоги (адыгейцы). Косоги, известные также как черкесы, относятся к так называемой яфетической группе народов; местом их проживания был бассейн реки Кубани. Они были завоеваны Святославом I около 963 г. (см. Гл. II, 5), а позднее были в близких отношениях с русскими князьями Тмутаракани (см. Гл. IV, 2).[100] Осетины представляют собой смешение яфетических и иранских племен; их язык

относится к иранскому. Исторически они произошли от аланов и продолжали именоваться аланами в византийских источниках киевского периода. В русских летописях они упоминаются как ясы, или асы.[101]

Первоначально, как мы знаем,[102] аланы занимали значительную часть южно-русских степей, а также приазовскую и северокавказскую территории. В киевский период ясы заполняли намного более ограниченную территорию и были разделены на меньшие группы. Одна из таких групп жила в центральной части Кавказской горной цепи на обоих ее склонах в районе современных Северо-Осетинской и Южно-Осетинской автономных областей. Еще одна группа жила в районе нижнего Дона. Более мелкие группы, по всей вероятности, были рассеяны по всему региону вдоль восточного побережья Азовского моря от устья Дона до Тмутаракани, а также занимали часть Крыма.

Аланы, особенно та их ветвь, что известна как роксоланы (рухс-асы), играли огромную роль в консолидации и объединении антов и других южнорусских племен.[103] Вероятно, правящий класс у антов был аланского происхождения. К десятому веку, однако, южно-русские племена, теперь имеющие предводителями князей скандинавского происхождения, порвали связи с аланами, и теперь нам приходится вести речь не о смешанных алано-славянских племенах, а о двух независимых группах народов - русских и осетинах.

В качестве исторической параллели разделения двух прежде объединенных этнических групп можно рассмотреть случай с французами и немцами. Франки были германским племенем во время завоевании ими Галлии. На протяжении четырех веков, последовавших за этим завоеванием, судьбы французского и немецкого народов были тесно связаны. Позднее Французская империя распалась на явственно французскую и немецкую части, но именно французы оставили за собой название первоначальных германских завоевателей - франков. Именно таким же образом славяне, а не иранцы, стали известны как русские, хотя первоначально рухс было названием одной из ветвей аланов.

Что касается религии, то основная масса осетин и косогов все еще оставалась языческой в девятом веке. Однако, со времени прихода арабов в Закавказье в седьмом веке ислам, вероятно, стал

достигать некоторых успехов - очень медленно на первых порах - среди кавказских горцев. Христианские миссионеры - армяне, грузины и византийцы - тоже посещали северо-кавказские земли, и к десятому веку значительное число осетин было обращено в христианство.[104] После обращения Руси открылась еще одна дорога для проповедников христианства среди осетин и косогов - через Тмутаракань.

Теперь, обратившись к Закавказью, мы обнаруживаем там два народа с великими культурными традициями: армян и грузин, обращенных в христианство в четвертом веке. В седьмом веке значительная часть Закавказья была завоевана арабами. В скором времени, однако, последние встретили упорное противодействие со стороны как хазар, так и византийцев. Пользуясь борьбой между великими державами, грузинам, как и армянам, удалось постепенно освободиться из-под арабского контроля. На протяжении девятого и десятого веков в Грузии было основано несколько национальных княжеств феодального типа. Княжество Картли в юго-западной части страны со временем стало наиболее сильным, а позднее, в одиннадцатом и двенадцатом веках, его правителям удалось объединить большую часть Грузии. Для того, чтобы противостоять нападениям арабов, а позднее - сельджуков, правители Грузии вынуждены были потакать Византии. Царь Картли Давид Багратиони (ум. в 1001 г.) признал себя вассалом византийского императора, за что был удостоен титула "куропалата".[105]

В Армении царство Ани с центром в южной части страны достигло реальной независимости и процветания в конце десятого века. В первой половине одиннадцатого века, однако, оно было завоевано византийцами. Последние немного выгадали из своей победы, из-за последовавшего вторжения сельджуков, которые нанесли поражение как византийцам, так и армянам: в 1064 г. Ани было захвачено, а семь лет спустя сельджуки разбили византийскую армию в битве при Манцикерте (1071 г.), после чего для них был открыт путь в Анатолию. Победа сельджуков имела последствием ужасное опустошение Армении, ставшее одной из главных катастроф в армянской истории.[106]

Грузии повезло больше, частично благодаря ее более отдаленному географическому положению, частично талантам ее пра-

вителей. Вместо того, чтобы вторгнуться в Грузию сразу же после армянской кампании, султан Альп-Арслан принял богатые дары, посланные ему царем Багратом IV, и пощадил страну. В конце одиннадцатого века сельджуки еще раз угрожали Грузии, но первый крестовый поход изменил все политическое и военное положение дел на Ближнем Востоке, и внимание сельджуков было отвращено от грузинских дел.[107] Царь Давид II, прозванный "Строителем", быстро воспользовался ситуацией и нанес ряд сильных ударов по сельджукам. Во времена правления Давида II (1089 - 1125 гг.) и царицы Тамары (1184 - 1213 гг.) Грузия достигла большого процветания. Это был также период расцвета грузинского искусства и письменности. Величайший грузинский эпический поэт Шота Руставели, автор "Витязя в тигровой шкуре", был современником царицы. В грузинской литературе и искусстве этого периода чувствуется влияние Византии и Персии, но сама грузинская цивилизация уже была вполне зрелой.

Политическая и социальная система средневековой Грузии, несомненно, была феодальной. Во главе феодального общества был сюзерен - "царь царей", но каждый из феодальных аристократов был "патроном" для своих собственных вассалов и подчиненных. Землевладение было связано с личными обязательствами каждого владельца по отношению к вышестоящему лицу. Крестьяне были подневольны. Управление тоже было феодального типа, занимаемый пост зависел от владения землями и княжествами. Правители районов были известны как eristavi; правители бóльших провинций - eristàvn eristavi ("правители правителей").[108]

Чтобы укрепить оборону страны и обуздать аристократию, Давид II решил создать вооруженные силы, подчиненные непосредственно монарху, и чтобы достичь этой цели, он пригласил для расселения в Грузии значительное количество половцев. Как мы знаем (см. Гл. IV, 5), русские нанесли ряд серьезных поражений половцам в начале двенадцатого века. После этого большая их часть отступила в северокавказские степи, и многие из них согласились на предложение Давида. Те, кто его приняли (сорок тысяч), согласно грузинским хроникам, получили в Грузии землю во владение и составили основу армии Давида. Как и ожидал прави-

тель, эта мера имела результатом значительное усиление царской власти.[109]

Разнообразие культур народов Кавказа отразилось на характере отношений Руси с ними. Русские князья были заинтересованы в осетинах и косогах главным образом с военной точки зрения. Как мы знаем (см. Гл. IV, 2), в одиннадцатом веке князь Мстислав Тмутараканский использовал косогские вспомогательные войска, и много косогов и осетин вошло в состав его личной свиты. После смерти князя многие из воинов этой гвардии, скорее всего, перешли к Ярославу. Известно, что осетины имели посты среди княжеской домашней прислуги. Ключником во дворце Андрея Боголюбского был осетин. Кстати, позднее он предал своего хозяина, примкнув к его убийцам (1074 г.).[110] Осетины, как и некоторые другие горные народы Кавказа, имели репутацию мастеров-оружейников, и, возможно, от них русские получали часть своего вооружения. "Аварские шлемы" упоминаются в "Слове о полку Игореве".[111] Это относится не к древним аварам, которые прошли через южную часть Руси и осели в Венгрии,[112] но к племени с тем же названием, местом проживания которого был Дагестан.

В половецкий период русские стремились поддерживать отношения с осетинами из стратегических и дипломатических соображений, поскольку те были потенциальными союзниками против половцев. Как мы знаем, часть осетин (ясов) расселилась в районе нижнего Дона, то есть, в границах куманского (половецкого) ханства. Когда русские вошли в этот регион в 1111 г., они были доброжелательно приняты местным населением, среди которого, вероятно, были и ясы.[113] В 1116 г. Владимир Мономах еще раз послал на Дон своего сына Ярополка. Из этого похода Ярополк привез в Киев много сторонников ясов и ясскую княжну, на которой он женился.[114] Позднее у других русских князей тоже были осетинские жены. Например, у двух суздальских князей - Андрея Боголюбского и его брата Всеволода III, и у одного черниговского, Мстислава, убитого в битве на Калке в 1223 г.[115]

О династических связях между русскими и косогами известно меньше. В хрониках, однако, записано, что князь Тмутаракани Мстислав взял в жены черкесскую княжну, первого мужа которой он убил на поединке.[116]

Как княжеская дружина и двор представляли собой благоприятную среду для развития эпической поэзии, так товарищество по оружию и династические связи между русскими и народами этих двух племен, или племенных групп, имели результатом знакомство русских с осетинским и косогским фольклором. Нельзя отрицать влияние осетинской эпической поэзии на русские былины (см. Гл. IX, 3).

Осетины были также посредниками в отношениях русских с Грузией и Арменией. Большое значение имело влияние грузинского и армянского искусства, и особенно архитектуры, на русское искусство. В ранний киевский период это влияние особо ощутимо было в Тмутаракани и Чернигове; а в поздний киевский период - в Рязани и Суздале (см. Гл. IX, 6). Но сведения о частых контактах между русскими и грузинами и армянами скудны. Известно, что армянские врачи практиковали на Руси, и предполагается, что время от времени нанимались груэинские и армянские художники и архитекторы. Вероятно, армянские купцы часто посещали Русь. Что касается династических связей,[117] то второй женой киевского князя Изяслава II была грузинская княжна, дочь царя Дмитрия I. Свадьба состоялась в 1154 г. Тридцать лет спустя груэинская царица Тамара выбрала себе в мужья русского княэя Юрия, младшего сына Андрея Боголюбского.[118]

После смерти Андрея его братья захватили власть в Суздале, отказавшись признать права молодого Юрия (рожд. около 1160 г.). Тогда Юрий направился к половцам (1176 г.). Поскольку его бабушка, первая жена Юрия I Суздальского и Киевского была половецкой княжной, у него, вероятно, были родственники среди половецких ханов. Ничего не иэвестно о его жизни среди половцев, однако образ жизни в половецкой орде, далекий от традиционной цивилизации, вряд ли мог благотворно повлиять на формирование характера Юрия. Озлобленный юный иэгнанник, поэднее он стал храбрым и беспринципным авантюристом. Он провел семь лет среди половцев, прежде чем ему выпала возможность вернуться в христианскую страну. В 1184 г. умер грузинский царь Георгий III, оставив трон своей юной и талантливой дочери Тамаре. Грузинская знать, будучи возмущенной тем, что на троне оказалась женщина, теперь увидала возможность обуэ-

дать царскую власть и расширить свои собственные привилегии. В свою очередь советники Тамары порекомендовали ей как можно скорее выйти замуж, что явилось бы наилучшим способом укрепления ее позиции, и выбрали Юрия, как наиболее подходящего кандидата.

Чтобы понять мотивы, скрывавшиеся за их выбором, нам следует помнить, что основу царской армии в Грузии составляли половцы, которые, вероятно, сохраняли тесные связи со своими родичами в Кумании, и поэтому, видимо, слышали о Юрии и хотели оказать ему поддержку. Более того, матерью царицы Тамары была осетинка, матерью Юрия - тоже. В этом смысле Тамару и Юрия можно считать соотечественниками.

Свадьба состоялась в 1185 г. Сначала Юрий произвел блестящее впечатление как на свою невесту, так и на грузинскую знать. Он проявил себя также талантливым военачальником, добившись больших успехов в борьбе против мусульман. Постепенно, однако, становились очевидными отрицательные черты его характера. Грузинские летописи изображают его, возможно, с некоторым преувеличением, ужасным пьяницей и жестоким деспотом. Его также обвиняли в содомии, и, поскольку через два года после свадьбы Тамара все еще оставалась бездетной, она легко получила согласие духовенства на развод. Юрий был выслан в Византию (1188 г.). На следующий год Тамара вышла замуж за осетинского князя, который по материнской линии происходил из грузинской царской семьи.

Однако Юрий не желал признавать свое поражение окончательным. Он сыграл на чувствах аристократической оппозиции царице и вскоре снова вернулся в Грузию в качестве предводителя мощного мятежа. Поначалу ему сопутствовала удача, и он даже был провозглашен царем своими последователями. В конце концов, однако, победа оказалась на стороне Тамары, а он был взят в плен и снова выслан в Византию (1191 г.). Два года спустя аристократическая партия подняла новый мятеж, еще менее удачный, чем первый. В 1200 г. Юрий был изгнан из Византии и появился при дворе азербайджанского атабега. Ему удалось собрать отряд тюрков, с которым он еще раз вторгся в Грузию, но снова был разбит. Дата его смерти неизвестна.

7. Русь и Восток

"Восток" - столь же неопределенное и относительное понятие, что и "Запад". Каждый из восточных соседей Руси находился на разном культурном уровне, и каждый был наделен своими специфическими чертами.

Этнографически, большинство восточных народов, живших по соседству с Русью, были тюркскими. На Кавказе, как мы знаем, осетины представляли собой иранский элемент. С иранцами в Персии у русских были иекоторые взаимоотношения, по крайней мере, время от времени. Знание русских об арабском мире ограничивалось, главным образом, христианскими элементами в нем, как, допустим, в Сирии. С народами Дальнего Востока - монголами, манчжурами и китайцами - они были знакомы постольку, поскольку эти народы вмешивались в туркестанские дела. В том же Туркестане русские могли встречаться с индийцами, по крайней мере, изредка.

С религиозной и культурной точки зрения следует проводить различие между областями язычества и ислама. Кочевые тюркские племена на юге Руси - печенеги, половцы и другие - были язычниками. В Казахстане и северном Туркестане большинство тюрков первоначально было языческим, но когда они стали расширять область своих набегов на юг, то вошли в контакт с мусульманами, и были быстро обращены в ислам. Поволжские булгары представляли собой самый северный аванпост ислама в этот период. Несмотря на тот факт, что они были отделены от основного ядра исламского мира языческими тюркскими племенами, им удавалось сохранять тесную связь как в сфере торговли, так и религии, с мусульманами Хорезма и южного Туркестана.[119]

Следует заметить, что в политическом отношении иранский элемент в Центральной Азии находился в состоянии упадка с конца десятого века. Иранское государство под властью династии Саманидов, которое процветало в конце девятого и десятом веках, было низвержено тюрками около 1000 г.[120]

Одни из прежних вассалов Саманидов теперь создали новое государство в Афганистане и Иране. Их династия известна как Газневиды. Газневиды контролировали также северо-западную часть Индии. Однако их государство просуществовало недолго будучи

разрушено новой тюркской ордой сельджуков (1040 г.).[121] Последние под властью султана Альп-Арслана (1063 - 1072 гг.) вскоре вторглись в Закавказье (см. 6, выше), а затем перешли в наступление на запад против Византийской империи. В двенадцатом веке они уже контролировали бóльшую часть Анатолии и распространились также на юг, опустошив Сирию и Ирак. Однако они признавали над собой духовную власть Багдадского халифата. В Египте к тому времени образовался отдельный Каирский халифат, в котором правящая династия была известна как Фатимиды. В конце двенадцатого века Сирия и Египет были политически объединены Саладином, известным своими успехами в противостоянии крестоносцам.[122]

В целом можно сказать, что исламская зона к востоку и юго-востоку от Руси в киевский период образовывала предел для степени знакомства Руси с Востоком. Однако вне этого предела мощные народы тюркского, монгольского и маньчжурского происхождения находились в постоянном движении, сражаясь друг с другом. Динамика истории Дальнего Востока приводила к тому, что некоторые дальневосточные племена время от времени попадали в среднеазиатское и русское поле зрения. Так, около 1137 г. часть народа китанов, вытесненная из северного Китая чжурчженями, вторглась в Туркестан и установила там свою власть, которая длилась около полувека, пока не выросла мощь Хорезмской империи.[123] Именно от названия "Китан" (известных также как кара-китай) происходит русское название Китая. Следующим дальневосточным прорывом на запад был монгольский.

Представляется, что, видимо, более выгодными для русских были взаимоотношения с исламскими народами, нежели с языческими тюрками. Тюркские племена в южнорусских степях были типично кочевыми, и хотя отношения с ними сильно обогатили русский фольклор и народное искусство, от них нельзя было ожидать серьезного вклада в русскую науку и образование. К сожалению, непримиримое отношение русского духовенства к исламу, и наоборот, не давало возможности для какого-либо серьезного интеллектуального контакта между русскими и мусульманами, хотя его легко можно было бы установить на землях поволжских булгар или в Туркестане. У них были только некоторые интеллектуальные связи с христианами Сирии и Египта. Говорилось, что од-

ним из русских священников в ранний киевский период был сириец.[124] Известно также, что сирийские врачи практиковали на Руси в киевский период. И, конечно, через посредство Византии, русские были знакомы с сирийской религиозной литературой и сирийским монашеством.

Можно добавить, что наряду с греко-православной христианской церковью на Среднем Востоке и в Центральной Азии существовало также две других христианских церкви - монофизитская и несторианская, но русские, несомненно, избегали любых взаимоотношений с ними.[125] С другой стороны, некоторые несториан-цы, так же как и некоторые монофизиты, интересовались Русью, по крайней мере, если судить по сирийской хронике Аб-уль-Фараджа, прозванного Бар Хебреусом, в которой содержится определенное количество сведений о русских делах.[126] Она написана в тринадцатом веке, но частично основывается на труде Михаила, якобитского патриарха Антиохии, жившего в двенадцатом веке,[127] а также и на других сирийских материалах.

Коммерческие отношения между Русью и Востоком были оживленными и выгодными как для тех, так и для других. Мы знаем, что в конце девятого и десятом веках русские купцы посещали Персию и даже Багдад.[128] Нет прямых свидетельств, указывающих на то, что они продолжали путешествовать туда в одиннадцатом и двенадцатом веках, но они, вероятно, посещали Хорезм в этот более поздний период. Название хорезмской столицы Гургандж (или Ургандж) известно было русским летописцам, которые называли ее Орнач.[129] Здесь русские, должно быть, встречали путешественников и купцов почти из каждой восточной страны, включая Индию. К сожалению, не сохранилось записей о путешествиях русских в Хорезм в этот период. Говоря об Индии, русские в киевский период имели довольно расплывчатые представления об индуизме. "Брахманы - благочестивые люди" упоминаются в "Повести временных лет".[130] Что касается Египта, Соловьев утверждает, что русские купцы посещали Александрию, но убедительность источника такого свидетельства, которым он пользовался, проблематична.[131]

Хотя частные контакты через торговлю между русскими и поволжскими булгарами и жителями Хорезма были, по всей видимости, оживленными, разница в религиях представляла собой

почти непреодолимый барьер для тесных социальных взаимоотношений между гражданами, относящимися к разным религиозным группам. Супружеские связи между последователями греческого православия и мусульманами были невозможны, если, конечно, одна из сторон не выражала готовность отречься от своей религии. В этот период, практически, неизвестны случаи обращения в ислам со стороны русских, за исключением тех русских рабов, которые переправлялись на кораблях итальянскими и восточными купцами в различные восточные страны. В этом отношении для русских было намного проще иметь контакты с половцами, поскольку язычники *были меньше привязаны к своей религии*, нежели мусульмане, и не возражали против принятия христианства, если в этом была необходимость, в особенности это касалось женщин. Вследствие этого смешанные браки между русскими князьями и половецкими княжнами были частыми.[132] Среди князей, которые заключали подобные альянсы, были такие выдающиеся правители как Святополк II и Владимир II Киевские, Олег Черниговский, Юрий I Суздальский и Киевский, Ярослав Суздальский и Мстислав Храбрый.

Хотя, как мы только что видели, религиозная замкнутость исключала возможность прямого интеллектуального контакта между русскими и мусульманами, в области искусства положение было иным. В русском декоративном искусстве ясно прослеживается влияние восточных образцов (таких, например, как арабески), но, конечно, некоторые из таких образцов могли попасть на Русь не прямо, а через посредство контактов либо с Византией, либо с Закавказьем. Однако что касается фольклора, нам следует признать непосредственное влияние восточного фольклора на русский. Относительно влияния иранской эпической поэзии на русскую, то главным его проводником, очевидно, был осетинский фольклор. Тюркские образцы также ясно выявляются в русском фольклоре, как в былинах, так и в волшебных сказках. Уже отмечалось (см. Гл. IX, 4) поразительное сходство в строе гаммы русской народной песни с песнями некоторых тюркских племен. Поскольку многие из этих племен были под контролем половцев, или же находились в тесном контакте с ними, роль последних в развитии русской фольклорной музыки, вероятно, была чрезвычайно важной.

Говоря суммарно, русский народ на протяжении всего киевского периода находился в тесных и многообразных контактах со своими соседями - как восточными, так и западными. Нет сомнения в том, что эти контакты были очень выгодны для русской цивилизации, однако в основном они демонстрировали возрастание творческих сил самого русского народа.

Примечания

Сокращения

Источники

Литература

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I. Место Киевской Руси в истории

[1] Sir J.A.R.Marriott, *Anglo-Russian Relations, 1689-1943* (2d ed. London, Methuen & Co., 1944), p.1

[2] Н.Я.Данилевский. "Россия и Европа." (Санкт-Петербург), 1871, с. 60. Впоследствии различия между Россией и "романо-германской Европой" блестяще обсуждались князем Н.С.Трубецким - основателем "евразийской" философской школы. См. его "Европа и человечество". София, 1920.

[3] См. *Древняя Русь.* Гл. 3.

[4] Henry Pirrenne, *Economic and Social History of Medival Europe* (New York, Harcourt, Brace and Co., 1937); также *Medieval Cities* (Princeton, Princeton University Press, 1925) и *Mohammed and Charlemagne* (New York, W.W. Norton& Co., 1939) того же автора.

[5] G.W.F. Hegel, *Sämliche Werke,* H. Glockner, ed. (Stuttgart, 1928), XI, 447. Необходимо отметить, что Гегель предвидел возможность великого будущего славян и, особенно, России. В письме от 28 ноября 1821 года Борису фон Юкскеллю, происходившему из прибалтийских немцев и русских, он пишет следующее: "Вам посчастливилось принадлежать к стране, занимающей столь значительное место на поле всемирной истории, и которая, без сомнения, имеет еще более высокое предназначение. Кажется, что другие современные государства, более или менее, достигли цели своего развития; возможно, они уже прошли свою высшую точку, и их положение теперь не изменяется. Россия, напротив, потенциально самое могущественное государство, носит в себе громадные возможности дальнейшего развития ее глубокой природы" См. Kuno Fischer, *Geschichte der neuern Philosophie* VIII, Part I (Heidelberg, 1911), pp. 118-119; также Д.И. Чижевский. *Гегель в России.* Париж, 1939, с.13.

[6] John W. Burgess, *The Foundations of Political Science,* with an introduction by Nicholas M.Butler (New York, Columbia University Press, 1933), p. 32.

[7] Там же, с. 40.

[8] М.Грушевский, "Звычайна схема русской исторii и справа рацiонального укладу сходнього славянства" *Статьи по славяноведению,* В.И. Ламанский, ред.1, (С.-Петербург, 1904), с. 298-304.

[9] См. O. Halecki, "L'Histoire de l'Europe orientale", *La Pologne au V-e congrés international des sciences historiques* (Warsaw, 1924); M.Weingart, "Le Passé et le

présent de la solidarité slave", *Monde Slave*, February, 1926, pp. 187-210; W.Lednicki, "Existe-t-il un patrimoine commun d'études slaves?" *Monde* Slave, December, 1926, pp. 411-431; J.Bidlo, "Ce que c'est l'histoire de l'Orient européen", *Bulletin d'information des sciences historiques en Europe orientale*, 6 (Warsaw, 1934), и того же автора, "L'Europe orientale et le domaine de son histoire", *Monde Slave*, October.

[10] See P. N. Savickij. Šestina světa. Prague, 1933.

[11] См. Древняя Русь. Гл. 3, 4, 5.

[12] H. J. Mackinder. Democratic Ideals and Reality. New York: H. Holt, 1919; 2d ed., 1942; K. Haushofer et al. Bausteine zur Geopolitik. Berlin-Grunewald, 1928; see also G. B. Gressey. The Bases of Soviet Strength. New York: Whittlesey House, 1945, pp. 231 - 237.

Глава II. Имперский план и его неудача (878 - 972 гг.)

[1] См. Древняя Русь.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Cross, pp. 150, 155.

[7] Слово, с. 37.

[8] А. И. Ляшенко. "Летописные сказания о смерти Олега Вещего", АНОРИ, 29 (1924), 254 - 288.

[9] Ип., кол. 15.

[10] Dorn, p. 5.

[11] Cross, p. 147. See K. Menges "Etymological Notes on some Pačänäg Names", Byzantion, 17 (1945), 261 - 263. Согласно д-ру Менгесу, тиверцы были тюркского происхождения.

[13] О мадьярско-булгарских отношениях этого периода см. К. Грот "Моравия и мадьяры" (С.-Петербург, 1881), с. 282 - 304; В. Златарски "История на Булгаската държава през средните векове", I, Pt. 2 (София, 1927), с. 290 - 294. О дате мадьяро-булгарской войны см. № 14.

[14] Ип., кол. 22; Cross, p. 149. Это событие датируется в Ипатьевском и Лаврентьевском списках 902 г., что очевидно является ошибкой. Согласно В. Златарски, война между булгарами и мадьярами началась около 894 г.; согласно Гроту, около 889 г. Я принимаю датировку Златарски. See G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I (Budapest, 1942), 58 - 68.

[15] Появление мадьярских орд перед Киевом датируется в "Повести временных лет" 898 г. (Нур., col. 19).

[16] См. Грот, Указ. соч., с. 305 - 327.

[17] Cross, pp. 149, 150.

[18] G. Lähr. "Die Anfange des russischen Reiches" (Berlin, 1930), pp. 95 - 99; H. Gregoire. "Le Legende d'Oleg et l'expedition d'Igor", Bulletin de l'Academie Royale de Belgique, 23 (1937), 80 - 94.

[19] G. Ostrogorsky. "L'Expedition du prince Oleg contre Constantinopole en 907", AIK, II (1939), 47 - 61.

[20] Constantine Porphyrogenitus. De Cerimoniis Aulae Byzantinae, I, chap. XLIV; cf. Ostrogorsky, op. cit., pp. 53, 54.

[21] Marvazi, pp. 36, 119, 120.

[22] Резюме соглашения 907 г. см.: "Повесть временных лет", Лавр., кол. 31, 32; Ип., кол. 23, 24.

[23] Текст договора 911 г. см.: Лавр., кол. 33 - 37; Ип., кол. 25 - 29; also Khristomatiia, I, 1 - 7.

[24] DAI, chap. IX.

[25] См. Д. И. Эварницкий. История запорожских казаков (С.-Петербург, 1892), I, 454 - 456.

[26] И. М. Кулишер. Лекции по истории экономического быта Западной Европы (5-е изд., Петроград, 1918), с. 173.

[27] See A. Soloviev. 'Η ΞΩ 'ΡΩΣΙΑ , Byzantion, 13 (1938), 227 - 232.

[28] Dorn, pp. 4 - 6.

[29] Idem, pp. VI - VIII, 15, 16, 28; Markwart, pp. 333 - 335.

[30] Cross, pp. 157 - 158. See also K. Bartova. "Igorova vyprava na Carihrad r. 941", BS, 8 (1946), 87 - 108.

[31] П. К. Коковцев. "Еврейско-хазарская переписка в X веке", с. 120. См. также И. Брутскус. "Письмо хазарского еврея X века" (Берлин, 1924); В. Мошин. "Хелгу хазарского документа", Slavia, 15 (1938), 191 - 200.

[32] Cross, pp. 157 - 158. "Греческий огонь", также называемый "жидким" или "морским" огнем, являл собою взрывчатое соединение, выбрасываемое специальной трубкой или сифоном, которое загоралось, ударяясь о корабль (A. A. Vasiliev. History of the Byzantine Empire - Madison, University of Wisconsin, 1928 - I, 261). См. Древняя Русь.

[34] Ibn-Miskawaih. The Eclipse of the Abbasid Caliphate, V, 67 - 74. См. также: А. В. Флоровский "Известия о Древней Руси арабского писателя Мискавейхи", СК, I (1927), 175 - 186; А. И. Якубовский "Ибн-Мискавейх, о походе русов в Бердаа", ВВ, 24 (1926), 63 - 92; V. Minorsky. Hudud al-Alam (Oxford, Luzac and Co., 1937), pp. 144, 398 - 400.

[35] Cross, pp. 158, 159.

[36] Kristomatiia, I, 13. Д. Бромберг в своих "Топоимических и исторических очерках", Byzantion, 13 (1938), 33 - 50 попытался доказать, что под именем "земля Корсунь" подразумевается не Крым, а Добруджа. Его гипотеза неубедительна.

[37] См. мою статью "The Rus' in the Crimea and the Russo Byzantine Treaty of 945", Byzantina-Metabyzantina, I (1946), 249 - 259.

[38] Н. Д. Знойко. "О походах Святослава на восток", ЖМНП, 18 (1908), 280 - 282.

[39] См. Древняя Русь.

[40] Там же.

[41] ПСРЛ, IX, 26 - 27. Эта информация о Свенельде введена в летопись Никона вслед за описанием подавления Игорем восстания древляи. Дата 1914 г. относится лишь к последнему.

[42] Cross, p. 164.

[43] Idem, p. 164.

[44] Idem, pp. 164 - 168.

[45] Constantine Porphyrogenitus. De Cerimoniis Aulae Byzantinae, II, chap. XV; PG, CXII, cols. 1108 - 1112.

[46] The "Life of St. Olga", in Makarii, I, 269.

[47] См. Древняя Русь.

[48] Priselkov, pp. 12, 13.

[49] Cross, pp. 170, 171.

[50] Leo Diaconus. Historiae Libridecem, Pt. 9, chap. XI, pp. 156, 157.

[51] Ф. Вестберг "Записка готского топарха", ВВ, 15 (1908), 71 - 132, 227 - 286.

[52] A. A. Vasiliev The Goths in the Crimea (Cambridge, Mass., The Mediaeval Academy of America, 1936), pp 128, 129.

[53] Idem, p. 121.

[54] Leo Diaconus, op. cit., Pt. 4, chap. VI, p. 63; Skylitzes-G. Kedrenus. Historiarum Compendium, II, 372.

[55] Leo Diaconus, op. cit., Pt. 5, chap. II, p. 77; See also Zlatarski, op. cit., I, Pt. 2, pp. 576, 577; Н. Д. Зюйко. "О посольстве Калокира в Киев", ЖМНП, 8 (1897), 253 - 264

[56] В. В. Григорьев. Россия и Азия (С.-Петербург, 1876), с. 6 - 10.

[57] Cross, pp. 172, 173.

[58] Текст договора смотри в "Повести временных лет", Лавр., кол. 72, 73; Ипат., кол. 61, 62; Хрестоматия, I, 17. Дата договора, равно как и хронология русско-византийской войны в целом были предметом сильных разногласий между учеными в области русской и византийской истории. Многие принимают 972, а не 971 г. как дату договора (и соответственно 973, а не 972 г. как дату смерти Святослава). Я не собираюсь рассматривать всю проблему, но лично не вижу оснований для изменения даты 971 г., данной в русском тексте договора (6479 Anno Mundi). Это также принимается F Dölger ("Die Chronologie des grossen Feldzuges des Kaisers Johannes Tzimiskes gegen die Russen", BZ, 32 [1932], 275 ff.) and G. Ostrogorsky (Geschichte des byzantinischen Staates [Munchen, 1940], pp. 208, 209).

[59] Cross, p. 177

Глава III. Обращение к христианству

О славянском язычестве смотри L. Leer. La Mythologie slave (Paris, 1901); L. Niederle. Zivot starých Slovanů, II, Pt., I, Prague, 1916; 2d ed., 1924; A. Brückner. Mitologia Slava (Bologna, 1923) Дальнейшие библиографические ссылки

содержатся в G. Vernadsky. "Svantovit, dieu des Slaves Baltiques", Annuaire 7 (1944), 339.

[2] See V. J. Mansikka. Die Religionder Ostslaven (Helsinki, 1922), pp. 142 - 147, 162 - 166, 246, 247, 305 - 307; Пономарев, III (С.-Петербург, 1897), с. 200, 201.

[3] Brückner, op. cit., pp. 189, 190.

[4] Procopius, VII, 14, 23 (H. B. Dewing's translation).

[5] Согласно Зеленину, *русалки* представляют тех женщин и девушек, смерть которых была "нечистой", т. е. результатом насилия; см. D. K. Zelenin. Russische (ostslavische) Volkskunde, p. 392.

[6] А. С. Орлов и др. История русской литературы, I, 222 - 228; Н. В. Малицкий. Древнерусские культы сельскохозяйственных святых, ГА, II, № 10 (1932).

[7] A. Meillet. Linguistique historique et linguistic generale (Paris, 1921), pp. 323 - 324.

[8] Mansikka, op. cit., pp. 108, 201.

[9] Idem, p. 71.

[10] Idem, p. 150.

[11] А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, I (Москва, 1865), 65. В "Авесте" - dag; see C. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch (Strassburg, 1904), col. 675.

[13] E. W. Hopkins. "Epic Mythology", Grundriss der indoarischen Philologie und Altertumskunde, III, Pt. IB (Strasbourg, 1915), p. 65.

[14] Idem, p. 78.

[15] Brückner, op. cit., p. 245; относительно археологических свидетельств см. C. Schundhardt. Arcona, Bethra, veneta (Berlin, 1926), pp. 27 - 63.

[16] В. Д. Гринченко. Словарь украинской мовы (Киев, 1909), II, 798.

[17] Hopkins, op. cit., p. 220. По мнению Хопкинса, "простейшим объяснением Трьямбака может быть, что Шива имел не трех матерей, а трех Матерей-богинь".

[18] A. A. Macdonell. "Vedic Mythology", Grundriss der indoarischen Philologie und Altertumskunde, III, Pt. IA (Strasbourg, 1897), p. 21; also G. Okmézil. Curanos-Varung (Paris, 1934).

[19] См. Древняя Русь.

[20] К. В. Тревер. "Собака-птица: Сенмурв и Паскудж", ГА, 100 (1933), 293 - 328; ср. Ancient Russia, pp. 113, 328. Симаргл упоминается в "Повести временных лет", 980 г. В некоторых поздних текстах имя было разделено на два (Сим и Ргл), благодаря чему до появления исследования Тревера многие ученые были готовы видеть в Симаргле два божества вместо одного. Были предположены различные истоки двух утверждаемых имен - Сим и Ргл. Недавно Анри Грегуар попытался возродить теорию двух имен. Поскольку его исследование еще не опубликовано, я не могу его обсуждать, но статья Тревера кажется мне убедительной.

[21] Meillet, op. cit., p. 333.

[22] Procopius, loc. cit.

[23] See S. Roznіecki. "Perun und Thor", ASP, 23 (1901), 462 - 520; Brückner, op. cit., p. 72.

[24] Chadwick, pp. 86 - 89.

[25] См. Древняя Русь.

[26] Cross, p. 177

[27] Idem, p. 178.

[28] Ibid. Следует вспомнить, что мать Владимира **Малуша** была домоуправительницей Ольги.

[29] Cross, p. 180.

[30] Ibid.

[31] Ibid.

[32] А. Д. Погодин. "Варяжский период в жизни князя Владимира", Владимирский сборник (Beograd, 1938), pp. 28 - 30.

[33] Baumgarten. "Généalogie", p. 7.

[34] See A. V. Loginov Chervenskie goroda (Warsaw, 1985).

[35] Cross, p. 183.

[36] См. Древняя Русь; Н. Полонская. "К вопросу о христианстве на Руси до Владимира", ЖМНП, 71 (1917), 33 - 80; В. А. Мошин. "Христианство в России до Св. Владимира", Владимирский сборник (Beograd, 1938), pp. 1 - 18.

[37] Мошин, там же, с. 17.

[38] Marvazi, pp. 36, 118, 119. История Марвази была повторена Ауфи "Джами ал Хикайат", В. Бартольд, пер. и ред. ВОЗ, 9 (1896), 263 - 265.

[39] Cross, p. 199.

[40] Лучшее описание византийско-русских переговоров 988 г. см. Г. Острогорский. "Владимир Святой и Византия", Владимирский сборник, с. 31 - 40.

[41] Ostrogorsky. Geschichte des byzantischen Staates, pp. 214 - 215.

[42] See G. Vernadsky. "The Status of the Russian Church during the First Half-Century Following Vladimir's Conversion", SEER, 20 (1941), 294 - 314.

[43] Cross, p. 199.

[44] В. Г. Василевский. Труды, III (Петроград, 1915), 96, 97.

[45] Голубинский. История I, Ч. I (2-е изд., Москва, 1901), с. 163 - 182. See also A. H. Krappe. "La chute du paganisme à Kiev", RES, 17 (1937), 206 - 218.

[46] Греческие православные говорят не об уходе "Святой Девы", а о ее "безболезненной кончине" (по-гречески Koimisis, по-русски - успение).

[47] Лучшим изданием "Церковного уложения" Владимира является осуществленное В. П. Бенешевичем -"Памятники древнерусского канонического права". Ч. 2, р. 1, РИБ, XXXVI (Петроград, 1920). Об истории и критике текста см. В. Юшков. "Устав князя Владимира" (Новоузенск, 1926); английский перевод четырех основных разделов "Уложения" смотри: Vernadsky. "Status of Russian Church", SEER, 20 (1941), 306.

[48] Приселков.

[49] Недавно Эрнест Хонигман в своей научной статье "Studies in Slavic Church History", Byzantion, 17 (1945), 128 - 162 выразил свое несогласие с теорией Голубинского, равно как и с моей интерпретацией церковной политики Владимира. Хонигман даже отрицает, что был какой-либо разрыв между Владимиром и Византией в делах Церкви Понимая сложность вопроса, я не могу принять

заключение Хонигмана и попытаюсь рассмотреть проблему еще раз в ближайшем будущем.

[50] Лучшее издание речи Илариона "О законе и благодати" и его "Хвалы" Владимиру осуществлено Пономаревым, I (С.-Петербург, 1894), 59 - 76. Интересный комментарий см.: Д. С. Лихачев. "Национальное самосознание древней Руси" (Москва и Ленинград, 1945), с. 24 - 33.

Глава IV. Киевское государство (990 - 1139 гг.)

[1] Cross, p. 205.

[2] Cross, p. 205.

[3] Там же, p. 210.

[4] Иаков "Житие князя Владимира", в Макарии, I, 255.

[5] Cross, p. 210.

[6] Там же.

[7] Cross, p. 210.

[8] Княжна Анна умерла в 1011 году Согласно Баумгартену Владимир после ее смерти женился еще раз (Baumgarten, "Généalogies", p. 7-8).

[9] Хазарский поход не упоминается в русских источниках, но кратко описывается византийским историком Иоанном Скилица. См. Kedrenus, Historiarum Compendium, II, 464. Кедрин называет русского князя Сфенгусом и считает его братом Владимира. Ясно, что это ошибка, поскольку Мстислав (сын Владимира) в то время был единственным русским князем, который мог воевать с хазарами.

[10] О польской интервенции, кроме русской литературы, см. S. Zakrewski, Boleslaw Chrobry Wielki (Lwow, Warszawa, and Krakow, 1925), p. 297-311.

[11] Cross, p. 224. В русском оригинале Лаврентьевского списка имя записано как Иякун, в Ипатьевском списке - Акун, в древнескандинавском - Хакун. См. Thomsen, p. 131-132.

[12] Там же, с. 225.

[13] В летописи Никона (Полное собрание русских летописей, IX, 79) говорится, что яссы были покорены Ярославом в 1029 году Упоминание имени Ярослава в этом случае - результат ошибки переписчика. Ссылка, явно, на Мстислава.

[14] Cross, p. 225.

[15] Cross, p. 225.

[16] См.W.E.D.Allen, "The Ukraine", pp. 68-70.

[17] Вира - денежная пеня за убийство человека

[18] Cross, p. 226.

[19] М.Грушевский "Три академии", Київскі збірники, I (Киев, 1931 [1930 на титульном листе], 1-14). Три академии, о которых идет речь - училище Ярослава, Киевская Духовная Академия (основанная в семнадцатом веке) и Украинская Академия Наук (основана в 1918 году)

20 В данном случае вира выплачивалась князю.

21 Cross, p 229

22 Существует две русских версии истории русско-византийской войны 1043 года [одна изложена в *Повести временных лет* (Cross, pp. 227-228), другая в Воскресенской летописи (Полное собрание русских летописей,VII, 331)] и три византийских: Иоанна Скилица (см. Kedrenus, цит. раб., II, 551-555), М. Атталиата (*Historia*, pp. 20-21) и Пселла (*Chronographia*, C.Sathas, ed., pp. 129-132; E. Renauld, ed., II, 8-12. См. также: Грушевский, II, 35-37 и 559-560; М. Левченко *История Византии.* М.-Л., 1940, с.190; Chadwick, pp. 104-111.

23 Cross, p 227

24 Тысяцкий - командующией "тысячей", т.е. городским народным ополчением

25 Приселков, с 93-95, 109-111

26 Cross, p 231

27 Д.Г Рохлин "Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава", В.В Гинзбург "Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд"; М.М.Герасимов "Опыт реконструкции физического облика Ярослава Мудрого" Статьи опубликованы в *ИИМ*, 7 (1940), 46-66 и 72-76.

28 Cross, pp 231, 232; см также: Пресняков *Княжее право*, с. 34-42

29 Cross, p 229

30 Там же, с.234

31 См Грушевский, II, с.53

32 Cross, с 265

33 Cross, p 270

34 Cross, с 272

35 Там же, с 310-312

36 Там же, с 278

37 Cross, с 279

38 Там же, с 282

39 Cross, с 282-283

40 Там же, с 283

41 Там же

42 Cross, с 292

43 Cross, с 319

44 Там же

45 Там же

46 Cross, с 320

47 Cross, с 305, 309

48 О поучении Владимира Мономаха см Гл IX

49 Cross, с 305

50 Там же, с 308

51 Там же, с 305

[1] В.О.Ключевский, "Боярская Дума древней Руси", с.13.

[2] Б.Д.Греков, "Киевская Русь", с.35.

[3] П.Н.Третьяков "К истории племен верхнего Поволжья", МИАС, V (1941)

[4] См. Греков, цит. раб., с. 26-31.

[5] См. Н.Я.Аристов, "Промышленность древней Руси", стр. 111-112; М.Д.Хмырев "Металлы, металлические изделия и минералы в древней России", (С.-Петербург, 1875), стр. 18-33, 51-52, 63; М.В.Довнар-Запольский, "История русского народиого хозяйства", I, стр. 248-249; С.Г.Струмилин, "Черная металлургия в России и СССР" (Москва, 1935), стр.113-114; Г.Вернадский, "Iron Mining and Iron Industries in Medieval Russia", *Études dédiées á la mémoire d'André Andreadés* (Athens, 1939), стр. 361-366.

[6] О Германии см. П.А.Сорокин, *Social and Cultural Dynamics* (New York, American Book Company, 1937), III, стр. 343-344. О Венгрии см. S. Szabo, *Ungarisches Volk* (Budapest and Leipzig, 1944), стр. 50-53.

[7] ЭС, XL (1897), 631.

[8] Довнар-Запольский, стр. 57-58.

[9] П.Н.Милюков, "Очерки по истории русской культуры", I (7-е издание, Москва, 1918), стр. 27-28.

[10] П.П.Смирнов, "Движение населения Московского государства", *Русская история*, М.В.Довнар-Запольский, ред.II, стр.67-69.

[11] J.Rutkowski, *Histoire économique de la Pologne* (Paris, 1927), p. 90.

[12] Г.Вернадский *Звенья русской культуры*, I, стр. 25-30. А.И.Яковлев, используя другой метод подсчета, пришел к аналогичным заключениям; см. его книгу *Холопство и холопы в Московском государстве*, I, (М.-Л., 1943), стр. 298.

[13] Cross, pp. 308-309.

[14] Там же, стр. 304

[15] Аристов, *цит. раб.*, стр. 22-23,

[16] О русском земледелии в киевский период см.: *там же*, стр.48-64; А.Петров, *Древнейшие грамоты по истории карпато-русской Церкви* (Прага, 1930), стр. 79-84; J.Kulischer, Russische Wirtschaftsgeschichte, pp.86-88; Греков, цит. раб., стр. 36-50.

[17] Аристов, *цит. раб.*, стр. 64-68.

[18] *Там же*, стр. 40-48; Кулишер, *цит.раб.*, стр. 88-89.

[19] *Правда Русская*, Б.Д.Греков, ред., I, стр. 352-354.

[20] См. Греков, *Киевская Русь*, стр. 86-93.

[21] Аристов, *цит. раб.*, стр. 117-131.

[22] *Там же*, стр. 68-73.

[23] Cross, p. 220.

[24] Аристов, *цит. раб.*, стр. 170-172; Кулишер, *цит. раб.*, стр. 103-105.

[25] Аристов, *цит. раб.*, стр. 183-258; Кулишер, *цит. раб.*, стр. 118-157; см. также

М.Бережков, *О торговле Руси с Ганзеей до конца XV века*; L.K.Goetz, *Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters.*

[26] О льготах князя Всеволода церкви Св. Иоанна (приблизительно 1135 год) см. *Хрестоматия* I, стр. 212-215.

[27] Татищев, II, стр. 88-89; М.Мартынов, "Договор Владимира с Волжскими булгарами 1006 года", *Историк-марксист*, 1941, № 2, стр. 116-117 (недоступно для меня), С.Л.Пештич "О договоре Владимира с волжскими булгарами", *Исторические записки*, 18 (1946), стр. 327-335.

[28] *Хрестоматия*, I, стр. 93-108; L.K.Goetz, *Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters*, стр. 14-72, 231-304.

[29] О русских деньгах и монетарных системах см. И.Прозоровский, Монета и вес в России; граф И.И.Толстой, "Древнейшие русские монеты", РАО, 6 (1893), с 310-382; см также Источники, I,2.

[30] Статья 53А Пространной редакции (Г.Вернадский, перев. "Medieval Russian Laws", p.45)

[31] C.E.Zachariä von Lingenthal, Geschichte des griechischrömischen Rechts (3d ed Berlin, 1892), p. 311 см. также G.Ostrogorsky, "Löhne und Preise in Byzanz", BZ 32 (1932), 293-333.

[32] Н.П.Кондаков, "Русские клады", I.

[33] Хрущевский, III, 344

[34] *Русская Правда*, Греков, ред., I, 354

[35] В.Яковлев, *Памятники русской литературы XII и XIII веков* (Санкт-Петербург, 1872), с. CLXX, CLXXVIII.

[36] С.Н.Прокопович, *Народный доход западноевропейских стран* (Москва и Ленинград, 1930), с 11-12.

[37] П.Н.Савицкий," *Подъем и депрессия в древне-русской истории*", *EX*, 11 (1936) с 65-100.

Глава VI. Социальная организация

[1] Лавр, кол 9

[2] J.P G Ewers. Das älteste Recht der Russen (St.-Petersburg, 1826)

[3] Соловьев, I, 46-55, 88-89, 210-212; II, 1-9.

[4] К.Д. Кавелин. Собрание сочинений, I (Москва, 1889), 63-123.

[5] К.С. Аксаков. Сочинения, I (Москва, 1889), 63-123.

[6] М. Ковалевский. Первобытное право (Москва, 1876); Современные обычаи и древний закон (Москва, 1886); Закон и обычаи на Кавказе (Москва, 1887); Родовой быт, I (С.-Петербург, 1905)

[7] Ф.И. Леонтович. "О значении верви", ЖМНП, 134 (1867), 1-19

[8] А.Е Пресняков. Лекции по русской истории, 1, 51-61

[9] Греков, Указ. соч., с. 51-67; F. Engels. The Origin of the Family, Private Property and the State (London, Lawrence and Wishart, Ltd, 1941)

[10] О задруге, кроме работ Леонтовича, Ковалевского и других, процитированных выше, см K. Kadlec. Rodiný nedíl čilízádruha (Prague, 1898); V. Popović. Zadruga (Sarajeve, 1921) и "Задруга: теория и литература", SZM, 33-34 (1921-22); Z. Vinski. Die Südslavische Grossfamilie (Zagreb, 1938); P.E. Mesely. "The Peasant Family: The Zadruga, The Cultural Approach to History, C.E. Ware, ed. (New Jork, 1940), pp. 95-108.

[11] H. Jireček. Svod zákonův slovanských (Prague, 1880), p. 448.

[12] Ковалевский. Родовой быт, I, 32-33.

[13] Преображенский, II (Москва, 1916), 266-267. О кооперативной ассоциации среди славян см. К. Кадлек "О трудовых ассоциациях у славян", СВБ, с. 125-141.

[14] Г. Ильинский. "Славянские этимологии", РФВ, 69 (1913), 18-22; см. также G. Bonfante "Sabadios - Svoboda le libérateur", Annuaire, 7 (1944), 41-46.

[15] См. Древняя Русь; Греков. Указ. соч. с. 174.

[16] Meillet. Linguistique historique et linguistique générale, с. 272-278.

[17] Преображенский, I, 493-494.

[18] H. Hirt. Indogermanische Grammatik, I (Heidelberg, 1913), 141.

[19] Meillet, op. cit., p. 275.

[20] E. Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch, I (Heidelberg, 1913), 141.

[21] О боярах и свите князя см: Владимирский-Буданов. Обзор, с.25-31, Ключевский. Боярская Дума древней Руси, гл. I-II; И.А. Малиновский. "Древнейшая русская аристократия", СВБ, с. 256-274; Сергеевич. Древности, I, 364-373; Дьяконов. Очерки, с. 74-80.

[22] Thomsen. Origin, p. 128.

[23] Вернадский. Звенья русской культуры, с. 111-112.

[24] Относительно купцов и бюргеров киевского периода см: Владимирский-Буданов. Обзор, с.31-33; Сергеевич. Древности, I, 335-338; Дьяконов. Очерки, с. 89-93.

[25] Относительно смердов см: Владимирский-Буданов. Обзор, с. 33-35; Сергеевич. Древности I, 203-214; Дьяконов. Очерки, с. 93-99; Юшков. Нариси с. 73-95; Греков. Указ. соч., с. 122-142; G. Vernadsky. "Three Notes", SEER, 22 (1944), 85-88.

[26] Medieval Russian Laws, p. 42.

[27] Idem, p. 49, Article 78.

[28] Лавр., кол. 277.

[29] Cross, p. 292.

[30] Idem, p. 272.

[31] ПСРЛ, II, 163.

[32] Относительно закупов см: М.Н. Ясинский. "Закупы Русской Правды и памятники западно-русского права", СВБ, с. 430-465; Сергеевич. Древности, I, 215-225; Дьяконов. Очерки с. 101-103; Юшков. Нариси, с.-53-61; Греков. Там же, с. 113-121.

[33] Medieval Russian Laws, p. 46.

[34] О вдачах см: Греков. Указ. соч., с. 121-122; Vernadsky. "Three Notes", pp. 83-85.

[35] О рабстве в древней Руси см: Владимирский-Буданов. Обзор, с. 391-408;

Сергеевич. Древности, I, 105-159; Дьяконов. Очерки, с. 104-113; Юшков. Нариси, с. 48-53; Греков. Указ. соч., с. 104-110; Vernadsky. "Three Notes", pp. 81-83.

[36] Berneker, op. cit., I, 394; Г Ильинский, "Звук "ч" в славянских языках" АНОРИ, 20, Ч. 4 (1916), с. 141

[37] Medieval Russian Laws, p. 52.

[38] О духовенстве и церковных людях в древней Руси см: Голубинский. История, I, Ч. 1 (2-е изд. Москва, 1901), с. 444-502; 557-588; I, Ч. 2 (Москва, 1904), с 603-689.

[39] Об изгоях см: Владимирский-Буданов. Обзор, с. 390-391; Сергеевич. Древности, I, 298-302; Дьяконов. Очерки, с. 113-116; M. Szeftel. "La Condition juridique des déclassés dans la Russie ancienne."Archives d'histeire du droit Oriental, 2 (Brussels and Paris, 1938), 431-440; Юшков. Нариси, с. 103-106; Греков. Указ. соч., с 142-147; Vernadsky "Three Notes", pp. 88-92.

[40] Хрестоматия, I, 209.

[41] Там же, I, 222-223.

[42] О русском брачном законодательстве и юридическом положении женщины в древней Руси см: Владимирский-Буданов. Обзор, с. 411-468.

[43] Cross, p. 196.

[44] О бродниках см: П. Голубинский. "Печенеги, торки и половцы", КУ, 1883 (ноябрь), 586-604, 1883 (декабрь), 707-708.

[45] См. Древняя Русь.

[46] См. знаменитый анализ Ключевского о истоках "великороссов" в его "Курсе русской истории", I, 361-391

[47] См. Древняя Русь.

[48] See Idem, pp 229-233; A. Brückner Dzieje Kultury Polskiej (Krakow, 1930), I, 405-413.

[49] См. Древняя Русь.

[50] О иудаизме и евреях в древней Руси см.: S.M. Dubnow. History of the Jews in Russia and Poland, I. Friedlaender, tr., I (Philadelphia, The Jewish Publication Society, 1916), 13-18; И. Берлин. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства (Петроград, 1919); Г.М. Барац. О составителях "Повести временных лет" и ее источниках, преимущественно еврейских (Berlin, 1924), reviewed by A. Brückner, ASP, 40 (1926), 141-148; I. Brutskus (J Brutzkus) Pershi zvistki pro Evreev n Polshchi ta na Rusi, "Nankovyi Zbirnyk, 24 (1927), 3-11

[51] Vernadsky "Three Notes", pp. 88-92.

[52] М.Н. Тихомиров. Исследование о "Русской правде", с. 28-29, 49, 51, 54, 55, 61

[53] См.: Д.А. Расовский "О роли черных клобуков в истории древней Руси", SK, I (1927), 93-109; Его же. "Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии", SK, 6 (1933), 1-66; Его же "Русь и кочевники в эпоху Владимира Святого", Владимирский Сборник, с. 149-154; Его же. "Русь. Черные клобуки и половцы в XII веке", БИД, 16/18 (1940), 369-378

[54] G. Vernadsky "Three Notes", pp. 85-88.

[55] См. Medieval Russian Laws, p. 32

[56] Хоп в греческой транскрипции Хοπόν, De Adm., chap. XXXVII, col. 13. См. K. H. Menges."Etymological Notes on Some Pačănăg Names", Byzantion, 17 (1945), 263-264.

[57] См. G. Vernadsky. "Feudalism in Russia", Speculum, 14 (1939), 300-323.

[58] Малая Советская Энциклопедия, 9 (Москва, 1931), кол. 291-292.

[59] И.И. Смирнов. "Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе", Двадцать пять лет исторической науки в СССР (Москва и Ленинград, 1942), с. 96.

Глава VII. Правительство и управление

[1] См. Древняя Русь.

[2] Преображенский, I, 324.

[3] О князе и княжеской власти в Киевской Руси см.: Владимирский-Буданов, Обзор, сс. 36-44; Сергеевич, Древности, II (1908), 150-240; Пресняков, Княжее право.

[4] О правах престолонаследия см.: С. М. Соловьев, История отношений между русскими князьями Рюрикова дома (Москва, 1847); Ключевский, Курс русской истории, I (1918), 203-211; Пресняков, Княжее право, с. 25-157.

[5*] Сноска автора предназначена исключительно для англоязычного читателя.

[6] См.: Барон М. А. Таубе, "Загадочный родовой знак семьи Владимира Святого", Сборник статей, посвященных П. Н. Милюкову (Прага, 1929), с. 117-132, и "Родовой знак семьи Владимира Святого", Владимирский сборник (Белград, 1938) с. 89-112; А. В. Арциховский, "Миниатюры Кенигсбергской летописи", ГА, 14 (1932), № 2, 31.

[7] Владимирский-Буданов, Озбор, с. 44-51; Ключевский, Боярская Дума древней Руси, гл. I-II; Сергеевич, Древности, II, 371-504.

[8] Cross, p. 265

[9] Владимирский-Буданов, Обзор, с. 51-60; Сергеевич, Древности, II, 1-118

[10] ПСРЛ, VII (1856), 117; А. Е. Пресняков, Образование великорусского государства (Петроград, 1918), с. 44.

[11] О княжеской администрации см.: Владимирский-Буданов, Обзор, с. 75-80; Пресняков, Лекции по русской истории, I, 197-207.

[12] См.: Владимирский-Буданов, Обзор, с. 77.

[13] О налогообложении см.: Там же, с. 82-85; Сергеевич, Древности, III (1911), 164-313, и Лекции и исследования, с. 335-349; Пресняков, Лекции по русской истории, I, 205-207.

[14] Преображенский, I, 574-575.

[15] Об организации армии см.: Владимирский-Буданов, Обзор, с. 85-86; Сергеевич, Древности, I (1909), 596-618, и Лекции и исследования, с. 319-331; А. И. Никитский, "Военный быт в Великом Новгороде", Русская Старина, I (2-е изд., 1870), 5-33; Греков, Киевская Русь, с. 187-222.

[16] Cross, p. 224.

[17] Орлов, Библиография, с. 12, 14; Семенов, Россия, IX (С.-Петербург, 1905), 311, 397, 497, 505.

[18] Общий очерк новгородской истории и правления см.: Н. И. Костомаров, Севернорусские народоправства; Иконников, Опыт, II, Часть I, гл. VIII; см. также: Библиография, XVII.

[19] Cross, p. 291

[20] А. И. Никитский, "Очерки из жизни Великого Новгорода, I. Правительственный совет", ЖМНП, 145 (1869), 294-309.

[21] Владимирский-Буданов, Обзор, с. 67.

[22] См. там же, с. 64-65.

[23] Костомаров, цит. соч, I, 241-251.

[24] Юшков, Нарысы, с. 191-197.

[25] Хрестоматия, I, 112-113.

[26] Там же, I, 219-224.

[27] Medieval Russian Laws, p. 47.

[28] См.: Голубинский, История, I, Ч.1, с. 344-363.

[29] О русском монашестве и монастырях в киевский период см. там же, I, Ч. 2, гл. VI.

[30] О ранних русских церковных устоях см.: Владимирский-Буданов, Обзор, с. 93-94; Голубинский, История, I, Ч.1, с. 399-409; Юшков, Устав князя Владимира.

[31] О древнерусских судах и судебном праве см.: Владимирский-Буданов, Обзор, с. 610-629; Medieval Russian Laws, pp. 9-12.

Главв VIII. Русская федерация

[1] См.: Baron M.A. Taube "Études sur le développement historique du droit international dans l'Europe Orientale", Académie de Droit International, Recueil des Cours, 1926, Pt. I, p.404.

[2] Владимирский-Буданов, Обзор, с. 383.

[3] Б. Д. Греков, "Киевская Русь".

[4] См.: Грушевский, II, 152-153; В.Г. Василевский, "Из истории Византии XII века", Труды, IV (Ленинград, 1930), 43-84; G. Vernadsky, "Relation byzantino-russes au XII-e siécle", Byzantion, 4 (1929), 269-276

[5] В советской исторической науке Андрей высоко превозносится как конструктивный лидер и предшественник Ивана Грозного и Петра Великого. См.: Н. Воронин, "Культура Владимиро-Суздальской земли XI-XII веков", Исторический журнал, 1944, № 4, с. 37.

[6] D. Minorsky, "Khaqani and Andronicus Comnenus", BSOAS, 1945, II, 557-559; см. также: Dorn, pp. 388-390, 524-530.

[7] На эту тему нет исчерпывающей монографии. О более раннем периоде (десятый и одиннадцатый века) см.: Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства.

[8] О печенегах и половцах см.: Moravcsik, byzantinoturcica, I, 46-48. (обширная библиография); о печенегах см. также: Разовский, "Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии", СК, 6 (1933), 1-66; Menges, "Etymological Notes on Some Pačänäg Names", Byzantion, 17 (1945), 256-280. О половцах см.: Д.А. Разовский, "Половцы", СК, 7 (1935), 245-262; 8 (1936), 161-182; 9 (1937), 71-85; 10 (1938),155-178; 11 (1939), 95-138. П.В., "Половцы и Русь", Slavia, 16 (1939), 598-601.

[9] Общие сведения о русско-венгерских отношениях см. у Соловьева и Грушевского; библиографию по истории Венгрии см.: Гл. XI, сн. 27.

[10] ПСРЛ, II (1843), 162.

[11] И.А. Линниченко, Русь и Польша до конца XII века. Библиографию по истории Польши см.: Гл. XI, си. 12.

[12] Карамзин, III, 115-116.; Грушевский, III, 11-12. Следует заметить, что у нас нет достоверного текста переговоров между посланниками папы и князем Романом. Единственным свидетельством являются голоса в так называемой "Радзивилловой" хронике. Ответ Романа, таким образом, следует считать легендарным; однако, сама легенда, должно быть, основана на реальном факте - папском посольстве к Роману и его неудаче.

[13] Соловьев, II, 314, предполагает, что эту легенду не следует понимать буквально; по его мнению, Роман просто хотел приучить литовцев к сельскому хозяйству, против чего те возражали. См., однако: Грушевский, III, 16.

[14] О германской экспансии в Ливонии см.: Л.А. Арбузов, Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии (С.-Петербург, 1912), с. 8-41. См. также: Baron M.A. Taube, "Russische und litauische Fürsten an der Düna," JKGS, 11 (1935), 367-502.

[15] Карамзин, III, 192-193; Карамзин, Заметки, III, № 200.

[16] О Тевтонском ордене см.: C. Krollman, Politische Geschichte des Deutschen Ordens in Preussen (Königsberg, 1932); E. Maschke, Poland und die Berufung des Deutschen Ordens nach Preussen (Danzig, 1934); L. Koczy, The Baltie Policy of the Teutonic Order (Toruń, 1936).

[17] Библиографию о сельджуках см. в Гл. XI, си. 121.

[18] А.И. Якубовский, "Рассказ Ибн-аль-Биби о походе малоазийских турок на Судак", ВВ, 25 (1927), 53-76.

[19] ПСРЛ, VII (1856), 129; X (1885), 89.

[20] G. Vernadsky, "Were the Mongol Envoys of 1223 Christians", SK, 3 (1929), 145-148.

[21] Новгородская летопись по Синодальному списку (С.-Петербург, 1888), с.220.

[22] Н.К. Гудзий, История древней русской литературы, с. 172-173.

Глава IX. Русская цивилизация в киевский период

[1] О Св. Кирилле и Мефодии см. *Древняя Русь*. Под "болгарским" языком здесь понимается славянский язык болгар, а не язык их тюркских завоевателей - булгар.

[2] О церковнославянском языке см.: W. Vondrak "*Altkirchenslavische Grammatik*" (2d ed. Berlin, 1912); N.S.Trubetskoy "Altkirchenslavische Sprache" (mimeographed,

Vienna, 1934); N. van Wijk "*Geschichte der altkirchenslavische Sprache*" (Berlin and Leipzig, 1931).

[3] См.:А.С.Никитин, *Историческая грамматика русского языка* (Ленинград, 1941), с. 23-26; Л.А.Вулаховский, *Исторические комментарии к русскому литературному языку* (Харьков и Киев, 1937), с. 50-52. (Этой справкой я обязан Роману Якобсону).

[4] R. Jacobson, "Remarques sur l'evolution phonologique du russe", *Travoux du Cercle Linguistique de Prague*, 2 (1929), 66-76; Prince N.S.Trubetskoy, "Einiges über die russische Lautenwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit", *ZSP*, 1 (1925), 287-319; см. также: Обнорский С.П. *Очерки по истории Русского литературного языка старшего периода.*

[5] F.Miklosich, "Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäschen Sprachen", *AWV*, 34, 35, 37, 38, (Vienna, 1884-90); П.Мелиоранский, "Турецкие элементы в Слове о полку Игореве", *Изеестия* Общества Русского языка и словесности АН, 7, часть 2 (1903) стр. 273-302; L.Wanstrat, *Beiträge zur Charachteristik des russischen Wortschatzes* (Leipzig, 1933). См. также: Р. Якобсон, *К характеристике евразийского языкового союза* (Прага, 1931).

[6] См.: *Древняя Русь,*

[7] Н.К.Никольский дает еще большую цифру - семьдесят пять тысяч - но он включает сюда южнославянские рукописи, обнаруженные в русских библиотеках. Н.К.Никольский "Русская книжность древнерусских библиотек (XI-XVII веков)", ОЛДП, CXXXII (без даты; прим. 1907).

[8] *Russian Fairy Tales* (New York, Pantheon, 1945), стр. 632-633.

[9] См.: М.С.Крюкова *Новины* (Москва, 1939) и *Старины* (Москва, 1943); М.Р.Голубкова *Два века в полвека* (Москва, 1946).

[10] М.Сперанский *Русская устная словесность*, с. 363.

[11] П.К.Симони "Великорусские песни, записанные в 1619-1620 годах для Ричарда Джеймса" АНОРС, 82, (1907). См. также: S. Konovalov, *Oxford and Russia* (Oxford, clarendon Press, 1947), pp. 9-10. E.J. Simmons, *English Literature and Culture in Russia* (1553-1840) (Cambridge, Harvard University Press, 1935), p. 35.

[12] Обзор истории русской народной прозы см.: Сперанский, *цит. раб.*, стр. 5-178. О фольклоре киевского периода см.: *История Русской литературы*, I, А.С. Орлов, В.П. Адрианова-Перетц и Н.К. Гудзий, (М.-Л., 1941) стр. 216-256 (далее цитируется как *История Русской литературы*).

[13] О русской народной песне см.: С.Рубаков "Русская песня", Энциклопедический словарь, Брокгауз-Ефрон (С.-Петербург, 1899), с. 310-321; Т.В.Попова "Русская народная песня", *История русской музыки*, М.С.Пекелис, ред., I (М.-Л., 1940), 7-65.

[14] Литературы о русской былине много. Краткий обзор былин см.: Сперанский, *цит. раб.*, с. 178-328. Среди важных монографий по вопросу особо см.: И.Жданов, *Русский былевой эпос*; В.Ф.Миллер, *Очерки Русской народной словесности*; А.П.Скафтимов, *Поэтика и генезис былин*. См. также: Библиография, XI. О русской эпической поэзии см.: Prince N.Trubetskoy "W sprawie wiersza byliny rosyjskiej", *Z Zagadnien poetiki*, 6 (Wilno, 1937), 100-110; R.Jakobson (вступительная статья).

[15] См. особо: В.В.Стасов "Происхождение русских былин", *Собрание сочинений*, III (С.-Петербург, 1894), 948-1259. В 1924-25 и 1925-26 годах Н.Н.Мартинович прочел в Колумбийском университете курсы лекций " Восточные корни и влияния в древнерусской эпической поэзии" и "Восточные элементы в древнерусской эпической поэзии" (еще не опубликовано).

[16] В.Ф.Миллер *Экскурсы в область русского народного эпоса;* см. особо: Приложение I, "Кавказско-русские параллели". G.Dumezil подвергает сомнению обоснованность проводимых Миллером параллелей между героями осетинских легенд и русских былин, однако даже он признает большое сходство осетинского Мукара и русского Святогора, см.: G.Dumezil, *Legendes sur les Nartes* (Paris, 1930). Note V, "Entre la Perse et la Russie", pp. 200-209.

[17] Сперанский, *цит. раб.*, с. 392-432.

[18] *История русской литературы*, I, 235.

[19] О древнерусской музыке см.: Н.Финдейзен, *Очерки по истории музыки в России*, I; М.С.Пикелис, ред., *История русской музыки*, I, гл. I-II.

[20] Князь Н.С.Трубецкой, *К проблеме Русского самопознания* (Prague, 1927), p. 29.

[21] Nina Vernadsky, "The Russian Folk-Song", *Russian Review*, 3 (1944), 94-99; Рубаков, *цит. место;* Попова, *цит. место.*

[22] Финдейзен, *цит. раб.*, I, 30.

[23] Церковные колокола появились на Руси примерно в середине одиннадцатого века в результате западного влияния. Их средняя величина в Киевский период была небольшой. См.: Голубинский, *История*, I, часть 2, (2-е изд. Москва, 1904), с.151,152.

[24] О древнерусском церковном пении см.: Финдейзен, *цит. раб.*, I, с. 80-103. Работы М.Бражникоэа недоступны для меня (см. о них: Игорь Бэлза "Истоки русской музыки", *Советское искусство*, Август 3, 1945)

[25] П.Н.Сакулин, *Русская литература, I, с. 181-182.*

[26] О скоморохах см.: Финдейзен, *цит. раб.*, с. 145-170.

[27] О византийском театре см.: G.La Piana, *Le rappresentazioni sacre nella litteratura bizantina* (Grotta Ferrata, 1912); V.Cottas, *Le Théâtre á Byzance* (Paris, 1931). О театре в России см.: B.Malnick, "The Origin and Early History of the Theatre in Russia", SEER, 19, 203-227.

[28] Nicholas Martinovitch, *The Turkish Theatre* (New York, Theatre Arts, Inc., 1933), and "The Turkish Theatre: the Missing Link", *Moslem World*, 34 (1944), 54-55.

[29] Cottas, *op. cit.*, p. 45.

[30] Финдейзен, *цит. раб.*, I, 147. О развитии русского театра кукол с 1636 года, года в котором немецкий путешественник Адам Олеариус увидел "петрушку" в Москве, см.: В. Перетц "Кукольный театр на Руси" *Ежегодник Императорских театров*, 1894-95, I, с. 85-185.

[31] Constantine Porphyrogenitus, *De Cerimoniis Aulae Byzantinae*, pt.II, chap.XV in PG.

[32] В.Коттас ошибается, утверждая что славянский вариант Триоди появился в России только в конце четырнадцатого века (Cottas, *цит. раб.*, p. 144). В русских

библиотеках существуют списки этого произведения, датируемые одиннадцатым и двенадцатым веками. См.: Макарий, II, (3-е изд., 1889), 240.; III (3-е изд., 1888), 116-117.

[33] А.И.Некрасов, *Очерки по истории древнерусского зодчества XI-XVII веков*, с. 18.

[34] О русских храмах Киевского периода, кроме общих работ по русскому искусству, перечисленных в Библиографии, см.: S.N.Cross, H.V.Morgilevski and K.J.Conant, "The Earliest Medieval Churches of Kiev", *Speculum, II* (1936), 477-499; *K.J.Conant*, "Novgorod, Constantinopole, and Kiev in Old Russian Church Architecture", SEER, *22* (1944), 75-92; и Некрасов, *цит. место*. А.И.Некрасов, *Древнерусское изобразительное искусство*, цитируется Conant, *цит. раб.*, p. 90, недоступен для меня.

[35] Conant, *цит. раб.*, p. 82. Cross, Morgilevsky, and Conant, *цит. раб.*, p. 488.

[36] Conant, *цит. раб.*, p. 87.

[37] См. предположительную реконструкцию Conant, *цит. раб.*, p. 78.

[38] Некрасов, *Очерки по истории древнерусского зодчества XI-XVII веков*, с.38.

[39] Обзор всех церквей, построенных в киевский период см.:Голубинский, *История*, I, (2-е изд., Москва, 1904), с.1-161.

[40] Некрасов, *цит. раб.*, с. 76-77.

[41] О суздальских церквях, кроме общих работ по истории русской архитектуры, см.: И.И.Толстой и Н.П.Кондаков, *Русские древности*, VI, (С.-Петербург, 1899); Fannina W. Halle, *Die Bauplastic von Wladimir Ssusdal*; Некрасов, *цит. раб.*, с. 99-140.

[42] См. там же, с. 112.

[43] ПСРЛ, I, Факс. 2 (2-е изд. Ленинград, 1926).

[44] Толстой и Кондаков, *цит. раб.*, VI, 6-11, 48-58.

[45] Conant, p. 90.

[46] *История русской литературы*.

[47] О русской скульптуре киевского периода см.: Н.Н.Врангель "История скульптуры", И.Грабарь, *История русского искусства*, V, 9-14; Толстой и Кондаков, VI; *История русской литературы*, I, 27, 29, 30, 37, 38.

[48] О русской живописи киевского периода, кроме общих работ по русскому искусству, см.: Кондаков, "*Русская икона*", на английском языке опубликован сокращенный вариант этой работы: N.P.Kondakov, *The Russian Icon*. Дополнительную литературу см.: Библиография, XII.

[48a] См. Cross S.H., "The Mosaic Eucharist of St.Michael's (Kiev)",ASEER, 6, Nos.16/17 (1947), 56-61.

[49] Толстой и Кондаков, *цит. раб.*, V (С.-Петербург, 1897), 101-145; Кондаков, *Русские клады*, I, 83-144.

[50] *См.* Древняя Русь.

[51] Н.В.Малицкий, "Древнерусские культы сельскохозяйственных святых", Известия Государственной академии истории материальной культуры, XI, № 10 (1932).

[52] Кроме общих историй Русской Церкви, а также общих историй русской литературы, приведенных в Библиографии см.: Gerge P.Fedotov, The Russian Religios Mind: Kievan Christianity.

[53] *О проповедях Кирилла см.: Пономарев, I (С.-Пб., 1894), 126-198.*

[54] *Пономарев, I, 76-78.*

[55] *Cross pp. 312, 313.*

[56] *О канонизации русских святых см.: Е.Е.Голубинский* История канонизации святых в Русской церкви.

[57] *Текст "Жития Феодосия" издан А.А.Шахматовым и П.А.Лавровым в* Чтении, *1899, Ч. 2.*

[58] *Д.И. Абрамович, ред.,"Жития св. Бориса и Глеба; службы им"*, Памятники древнерусской литературы, II *(Петроград, 1916). О Борисе и Глебе см.: Федотов (как в сноске 52). с. 94-110.*

[59] *"Хождение Богородицы по мукам" в Н.Тихонравов* Памятники отреченной русской литературы, *(Москва, 1863), II, 23-30.*

[60] *Тексты поучений Феодосия см. в: Пономарев, I, 33-43. О Феодосии см.: Федотов,* цит. раб., *110-131.*

[61] *О богомилах см.: F.Racki, "Bogomili i Patareni"*, Rad Jugoslavenske Akademije, *7 (1869), 48-179; 8 (1869), 121-187; 10 (1870), 160-263; Zlatarski,* Istoriia na Bulgarskata Drzhava prez Srednite Vekove, *I, Pt. 2, pp. 551-559; II (Sofia, 1934), 352-366; V.N.Sharenkoff,* A Study of Manichaeism in Bulgaria *(New York, Columbia University Press, 1927); D. Obolensky, "The Bogomils,"* Eastern Churches Quarterly, *October-December, 1945, reprint, pp. 1-23.*

[62] История Русской литературы, I, 83-86.

[63] Cross, *pp. 239-244.*

[64] *О римской церкви и римском католицизме в Киевской Руси см.: W. Abraham,* Powstanje organizacji kościoła lacinskiego na Rusi *(Lvov, 1904); Hrushevsky, III, 298-301; М. Шайтан "Германия и Киев в XV веке"*, 3, *34, (1927), 23-26.*

[65] *Об отношениях между русской Церковью и романским католицизмом в киевский период см.: Голубинский,* История, *I, (2-в изд. Москва, 1904), с. 588-603; Baumgarten, "Chronologie des terres russes du X au XIII siecle,"* ОС, *№ 58 (1930); B.Leib* Rome, Kiev et Byzance fa la fin du XI siecle.

[66] *Так называемая "историческая"* Палея *опубликована в* Чтении, *1881, Ч. I, под редакцией А.Н.Попова;* Палея *с комментариями* (толкованиями) *в* ОЛДП, *№ 93 (1892).*

[67] *А.Н.Веселовский,* Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине *(С.-Петербург, 1872); 2-е изд. Веселовский,* Собрание сочинений, *VIII, [Петроград, 1921]); Тихонравов,* цит. раб., *I, 254-258.*

[68] *Греческий текст "Варлаама и Иосафа" см.: Migne, J.P.,* PG. *XCVI. Первая из сохранившихся рукописей датируется шестнадцатым веком, но стиль свидетельствует, что перевод был сделан гораздо раньше. Русский текст впервые опубликован в Москве в 1680 году.*

[69] *"Повесть об Акире Премудром" была переведена на славянский в одиннадцатом веке. Самый ранний из ее дошедших до нас списков датируется пятнадцатым*

столетием. См. А.Д.Григорьев "Повесть об Акире Премудром", UW, 1913, Ч. 4; Сакулин, цит. раб. *I, 118.*

[70] *В.М. Истрин,* Александрия русских хронографов *(Москва, 1893).*

[71] *Henry Grégoire,* Digenis Akritas *(New York, The National Herald, 1942) (in Modern Greek); М.Н.Сперанский, "Девгениево деяние",* АНОРС, *99, № 7 (1922).*

[72] *H. Gregoire, R.Jakobson,* et al., *"La Geste d'Igor",* Annuaire, *8 (1948); А.С.Орлов,* Слово *о* полку Игореве*; В.Перетц,* Слово *о* полку Ігоревім *(Киев, 1926).*

[73] П.П.Миндалев, Моление Даниила Заточника (Казань, 1914); Н.Н.Зарубин, ред., "Слово Даниила Заточника", Памятники древнерусской литературы, III (Ленинград, 1932).

[74] Cross, pp. 301-309; Н.Н.Шляков, "О поучении Владимира Мономаха", ЖМНП, 329 (1900), 96-138, 209-258; И.М.Ивакин, *Князь Владимир Мономах и его поучение,* I (Москва, 1901); М.П.Алексеев, "Англо-саксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха", ОДРЛ, II (1935), 39-80; А.С.Орлов, *Владимир Мономах* (Москва, Ленинград, 1946).

[75] ПСРЛ, IX, 79 (1029 и. э.).

[76] Голубинский *История,* I, Ч. I, с. 871-880. См. также: A.Wanczura, *Szkolnictwo w starej Rusi.* Следует отметить, что позже, в своей статье по "тарифографии", Голубинский был вынужден признать, что недооценил уровень русского образования в Киевский период. См. Раздел 10, ниже.

[77] Татищев, II, 138. Ср. Голубинский, *История,* I, Ч. I, с. 873.

[78] Татищев, III, 238,239.

[79] *Там же,* III, 416.

[80] Соболевский, *цит. раб.,* с. 5.

[81] Там же.

[82] Г.Флоровский, *Пути русского богословия,* с. 1.

[82] А.С.Архангельский, *К изучению древнерусской литературы* (С.-Петербург, 1888), и *Творения отцов Церкви в древнерусской письменности,* I-IV (Казань, 1889-1890) (недоступно для меня); Голубинский, *История,* I, Ч. 4, с. 880-924.

[84] См. А.И.Соболевский, "Два слова о древних церковно-славянских переводах с латинского", АНОРИ, 2 (1904), Ч. 4, с. 401-403, и *Жития святых в древнем переводе на церковно-славянский с латинского языка* (С.-Петербург, 1904). См. Также А.В.Флоровский, *Чехи и Восточные Славяне,* I (Prague, 1935), III.

[85] Тихонравов, *цит. раб.,* II, 23.

[86] Опубликовано в *Чтениях,* 1877, Ч.4.

[87] *Изборник* 1073 года опубликован в ОЛДП, 1880; см. также *Чтения,* 1883, ч. 4.

[88] Н.Скабаланович, "Византийская наука и школы в XI веке", *Христианское чтение,* 1884, Ч. 1, с. 344-369, 730-770; М.Сперанский, *Переводные сборники изречений в Славяно-Русской письменности* (Москва, 1904), с.64.

[89] Х.М.Лопарев, ред., "Послание Митрополита Климента", *Памятники Древней Письменности,* XC (С.-Петербург, 1892); Н.К.Никольский *О литературных трудах Климента Смолятича.*

[89] См. М.В.Шахматов и Д.Чижевский, "Платон в древней Руси", РИОП, 2 (Прага, 1930), 49-81.

[91] В.Семенов, ред., "Древняя русская Пчела", АНОРС, 54, №4 (1893); Сперанский, *Переводные сборники изречений славяно-русской письменности*, с. 155-328.

[92] А.А.Шахматов *Разыскания о составе древнерусских летописных сводов* (С.-Петербург, 1908), также *Повесть еременных лет*, I, и "Повесть временных лет и ее источники", ОДРЛ, 4 (1940), 11-150. См. также: М.Д.Приселков, *История русского летописания XI-XV веков* (Ленинград, 1940).

[93] М.Д.Приселков, *Нестор Летописец* (Петроград, 1923).

[94] С.А.Бугославский, "К вопросу о характере и объеме литературной деятельности Нестора", АНОРИ, 1914, Ч. I, 3.

[95] См. Источники, III, 1.

[96] Иоанн Малала, *Хронография*, Славянский перевод, В.М.Истрин, ред., АНЗИ, Сер. 8, Т. I, № 3 (1897), НУИФ, Одесса, 10 (1902), 13 (1905), 17 (1913); АНОРС, 89, № 3 (1911), № 7 (1912); 90, № 2 (1913); 91, № 2 (1914). О славянском переводе *Хронографии* Г.Синкелла см. В.М.Истрин, ред., *Хроника Георгия Амартола* (Ленинград, 1920-30. В 3-х томах), II, 286-289, и M.Weingart, *Byzantské kroniky v literature cirkevneslovanské*, I, 52-54. Славянский перевод "Хроники" Г.Мниха издан Истриным, *Хроника Георгия Амартола*. О славянском переводе Флавия см. V.M.Istrin and A.Vaillant, ed., *La Prise de Jerusaleme de Josephe le Juif* (Paris, 1934-38. 2 vols.).

[97] См. Г.Вернадский, "Византийские учения о власти царя и патриарха", (Прага, 1926), стр. 143-154. Г.Острогорский, "Отношение церкви и государства в Византии", *Seminarium Kondakovianum*, 4 (1931), 121-134.

[98] О русской политической мысли киевского периода см. В.Вальденберг, *Древнерусские учения о пределах царской власти*, (Петроград, 1916); М.В.Шахматов, *Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти*, I-II.

[99] Послание Иакова опубликовано в Макарии, II, 324-327.

[100] Семенов, цит.раб., стр.104, по Платону *Republic*, V, 18 (473); *ср. Republic*, VII, 5 (520).

[101] ПСРЛ, I, ч. 2 (2-е изд. 1927), 377, 378.

[102] Plato, *Leges*, p. 683 E.

[103] Семенов, *цит. раб.*, с. 49-50; ср. Шахматов, *Записки* Русского исторического общества в Праге 2 (Prague, 1930) с. 66-67.

[104] П.А.Лавров, "Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности", *Труды Славянской Комиссии*, I (Ленинград, 1930), 196-198. Английский перевод и комментарии см. R.Jakobson, "The begginnings of National Self-Determination in Europe", *Review of Politics*, January, 1945.

[105] Пономарев, I, 67; Jakobson, *цит. раб.*, с. 39.

[106] С.Г.Вилинский, *Сказание черноризца Храбра* (Одесса, 1901); Лавров, *цит. раб.*, с. 162-164. J.Vašic, *Mnicha Chabra Obrana Slovanského Pisma* (Brno, 1941).

[107] Е.Е.Голубинский, "Вопрос о заимствовании домонгольскими русскими от греков так называемой скедографии", АНОРИ, 9, Ч. 2 (1904), с.49-59.

[108] См. Н.Суворов, *Учебник церковного права* (4-е изд., Москва 1912), с. 139-152, 170-172. См. Источники, II. 2. С.

[109] A.Albertoni, *Per una esposizione del dirrito Bizantino* (Imola, 1927), pp. 143-164.

[110] T.Saturnik, *Příspévky šiřeni Byzantského práva u Slovanů*, pp. 143-164.

[111] О *Русской Правде*, см. М.Н.Тихомиров, *Исследование о Русской Правде*; из более ранней литературы, L.K.Goetz, *Das russische Recht*. Лучшее издание текстов см. Б.Д.Греков, ред. *Правда Русская*, I. Англ. перев., *Medieval Russian Laws*, pp. 26-56.

[112] С.В.Юшков, ред., *Русская Правда*, стр. 137-168.

[113] Славянские переводы "Христианской топографии" и "Физиолога" опубликованы Обществом любителей древней литературы; см."Книга глаголемая Козьмы Индикоплова", ОЛДП, № 86 (1886), и "Физиолог", А.Корнеев, ред., ОЛДП, № 92 (1890). См. также А.И.Соболевский "Материалы и исследования", АНОРС, 88, № 3 (1910), стр. 168, 169, 173.

[114] В.В.Бобунин, "Состояние математических знаний в России до XVI века", *Журнал министерства народного просвещения*, 232 (1884), 183-209.

[115] ЭС, LV, 724.

[116] Д.О.Святский, "Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения", АНОРИ, 20 (1915), часть 2, стр. 197-288.

[117] Соловьев, III (Москва, 1854), 43-44.

[118] Об арабской медицине раннего средневековья см. G.Sarton, *Introduction to the History of Science* (Baltimore, Carnegie Institution of Washington, 1931, 2 vol.); об армянской медицине в двенадцатом веке см. vol. II, pt. 1, pp. 136, 306, 441, 442.

[119] *Medieval Russian Laws*, pp. 27, 39.

[120] О русской "народной медицине" см. Г.Попов, *Русская народная медицина* (С.-Петербург, 1903); Н.Высоцкий, "Очерки нашей народной медицины", МАИЗ, 17, (1911), 1-168; Zelenin, *Russische (ostslavische) Volkskunde*, pp. 256-258.

[121] См. Н.П.Барсов, *Очерки Русской исторической географии*.

[122] См. P.N.Savitsky, "Literatura fakta v Slove o Polku Igoreve", *Sveslavenski Zbornik* (Zagreb, 1930), pp. 344-354.

[123] См. А.Спицын, "Тмутараканский камень", ОРСАТ, XI, (Петроград, 1915); см. Орлов, *Библиография*, № 1, с. 1-2.

[124] М.А.Веневитинов, ред., "Житие и Хождение Даниила", *Православный Палестинский Сборник*, №№ 3, 9 (С.-Петербург, 1883-5). Ср. C.R.Beazly, *The Dawn of Modern Geography*, II, (London, 1901), 155-174.

[125] Х.М.Лопарев, ред., "Книга Паломника Антония Новгородского", *Православный Палестинский Сборник*, № 51, (С.-Петербург, 1899). Ср. Beazley, *цит. раб.*, II, 214, 215, 126. Там же, II, 162.

[126] Там же, II, 162.

[127] См. Н.П.Кондаков, *Византийские церкви и памятники Константинополя* (Одесса, 1887), с.73-74; ср. Д.В.Айналов, "Примечания к тексту книги Паломник Антония Новгородского", ЖМНП, Новые Серии, 3 (1906), 233-276, и 18 (1908), 81-106.

[128] Т.Райнов, *Наука в России XI-XVII веков*, с. 29.

[129] Там же, с. 30.

[130] Там же, с. 31.

[131] Там же, с. 32.

[132] ПСРЛ, II, 129.

[133] См. Мелиоранский, *цит. раб.*, с. 296-301.

[134] ПСРЛ, II, 59 (1151 н.э.).

[135] Радзивиловская летопись, ОЛДП, CXVIII (1902), ин-фолио 1896.

[136] *Полное собрание русских летописей*, II, 146; М.В.Довнар-Запольский, **История** русского народного хозяйства, I, 264.

Глава X. Быт

[1] См. Древняя Русь.

[2] О древнерусском жилище см. Аристов, стр.84-85; С.К.Шамбинаго, "Древнерусское жилище по былинам", *Юбилейный сборник в честь В.Ф.Миллера* (Москва, 1900), стр.129-149.

[3] О тереме см.Аристов, стр.85; К.А.Иностранцев "О тереме в древне-русском и мусульманском зодчестве", ОРСАТ, IX (1913), 35-38; В.Ф.Ржига, "Очерки из истории быта домонгольской Руси", ИМТ, V (1929), 9. Чадвик, стр. 29, 36, 77, 81, 90.

[4] Аристов, стр. 119.

[5] Там же, стр. 138-142. См. также П.Саввайтов "Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора" (Санкт-Петербург, 1896), под словом "корзно" и "коч".

[6] "Изборник" Святослава 1073 года был издан Обществом любителей русской литературы, ОЛДП, LV, (1880). Следует отметить, что если четыре сына Святослава отчетливо изображены на миниатюре, то у пятого можно разглядеть только меховую шапку над изображением жены Святослава. Некоторые ученые, включая Н.П.Кондакова, считают эту шапку частью головного убора княгини. Однако под миниатюрой есть подпись, содержащая имена всех пяти княжичей, значит они все должны быть изображены, и, таким образом, упомяиутая меховая шапка должна рассматриваться, как принадлежащая одному из княжичей, а не его матери.

[7] Н.П.Кондаков, *Изображения русской княжеской семьи* (Санкт-Петербург, 1906), стр. 40. Книга А.В.Арциховского (см. Библиография, XII) мне недоступна.

[8] См. Граф А.А.Бобринский "Киевские миниатюры XI века", РАО, 12 (1901), стр.351-171; Кондаков, та же стр.; Щепкин, "Миниатюры в русском искусстве дотатарского периода", *Славия*, 6 (1928), стр. 742-757.

[9] Аристов, *цит. раб.*, стр. 141. См. также И.И.Срежневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, III, "Сарафан", стр. 262-263.

[10] См. Аристов, *цит. раб.*, стр. 141, 142, 148.

[11] См. Н.П. Кондаков, *Русские клады*, I; Ю.В.Готье, *Железный век в Восточной Европе*, стр. 235-239.

[12] Аристов, *цит. раб.*, стр.160.

[13] О пище и напитках древних русских, см. Аристов, *цит. раб.*, стр.73-80; Ржига, *цит.раб.*, гл. III.

[14] Так называемое *Вопрошание Кириково*, адресованное Новгородскому епископу Нифонту, содержит интересный материал для изучения дилемм священнослужителей по поводу надлежащего отношения к пище. Этот ценный документ опубликован в РИБ, VI (1880). Как мы знаем, Кирик был также ученым-математиком (см. Гл. IX, раздел 2).

[15] "Вопросник Кирика", Русская историческая библиотека, VI, 32.

[16] Аристов, *цит. раб.*, стр. 77; Срежневский, *цит. раб.* II, 933 под словом "пирог".

[17] Cross, p.184

[18] См. Древняя Русь.

[19] Cross, p. 209.

[20] ПСРЛ, II (1843), 27.

[21] Cross, p. 210.

[22] Там же, стр. 139 (формулировки в переводе несколько изменены).

[23] Там же, стр. 260.

[24] РИБ, VI, 34.

[25] Соловьев, III (Москва, 1853 г.), 8.

[26] Лаврентьевская летопись, 13.

[27] Эклога.

[28] Соловьев, *цит. место.*

[29] Владимирский-Буданов, "Обзор", стр. 436-438.

[30] Соловьев, II, 10, 11.

[31] Cross, p. 306.

[32] Соловьев, III, 10.

[33] ПСРЛ, II, 46.

[34] Cross, p. 264.

[35] Соловьев, III, 43.

[36] Там же, III, 42, 43; Аристов, *цит. раб.*, стр. 81-82.

[37] Соловьев, III, 35, 36; Аристов, стр. 245.

[38] Соловьев, III, 40, 41.

Глава XI. Русь и внешний мир в киевский период

Владимирский-Буданов, Обзор, с. 385. О Wildfangrecht см. R. Schröder, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte (4-е изд., Leipzig, 1902) pp. 808, 844, n. 4. О "береговом праве" см. Schröder, pp. 533 - 534; G. Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, VIII (Kiel, 1878), 275; E. Mayer, Deutsche und französische Verfassungsgeschichte, I (Leipzig, 1899), 102 - 103.

[2] Об истории и цивилизации славян см.: L. Niederle, SS, и Život starých Slovanů (Prague, 1911 - 1934). 3 vols.

[3] См.: G. Moravcsik, Byzantinoturcica, I, 58 - 64.

[4] О румынском языке см.: H. Tiktin, "Die Rumänisch Sprache", Grundfiss der Romanischen Philologie, G. Gröber, ed., I (Strassburg, 1906), 564 - 607; J. A. Candrea-Hecht, Les Éléments Latines de la langue roumaine (Paris, 1902); K. S. Jensen, "Die nicht lateinischen Bestandteile im Rumänischen", Grundriss der Romanischen Philologie, G. Gröber, ed., I, 524 - 534; A. Rosetti, Istoria limbii Române (Bucharest, 1938 - 1940). 3 vols. (рецензия G. Bonfante, Language, 18 [1942], 287 - 292); S. Puscariu, Die Rumänische sprache, I (Leipzig, 1943) (Я признателен профессору Бонфанту за эту отсылку). См. также: G. Bonfante, "L'Origine des langues romanes", Renaissance, I (1943), 573 - 588.

[5] Об истории румын см: Н. Борецкий-Бергфельд, "История Румынии" (С.-Петербург, 1902); N. Jorga (Sorga), Histoire des Roumaines et de Leur civilisation (Paris, 1920); N. Banescu, Historical Survey of the Rumanian People (Bucharest, 1926); R. W. Seton-Watson, A History of the Roumanians (Cambridge, Cambridge University Press, 1934).

[6] См. Древняя Русь, Гл. VI, 6 и 7; Гл. VII, 7 - 9; и Гл. VIII, 7.

[7] Об истории сербов см.: K. Jireček, Geschichte der Serben, I (Gotha, 1911); S. Stanojevic, Istorija Srpskogo naroda (3-е изд., Beograd, 1926).

[8] Об истории Хорватии см.: F. Šišić, Pregled povijesti Hrvatskogo naroda (Zagreb, 1916); N. Tomašić, Fundamente des Staatrechtes des Königreichs Kroatien (Zagreb, 1918); J. Horvat, Politička povijest Hrvatska (Zagreb, 1936). H. Gregoire, "L'Origine et le nom des Croates et des Serbes", Byzantion, 17 (1945), 88 - 118.

[9] G. Vernadsky, "The Beginnings of the Czech State", Byzantion, 17 (1945), 315 - 328.

[10] Древняя Русь, Гл. VIII, 6; см. также: G. Vernadsky, "Great Moravia and White Chorvatia", JAOS, 65 (1945), 257 - 259; N. N. Martinovitch, "Zhupan, the Ruler in White Chorvatia", JAOS, 67 (1947), p. 61; G. Vernadsky, "Note on Zhupan", JAOS, 67 (1947), p. 62.

[11] Об истории чехов см.: V. Novotný, České Dějiny, I, Pts 1 - 3 (Prague, 1912-28); V. Novotný, ed., Československá Vlastivêda, IV (Prague, 1932); K. Krofta, A Short History of Czechoslovakia (London, Williams & Norgate, 1935); S. H. Thomson, Czechoslovakia in European History (Princeton, Princeton University Press, 1943); R. W. Seton-Watson, A History of the Czechs and Slovaks (London and New York, Hutchinson & Co., 1943).

[12] Об истории Польши см.: В. Грабенский, История польского народа, рус. пер. Н. Ястребов (С.-Петербург, 1910); A. Brückner, Dzieje kultury Polskiej, I; R. Grodecki, S. Zachorowski и J. Dabrowski, Dzieje Polski sredniowiecznej (Krakow, 1926), I; Z. Wojciechowski, Mieszko I and the Rise of the Polish State (Torun and Gdynia, 1936); O. Halecki, A History of Poland (2nd ed. New York, Roy, 1943).

[13] Сорбы известны также как сербы, хотя они не тождественны балканским (югославским) сербам. Чтобы избежать любых возможных недоразумений, я буду использовать название "сорбы", когда речь пойдет о полабских славянах, и "сербы", - применительно к этому балканскому народу. О балтийских и полабских славянах см.: А. Гильфердинг, Собрание сочинений, IV (С.-Петербург, 1874);

И. Первольф, Германизация балтийских славян (С.-Петербург, 1876); Д. Н. Егоров, Колонизация Мекленбурга в XIII веке (Москва, 1915); Niederle, SS, III (2d. ed. Prague, 1927).

[14] См. Древняя Русь.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] См. G. Vernadsky, "Svantovit, Dieu des slaves Baltiques", Annuaire, 7 (1944), 339 - 356.

[18] Saxo Gramaticus, Gesta Danorum, A. Holder, ed., p. 567.

[19] По истории Болгарии см.: V. Zlatarski, Istoriia na Bulgarskata Drzhava prez Srednite Vekove, I - II (Sophia, 1918-34); см. также S. Runciman, A History of the First Bulgarian Empire (London, G. Bell, 1930).

[20] См.: М. Н. Сперанский, "К истории взаимоотношений русской и юго-славянской литератур", АНОРИ, 26 (1923), 143 - 206.

[21] Там же, с. 176 - 178; см. также: Голубинский, История, I, Часть 2, с. 741 - 745; Г. А. Ильинский, "Значение Афона в истории славянской письменности", ЖМНП, 18 (1908), 1 - 41.

[22] Baumgarten, "Généalogies", IX (1927), 23, 71.

[23] См. Древняя Русь.

[24] О роли Сазавского монастыря в истории славянской письменности см.: А. В. Флоровский, Чехи и восточные славяне, I (Прага, 1935), 127 - 129, 142; V. Chaloupecký, Prameny X stoleti (Prague, 1939), chap. 8; R. Jakobson, Moudrost Starých Čechů (New York, Československý Kulturný Kroužek, 1943), pp. 65 - 67.

[25] Gy. Moravczik, "Byzantine Christianity and the Magyars in the Period of their Migrations", ASEER, 5, Nos. 14, 15 (1946), pp. 29 - 45, and "The Role of the Byzantine Church in Medieval Hungary", в печати в ASEER.

[26] К. Грот, "История Венгрии", ЭС, Полутом X (1892), с. 890.

[27] Об истории Венгрии см.: Грот, Моравия и мадьяры, и Из истории Угрии и славянства в XII веке (Варшава, 1889); Н. Борецкий-Бергфельд, История Венгрии (С.-Петербург, 1908); E. Malynsz, Geschichte des ungarischen Volkstums (Budapest, 1940); B. Hóman, Geschichte des ungarischen Mittelalters (Berlin, 1940) (неприемлемо для меня); D. G. Kosary, A History of Hungary (Cleveland and New York, The Benjamin Franklin Bibliophile Society, 1941); Moravcsik, Byzantinoturcica, I, 58 - 64.

[28] Флоровский, цит. соч., с. 111.

[29] Там же, с. 128, 151; Chaloupecký, op. cit., 435 - 438; Jakobson, op. cit., pp. 71, 72.

[30] Н. К. Никольский, "Повесть временных лет", АНСР, II, 1 - 106.

[31] Kosmas Pragenis, Chronica Boemorum, B. Bretholz, ed.; В. Регель, "О хронике Козьмы Пражского", ЖМНП, 270 (1890), 221 - 261; 271 (1890), 108 - 148; Jakobson, op. cit., p. 71; W. Kadlubek, Chronica Polonorum, A. Przezdiecki, ed., также в MPH, II, 193 - 447.

[32] Флоровский, цит. соч., с. 188, 189.

[33] О семейных узах между членами правящих домов Руси, Венгрии, Польши и Чехии см.: Baumgarten, "Genealogies", loc. cit., "Le Dernier Mariage de St. Vladimir";

OC, XVIII (1930), 165 - 168, "Pribyslava de Russie", OC, XX (1930), 157 - 161, и "Cunegonde d'Orlamonde", OC, XX (1930), 162 - 168; Д. Разовский, обзор трудов Баумгартена, SK, 2 (1928), 374, 375, и SK, 4 (1931), 308, 309; см. также: B. Leib, Rome, Kiev et Byzance a la fin du XI-e siecle, pp. 152 - 158; Флоровский, цит. соч., с. 58 - 72.

[34] Карамзин, Заметки, II, запись 40.

[35] См.: С. П. Розанов, "Евфимия Владимировна и Борис Коломанович", I, ОГН, 1930, с. 585 - 599.

[36] Там же, II, ОГН, 1930, сс. 649 - 671.

[37] См.: Н. Грацианский, "Крестовый поход против славян 1147 года", Вопросы истории, 1946, № 2-3, с. 104. Ср. Аристов, с. 198, 199.

[38] Слово, с. 22.

[39] Baumgarten, "Généalogies", pp. 72, 73.

[40] Древняя Русь, Гл. 7 и 8. См. также: Я. А. Бромберг, "Заметки по вопросам ранней истории Руси и востока Европы", II. К вопросу о происхождении имени "русь", Новосельe, 21 (1945), 96 - 98; S. H. Cross, "The Scandinavian Infiltration into Early Russia", Speculum, 21 (1946), 505 - 519. О киевском периоде см.: F. Braun, "Das historische Russland in nordischen Schrifttum des 10. biz. 14. Jahrhunderts", Eugen Mogk Festschrift (Halle, 1924), pp. 150 - 196; S. H. Cross, "Yaroslav the Wise in North Tradition", Speculum, 4 (1929), 177 - 197, 363; Chadwick.

[41] См. Древняя Русь. Гл. 7 и 8.

[42] См. Источники, III, 4.

[43] См. А. И. Лященко "Эймундова сага и русские летописи", АН, 1926, с. 1061 - 1086; также см. Источники, III, 4.

[44] В. Яковлев, изд., Памятники русской литературы XII и XIII веков, с. 61 - 64.

[45] Leib, op. cit., p. 277.

[46] Браун, цит. соч., с. 164 - 165.

[47] Ф. Браун, "Шведская рунические надпись, найденная на острове Березани", АК, 23 (1907), 66 - 75.

[48] "Русская Правда", краткая редакция, с. 11 (Средневековые русские законы, с. 28). Мое толкование этой статьи отличается от традиционного. Согласно последнему, в статье идет речь не о рабе, который убежал от своего варяжского хозяина, а о беглом рабе другого хозяина, когда этого раба варяг скрывает в своем доме. В любом случае, варяг представлен как торгующий рабами.

[49] Аристов, с. 199.

[50] Текст договора см.: Хрестоматия, I (1908), 93 - 96; Goetz, Deutschrussische Handelverträge des Mittelalters, pp. 14 - 72.

[51] Аристов, с. 199, 200, 206, сн. 643.

[52] Baumgarten, "Généalogies", p. 68.

[53] Ibid.; см. также R. Hakluyt, ed., Voyages (Everyman's Library Edition), I (London, J. M. Dent & Sons; New York, E. P. Dutton & Co., 1932), p. 83.

[54] A. Stender-Petersen, "Die Varägersage als Quelle der Altrussischen Chronik", Aarssbrift for Aarhus Universitet, IV (Aarhus, 1934), p. 246.

[55] Thomsen, Origin, pp. 128 - 130. Недавний обзор всей проблемы скандинавского влияния на Русь - с "антинорманистской" точки зрения - см.: В. А. Рязановский, Обзор русской культуры, I, 161 - 289, 619 - 639.

[56] О русско-немецких отношениях в киевский период см.: T. Ediger, Russlands alteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und die Römische Kurie (Halle, 1911); F. Broun, "Russland und die Deutschen in alterzeit", Germanica: Eduard Sievers zum 75, Gerburtstage (Halle, 1925), pp. 678 - 727; М. Е. Шайтан, "Германия и Киев в XI веке", ЛЗ, 34 (1927), 3 - 26. См. также S. H. Cross, "Medieval Russian Contacts with the West", Speculum, 10 (1935), 137 - 144.

[57] Текст Раффельштадтского таможенного установления см.. MGH, Capitularia, II, 249, 250; ср.: Флоровский, цит. соч., с. 159 - 164.

[58] О торговле немцев с Киевом см.: В. Г. Василевский, "Древняя торговля Киева с Регенсбургом", ЖМНП, 258 (1888), 121 - 150; L. K. Goetz, Deutsch-russische Handelsgeschichte, pp. 540 - 543.

[59] Аристов, с. 205.

[60] G. Lozinskij, "La Russie dans la Litterature française du Moyen Age", RES, 9 (1929), 260.

[61] Thietmar of Merseburg, Chronicon, F Kurze, ed., pp. 257, 258.

[62] Adam of Bremen, Gesta Hammaburgersis Ecclesiae Pontificum, B. Schmeidler, ed., p. 80.

[63] Lambert (Lampert) Hersfeld, "Annales", Opera, O. Holder-Egger, ed., pp. 1 - 304.

[64] E. N. Adler, ed., Jewish Travellers (London, G. Routledge & Sons, 1930), pp. 64 - 91 (ни одно другое издание "Путешествий" рабби Петахии неприемлемо для меня); см.: Beazley, The Dawn of Modern Geography, II, 266 - 273.

[65] Грушевский, II, 62 - 64; Шайтан, цит. соч., с. 9 - 11

[66] О русско-немецких семейных узах см.: Leib, op. cit., pp. 163 - 166; Braun, "Russland und die Deutschen in alter Zeit", Germanica: Eduard Sievers zum 75, Geburstage, pp. 683 - 690; Baumgarten, "Généalogies", pp. 67, 68.

[67] С. П. Розанов, "Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна", ОГН, 1929, 617 - 646.

[68] C. Baronius, Annales Ecclestiastici, XII (Paris, 1887), 609 (цитировано Розановым, "Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна", с. 629, 630). О виколаитах см.: P. J. Healy, "Nicolaites", The Catholic Encyclopedia, XI (1911), 67

[69] Розанов, "Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна", с. 643, 644.

[70] Caix de Saint-Aymour, Anne de Russie, reine de France et countesse de Valois (Paris, 1896) (неприемлемо для меня); S. Tr "Anna Jaroslavna", RBS, II (1900), 193; M. Prou, Recueil des Actes de Philippe I-er (Paris, 1908), pp. XV, XVII XXIII; A. Fleche, Le Regne de Philippe I-er (Paris, 1912); Leib, op. cit., pp. 149 152; E. Gamillscheg and M. Vasmer, "Wiederum die Interschrift der Anna Regina", ZSP, 8 (1931), 124 - 128; M. Paleologue, "Anna Jaroslavna, Reine de France", Illustration, December, 6, 1941.

[71] Аристов, с. 204; H. Pirenne, "Draps d'Ypres à Novgorod", RBPH, 9 (1930), 563 - 566; A. Eck, "A propos des draps d'Ypres à Novgorod", RBPH, 10 (1931), 591 - 594.

[72] Г. Лозинский, цит. соч., с. 71 - 88, 253 - 269; рецензия Д. Расовского в СК, 9 (1931), 310, 311.

[73] Historica Russiae Monumenta, A. Тургенев, изд., I (С.-Петербург, 1841), № 1, 2, с. 1 - 3; Грушевский, II, 65; Шайтан, цит. соч., с. 11 - 26; М. А. Таубе, "Рим и Русь в домонгольский период", Католический временник, 2 (Париж, 1928) (неприемлемо для меня).

[74] Грушевский, II, 76 - 77.

[75] Leib, op. cit., pp. 51 - 74.

[76] В. Г. Василевский, Труды, I (С.-Петербург, 1908), 288 - 303.

[77] Там же, I, 332, 333.

[78] G. J. Bratianu, Recherches sur le commerce genois dans la Mer Noire au XIII-e siecle (Paris, 1929), p. 50.

[79] И. Кулаковский, Прошлое Тавриды (2-е изд., Киев, 1914), с. 73; см. также рецензию Д. Разовского на книгу Братяну в СК, III (1929), 322 - 324. Разовский склоняется к тому, чтобы считать "Русь" портом на Азовском море.

[79a] См.: П. К. Коковцев, Еврейско-хазарская переписка в X веке, с. 51 - 112.

[80] R. Dozy, Histoire des musulmans d'Espagne, E. Levi-Provencal, ed., II (Leyde, 1932), 153 - 155; см. также F. Grenard, Grandeur et decadence de l'Asie (Paris, 1939), pp. 30, 31.

[81] А. А. Куник и барон В. Розен, "Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах", АНЗ, 32 (1879), Приложение 2, с. 11 - 16, 65 - 117; Markwart, pp. 145, 146, 472. О Аль-Бакри см.: A. Cour, "Al-Bakri", EL, I (1913), 606 - 607. О новом издании Т. Ковальским сообщения Ибрагима . Якуба см.: MPH, New Ser., vol. I (1946).

[82] C. F. Seybold, "Idrisi", EJ, II (1927), 451, 452.

[83] Benjamin of Tudela, The Itinerary of Rabbi Benjamin of Tudela, A. Asher, tr. & ed. Ср. Beazley, op. cit., II, 224 - 264.

[84] Из обширной и постоянно увеличивающейся литературы по византийской истории здесь достаточно будет указать лишь немногие важные работы последнего времени: A. A. Vasiliev, History of the Byzantine Empire (Madison, Wis., 1928-29, 2 vols.) (вскоре выйдет новое издание); G. Ostrogorsky, Geschichte des Byzantinischen Staates; М. В. Левченко, История Византии. Общий очерк византийской цивилизации см.: C. Diehl, Byzance: Grandeur et décadence (Paris, 1920), и Manuel d'art byzantin (Paris, 1925-26, 2 vols.); S. Runciman, Byzantine Civilisation (London, E. Arnold, 1933). Есть специальное исследование о влиянии Византии на русскую цивилизацию: В. С. Иконников, Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории (Киев, 1869). См. также: A. A. Vasiliev, "Economic Relations between Byzantium and old Russia", Journal of Economic and Business History, 4 (1931-32), 314 - 334; S. H. Cross, "The results of the Conversion of the Slaves from Byzantium", Annuaire, 7 (1944), 71 - 82.

[85] В. В. Сокольский, "О характере и значении Епанагоги", ВВ, I (1894), 17 - 54; Г. Вернадский, "Византийские учения о власти царя и патриарха", Recueil Kondakov (Prague, 1926), pp. 143 - 154.

[86] Таков, в особенности, Бальзамон, который даже говорит, что император не

подчиняется ни светскому, ни церковному закону; PG, CXXXVIII, col. 93.

[87] M. Psellus, Chronographia, C. Sathas, ed., p. 129; Michel Psellos: Chronographie, E. Renauld, ed., II, 8. В своей статье: "Was Old Russia a Vassal State of Byzantium?" Speculum, 7 (1932), 350 - 460, А. А. Васильев видит в словах Пселла свидетельство, подтверждающее тот факт, что Русь, вероятно, была под византийским протекторатом со времени Владимира. Пселл, однако, говорит лишь о том, что во время правления Василия II (современника Владимира) империя была столь сильной, что русские не осмелились напасть на Константинополь.

[88] G. Vernadsky, "Relations byzantino-russes au XII-e siècle", Byzantion, 4 (1928), 269 - 276.

[89] "Антоний Печерский", РВС, II (1900), 212.

[89] О русско-византийских династических узах см.: Baumgarten, "Généalogies", p. 69; Leib, op. cit., pp. 169, 170.

[91] Много противоречий в наших сведениях об этом браке. В первую очередь, нет определенных свидетельств, которые доказывали бы, что Лев был сыном Романа. Во-вторых, согласно Василевскому (Труды, II (С.-Петербург, 1912), 37 - 49), Мария была не дочерью Владимира II, а его сестрой. По моему мнению, Василевский не доказал своих доводов. См.: Грушевский, II, 115, 116.

[92] ПСРЛ, II, Ч. 1 (3-е изд., Петроград, 1923), кол. 294.

[93] Там же, кол. 193. Олег был арестован в Тмутаракани хазарами, видимо, по указке Всеволода I; см.: Грушевский, II, 72, 73.

[94] ПСРЛ, II, Ч. 1, кол. 290.

[95] Vasiliev, "Was Old Russia a Vassal State of Byzantium?", p. 356.

[96] Грушевский, II, 441, 442.

[97] G. Vernadsky, "Relations byzantino-russes au XII-e siècle", Byzantion, 4 (1928), 270, 271.

[98] Слово, с. 30.

[99] Ин., кол. 194; ПСРЛ, II (1843), 93.

[100] О косогах (черкесах) см.: A. Dirr, "Čerkesses", EL, I (1913), 834 - 836; Mirza Bala, "Çerkesler", Islam Ansiklopedisi, III (1945), 375 - 386.

[101] О ясах (осетинах, аланах) см.: В. Миллер, "Осетинские этюды", III, МУ, 8 (1887), И. Кулаковский, Аланы (Киев, 1899), Minorsky, Hudud-al-Alam, pp. 445 - 446; A. Zeki-Validi Togan, "Alan", Islam Ansiklopedisi, I (1944).

[102] См.: Древняя Русь, Гл. 3 и 4.

[103] Там же, с. 155 - 160 и ниже.

[104] Кулаковский, "Христианство у алан", ВВ, 5 (1898), 1 - 18.

[105] Куроналат, "дворцовый страж", - первоначально, титул одного из офицеров императорской гвардии; позднее слово приобрело дополнительное значение почетного придворного титула.

По истории Грузии см.: M. F. Brosset, Histoire de la Géorgie (St.-Petersburg, 1849-58, 4 vols.); W. E. D. Allen, A History of the Georgian People (London, Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1932). Ср. Prince C. Toumanoff, "On the Relationship between the Founder of the Empire of Trebizond and the Georgian Queen Thamar", Speculum, 15 (1940), 299 - 312.

[106] По истории Армении см.: H. F. B. Zynch, Armenia (London and New York, Longmans, Green and Co., 1901, 2 vols.); H. F. Tournebize Histoire politique et relieuse de l'Armenie (Paris, 1910); J. Laurent, L'Armenie entre Byzance et l'Islam (Paris, 1919).

[107] Allen, op. cit., p. 96.

[108] Idem, pp. 250 - 256.

[109] Allen, op. cit., p. 99.

[110] ПСРЛ, I, Ч. 2, кол. 369; см. также: Миллер, цит. соч., III., 68.

[111] Слово, с. 13.

[112] См. Древняя Русь, гл. V

[113] Повесть временных лет, Ип., кол. 263.

[114] Повесть временных лет, кол. 280; см. также: Миллер, цит. соч., III, 66 - 68.

[115] Baumgarten, "Généalogies", p. 70.

[116] Повесть временных лет, Ип., кол. 133.

[117] Baumgarten, "Généalogies", p. 70.

[118] О князе Юрии, сыне Андрея Боголюбского, см.: "Георгий (Юрий) Андреевич", РВС, IV (1914), 441, 442; Baumgarten, "Généalogies", p. 77; Allen, op. cit., pp. 104 - 106.

[119] О поволжских булгарах см.: Ancient Russia, pp. 222 - 228; П. Голубовский, "Болгары и хазары", Киевская старина, 22 (1888), 25 - 56 (неприемлемо для меня); В. Бартольд, "Булгар", ЭИ, I (1913), 786 - 791; В. Смолин, "Болгарский город Бряхимов", КУО, 33 (1925), 131 - 145; Akdes Ninet Kurat, "Bulgar", Islam Ansiklopedisi, II (1944), 781 - 796; А. П. Смирнов, "Волжские булгары", ИИМК, 13 (1946), 158 - 159.

[120] В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана (Ленинград, 1927) и его же: Turkestan down to the Mongolian Invasion (London, 1928).

[121] О сельджуках см.: J Laurent, "Byzance et Ies Tures Seldjoucides", Annales de l'Est (Université de Nancy), 27 (1913) и 28 (1914) (неприемлемо для меня); А. Крымский, История Туреччины (Киев, 1924), с. 3 - 7, 9; Ф. Успенский, "Восточная политика Мануила Комнина" Сообщения Российского Палестинского общества 29 (1926), 111 - 138; "Seldjuks", EI, IV (1934), 208 - 213; А. И. Якубовский, "Сельджукское движение и туркмены в XI веке", ООН, 1937; с. 921 - 946; G. Moravcsik, Byzantinoturcica, I, 64 - 66; Б. Н. Заходер, История восточного средневековья (Москва, 1944), с. 88 - 96; В. Гордлевский, Государство сельджуков в Малой Азии (Москва и Ленинград, 1941).

[122] О Саладине см.: Sobernheim, "Saladin", EI, IV (1934), 84 - 89; P. K. Hitti, History of the Arabs (3rd ed. London, MacMillan and Co., 1946), pp. 645 - 653; Заходер, цит. соч., с. 103 - 105.

[123] Bartold, Turkestan down to the Mongolian Invasion, pp. 323 - 363.

[124] ПСРЛ, IX (1862), 57

[125] О несторианцах и монофизитах см.: W Barthold, Zur Geschichte des Christentums in Mittel-Asien bis zur mongolischen Eroberung (Tübingen und Leipzig, 1901); B. J Kidd, The Churches of Eastern Christendom (London, The Faith Press,

1927); W. F. Adeney, The Greek and Eastern Churches (New York, C Scribner's Sons, 1932); D. Attwater, The Dissident Eastern Churches (Milwankee, The Bruce Publishing Co., 1937); P Y Saeki, The Nestorian Documents and Relics in China (Tokyo, 1937).

[126] О Бар Хебреусе (Григорий Аб-уль-Фараджа) см.: W. Wright, A Short Story of Syriac Literature (London, A. C. Black, 1894), pp. 265 - 281; R. Duval, La Litterature syriaque (Paris, 1907), pp. 408 - 410. A. Baumstark, Geschichte der syrischen Literatur (Bonn, 1927), pp. 312 - 320.

[127] Сирийские монофизиты известны под названием якобитов. О Михаиле Сирийце см.: Wright, op. cit., pp. 250 - 253; Duval, op. cit., p. 401; Baumstark, op. cit., pp. 298 - 300.

[128] Ibn-Khurdadhbih, "Kitab al-Masalik wa'l Mamalik", BGA, VI (1889), 115 (французский перевод) и 154 (арабский текст); Firdausi, Shahnama, A. G. Warner and E. Warner, trs., VIII, 406; IX, 110.

[129] В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России (2-е изд., Ленинград, 1925), с. 170.

[130] В "Повести временных лет" слово "брахман" передается как "рахман", Лавр., кол. 14 - 15. См.: G. N. Roerich, "Indology in Russia", Journal of the Greater India Society, 12 (1945), 69.

[131] Соловьев, III, 48, - обращается к Вениамину из Туделы, цитируя французское издание 1830 г.; Эшер читает "Руссильон" вместо "Русь" (Itinerary, I, 157); см. также: Beazley, op. cit., II, 262, n. 2.

[132] Baumgarten, "Généalogies", pp. 69, 70; Голубовский, "Печенеги, торки и половцы", КУ, 1883, с. 556 - 559.

СОКРАЩЕНИЯ

АК	Археологическая комиссия, *Известия.*
АН	Академия наук, *Известия.*
АНОРИ	Академия наук, Отделение русского языка и словесности, *Известия.*
АНОРС	Академия наук, Отделение русского языка и словесности, *Сборник.*
АНЗ	Академия наук, *Записки.*
АНЗИ	Академия наук, *Записки по историко-филологическому отделению.*
Аристов	Аристов, Н.Я., *Промышленность древней Руси* (Спб, 1866).
БИД	Булгарско Историческо Дружство, *Известия.*
ВВ	*Византийский Временник.*
Владимирский-Буданов, *Обзор*	Владимирский-Буданов, М.Ф., *Обзор истории Русского права* (7-е изд. Петроград и Киев, 1915).
ВОЗ	Русское археологическое общество, Восточное отделение, *Записки.*
ГА	Государственная Академия истории материальной культуры, *Известия.*
Голубинский, *История*	Голубинский, Е.Е., *История Русской Церкви.* См. Библиография, IX.
Древняя Русь	Вернадский, Г., *Древняя Русь.*
Дьяконов, *Очерки*	Дьяконов, М.А., *Очерки общественного и государственного строя древней Руси* (4-е изд., Спб, 1912).
Дорн	Дорн, Б.А., «Каспий», *АНЗ*, *26* (1875).
ЕХ	*Евразийская Хроника.*
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения.
Ип.	Ипатьевский список *Повести временных Лет.*
ИИМ	Академия наук, Институт истории материальной культуры, *Краткие сообщения.*
Иконников, *Опыт*	Иконников, В.С., *Опыт Русской историографии.* См. Библиографии, I.
ИМТ	Исторический музей, *Труды.*
Карамзин	Карамзин, Н.М., *История государства Российского.* См. Библиография, III.
Карамзин, *Примечания*	*Примечания к Истории государства Российского.* См. Библиогрофия, III.
КУ	Киев, Университет, *Известия.*
КУО	Казань, Университет, Общество археологии, истории и этнографии, *Известия.*
Лавр.	Лаврентьевский список *Повести временных лет.*

ЛЗ	Археологическая комиссия, *Летопись Занятий.*
МАИЗ	Москва, Археологический институт, *Записки.*
Макарий	Макарий, Митрополит, *История Русской Церкви.* См. Библиография, IX.
МИАС	Академия наук, Институт истории материальной культуры, *Материалы и исследования по археологии СССР.*
Миллер	Миллер, В.Ф., «Осетинские этюды», Ч. III, *МУ, 8* (1887).
Миллер	Миллер, В.Ф., *Осетинско-русско-немецкий словарь* (Ленинград, 1927-34), В 3-х томах.
МУ	Москва, Университет, *Ученые записки,* Отдел историко-филологический.
НУИФ	Одесса, Новороссийский университет, Историко-филологическое общество, *Летописи.*
ОДРЛ	Академия наук, Отдел древне-русской литературы, *Труды*
ОГН	Академия наук, Отдел гуманитарных наук, *Известия.*
ОЛДП	Общество любителей древне-русской письменности, *Памятники.*
ООН	Академия наук, Отдел общественных наук, *Известия.*
Орлов, *Библиография*	Орлов, А.С., *Библиография русских надписей XI-XV веков.* См. Источники, I, 1.
Орлов, *История*	Орлов, А.С., Перетц, В.П., Гудзий, Н.К., ред., *История русской литературы,* I. См. Библиография, XI.
ОРСАТ	Русское археологическое общество, Отделение славянской и русской археологии, *Труды.*
Повесть	*Повесть временных Лет.* См. Источники, III, 1.
Пономарев	Пономарев, А.И., *Памятники древнерусской церковно-учительной литературы,* I-III (Спб, 1894-97).
Преображенский	Преображенский, А.В., *Этимологический словарь русского языка,* I-II (Москва, 1910-16).
Пресняков, *Княжое право*	Пресняков, А.Е., *Княжое право в древней Руси.* См. Библиография, V.
Приселков	Приселков, М.Д., *Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси.* См. Библиография, IX.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей.
РАО	Русское археологическое общество, *Записки.*
РАОКЗ	Русское археологическое общество, Классическое отделение, *Записки.*
РБС	Русское историческое общество, *Русский биографический словарь.*
РИБ	Русская историческая библиотека.
РИОП	Русское историческое общество в Праге, *Записки.*
РФВ	Русский филологический вестник.
Сергеевич, *Древности*	Сергеевич, В.И., *Древности русского права.* См. Библиография, VII.

СИФ	Академия наук, *Известия*, Серия истории и философии.
Слово	*Слово о полку Игореве*, репринтное воспроизведение первого издания, Сперанский, М.Н., ред. (Москва, 1920).
Соловьев	Соловьев, С.М., *История России с древнейших времен.* См. Библиография, III.
СВБ	*Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф.Владимирскому-Буданову* (Киев, 1904).
Татищев	Татищев, В.Н., *История Российская.* См. Библиография, III.
Христоматия	Владимирский-Буданов, М.Ф., *Хрестоматия по истории русского права*, I (6-е изд. Спб. и Киев, 1908).
Хрущевский	Хрущевский, М.С., (Грушевский), *История Украины-Руси.* См. Библиография, III.
Чтения	Москва, Университет, Общество истории и древностей, *Чтения.*
ЭС	Брокгауз-Эфрон, *Энциклопедический словарь.*
Юшков, *Нариси*,	Юшков С.В., *Нариси з історії виникнення і початкового розвитку феодалізму в Київс'кій Русі.* См. Библиография, VI.
AIK	Annales de l'Institut Kondakov.
Annuaire	Annuaire de l'Institute de Philology et d'Histoire Orientales et Slaves.
ASEER	American Slavic and East European Review.
ASP	Archiv für slavische Philologie.
AWV	Akademie der Wissenschaften, Vienna, *Denkschriften* (Phil.-Hist. Klasse).
Baumgarten, «Généalogies»	Baumgarten, N., «Généalogies et marriages occidentaux des Rurikides russes», *OC*, IX (1927).
BGA	*Bibliotheca Geographorum Arabicorum*, De Goje, M.J., ed. (Leyden).
BS	Byzantinoslavica.
BSOAS	London University, School of Oriental and African Studies, *Bulletin.*
BZ	Byzantinische Zeitschrigt.
Chadwick	Chadwick, N.K., *The Beginnings of Russian History: An Inquiry into Sources* (Cambridge, Cambridge University Press, 1930).
Cross	Cross, S.N., tr. *The Russian Primary Chronicle* (Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1930).
De Adm.	Constantine Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*, *PG*, CXIII.
EI	Encyclopaedia of Islam.
JAOS	Journal of the American Oriental Society.

JKGS	Janrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven.
Markwart	Marquart, J., *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge* (Leipzig, 1903).
Marvazi	Minorsky, V., *Marvazi on China, the Turks and India.* См. Источники, III, 5.
MGH	Monumenta Germaniae Historica.
MPH	*Monumenta Poloniae Historica (Pomniki Dziejove Polski),* [First Series}, 1864-93, 6 vols.; New Series, I (1946).
Niederle	Niederle, L., *Slovanské Starožitnosti,* Vol. I (2-d ed. 1925-26); Vol. II (1906-10); Vol. III (2d ed. 1927): Vol. IV (1924) (Praque).
OC	Orientalia Christiana.
PG	Migne, J.P., *Patrologiae Cursus Completus.* Series Graeca.
Procopius	Procopius, *History of the Wars,* Dewing, H.B., ed. and tr. 5 vol. «Loeb Classical Library».
RBPH	Revue Belge de Philologie et d'Histoire.
RES	Revue des Etudes Slaves.
SEER	Slavonic and East European Review.
SK	Seminarium Kondakovianum.
SZM	Sarajevo, Zemaljski Muzej, *Glasnic.*
Thomsen, ***Origin***	Thomsen, V., *The Relations between* ***Ancient Russia and*** *Scandinavia and the Origin of the* ***Russian State*** (**Oxford** and London, 1877).
UW	University of Warsaw, *Izvestiia.*
ZSP	*Zeitschrift für slavische Philologie.*

ИСТОЧНИКИ

I. Эпиграфика, нумизматика и сфрагистика

1. Эпиграфика

Arne, T.J , *La Suéde et l'Orient* (Upsala, 1914), pp. 7-14.

Брауп, Ф., "*Шведская руническая надпись, найденная на острове Березани*", *Известия* Археологической комиссии, 23 (1907).

Орлов, А.С., *Библиография Русских надписей XI-XV веков* (Москва и Ленинград, 1936).

Спицын, А.А., "Тмутараканский камень", *Труды* отделения славянской и русской археологии Русского археологического общества, XI (Петроград, 1915).

2. Нумизматика и сфрагистика

Ильин, А.А., *Классификация Русских удельных монет* (Ленинград, 1940).

Топография кладов древних Русских монет (Ленинград, 1924).

Лихачев, Н.П., "Материалы для истории Византийской и Русской сфрагистики", Академия Наук, музей Палеографии, *Труды*, I (1928).

Марков, А., *Русская нумизматика* (Петроград, 1915).

Топография кладов восточных монет (Санкт-Петербург, 1910).

Орешников, А., *Русские монеты* (Москва, 1896)

Прозоровский, Д.И., *Монета и вес в России* (Санкт-Петербург, 1865)

Савельев, П.С., *Мухаммеданская нумизматика* (Санкт-Петербург, 1846)

Толстой, И И. граф, "*Древнейшие Русские монеты*", *Записки* Русского Археологического Общества, 6 (1893), 310-382.

Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского (Санкт-Петербург, 1882).

---

* Археологические свидетельства см. Литература, XII.

Византийские монеты (Санкт-Петербург, 1912-14), том 9.

Vasmer, R., "Über die Münzen der Wolga-Bulgaren", *Wiener Numismatische Zeitschrift, 57* (1924), 63-84.

II. Юридические источники

1. Международные соглашения

А. Русско-византийские договоры

907 н.э. Полный текст не обнаружен. Краткое изложение в Лаврентьевском списке, 31-32. Англ. перев., Cross, pp.150-151.

911 н.э. Лаврентьевский список, 32-37. Переизд. в *Хрестоматии*, I, 1-7. Англ. перев., Cross, pp. 151-154.

945 н.э. Лаврентьевский список, 46-53. Переизд. в *Хрестоматии*, I, 8-16. Англ. перев., Cross, pp. 159-163.

971 н.э. Лаврентьевский список, 72-73. Переизд. в *Хрестоматии*, I, 17. Англ. перев., Cross, pp. 176-177

Б. Русско-германские договоры

1189-95 н.э. Договор между Новгородом и немцами и готландцами. *Хрестоматия*,I,93-96.

Goetz, L.K., *Deutsch-russische Handelsverträge*, pp. 14-72.

1229 н.э. Договор между Смоленском и Ригой и другими немецкими городами. *Хрестоматия*,I,97-108.

Goetz, L.K., *Deutsch-russische Handelsverträge*, pp. 231-304.

2. Своды законов и юридические памятники

А. Византийское право

Agricultural Law (Nomos Georgikos). Ferrini, C., ed., *Byzantinische Zeitschrift* 7 (1898), 558-571; Ashburner, W., ed., *Journal of Hellenic Studies*, 30 (1910), 85-108; 32 (1912), 68-95. Павлов, А.С., ред. *Сборник* Отделения русского языка и словесности АН, 38 (1895), № 3. С древне-славянским переводом.

Ecloga, Zachariä von Lingenthal, ed., *Collectio Librorum Juris Graeco-Romani Ineditorum* (Leipzig, 1852), pp.9-52. Франц. перев., Spulber, C.A., ed., *L'Eclogue des Isauriens* (Cernautzi, 1929). Англ. перев., Freshfield, E.H., *Roman Law in the Later Roman Empire* (Cambridge, 1932). Славянский перев., *Кормчая*, глава I в изданиях 1650 и 1653; глава XLIV в последующих изданиях.

Procheiron, Zachariä von Lingenthal, ed. (Heidelberg, 1837 Англ. перев, Freshfield, E.H., *A Manual of Eastern Roman Law* (Cambridge: Cambridge University Press, 1928). Славянский перев., *Кормчая*, глава XLIX в изданиях 1650 и 1653; глава XLVIII в последующих изданиях.

Б. Болгарское право

Zakon Sudnyi Liudem, Saturnik, T., ed., *Prispĕvky k stĕni Byzantského práva u Slovanů* (Prague, 1922), pp. 143-164.

В. Церковное право

В.Бенешевич, "Сингагога в 50 титулов", *Записки* Классического отделения Русского археологического общества, 8 (1914).

Канонический Сборник XIV титулов (СПб, 1905)

Ред., Древне-Славянская Кормчая, I (СПб, 1906)

Кормчая (Номоканон) (первое изд. Москва, 1650); под ред. Патриарха Никона, 1653; с тех пор многократно переиздавалась.

Г Русское право

Греков, Б.Д., ред., *Правда Русская*, I (Москва и Ленинград, 1940).

Юшков, С.В., ред., *Руська Правда* (Київ, 1935) О редакциях (изданной Грековым, Краткой (Академический список) и Пространной (Троицкий список) в англ. переводе Вернадский Г., *Medieval Russian Laws (Records of Civilization*, A.P.Evans, ed., № 41 [New York, Columbia University Press, 1947]).

3. Княжеские уставы и уставные грамоты

Церковный устав Владимира Святого, Бенешевич, В.Н., ред., *Памятники древне-русского канонического права*, Русская историческая библиотека, XXXVI (Петроград, 1920) История и комментарии к тексту см. Юшков, С.В., *Устав князя Владимира* (Новоузенск, 1926).

Церковный устав Ярослава Мудрого, *Хрестоматия*, I, 199-204.

"Правосудие Митрополичье", Юшков, С.В., ред., *Летописные занятия* Археологической комиссии, 35 (1929), 115-117.

Устав князя Всеволода (1125-36), *Хрестоматия*, I, 206-211.

Уставная грамота князей Мстислава и Всеволода монастырю Св.Георгия, (1130). *там же*, стр. 112-113.

Уставная грамота князя Всеволода церкви Иоанна Крестителя (приблизительно 1135 год), *там же*, стр.212-216.

Устав князя Святослава (1137), *там же*, стр. 217-218.

Грамота князя Ростислава (1150), *там же*, стр. 219-224.

Грамота епископа Мануила (1150), *там же*, стр. 224.

4. Дарственные и завещания

Дарственная на землю Антония Римлянина (до 1147 года), *Хрестоматия*, I, 114.

Дарение Варлаамом земель монастырю Христа Спасителя (примерно 1192 год), *там же*, стр.115.

Завещание Климента Новгородского (тринадцатый век), *там же*, стр.118-120.

III. Летописи, исторические и географические трактаты, саги

1. Славянские

Лаврентьевская Летопись (1377), *Полное собрание русских летописей*, I, отд. вып. 1 (2-е изд. Ленинград, 1926); отд. вып. 2 (2-е изд. Ленинград, 1927). отд. вып. 1: *Повесть временных лет*, перевод на англ. Кросс (Cross), отд. вып. 2: Суздальская летопись.

Ипатьевская летопись (начало пятнадцатого века), *Полное собрание русских летописей*, II, отд. вып. 1 (3-е изд. Петроград, 1923); отд. вып. 2: (1-е изд. СПб, 1843), отд. вып. 1: *Повесть временных* лет, отд. вып. 2: Киевская летопись, Волынские и Галицкие летописи.

Радзивилловская летопись, также известная как Кенигсбергская летопись (пятнадцатый век). С иллюстрациями, репринтное издание, *Памятники* Общества любителей древнерусской письменности, *CXVIII* (1902). По содержанию близка к Лаврентьевской.

Новгородские летописи (с тринадцатого по пятнадцатый век). Первая Новгородская летопись, *Новгородская летопись по синодальному Харатейному списку* (СПб, 1888). Также *Полное собрание русских летописей*, III (1841). Англ. перев., Michell, R. and Forbes, N., вступление Beazley, C.R., *Camden Third Series*, XXXV (London, 1914).

Вторая Новгородская летопись, *Полное собрание русских летописей*, III (1841); 2-е изд. Бышков, А.Ф., *Новгородские летописи* (СПб, 1879).Третья Новгородская летопись, *там же*,

Четвертая Новгородская летопись, *Полное собрание русских летописей*, IX, (1848).

Воскресенская летопись (шестнадцатый век), *Полное собрание русских летописей*, VII (1856). Содержит редакцию *Повести временных лет* и краткое изложение Новгородских, Владимирских (Суздальских) и других летописей.

Никоновская летопись (шестнадцатый век), *Полное собрание русских летописей*, IX (1862) и X (1885). По содержанию сходна с Воскресенской летописью.

2. Греческие

Akominatus (Acominatus), Niketas, *Chronographia*, Bekker, I., (Bonn, 1835). Также Migne, J.P., *Patrologiae Cursus Completus.* Series Graeca, CXXXIX.

Anna Komnena (Comnena), *Alexias*, Schopen, J., and Reifferscheid, A., eds. (Bonn, 1839-78). 2 vols. Также Migne, J.P., *Patrologiae Cursus Completus.* Series Graeca, CXXXI. Англ. перев. Dawes, E.A.S. (London, K.Paul, Trench, Trübner & Co., 1928).

Attaliates, Michael, *Historia*, Brunet de Presle, W., ed.,(Bonn, 1853)

Cedrenus, see Kedrenus.

Cinnamus, see Kinnamus.

Constantine Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*, Migne, J.P., *Patrologiae Cursus Completus.* Series Graeca, CXIII, cols.157-422.

De Ceremoniis Aulae Byzantinae, Reiske, J., ed., (Leipzig, 1751-54), 2 vols; переиздано в (Bonn, 1829-30) и Migne, J.P., *Patrologiae Cursus Completus.* Series Graeca, CXII. Новое издание с франц. Перев. Vogt, A. (Paris, 1935-40), Vols I-II (незакончено).

Kedrenus (Cedrenus), Georgeus, *Historiarum Compendium*, Bekker, J.,ed. (Bonn, 1838-39), 2 vols. Also Migne, J.P., *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca*, CXXI-CXXII. За период 811-1057, текст представляет из себя сокращенный вариант работы Иоанна Скилица; последняя до сих пор не опубликована.

Kinnamus, Ioannes, *Epitomae Historiarum*, Meineke, A., ed. (Bonn, 1836). Также Migne, J.P., *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca*, CXXXIII.

Leo Diaconus, *Historiae Libri decem*, Hase, B., ed. (Bonn, 1828). Также Migne, J.P., *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca*, CXVII.

Manasses, Constantine, *Chronicon*, Bekker, J., ed. (Bonn, 1837). Также Migne, J.P., *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca*, CXXVII. Слав. перев. Bogdan, J., ed., *Cronica lui Constantin Manasses, traducere mediobulgara* (Bucharest, 1922). См. Weingart, M., *Byzantské Kroniky v literature cirkevneslovanské*, I (Bratislava, 1922), 160-219.

Psellus, Michael, *Chronographia*, Sathas, C., ed., *The History of Psellus* (London, Methuen & Co., 1899); Франц. Перев., Renauld, E., ed., *Michel Psellos: Cronographie* (Paris, 1926-28)? 2 vols.

Skyletzes, Ioannes, см. Kedrenus.

Symeon Magister and Logothetes (Pseudo-Symeon), *Chronicon*, Bekker, J., ed. (Bonn, 1838). Also Migne, J.P., *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca*,CIX. Слав. перев., Куник, А.А., Василевский, В.Г., и Срежневский, В.И., *Симеона Метафраста и Логофета Списание мира от бытия и летоенник* (С.-Петербург, 1905). См. также Острогорский, Г., "Славянский перевод хроники Симеона", *SK*, 5 (1932), 17-36.

Zonares, Ioannes, *Epitomae Historiarum*, Pinder, M. and Bütner-Wobst, T., eds. (Bonn, 1841-97), 3 vols; Dindorf, L., ed. (Leipzig, 1868-75), 6 vols. Также Migne, J.P., *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca*, CXXXIV и CXXXV.

О слав. перев. см. Weingart, M., *Byzantské Kroniky*, I, 84-159. *Paralipomen Zonarin*, Бодянский, М., *Чтения*, XIV (1847).

3. Римские

Adam of Bremen, *Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum*, Schmeidler, B., ed (Hannover and Leipzig, 1917)

Cosmas, see Kosmas.

Dlugosz, Jan, *Historiae Polonicae Libri XII* (Krakow, 1873-78), 5 vols.

Helmold, Priest of Bosau, *Cronica Slavorum*, Schmeidler, B., ed. (Hannover and Leipzig, 1909). Англ. перев., Tschan, F.J., в *Records of Civilization*, 21 (New York, Columbia University Press, 1935).

Henricus Lettus, *Chronicon Lyvoniae*, Pertz, G.H., ed. (Hannover, 1874).

Kadlubek, Vincentus, *Chronica Polonorum*, Przezdsiecki, A., ed. (Krakow, 1862)

Kosmas (Cosmas) Pragensis, *Chronica Boemorum*, Bretholz, B., ed. (Berlin, 1923)

Lambertus Monachus Hersfeldensis, *Opera*, Holder-Egger, O., ed. (Hannover and Leipzig, 1804), pp. 1-304.

Saxo Grammaticus, *Gesta Danorim*, Holder, A., ed. (Strassburg, 1886). Olrik, J., and Raeder, H., eds. (Copenhagen, 1931), 2 vols.

Thietmar of Merseburg, *Chronicon*, Kurze, F., ed. (Hannover, 1889)

Vincentius, see Kadlubek.

4. Скандинавские

Сага об Одине *Örvar-Odds Saga*, Boer, R., C., ed. (Halle, 1892). Русский перевод фрагментов: Ляшенко, А.И.,"Летописные сказания о смерти Олега Вещего", *Известия* Отделения русского языка и словесности АН, 29 (1924), 254-288.

Сага об Олафе Тругвассоне "Ólafs saga Trygvassonar", Rafn, C.C., Rask, R.K., and Gudmunson, T., eds., *Fornmanna*, I-III (Copenhagen, 1825-27). Англ. перев., Sephton, J., *The Saga of King Olaf Tryggwason* (London, D. Nutt, 1895).

Сага об Эймунде "Saga Ólafs Konungs hins Helga", *Fornmanna Sögur*, V (1830), 267-298. Русский перевод, Сенковский, О.И., *Собрание сочинений*, V (СПб, 1858), 511-573.

Snorri Sturluson, *Heimskringla*, Monsen, E., ed., перевод при участии Smith, A.H. (New York, 1932).

5. Восточные

А. Арабские и персидские*

Athir, Ibn al, *Chronicon*, Tornberg, C.J., ed., IX (Leyden, 1863).

* Диакритические знаки в арабских и персидских именах и названиях при транслитерации опускаются.

Aufi, "Jami al-Hikayat", Barthold, V., ed., *Записки* Восточного отделения русского археологического общества, 9 (1896), 262-267

Bakri, *Kitab al-Masalik wa'l Mamalik*, Kunik, A. и Rosen, Baron V., eds. Записки АН, 32, Прилож. № 2 (1878), рус. перев (включая текст Ибрагима бен Якуба)

Bibi, Ibn al, "History of the Seljuq Dynasty", Houtsma, M.T., ed., *Recueil de textes relatifs á l'histoire des Seldjoucides*, 4 (1902) Выдержки на русском языке в переводе Якубовского, А.Ю., *Византийский временник*, 25 (1927), 54-58.

Firdausi, Ibn al, *Shah-nama*, Англ. перев. Warner, A.G and Warner, E. (London, K.Paul, Trench, Trübner & Co., 1905-250) 9 vols.

Hauqal, Ibn, *Viae et Regna*, Bibliotheca Geographorum Arabicorum, De Goje, M.J., ed. (Leyden), II (1873). Выдержки на русском языке:1) Гаркави, А., *Сказания мусульманских писателей* (С.-Петербург, 1870), стр. 218-222; 2) Караулов, Н.А., *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*, XXXVIII (1908), 81-118.

Hudud al Alam, Вартольд, В., ред. (Ленинград, 1930). Репринтное издание манускрипта.

Перевод и комментарии, Minorsky, V (London, 1937)

Ibn al-Athir, see Athir.

Ibn al-Bibi, see Bibi.

Ibn Hauqal, see Hauqal.

Ibn-Miskawaihi, see Miskawaih.

Khaqani, см. Minorsky, V., "Khaqani and Andronicus Comnenus", *London University, School of Oriental and African studies, Bulletin*, 1945, 11, Pt.3.

Marvazi, Sharaf al-Zaman Tahir, *Marvazi on China, the Turks and India*, Minorsky, V., ed., Англ. перев и комментарии (London, The Royal Asiatic Society, 1942).

Miskawaih, Ibn, Ahmad Ibn Muhammed, *The Eclipse of the Abbasid Caliphate*, edited, translated and elucidated by Amedroz, H.F and Margoliouth, D.S. (Osford, B.Blackwell, 1920-21), 7 vols. Выдержки на русском языке: Флоровский, А.В., *Seminarium Kondakovianum*, 1 (1925), 178-182; Якубовский, А.Ю., *Византийский еременник*, 24 (1926), 64-69.

Yahya of Antioch, *Histoire de Yahya-ibn-Said d'Antioche*. Редакция и франц. перев. Kratchkovsky, J., [Krachkovski. I.] and Vasiliev, A., in *Patrologia Orientalis*, Graffin, R. and Nau, F , eds., *18* (1924).

Б. Армянские и грузинские

Asoghig, Stephen, of Daron, *Histoire universelle par Étienne Asolik de Taron*, Pt.2, перев. и аннотации Macler, F. (Paris, 1917) Русский перевод Емин, Н., *Всеобщая история Степаноса Таронского Асохкика* (Москва, 1862).

Brosset, M., Histoire de la Géorgie, I (СПб, 1849).

В. Китайские

Бичурин, Якинф, *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии* (СПб, 1851)

Bretschneider, E., *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources* (London, K.Paul, Trench, Trübner & Co., 1910), 2 vols.

Wittfogel, K.A. and Feng Chia-Sheng, *History of Chinese Society: Liao* (forthcoming).

Е. Еврейские

Коковцов, П.К., Еврейско-Хазарская переписка в X веке (Ленинград, 1932)

Д. Сирийские

Ab-ul-Faraj, Gregory (Bar Hebraeus), *Chronographia*, Burns, P.J., and Kirsch, G.G, eds., с лат. перев. (Leipzig, 1788). Budge, E.A.W., ed, с англ. перев. (London, 1932).

IV. Путевые заметки, воспоминания и письма

1. Путевые заметки

Benjamin of Tudela, *The Itinerary of Rabbi Benjamin of Tudela*, Asher, A., tr. and ed. (London and Berlin, A.Asher & Co., 1841), 2 vols.

Bruno, see St. Bruno.

Fadhlan, Ibn, *Kitab* (описание его путешествия к Волжским Булгарам). Крачковский, И.Ю., ред., *Путешествие Ибн-Фадлана* (Москва и Ленинград, 1939) Репринтное издание текста, русский перевод и комментарий. Togan, A. Zeki Validi, ed., "Ibn Fadlan's Reisebericht", *Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes* (Leipzig, 1939), с нем. перев. и комментариями.

Ibrahim ben Yakub [Описание путешествий в славянские страны], Kunik, A.A. and Rosen Baron V., eds., см. Bakri, раздел III, 5, выше. Kowalski, T., ed., *Monumenta Poloniae Historica (Pomniki Dziejove Polski), [First Series], 1864-93, 6 vols.;* New Series, I (1946)

Pethahiah of Regensburg (Petachia), B.Jacob Ha-Laban, *Travels*, Франц. перев., Carmoly, E., ed., (Paris, 1831). Benish, A., ed. and tr. (London, 1856).

St. Bruno of Querfurt, Letter [travel report] to Emperor Henry II of Germany (1008), Bielowski, A., ed., *Monumenta Poloniae Historica (Pomniki Dziejove Polski), [First Series], 1864-93, 6 vols.; New Series, I (1946).*, I (1864), 224-228. Giesebrecht, W von, ed. *Geschichte der deutschen Kaizerzeit*, II (5th ed. Leipzig, 1885), 102-105.

2. Воспоминания и письма

Emperor Michael VII Ducas, Two Letters [to Prince Vsevolod of Kiev], Sathas, C., ed., *Bibliotheca Graeca Medii Aevi*, V (1876), 385-392. Русский перевод, Василев-

ский, В.Г., *Труды*, (С.-Петербург, 1909), 8-14. В оригинале не было имени адресата; то, что они были написаны князю Всеволоду, предположение Василевского.

Владимир Мономах, князь, Автобиография ("Поучение"), Лаврентьевская летопись, 240-252. Англ. перев., Cross, pp.301-309.

"Письмо князю Олегу", Лаврентьевская летопись, 252-255. Англ. перевод, Cross, pp. 310-312.

V. Биографии и Жития святых

Авраамий Смоленский, монах Розанов, С.П., *Житие преподобного Авраамия Смоленского* (СПб, 1912).

Борис и Глеб, князья Иаков, монах, (приписывается) "Сказание страстей и похвала святыи мученики Бориса и Глеба". Нестор, монах, "Чтение о житии и погублении блаженныи страстотерпцы Бориса и Глеба". Оба под редакцией Абрамовича, Д.И., "Жития святых Бориса и Глеба", *Памятники древнерусской литературы*, II (Петроград, 1916). Богуславский, С.А., ред., *Памяткі про князів Бориса і Глеба* (Київ, 1928). Недоступно для меня.

Феодосий, игумен Нестор, монах, "Житие преподобного Феодосия", *Чтения*, 1858, часть 3; 1879, часть 1; 1899, часть 2.

Ольга, княгиня Жизнь святой Ольги, Макарий, I, 268-270.

Владимир Святой, князь Иаков, монах, "Память и похвала князю Владимиру, Макарий, I, 249-257

"Жизнь князя Владимира", *там же*, I, 257-261.

Иларион, митрополит, "Похвала кагану Владимиру", Пономарев, I, 69-76.

Житийные собрания *Патерик* (Патерикон) Киево-Печерского монастыря, Яковлев, В., ред., *Памятники русской литературы XII и XIII веков*, I (С.-Петербург, 1872). Абрамович, Д.И., *Патерик Киево-Печерского монастыря* (С.-Петербург, 1911).

Пролог (Минея) Собрание содержит краткие жизнеописания святых и другие тексты для чтения, расположенные в соответствии с годовым циклом церковных служб. Известно в нескольких вариантах. Первое печатное издание *Пролога*, Москва, 1641 (переиздавался и редактировался несколько раз).

Избранные жития святых из *Пролога*, Пономарев, II и IV (с сентября по апрель). Редакция *Пролога* (по болгарской рукописи четырнадцатого века), *Памятники* Общества любителей древне-русской письменности, CXXXV (1916).

Феодосий, игумен, "Поучения", Пономарев, I, 33-43.

Иаков, монах, "Послание к Димитрию" (то есть, князю Изяславу I), Макарий, II, 324-327.

Иларион, митрополит, "О законе и Благодати", Пономарев, I, 59-69.

Кирилл Туровский, епископ, "Слова и поучения", Пономарев, I, 126-177.

Климент Смоленский, митрополит, "Послание к пресвитеру Фоме" (под редакцией Афанасия), Лопарев, Х., ред., *Памятники* Общества любителей древнерусской письменности, XC (1892). См. также Никольский Н.К., О *литературных трудах* Климента Смолятича (СПб, 1892).

Лука Жидята, епископ, "Поучение", Пономарев, I, 14-16

ЛИТЕРАТУРА

I.Историография и источниковедение

Бахалий, Д., *Нарис Украінс'кої історіографії* (Київ, 1923-25), 2 части.

Дорошенко, Д., Огляд Украінс'кої історіографії (Прага, 1923).

Gapanovitch, J.J., *Historiographie russe* (hors de la Russie), Nikitine, B.P., ed. and tr. (Paris, 1946). Предисловие Taube, Baron M.

Иконников, В.С., *Опыт русской историографии* (Киев, 1891-1908), 2 тома, каждый в двух частях.

Mazour, A.G., *An Outline of Modern Russian Historiography* (Berkeley, University of California Press, 1939).

Милюков, П.Н., *Главные течения русской исторической мысли* (2-е изд. Москва, 1898).

Рубинштейн, Н.Л., *Русская историография* (Москва, 1941).

Тихомиров, М.Н., *Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века* (Москва, 1940).

Волгин, В.П., Тарле, Е.В. и Панкратова, А.М., ред., *Двадцать пять лет исторической науки в СССР* (Москва и Ленинград, 1942).

II.Историческая география и этнография

Барсов, Н.П., *Очерки Русской исторической географии* (2-е изд. Варшава, 1885).

Кудряшов, К.В., *Русский исторический атлас* (Москва и Ленинград, 1928).

Кузнецов, С.К., *Русская историческая география* (Москва, 1910).

Любавский, М., *Русская историческая география в связи с историей колонизации* (Москва, 1910).

О художественной литературе и фольклоре см. Литература, XI.

Пыпин, А.Н., *История русской этнографии* (СПб, 1890-92). 4 тома.

Savitsky (Savickij), P.N., *Sestina světa* (Prague, 1932).

Середонин, С.М., *Историческая география* (Петроград, 1916).

Спицын, А.А., *Русская историческая география* (Петроград, 1917).

Замысловский, Е., *Учебный атлас по русской истории* (2-е изд. СПб, 1887).

Объяснения к учебному атласу (С.-Петербург, 1887).

Zelenin, D., *Russische (ostslavische) Volkskunde* (Berlin and Leipzig, 1927).

III. Работы общего характера по истории России, Украины и Белоруссии.

Allen, W.E.D., *The Ukraine* (Cambridge, Cambridge University Press, 1940).

Бестужев-Рюмин, К.Н., *Русская история*, I, (СПб, 1872).

Дорошенко, Д., *Нарис історії України*, I (Варшава, 1932).

Довнар-Запольский, М.В., *Русская история в очерках и статьях*, I-II (Москва, 1904-11).

Giterman, V., *Geschichte Russlands*, I (Zürich, 1944).

Hrushevsky (Grushevsky), M., *A History of Ukraine* (New Heaven, Yale University Press, 1941).

История Украины-Руси, I-III (2-е изд. Львов, 1904-05).

Карамзин, Н.М., *История Государства Российского*, I-III (6-е изд. СПб, 1851).

Примечания к Истории Государства Российского, I-III (СПб, 1852).

Kluchevsky, V.O., *A History of Russia*, Hogarth, C.J., tr (New York, E.P. Dutton & Co., 1911-12), I-II.

Курс русской истории, I-II (Петроград, 1918).

Ковалевский, П.Е., *Исторический путь России* (Париж, 1946-47). В 2-х частях.

Manuel d'histoire russe (Paris, 1947).

Лебедев, В.И., Греков, Б.Д. и Бахрушин, С.В., *История СССР*, I (Москва, 1939).

Miliukov, P.N., Seignobos, and Eisenman, L., *Histoire de Russie* (Paris, 1932), I.

Mousset, A., *Histoire de Russie* (Paris, 1945).

Pares, B., *A History of Russia* (revised ed. New York, A.Knopf, 1947).

Пичета, В., *Гісторыя Беларусі*, I (Москва, 1924).

Platonov, S.F., Histoire de la Russie des origines á 1918 (Paris, 1929).

History of Russia, Aronsberg, E., tr., Golder, F.A., ed. (New York, The Macmillan Co., 1925).

Pokrovsky, M.N., *History of Russia*. Clarkson, J.D. and Griffiths, M.R.M., trs. and eds. (New York, International Publishers, 1931).

Пресняков, А.Е., *Лекции по русской истории*, I (Москва, 1938).

Рязановский, В.А., *Обзор русской культуры*, I (Нью-Йорк, издание автора, 1947).

Рожков, Н.А., *Обзор Русской истории с социологической точки зрения*, I (С.-Петербург, 1903).

Русская история в сравнительно-историческом освещении, I (Петроград и Москва, 1919).

Шмурло, Е., *Курс русской истории*, I (Прага, 1931). Размножено.

Соловьев, С.М., *История России с древнейших времен*, I-III (Москва, 1851-53).

Stählin, K., *Geschichte Russlands*, I (Berlin and Leipzig, 1923).

Sumner, B.H., *A Short History of Russia* (New York, Reynal & Hitchkock, 1943).

Татищев, В.Н., *История Российская*, I-III (Москва, 1768-74).

Vernadsky, G., *Political and Diplomatic History of Russia* (Boston, Little, Brown, and Co., 1936).

Welter, G., *Histoire de Russie* (Paris, 1946).

IV. Работы общего характера по киевскому периоду

Греков, Б.Д., *Киевская Русь* (4-е изд. Москва и Ленинград, 1944).

Культура Киевской Руси (Москва, 1947).

Мавродин, В.В., *Древняя Русь* (Москва, 1946).

Образование древнерусского государства (Ленинград, 1945).

Simões de Paula, E., O comercio varegue e o Grão-Principado de Kiev (São Paulo, Brasil, 1942).

V. Политическая история и история дипломатии

Греков, Б.Д., *Борьба Руси за создание своего государства* (Москва и Ленинград, 1945).

Лихачев, Д.С., "Русские посольские обычаи XI-XIII веков", *Исторические Записки*, 18 (1946), 42-55.

Линниченко, И.А., *Русь и Польша до конца XII века* (Киев, 1884).

Потемкин, В.П., *История дипломатии*, I (Москва, 1941).

Пресняков, А.Е., *Княжое право в древней Руси* (СПб, 1909).

Соловьев, С.М., *История отношений между Русскими князьями Рюрикова дома* (Москва, 1847).

Об отношениях Новгорода к великим князьям (Москва, 1845).

Taube, Baron M., "Études sur le développment historique du droit international dans l'Europe Orientale", Académie de Droit International, *Recueil des Cours*, 1926, Pt. 1, pp.345-533.

VI. Экономическая и социальная история

Аристов, Н.Я., *Промышленность древней Руси* (СПб, 1866).

Бережков. М., *О торговле Руси с Ганзеей до конца XV века* (СПб, 1879).

Дьяконов, М.А., *Очерки общественного и государственного строя древней Руси* (4-е изд. С.-Петербург, 1912).

Довнар-Запольский, М.В., *История русского народного хозяйства*, I (Киев, 1911)

Eck, A., *Le Moyen Age Russe* (Paris, 1933)

Goetz, L.K., *Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters* (Lübeck, 1922)

Deutsch-russische Handelverträge des Mittelalters (Hamburg, 1916).

Греков, Б.Д., *Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века* (Москва, 1946).

Юшков, С.В., Нариси з історії виникнення і початкового розвитку феодалізму в Київс'кій Русі (Київ, 1939).

Кавелин, К.Д., "Взгляд на юридический быт древней России", *Собрание сочинений* (СПб, 1904), I, 5-66.

Кулишер, И.М., *История русского народного хозяйства*, I (Москва, 1925)

Russische Wirtschaftsgeschichte, I (Jene, 1925).

Леонтович, Ф., "Задружно-общинный характер политического быта древней России", *Журнал Министерства народного просвещения*, 173 (1874), 201-244; 174 (1874), 120-151, 194-233.

Mavor, J., *An Economic History of Russia* (2d ed. London and Toronto, J.M. Dent & Sons, Ltd., 1925), I.

Неволин, К.А., "Общий список Русских городов", *Полное собрание сочинений*, VII (С.-Петербург, 1859), 27-95.

Рожков, Н.А.. Город и деревня в Русской истории (СПб, 1902).

Святловский, В.В., *Примитивно-торговое государство как форма быта* (СПб, 1914).

Тихомиров, М.Н., "Древнерусские города", МГУ, Ученые записки, историкофилологический отдел, 99 (1946), 3-254.

VII. Правительство и органы управления

Гагемейстер, Ю.А., *Разыскания о финансах древней России* (СПб, 1833).

Градовский, А.Д., "Государственный строй древней России", *Собрание сочинений* (С.-Петербург, 1899), I, 339-381.

Ключевский, В., *Боярская дума древней Руси* (4-е изд., Москва, 1909).

Неволин, К.А., "О преемстве велико-княжеского Киевского престола", *Полное собрание сочинений* (СПб, 1859), 587-634.

Сергеевич, В.И., *Древности Русского права* (СПб, 1908-11). В 3-х томах (т. I-II: 3-е изд.; т. III: 2-е изд.).

Толстой, Д.А.,граф, *История финансовых учреждений России* (СПб, 1848).

VIII. Право и суд

Дювернуа, Н.Л., *Источники права и суд в древней России* (Москва, 1866).

Goetz, L.K., *Das russische Recht* (Stuttgart, 1910-13), 4 vols.

Ляшенко, Р., *Лекції по історії Украінс'кого права*, I (Прага, 1923)

Неволин, К,А., "*История Российских гражданских законов*", *Полное собрание сочинений*, III-V (СПб, 1857-58).

Saturnik, T., *Příspěvky k šíření Byzantského práva u Slovanů* (Prague, 1922).

Сергеевич, В.И., *Лекции и исследования* (4-е изд. СПб, 1910).

Тихомиров, М.Н., *Исследование о Русской Правде* (Москва и Ленинград, 1941).

Вернадский, Г., *Звенья Русской культуры*, I (Брюссель, 1938), 178-225.

Владимирский-Буданов, М.Ф., *Хрестоматия по истории русского права*, I (6-е изд. С.-Петербург и Киев, 1908).

Обзор истории русского права (7-е изд. Петроград и Киев, 1915).

IX. Церковь и религия

Fedotov, G.P., *The Russian Religious Mind: Kievan Christianity* (Cambridge, Mass., Harvard Unevirsity Press, 1946).

Goetz, L.K., *Das Kiever Höhlenkloster als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands* (Passau, 1904).

Kirchengeschichtliche und Kulturgeschichtliche Denkmäler Altrusslands (Stuttgart, 1905).

Голубинский, Е., *История канонизации святых в Русской Церкви* (2-е изд. Москва, 1903).

История Русской Церкви, I, части 1 и 2 (2-е изд. Москва, 1901-04).

Leib, B., *Rome, Kiev et Byzance á la fin du XI-e siécle* (Paris, 1924).

Макарий, митрополит, *История Русской Церкви*, I-III (3-е изд. СПб, 1888-89).

Неволин, К.А., "О пространстве церковного суда в России до Петра Великого", *Полное собрание сочинений*, VI (СПб,1859), 251-389.

Никитский, А.И., *Очерк внутренней истории Церкви в Великом Новгороде* (СПб, 1879).

Никольский, Н.К., "О древне-русском христианстве", *Русская мысль*, 1913, № 6.

Никольский, Н.М., *История Русской Церкви* (2-е изд. Москва и Ленинград, 1931).

Полонская, Н.Д., "К вопросу о христианстве на Руси до Владимира", *Журнал Министерства народного просвещения*, 71 (1917), 33-80.

Приселков, М.Д., *Очерки по церковно-политической истории* Киевской Руси (СПб, 1913).

Телберг, Г.Г., *Заря христианства на Руси* (Шанхай, 1939).

Владимирский сборник (Белград, 1938).

X. Язык и палеография

Дурново, Н., *Очерк истории русского языка* (М.-Л., 1924).

Jakobson, R., "Remarques sur l'évolution phonologique du russe", ***Travaux du Cercle Linguistique de Prague***, 2 (1929).

Карский, Е.Ф., *Славянская Кирилловская палеография* (Ленинград, 1928).

Никулин, А.С., *Историческая грамматика русского языка* (Ленинград, 1945)

Обнорский, С.П., *Очерки по истории Русского литературного языка старшего периода* (Москва и Ленинград, 1946).

Шахматов, А.А., "Очерк древнейшего периода истории русского языка", *Энциклопедия славянской филологии*, XI, часть 1 (Петроград, 1915).

Щепкин, В.Н., *Учебник русской палеографии* (Москва, 1918).

Соболевский, А.И., *Славяно-русская палеография* (СПб, 1908).

Срежневский, И.И., *Материалы для словаря древнерусского языка* (СПб, 1893-1912), 3 тома.

Виноградов, В., *Великий русский язык* (Москва, 1945).

Винокур, Г., *Русский язык* (Москва, 1945).

XI. Литература и фольклор

Аничков, Е.В., Бороздин, А.К. и Овсянико-Куликовский, Д.Н., *История русской литературы*, I-II (Москва, 1908).

Chadwick, N.K., *Russian Heroic Poetry* (Cambridge, Cambridge University Press, 1932).

Grégoire, H., Jakobson, R., *et. al.*, "La Geste d'Igor", *Annuaire*, 8 (предисловие).

Гудзий, Н.К., *История древней русской литературы* (3-е изд. Москва, 1945).

Hapgood, J.F., *The Epic Songs of Russia* (New York, Charles Scribner's Sons, 1886).

Грушевский, М., *История украинской литературы*, I-IV (Киев, 1923-25).

Истрин, В.М., *Очерк истории древнерусской литературы* (Петроград, 1922).

Кельтуяла, В.А., *Краткий курс истории русской литературы*, I (СПб, 1912).

Халанский, М.Е., *Великорусские былины киевского цикла* (Варшава, 1885).

Magnus, L.A., *The Heroic Ballads of Russia* (London, K.Paul, Trubner & Co.; New York, E.P.Dutton & Co., 1921).

Миллер, В.Ф., *Экскурсы в области русского народного эпоса* (Москва, 1892).

Очерки русской народной словесности (Москва, 1897-1910). В 2-х томах.

Mirsky, D.S.,Prince *A History of Russian Literature* (New York, A.Knopf, 1927).

Никольский, Н.К., *Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений* (С.-Петербург, 1906).

Орлов, А.С., *Древняя русская литература* (Москва и Ленинград, 1945).

Слово о полку Игореве (Москва и Ленинград, 1938).

Адрианова-Перетц, В.П. и Гудзий, Н.К., ред., *История русской литературы*, I (Москва и Ленинград, 1941).

Petrunkevitch, A., "The Lay of the War-Ride of Igor", *Poet-Lore*, 30 (1919), 289-303.

Петухов, Е.В., *Русская литература: древний период* (2-е изд., Юрьев, 1912).

Пыпин, А.Н., *История Русской литературы*, I (СПб, 1898).

Ralston, W.R.S., *The Songs of the Russian People as Illustrative of Slavonic Mythology and Russian Social Life* (2d.ed., London, Ellis, 1872).

Russian Fairy Tales, Guterman, N., tr., folkloristic commentary by Jakobson, R., illustrations by Alexeieff, A. (New York, Pantheon, 1945).

Сакулин, П.Н., *Русская литература*, I (Москва, 1928).

Скафтымов, А.П., *Поэтика и генезис былин* (Москва и Саратов, 1924).

Соколов, Ю.М., *Русский фольклор* (Москва, 1938).

Сперанский, М.Н., *История древней русской литературы*, I (Москва, 1921).

Русская устная словесность (3-е изд. Москва, 1917).

Стасов, В.В., "Происхождение русских былин", *Собрание сочинений*, III (СПб, 1894), 948-1259.

Trautman, R., *Die Volksdichtung der Grossrussen*, I (Heidelberg, 1935).

Веселовский, А.Н., "*Южно-русские былины*", *Записки* Академии Наук, 39, № 5 (1881); *Сборник* Отделения русского языка и словесности АН, 22, № 2 (1881); 36, № 3 (1884).

Владимиров, П.В., *Древняя русская литература киевского периода* (Киев, 1900).

Жданов, И.Н., *Русский былевой эпос* (СПб, 1895).

XII. Искусство и археология

Ainalov, D.V., *Geschichte der russischen Monumentalkunst* (Berlin and Leipzig, 1932-33), 2 vols.

Редин, Е., *Киево-Софийский Собор* (С.-Петербург, 1889).

Alpatov, N. and Brunov, Y., *Geschichte der altrussischen Kunst* (Augsburg, 1932), один том тексты и один том иллюстрации.

Анисимов, А.И., "Домонгольский период древнерусской живописи", *Вопросы реставрации*, II (1928).

Владимирская икона Божьей Матери (Прага, 1928).

Арцыховский, А.В., *Древнерусские миниатюры как исторический источник* (Москва, 1944).

Бобринской, А.А, граф, *Резной камень в России*, I (Москва, 1918).

Buxton, D.R., *Russian Mediaeval Architecture* (Cambridge, Cambridge University Press, 1934).

Готье, Ю.В., *Железный век в Восточной Европе* (Москва и Ленинград, 1930).

Грабарь, И., *История русского искусства*, I, V, VI (Москва, б.д. [примерно 1912]).

Die Freskomalerei der Dimitrikathedrale in Wladimir (Berlin, 1925).

Halle, F., *Die Bauplastik von Wladimir Ssusdal* (Berlin, 1929).

Kondakov, N.P., *The Russian icon* (Oxford, Clarendon Press, 1927).

Русская икона (Прага, 1933), 2 тома текста и 2 тома иллюстрации.

Русские клады, I (СПб, 1896).

Лазарев, В.Н., "Два новых памятника русской станковой живописи XII-XIII веков", *Краткие сообщения* Института истории материальной культуры АН, 13 (1936), 67-76.

"Новгородская живопись XII-XIV веков", *Известия* АН, серия Истории и Философии, 2 (1944), 60-74.

Мясоедов, В., *Фрески Спаса Нередицы* (Ленинград, 1925).

Muratov, P.P., *Les icones russes* (Paris, 1927).

Некрасов, А.И., *Древнерусское изобразительное искусство* (Москва, 1937).

Очерки по истории древнерусского зодчества XI-XVII веков (Москва, 1936).

Niederle, L., *Rukovet' Slovanské archeologii* (Prague, 1931).

Никольский, В., *История русского искусства* (Берлин, 1923). Предисловие П.П.Муратова.

Полонская, Н.Д., *Историко-культурный атлас по русской истории*, I, (Киев, 1913).

Солнцев, Ф.Г., иллюстратор, *Древности Российского Государства* (Москва, 1849-53). В 6 томах.

Толстой И.И. и Кондаков, Н.П., *Русские древности* (СПб, 1889-99). В 6 томах.

Воронин, Н., *Очерки по истории русского зодчества* (Москва, 1934).

XIII. Музыка

Buketoff, I., "Russian Chant", в Reese, G., *Music in the Middle Ages* (New York, W.W. Norton & Co., 1940), pp.95-104.

Финдэйзен, Н., *Очерки по истории музыки в России*, I (Москва и Ленинград, 1928).

Металлов, В.М., *Богослужебное пение Русской Церкви: период домонгольский* (Москва, 1908).

Осьмогласие знаменного распева (Москва, 1900).

Русская семиография (Москва, 1912).

Пекелис, М., ред., *История русской музыки*, I (Москва и Ленинград, 1940).

Разумовский, Д.В., *Круг древнего церковного пения знаменного распева* (С.-Петербург, 1884).

Swan, A.J., The Nature of the Russian Folk-Songs", *Musical Quarterly*, 29 (1943), 498-516.

"The Znamenny Chant of the Russian Church", *Musical Quarterly*, 26 (1940), 232-243, 365-380, 529-545.

XIV. Гуманитарные науки

Чижевский, Д., "Платон в древней России", Русское историческое общество в Праге, *Записки*, 2 (1930), 71-82.

Флоровский, Г., *Пути русского богословия* (Париж, 1937).

Истрин, В.М., "Моравская история славян и история поляно-руси", Byzantinoslavica, 3 (1931), 308-331; (1932), 36-55.

Лихачев, Д.С., *Национальное самосознание древней Руси* (Москва и Ленинград, 1945).

Русские летописи (Москва и Ленинград, 1947).

Никольский, Н.К., "Повесть временных лет", *Сборник по русскому языку и словесности* АН, II, часть 1 (1930).

Phillip, W., "Ansätze zum geschichtlichen und politischen Denken im Kiewer Russland", *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Suppl. № 3 (Breslau, 1940). Reviewed by A.Florovsky, *Byzantinoslavica*, 8, 292-296; (недоступно для меня)

Приселков, М.Д., *История русского летописания XI-XV веков* (Ленинград, 1940).

Шахматов, А.А., *Повесть временных лет*, I (Петроград, 1916).

"Повесть временных лет и ее источники", АН, Отдел древне-русской литературы, *Труды*, 4 (1940), 11-150.

Разыскания о составе древнейших летописных сводов (СПб, 1908).

Шахматов, М.В., "Платон в древней Руси", Русское историческое общество в Праге, *Записки*, 2 (1930), 49-70.

Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти (Прага, 1927). В 2-х томах.

Валденберг, В., *Древнерусские учения о пределах царской власти* (Петроград, 1916).

Weingart, M., Byzantské kroniky v literature cirkevneslovanské (Bratislava, 1922-23), 2 vols.

XV. Точные и естественные науки, медицина и техника

Бобынин, В.В., "Состояние математических знаний в России до XVI века", *Журнал Министерства народного просвещения*, 232 (1884), 183-209.

Райнов, Т., *Наука в России XI-XVII веков* (Москва и Ленинград, 1940).

Святский, Д.О.. "Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения", *Известия* Отделения русского языка и словесности АН, 20, (1915), часть 1, стр. 87-208; часть 2, стр.197-288.

XVI. Образование

Лавровский, Н.А., *Рассуждения о древних русских народных училищах* (Краков, 1854).

Погодин, М.П., "Образование и грамотность в древнем периоде Русской истории", *Журнал Министерства народного просвещения*, 153 (1871), 1-28.

Wanczura, A., *Szkolnictwo w starej Rusi* (Lvov, 1923).

XVII. Краеведение

Андриашев, А., *Очерк истории Волынской земли* (Киев, 1887).

Багалей, Д.И., *История Северской земли* (Киев, 1882).

Данилевич, В.Е., *Очерк истории Полоцкой земли* (Киев, 1896).

Довнар-Запольский, М.В., *Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель* (Киев, 1891).

Голубовский, П.В., *История Северской земли* (Киев, 1881).

История Смоленской земли (Киев, 1895).

Грушевский, А., *Очерки истории Туровского княжества* (Киев, 1902).

Грушевский, М., *История Киевской земли* (Киев, 1891).

Иловайский, Д.И., *История Рязанского княжества* (Москва, 1858).

Иванов, П.А., *Исторические судьбы Волынской земли* (Одесса, 1895).

Костомаров, Н.И.. *Северно-русские народоправства* (СПб, 1863). В 2-х томах.

Лякоронский, В., *История Переяславской земли* (Киев, 1903).

Молчановский, Н., *Очерк известий о Подольской земле* (Киев, 1885).

Никитский, А.И., "История экономического быта Великого Новгорода", *Чтения*, 1893, части 1-2.

Зубрицкий, Д.. *История древнего Галичско-Русского княжества*, I (Львов, 1852). (недоступно для меня).

Содержание

Предисловие 5
Глава I. Место Киевской Руси в истории 8
1. Европа ли Россия? 8
2. Положение Руси в средневековом мире 11
3. Различные и сходные тенденции в истории Руси и Европы 14
4. Понятие восточно-европейской истории 17
5. Вызов геополитики 20
6. Значение киевского периода в русской истории 23
Глава II. Имперский план и его неудача (878 - 972 гг.) 27
1. Имперский план: мечты и реалии 27
2. Первый успех: Олег 30
3. Первые неудачи: Игорь 37
4. Передышка: Ольга 47
5. Великое приключение: Святослав 50
Глава III. Обращение к христианству 57
1. Русское язычество 57
2. Святой Владимир до своего обращения (972 - 987 гг.) 65
3. История обращения Владимира (988 - 989 гг.) 69
4. Закладывние основания русской Церкви (990 - 1037 гг.) 75
5. Значение обращения: первоначальная оценка 78
Глава IV. Киевское государство (990 - 1139 гг.) 81
1. Владимир как христианский правитель (990 - 1015 гг.) 81
2. Междоусобная борьба сыновей Владимира (1015 - 1036 гг.) 84
3. Время Ярослава Мудрого (1036 - 1054 гг.) 89
4. Триумвират (1054-1093 гг.) 93
5. Правление Святополка II (1093 - 1113 гг.) 97
6. Гражданский законодатель: Владимир Мономах 103
7. Первые два Мономашича (1125 - 1139 гг.) 107
Глава V. Экономические основы Киевской Руси 110
1. Предварительные замечания 110
2. Природные ресурсы и население 113
3. Охота, бортничество и рыболовство 116
4. Земледелие и скотоводство 119
5. Металлургия 123
6. Строительство 125
7. Ткачество, скорняжное, кожевенное и гончарное дело 127
8. Торговля 128
9. Деньги и кредит 134
10. Капитал и труд 136
11. Национальный доход 140
12. Подъем и депрессия 142

Глава VI. Социальная организация 144
1. Основные социальные единицы 144
2. Социальное расслоение 148
3. Высшие классы 151
4. Средние классы 154
5. Низшие классы 157
6. Полусвободные 161
7. Рабы 163
8. Церковные люди 167
9. Женщина 169
10. Степные пограничники 173
11. Национальные меньшинства 174
12. Заключительные вопросы: об «экономическом и социальном феодализме» в Киевской Руси 179
Глава VII. Правительство и управление 190
1. Предварительные замечания 190
2. Земли и княжества 192
3. Три составные части правительства 194
4. Княжеская администрация 205
5. Отрасли управления 208
6. Город-государство 215
7. Местная община 221
8. Поместье 221
9. Церковь 224
10. Право 227
11. Заключительные вопросы: о «политическом феодализме» в Киевской Руси 229
Глава VIII. Русская федерация (1139 - 1237 гг.) 235
1. Предварительные замечания 235
2. Борьба за Киев (1139 - 1169 гг.) 238
3. Равновесие между Восточной и Западной Русью (1169 - 1222 гг.) 242
4. Защита границы 245
5. Первое появление монголов: битва на Калке (1223 г.) 257
6. Время истекло (1223 - 1237 гг.) 261
Глава IX. Русская цивилизация в киевский период 264
1. Предварительные замечания 264
2. Язык и письменность 266
3. Фольклор 269
4. Музыка 274
5. Театр 276
6. Архитектура и изобразительное искусство 278
7. Религия 286
8. Литература 292
9. Образование 299
10. Гуманитарные науки 302
11. Естественные и технические науки 316

Глава X. Быт 322
1. Городская и сельская жизнь 322
2. Жилища и мебель 323
3. Одежда 325
4. Еда 328
5. Здоровье и гигиена 330
6. Цикл жизни 332
7. Ход жизни 335
8. Национальные бедствия 336
Глава XI. Русь и внешний мир в киевский период 339
1. Предварительные замечания 339
2. Русь и славяне 340
3. Русь и Скандинавия 354
4. Русь и Запад 359
5. Русь и Византия 369
6. Русь и Кавказ 375
7. Русь и Восток 382
Примечания 388
Сокращения 420
Источники 424
Литература 433

Вернадский Г. В.

В35 Киевская Русь. Пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой. Под ред. Николаева Б. А. - Тверь: ЛЕАН, Москва: АГРАФ, 1996, - 448 с.

Киевская Русь - вторая книга Истории России Г. В. Вернадского, посвящена периоду от прихода варягов до монголо-татарского нашествия. На основе громадного количества источников автор сделал попытку отобразить все стороны жизни раннего русского государства.

Книга предназначена для широкого круга читателей. На русском языке издается впервые.

Отв. за выпуск *А. Московкин*
Гл. редактор *Б. Николаев*
Редактор *С. Финевич*
Художники *В. Корольков, О. Скаковская*
Тех. редактор *Л. Коночкина*
Компьютерная верстка *Л. Гевчук*
Корректор *В. Иванова*

ЛР № 061845 от 27.11.92 г
ЛР № 064478 от 26. 02. 96 г.
Формат 84 х 108 1/32. П. л. 14. Бумага офсетная. Печать ролевая.
Гарнитура Петербург. Тираж 7000 экз. Заказ № 2690. С 016.
ТОО «ЛЕАН». Россия, 170000, Тверь, Вагжановский пер., 9.
ООО «АГРАФ». Россия, 109544, Москва, а/я 16.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Государственного
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.